Эта книга о людях,
прославивших край Череповецкий,
о связи времен и поколений
череповчан, самоотверженным
трудом которых небольшой
провинциальный городок
превратился в крупный
промышленный и культурный центр
Северо-Запада России

ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ
ПОВЕЛЕВАЕМ
В НОВГОРОДСКОМ
НАМЕСТНИЧЕСТВЕ
НА УСТЬЕ РЕКИ СУДЫ
ВПАДАЮЩЕЙ В ШЕКСНУ
УЧРЕДИТЬ
ПРИ ЧЕРЕПОВЕЦКОМ
УЮНАСТЫРЕ
ГОРОД
ПОД
НАИМЕНОВАНИЕМ
ЧЕРЕПОВЕЦ
ЕГАТЕРИНАТЫ
1777 года

ЧЕРЕПОВЕЦ
ОТ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ ДО НАШИХ ДНЕЙ

ИСТОРИЧЕСКИЕ МИНИАТЮРЫ
ИСТОРИЯ В ЛИЦАХ

Череповец, 2018

У К А З
Президиума Верховного Совета СССР

О награждении города Череповца Вологодской области Орденом Трудового Красного Знамени

За большие успехи, достигнутые трудящимися города в хозяйственном и культурном строительстве, и в связи с 200-летием со дня основания наградить город Череповец Вологодской области орденом Трудового Красного Знамени.

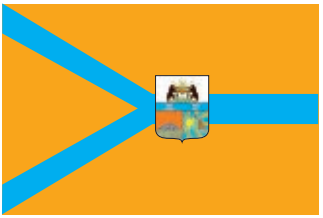
Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Л. БРЕЖНЕВ

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ

Москва, Кремль
23 июня 1977 г.

Герб города Череповца утвержден Правительствующим сенатом Российской империи 29 марта 1811 года. После революционных событий 1917 года герб как царское наследство был упразднен.

9 февраля 1991 года Череповецкий городской Совет народных депутатов принял решение о восстановлении старинного герба.



Проект флага города Череповца утвержден городской Думой 28 октября 2002 года. Он представляет собой прямоугольное полотнище из трех фигур золотого цвета и трех полос голубого цвета, которые означают символический план города, расположенного на трех возвышенностях при слиянии рек Ягорбы и Шексны.

Череповецкие чудотворцы преподобные Феодосий и Афанасий. Икона. XIX век

КАК СЕЛО ФЕДОСЬЕВО ГОРОДОМ СТАЛО

Давным-давно это было. Череповца еще не было, а были леса дремучие на Череповеси. Плыл на своих лодьях по Шексне-реке купец московский Феодосий с Белоозера, где закупил меха дорогие и рыбу. Шексна была тогда неширокая, но быстрая, с песчаными плесами и каменистыми быстринами. Плывут лодьи около нынешнего города Череповца, близ устья реки Ягорбы, и вдруг… Солнце начало покрываться темным пятном, небо почернело, и засветились среди белого дня звезды… Лодьи налетели на камни и не с места. Испугались люди, думая, что «преставление света» наступил. Стали горячо молиться Богу о спасении. И произошло чудо. Из-за горы, покрытой лесом, засверкали лучи солнца. Они как бы указывали направление пути. Гребцы взялись за весла, сдвинули лодьи с камней и поплыли по направлению лучей к чудной, огненной горе. Потрясенный до глубины души таким необыкновенным явлением, купец взошел на эту гору. Чудный вид представился ему: кругом беспредельные леса, вдали на востоке серебряная лента Шексны, под ногами, в низменности, поросшей густым лесом, причудливыми зигзагами извивалась река Ягорба. Помолился купец Богу, радуясь своему спасению, поставил на этом месте крест, дав обет побывать здесь еще и срубить на этом месте часовню. И поплыл дальше.

Прибыл купец в Москву, а там – несчастье: вся его семья вымерла от чумы или другой какой хвори. Купец решил, что это Божье наказанье, и удалился на огненную гору замаливать свои грехи. Нашел себе спутника – инока Афанасия по прозвищу Железный Посох. Построили они землянку, часовенку поставили, лампаду запалили. Икона Воскресения Христова в память дня чудного видения, принесенная от святого места, Преподобным Сергием Радонежским благословенная, угол себе обрела.

Вот такое народное предание сохранилось о возникновении Череповецкого монастыря, – «этого зерна, из которого возник город Череповец». по выражению Леонида Васильевича Афетова, создавшего в конце XIX века рукопись «Исторического очерка бывшего Череповского Воскресенского монастыря и его земельных владений».

Так оно было или нет, но где-то в 1360-1362 годах сюда, к месту впадения реки Ягорбы в Шексну, пришли два монаха. Надо отметить, что пришли они не на пустое место, а на выморочное. Здесь, в «лесу на Череповси», не так давно были древнерусские селища. Чума, выкосившая чуть ли не половину населения Европы, пришла и к берегам Шексны. Чтобы ее победить, был один способ: сжечь свои жилища и уйти в другие места. Так поступили жители древнего Белоозера, так поступили и те, кто обитал в «лесу на Череповси».

И вот, на месте пепелища, преподобные Афанасий и Феодосий основали Череповский монастырь Святого Воскресения. В качестве дара ему белозерским князем Федором Романовичем было приписано село Федосьево – ядро будущего города. Последующими грамотами князь даровал монастырю право взимать пошлины с возов и лодок, которые следовали мимо. Это было серьезной льготой, ибо обитель находилась вблизи от старинного водно-волокового пути, проходившего по Шексне, Онежскому озеру, Свири.

Более 200 лет Череповский монастырь был «домовым» владением Московского митрополита. С 1589 года по 1700 год находился под покровительством Московского патриарха. А с 1700 года до закрытия принадлежал Синоду.

С самых первых дней Череповский монастырь являлся форпостом Московского княжества и опорой российской государственности. Здания монастыря были деревянными, обнесены высоким деревянным тыном для безопасности от зверя и лихого путника. За оградой, по реке Ягорбе, находились строения подмонастырской слободы, где жило белое духовенство и монастырские слуги. Около обители был устроен особый рыбный двор с ледником и сушилом для приготовления и хранения рыбы, приготовленной к отправке в Москву, ко двору митрополита, так как монастырь и его владения считались езовою (рыбной) вотчиной митрополитов, а затем и патриархов Всея Руси. С шекснинских вотчин ежегодно поставлялось: 384 осетра, 649 стерлядей, 15 севрюг, 9 белорыбиц, две бочки солёных стерлядей и 23 пуда икры. Рыба подавалась не только к царскому и митрополитскому столам. Она считалась ценным подарком для послов иностранных государств. Зарубежные дипломаты с большой охотой принимали подобные подношения, оценив вкус шекснинской рыбы.

Череповецкий монастырь подобно другим северным монастырям постепенно обустраивался, обзаводился землями, селами и деревнями. С годами поблизости от него выросли большое

торговое село Федосьево и выселки Остинское, Яконское, Никитино и другие. Возникшая тропинка-просека, а затем тракт, соединила Воскресенский монастырь с этими селениями, а также с центром края – Белоозером и другими городами. По этому пути поставлялись в монастырь продукты и товары, поступали указы и вести, приходили и приезжали иноки и государевы люди.

Череповец.
Начало XIX в. С литографии Мочилова

Не раз монастырь горел, отстраивался, снова горел. В 1610 году подвергся нападению польско-литовского отряда. Главный храм Вознесения Христова, монастырские кельи, житницы, дворы и ограды были сожжены. Храбро и самоотверженно сопротивлялись монахи, послушники и слуги монастырские, руководимые архимандритом Моисеем Арцибашевым. И почти все полегли в неравной схватке. После долгих пыток были сожжены архимандрит Арцибашев, схимники Игнатий и Бенедикт, многие иноки и послушники. Погиб весь архив, его летопись, его житейские записи. Но свершилось невозможное: на пепелище цела и невредима находится икона с древним образом Воскресения, синодик и вкладная книга 1568 года. И в ней драгоценная надпись: «Сия книга святой обители Воскресения Христова и Живоначальныя Троицы и начальников преподобных отец наших Феодосия и Афанасия» (начальник – это тот, кто начал, основатель).

В отличие от ряда обителей, не сумевших оправиться от «литовского разорения», Воскресенский монастырь выстоял. Вокруг него вновь отстроили деревянные стены с четырьмя башнями и надвратной Покровской церковью, срубили шатровую колокольню с часами, возвели шатровую церковь Воскресения Христова и теплую Троицкую с приделом Сергия и трапезной. Пресвятой Троицы и Покрова Пресвятой Богородицы. Возможно, со временем монастырь сумел бы вернуть свое былое значение, но наступила эпоха петровских преобразований. По приказу Петра I

Императрица Екатерина II.
Худ. И. Лампи

все патриаршие вотчины Белозерского уезда были приписаны к Олонецкой верфи. Было запрещено пострижение в монахи без разрешения Монастырского приказа. С этого времени количество братии Череповского Воскресенского монастыря резко сокращается. Монастырские крестьяне стали нести государственную повинность: на устройстве столицы, создании флота на Олонецкой верфи и возведении обводных каналов.

В 1732 году началось строительство каменной соборной Воскресенской церкви, но из-за недостатка средств завершилось оно лишь к 1756 году. В настоящее время это единственная монастырская постройка, сохранившаяся в Череповце, хотя и не в первозданном виде. В 1758-1761 годах построили каменную теплую Троицкую церковь (не сохранилась).

В 1764 году по указанию Екатерины II начинается секуляризация монастырского землевладения – церковные земли переходят в собственность государства, а крестьяне – в ведение Коллегии Экономии, получив название экономических». Череповский монастырь, как и сотни других, был упразднен, братия расселена по другим обителям, церкви обращены в приходские, а земельные владения со всеми угодьями перешли в ведение государственных учреждений. Прежние повинности крестьян были заменены денежной оброчной данью, что способствовало распространению торгов и промыслов. Ко времени упразднения монастыря вокруг него уже выросла подмонастырская слобода, а по соседству с монастырем в селе Федосьево зародился своеобразный ремесленно-торговый центр. Зимой и летом здесь устраивались ярмарки, на которую отовсюду съезжались торговые люди. Торговали сельскохозяйственной продукцией, железоскобяными изделиями и барками (лодками), которые изготавливались в близлежащих волостях – Нелазской, Шухтовской, Андогской, Федото-Раменской и других.

В XVIII веке село Федосьево было отнесено к Новгородскому Наместничеству. В связи со строительством водного пути, кото-

рый должен был соединить бассейн Волги с Балтийским морем и новой столицей России Петербургом, оно стало быстро расти. На его улицах вырастали просторные рубленые дома, торговые склады и лавки, магазины, постоялые дворы и трактиры. Каждая девушка мечтала выйти замуж в это зажиточное село. В устном народном творчестве сохранилась характерная для того времени песня:

«Не отдай меня, мати,
ни на Юг, ни на Мусору,
а отдай меня, мати,
в село Федосьево –
там мужики живут богатые,
пироги пекут рогатые».

«Пироги рогатые» – это наши северные пироги-рыбники.

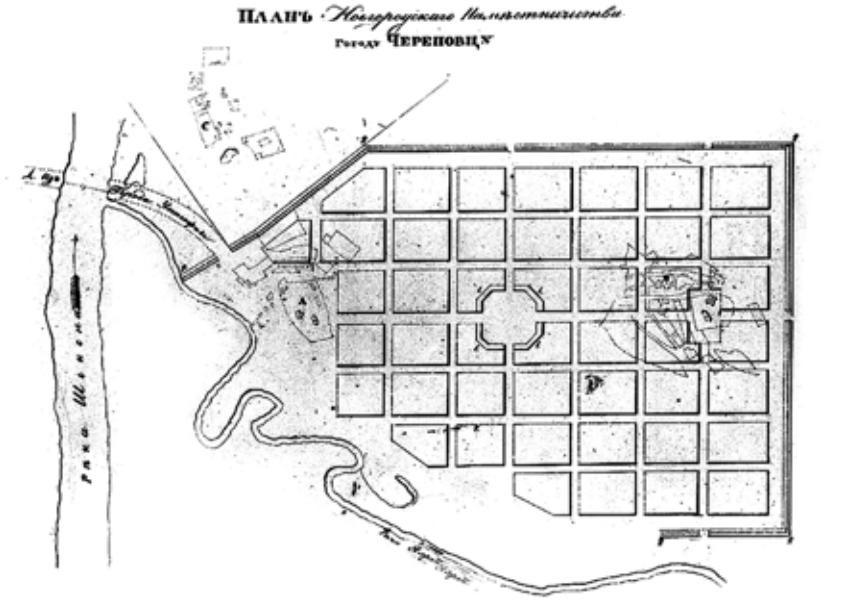
Сохранилось любопытное предание о том, будто жители села Федосьево, большинство которых жили не сельским хозяйством, а торговлей и ремеслом, беспокоясь, что после упразднения монастыря их могут перевести в разряд «экономических», и они потеряют привилегии, снарядили в столицу делегацию из трех человек к самой императрице Екатерине с просьбой об «открытии» у них города. Так ли оно было, неизвестно. Однако доподлинно известно, что в это время императрица трудилась над внутренним устройством государства. Ее не устраивало существовавшее управление такими огромными губерниями, которые были образованы при Петре I. Отличались они друг от друга не только по размерам, но и по количеству населения. Екатерина Великая своим указом разукрупнила 23 огромных губернии. Их стало 50. Число жителей для губерний определялось в 300-400 тысяч человек, а для уезда – в 20-30 тысяч. Каждый губернатор должен был представить на утверждение населенные пункты, которые могли бы стать новыми центрами уездов. С этой целью Новгородский губернатор Якоб Сиверс в июле 1775 года

Граф Якоб Сиверс

совершил поездку по восточным окраинам своей необъятной губернии и пришел к выводу, что уездными городами вполне могут стать поселения вокруг Кирилло-Белозерского и Череповского монастырей.

Приехав в Петербург, доложил об этом императрице. И 4 ноября 1777 года Екатерина II подписала указ о преобразовании в город «под наименованием Череповец» села Федосьево, а также прилегающих к нему села Никольское и Подмонастырской слободы. При этом особо подчеркивалось прекрасное местоположение Череповца, его удобность для торговли на новом водном пути, связывающем Волгу со столицей – «для пользы водяной коммуникации»: «Всемилостивейше повелеваем в Новгородском наместничестве на устье реки Суды, впадающей в Шексну, учредить при Череповском монастыре для пользы водяной коммуникации город под наименованием город Череповец…»

Официально город был открыт в январе 1780 года. Гостям был представлен городничий Череповца майор Сергей Андреевич Суровцев и протоиерей Воскресенского собора Глеб Иванович Розанов. К моменту основания города в нем проживало 538 человек мужского пола.



В этом же году был создан Череповецкий уезд – из частей Устюженского и Белозерского.

В декабре 1782 года был утвержден план города, он представлял собой своеобразную сетку из пересекавшихся под прямым углом 36 улиц, составлявших 48 квадратов. С этого времени застройка города стала вестись согласно этому плану. Воскресенский тракт стал центральной улицей города, она соединила ансамбль монастыря с торговой площадью села Федосьево. Ее пересекала Крестовская улица, делившая город на две половины – Соборную и Благовещенскую. Центр города отводился под строительство «присутственных мест и прочих казенных строений». Все постройки были деревянными. С двух сторон город был обнесен земляным валом. Из города брали начало три почтовых тракта: Кирилловский, Устюженский и Вологодский.

Городское население составляли купцы и мещане – бывшие «экономические» крестьяне. Большинство горожан так и оставались крестьянами и продолжали заниматься земледелием. Некоторые мужчины занимались ремеслами: ковали гвозди, лемехи, сошники, подковы, тачали сапоги и башмаки, мастерили лодки – знаменитые гармоники «черепанки», становились лоцманами, специалистами по проводке судов по капризному шекснинскому фарватеру, подрабатывали на конной тяге барок с хлебом, а порой шли в бурлаки и тянули нелегкую лямку.

После учреждения города мещане, занимавшиеся торговлей, начинают записываться в купечество. И если в 1783 году купцов третьей гильдии насчитывалось 29 человек, то к 1795 году – их уже 89. Появляются целые династии, которые будут известны не только в Череповце, но и за его пределами. К таким относятся Демидовы, Красильниковы, Волковы, Милютины и другие.

Ежегодно в городе устраивались три ярмарки – Сергиевская, Федосьевская и Афанасьевская, длившиеся по двое-трое суток. В зимнее время каждую пятницу приезжали купцы из Вологды, Устюжны, Белозерска и прилегающих уездов. Шла торговля тканями, товарами из кожи и войлока, железоскобяными изделиями, золотыми и серебряными украшениями, посудой, рыбой, зерном, мукой и прочим. Кроме частной торговли в городе существовала и казенная, представленная двумя магазинами, где отпускали соль, винным магазином и тремя питейными домами. Государству принадлежали также кирпичный завод и расположенная неподалеку от города мельница.

В 1792 году в Череповце был открыт магистрат. Он состоял из числа купечества и мещанства, во главе магистрата стояли два бургомистра. Первыми бургомистрами стали купцы Ефим Красильников и Стефан Марков.

6 ноября 1796 года императрицы Екатерины Великой не стало. На престол вступил 42-летний Павел I. Он ненавидел свою мать, захватившую принадлежавший ему по праву трон, и поэтому свое правление посвятил полному уничтожению всего, что было сделано Екатериной II. 12 декабря 1796 года последовал указ нового императора «О новом разделении государства на губернии». Согласно этому указу Череповецкий уезд был упразднен, а сам город был переименован в посад (город без уезда) и приписан к Устюжне, то есть стал заштатным. В заштатных городах не полагалось иметь магистратов, поэтому в 1797 году он был заменен ратушей, выполнявшей более ограниченные функции. И то при условии, что череповецкие купцы и мещане согласятся содержать ее за свой счет. В противном случае они должны были переселиться в другие города или обратится в «первобытное состояние» (те есть, в крестьян). Получив такое известие, все 86 купцов и 298 мещан объявили о желании остаться в посаде Череповец.

Открылась ратуша 21 февраля 1797 года, но вскоре из губернского правления последовало новое распоряжение, по которому Череповец лишался статуса посада. Обеспокоенные таким поворотом дела, черепане провели собрание, где выразили отри-

цательное отношение к ликвидации посада, еще раз подтвердив свое желание содержать ратушу за свой счет. Мнение общества было закреплено в тексте «приговора». Мол, никакого в том отягощения для себя купцы не видят, «окромя единственной пользы выгоднейшей мимо здешнего посада водяной коммуникации». Выборным поверенным стал Ефим Васильев сын Красильников, который добился аудиенции у управляющего Новгородской и Тверской губернии Н.П. Архарова. Встреча возымела действие и вскоре в указ Правительствующего сената «О переименовании посадами городов, оставшихся заштатными», была внесена поправка: упразднялись одни уезды, а «присутственные места, купечество и мещанство оставались при своих жилищах, в торгах и промыслах беспрепятственно».

И еще пять лет череповецкие купцы и мещане добровольно содержали на свои средства ратушу, не допустив ликвидации в Череповце торговли и промыслов, являвшихся экономической базой существования любого поселения – будь то посад или город.

В марте 1801 года, после очередного государственного переворота, на престол взошел император Александр I. С его воцарением в России начинается новая эпоха, которая отразилась на жизни «заштатного» Череповца. 16 апреля 1802 года император утверждает в качестве указа доклад Правительствующего сената «О восстановлении заштатных городов разных губерний». В список вошло более двухсот городов, среди которых был и Череповец. В ознаменование этого события 10 июня 1802 года в Воскресенском соборе состоялись литургия и благодарственный молебен, а потом и многолюдный крестный ход.

Император Александр I

Впоследствии «начало города» отмечалось общегородским крестным ходом ежегодно.

29 марта 1811 года Сенат утвердил герб Череповца, который представлял собой геральдический щит, в верхнем серебряном поле которого изображен герб Новгородской губернии как символ территориальной принадлежности города: стул, обшитый бархатом, на котором расположены крестообразно державный жезл и длинный крест. Над стулом – тройной подсвечник с горящими свечами. По сторонам – два медведя, стоящих на задних лапах. В среднем голубом поле изображены четыре стерляди (знак рыболовства). В нижнем правом красном поле расположена гора болотной железной руды (символ Железного поля). В нижнем голубом поле на фоне солнечных лучей – судовой руль (геральдическая дань открытой незадолго до этого Мариинской водной системе).

В 1824 году император Александр I совершил поездку по городам России. Он побывал на Урале, в городах Поволжья. Возвращаясь в столицу по Петербургскому почтовому тракту, император посетил усадьбу Верещагиных – Любец. В память о его пребывании в обширной зале на самом видном месте долгое время находилась мраморная доска с золотой надписью: «В сем зале изволил кушать Государь Император Александр I».

18 октября Его Императорское Величество встречал Череповец. На Соборной площади крики «ура!» смешались с колокольным звоном. Августейшую особу в сопровождении царедворцев встречали предводитель уездного дворянства Г.А. Кудрявый, городничий П.И. Комаровский, представители купечества во главе с Т.Е. Красильниковым. Царь отстоял обедню в Воскресенском соборе. На ночлег император остановился в доме купца третьей гильдии Тимофея Евдокимовича Красильникова. Оставшись довольным приемом, Его Величество подарил жене Красильникова и его невестке по бриллиантовому перстню.

Утром 19 октября в теплом Сергиевском соборе государь был встречен духовенством с животворящим крестом. Встав у правого клироса, Его Императорское Величество слушал Божественную литургию, по окончании которой изволил сесть в коляску и отправиться в Санкт-Петербург. При переправе через Шексну император дал рабочим 100 рублей ассигнациями, а городским властям изъявил благодарность за поднесение «хлеба-соли» и прочего.

ОПАЛЬНАЯ ФАВОРИТКА КАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ

Княгиня Екатерина Дашкова

Вскоре после вступления на престол Павла I, в ноябре 1796 года, московский генерал-губернатор Измайлов приехал в богатый дом княгини Дашковой, вошел в спальню больной старухи и грозно сказал ей: «Государь приказал вам покинуть Москву, ехать в деревню и припомнить там 1782 год». Дашкова беспрекословно повиновалась…

Екатерина Романовна Дашкова родилась в 1744 году в знаменитой семье московских бояр Воронцовых. Поначалу её судьба ничем не отличалась от судеб других девиц из высшего общества. В 16 лет она вышла замуж за молодого красавца, князя Михаила Дашкова, потомка Рюриковичей и была отослана мужем к родным, в провинциальную на тот момент Москву. Как вспоминала сама Дашкова, в Москве на первых порах ей пришлось нелегко. Как и многие представители петербургской знати, Екатерина очень плохо изъяснялась по-русски, в то время как свекровь её не владела ни одним иностранным языком.

И быть бы Екатерине Дашковой заурядной «дамой света» в Москве, если бы в 1758 году её не представили великой княгине Екатерине Алексеевне, супруге наследника престола Петра Фёдоровича. Великой княгине молодую девушку отрекомендовали как «юную особу, которая почти всё время проводит за учением».

Несмотря на то, что Дашкова была младше будущей императрицы на 14 лет, они стали подругами. Екатерину Алексеевну немало удивила тяга девушки к научным знаниям, а также её интересные и весьма разумные суждения о политике. Дашкова же, очевидно, сумела понять, что будущее России отнюдь не в Петре Фёдоровиче, а в её новой подруге, которая отнюдь не собирается мириться с ролью нелюбимой жены императора.

28 июня 1762 года силами гвардейских полков был свергнут Петр III и на престол возведена его вдова Екатерина II. Во главе заговора стояли гвардейцы братья Орловы, Пассек и другие.

Самое деятельное участие в государственном перевороте принимала восемнадцатилетняя фаворитка Екатерины Алексеевны княгиня Екатерина Дашкова. Однако степень её причастности остаётся спорной. Императрица и Дашкова в своих воспоминаниях описывали это весьма по-разному. Екатерина II писала, что Дашкова отвечала лишь за связь с офицерами низшего звена, не посвящёнными во все детали переворота 1762 года, да и сама не имела сведений о настоящих планах заговорщиков. Сама Дашкова претендовала на роль главной движущей силы «революции», утверждая, что благодаря ей на сторону Екатерины Алексеевны перешли практически все главные сановники и аристократы. Подобные противоречия объясняются конфликтом новоявленной императрицы с бывшей подругой. Екатерине II пришлась не по вкусу критика Дашковой в адрес её фаворита, графа Орлова. В результате Дашкова очень быстро оказалась в опале.

Дашкова уезжает из Петербурга в подмосковную усадьбу, где занялась хозяйством, которое до основания разорил своими долгами ее рано умерший непутевый муж.

В 1769 году Екатерина Дашкова отправляется в долгое путешествие по странам Европы, в ходе которого она познакомилась с лучшими мыслителями эпохи – Дидро, Вольтером, Адамом Смитом и другими. Все они отмечали глубокие знания и необычайный ум княгини Дашковой, а также её чрезвычайно одобрительные отзывы о Екатерине II. Эти отзывы со временем помогут самой Дашковой – императрица, состоявшая в переписке с теми же Вольтером и Дидро, осталась довольной тем, что бывшая подруга выступает в Европе как её собственный «агент влияния».

По возвращении Дашковой в Россию Екатерина Великая вернула ей своё расположение. В 1783 году императрица, которой очень импонировала идея Дашковой о превращении русского языка в один из великих литературных языков Европы, назначает её директором Петербургской академии наук. Россия стала первой страной в мире, где руководство Академией наук было доверено женщине.

На этом посту Дашкова проявила себя блестящим управленцем. Ей удалось если не полностью прекратить, то значительно уменьшить внутренние распри среди научного сообщества и направить деятельность Академии «на процветание Отечества». Именно она стала инициатором проведения регулярных публичных научных лекций, что способствовало популяризации науки среди широких слоёв населения. Было увеличено количество студентов – академических стипендиатов, большое количество молодых россиян стало отправляться на учёбу за границу.

В октябре 1783 года по инициативе Екатерины Дашковой была создана Императорская Российская Академия. В отличие от Академии наук, новое учреждение должно было сосредоточиться не на точных, а на гуманитарных науках, в первую очередь на исследовании русского языка. Новую академию возглавила также Дашкова, сосредоточившая в своих руках все нити управления русской наукой.

Дашкова пишет статьи, пьесы, стихи, мемуары. Под ее руководством создается «Словарь Академии Российской, словопроизводным порядком расположенный» – первый толковый словарь русского языка. При Российской Академии был создан целый департамент переводчиков, которые переводили на русский язык лучшие произведения мировой литературы. Также по инициативе Екатерины Малой, как называли Дашкову в России, был основан журнал «Собеседник любителей российского слова», к работе в котором привлекли лучших русских литераторов той эпохи, таких как Денис Фонвизин и Гавриил Державин.

Успешная деятельность по управлению русской наукой завершилась для Екатерины Дашковой новой опалой. Она в очередной раз не сочла нужным скрывать своё негативное отношение к новому фавориту императрицы – её последнему возлюбленному Платону Зубову. Фаворит, в свою очередь, постарался настроить Екатерину Великую против подруги. Повод представился в 1795 году, когда издательство Академии наук опубликовало трагедию Якова Княжнина «Вадим Новгородский». Императрице донесли, что произведение критикует государственные устои. Императрица была напугана событиями во Франции и опасалась малейшего намека в печати на революцию, республику потребовала изъятия крамольного произведения, а заодно отстранила Дашкову от управления Академией.

Воцарение в 1797 году после смерти Екатерины Великой Павла I только усугубило положение Дашковой. Новый император, не замедлил доказать, что помнит об участии Екатерины Дашковой, что она была одной из участниц свержения своего отца Петра III. Дашкова получает указ об отставке от всех должностей. А через несколько дней Екатерина Романовна была разбужена в три часа ночи новым приказом Павла, присланным с нарочным: немедленно отправляться в ссылку – в деревню Коротово Череповецкого уезда.

С горечью исполняя приказ царя, Екатерина Романовна, в страшной немощи, села с дочерью и прислугой в кибитки и отправилась в дальний путь на север Новгородской губернии. Барского

дома в Коротово не было, пришлось располагаться в двух крестьянских избах: один дом был для княгини с прислугой, другой – для ее дочери Анастасии Михайловны.

К этим годам относится известный эстамп. Пожилая женщина, с лицом, открытым и энергичным, сидит на деревянной лавке, опершись о маленький, грубо сколоченный письменный стол. Под рукой у нее – книги. Женщина в мундире со звездой, на голове чепец. Сидит она прямо, высоко подняв голову. В углу горницы большая печь, под низким потолком – две полки с книгами…

О том, как проходили долгие зимние вечера в коротовской ссылке, Екатерина Романовна напишет несколько лет спустя в «Записках княгини Дашковой». «Моя изба – пишет княгиня, – была довольно просторна. Противоположная комната была отведена для кухни, а лучшая хижина неподалеку была приготовлена для моей дочери». Привыкшая к деятельной жизни, Дашкова занимала себя тем, что много рисовала. Рисовала на деревянном столе деревенские пейзажи. Нарисует и тут же сотрет…

Опальная княгиня была тепло встречена жителями деревни. «Для вас несчастье жить между нами – мы жалеем о том, но для нас благодать видеть вас, как ангела-хранителя», – сказали при встрече коротовские крестьяне. Мужики и бабы нет-нет, да и заглянут в окошко: убедиться лично, что жива благодетельница. Да принесут чего-нибудь вкусненького: яичек, пирожков, сметанки, молочка парного. «Неожиданное, наивное и задушевное выражение любви этих добрых крестьян, никогда не знавших меня, одушевило, осчастливило меня», – пишет Дашкова в «Записках».

Однако ни доброе отношение крестьян, ни чтение и рисование, которым предавалась опальная княгиня, чтобы скоротать время, ни «полная покорность судьбе» не могли скрасить ее однообразного существования. Для натуры деятельной, общительной удаление от дел, от общества и заточение в глухой, далекой деревне явилось большим потрясением, которое и послужило причиной покаянного письма виновнику своих несчастий Павлу I. «Угнетенная летами и болезнями» «всенижайшая и послуш-

Е.Р. Дашкова в коротовской ссылке

ная верноподданная» просит императора исполнить одну только милость, а именно: «окончить дни мои в Калужской моей деревне, где имею покров и могу в жестоких болезнях помощи врачей получить. Сею щедротою оживите несчастную, которая по гроб будет прославлять Монарха своего».

Письмо Дашковой привело Павла I в ярость, он тут же приказал отправить курьера с приказанием отобрать у нее перья, бумагу, карандаши и запретить переписываться с кем бы то ни было. Однако супруга государя решила помочь опальной княгине и обратилась к изобретательной фаворитке Павла – Нелидовой. И та нашла верный ход: вложила прошение в руки царственного младенца, император смягчился и оказал-таки милость: позволил Екатерине Романовне отбывать безвыездно ссылку в родовом имении Дашковой – селе Троицкое Калужской губернии.

В 1801 году, когда после очередного дворцового переворота на трон взошёл Александр I. С его воцарением опала с Е.Р. Дашковой была снята. Она вновь получила возможность жить в Москве, посещала Санкт-Петербург, однако более не принимала участия в политических, научных и литературных делах.

Последние годы жизни Дашкова провела в своем подмосковном имении Троицкое, посвящая время писанию мемуаров – знаменитых «Записок княгини Дашковой».

Екатерины Романовны Дашковой не стало 16 января 1810 года.

ЧЕПОВЕЦКИЕ РАТНИКИ В ВОЙНЕ 1812 ГОДА

В ночь на 12 июня 1812 года бесчисленные полки Наполеона, перейдя через Неман, вторглись в пределы России. К этому времени под игом Бонапарта находилась почти вся Европа с ее огромными материальными и людскими ресурсами. «Скоро я буду владыкой всей Европы. Остается одна Россия – и я ее раздавлю», – так говорил Наполеон, начиная войну. Он был убежден, что его армия в одном – двух генеральных сражениях разобьет почти втрое меньшую по численности русскую армию и победоносно закончит войну. Но Наполеон не учел, что его войскам придется воевать не только с русской армией, но и со всем народом, поднявшимся на борьбу за свою независимость.

В жаркий солнечный день, 12 июля 1812 года, император Александр I въехал в Москву. В залах дворца его ожидали созванные им московское дворянство и купечество. Государь обратил-

ся к собравшимся с вдохновенным словом: «Настало время для России показать свету все могущество и силу. Я взываю к вам: не потерпите ига чужого, и неприятель пусть не восторжествует в своих дерзких замыслах. Этого от вас ожидают Отечество и Государь».

В порыве одушевления дворянство поставило на свой счет снарядить и вооружить ополчение из крестьян – по одному ратнику с 10 душ; сами неслужилые дворяне становились в ряды ополчения; кто мог, жертвовал и деньгами; купечество за несколько часов собрало 10 миллионов рублей. Со времен Минина и Пожарского не видно было на Русской земле такого общего порыва. Примеру Москвы последовала вся Россия. Все сословия участвовали в них: и дворяне, и купечество, и мещане, и крестьяне, и духовенство. В то же время шли быстрые сборы ополченцев и ратников. Крепостные крестьяне, надеясь, что победа над захватчиками принесет им освобождение от крепостного рабства, с радостью записывались в ополчение.

Жители Череповца и Череповецкого уезда участвовали во всенародной борьбе с нашествием врага в составе Новгородского ополчения. Из 10 140 ратников Новгородского ополчения на долю Череповецкого уезда пришлось 1059. Кроме того, череповецкое дворянство выбрало из своей среды 16 человек отставных

офицеров в командование ополчения. В большинство своем это были мелкопоместные дворяне, некоторые из них имели менее десятка крепостных крестьян, а кое-кто, например, братья Чапыжниковы, вообще их не имели. Население уезда пожертвовало на ополчение 2000 рублей деньгами, а также участвовало в безденежной поставке муки, крупы, фуража и готового провианта в счет жалования ратников.

Новгородское ополчение предназначалось для подкрепления отрядов, оборонявших пути на Петербург. Новгородцы участвовали в боях под Смоленском, Старым Борисовом и при деревне Студенке на реке Березине. Многие ополченцы отличились в боях. Среди них штабс-капитан Г.А. Чапыжников. Под Старым Борисовом 15 ноября «во время сражения был всегда впереди, поощрял людей, ему подчиненных, к поражению неприятеля», а при деревне Студенке «находясь всегда при дружинном начальнике впереди и особенно способствовал к поощрению людей к неустрашимости и в устроении порядка, при окончании же сражения после получения командиром дружины раны, 4-ю дружину имел в своем заведовании». Он отмечен орденом Святой Анны 3-й степени. Череповецкие дружинники под командованием 25-летнего полковника Д.П. Десятова приняли участие в боевых действиях на территории Восточной Пруссии при осаде крепостей Пилау и Данцига, где русские войска сковали значительную армейскую группировку неприятеля. При блокаде этих крепостей полковник «примерно содействовал в устроении дружин и собственным примером мужества умножил дух храбрости во всех ратниках». За проявленные находчивость и личное мужество Десятов был награжден орденом Святой Анны 3-ей степени и золотой шпагой с надписью «За храбрость».

К сожалению, архивы не сохранили сведения о подвигах рядовых воинов ополчения. Не в интересах правящего класса было возвеличивать выходцев из народа, особенно из крепостных крестьян, ибо признав их героями, нужно было бы признать их человеческие права, а помещики не собирались расставаться с крепостным правом. В угоду крепостникам, Александр I в манифесте от 30 августа 1814 года даровал крестьянам, истинным спасителям Отечества, лишь обещание, что они «получат мзду от бога».

Домой, в Череповецкий уезд, вернулось только 238 человек, более тысячи – остались на полях сражений. Те, кто остался в живых, были доведены офицерами до своих «погостов», то есть, до церковных приходов, и там сданы помещикам под расписку.

ПЕНАТЫ КОНСТАНТИНА БАТЮШКОВА

Константин Николаевич Батюшков.
Гравюра Д.В. Медведева

Константин Николаевич Батюшков – один из самых известных писателей, тесно связанный с Череповецким краем. Он – представитель той блестящей плеяды русских поэтов, чьим творчеством было ознаменовано начало «золотого века» русской литературы. Его не без оснований считают предтечей А.С. Пушкина. Литературный критик В.Г. Белинский писал: «Батюшков много и много способствовал тому, что Пушкин явился таким, каким явился действительно. Одной этой заслуги со стороны Батюшкова достаточно, чтобы произносилось с любовью и уважением».

К.Н. Батюшков родился в Вологде 18 (29) мая 1787 года в Вологде. Его отец, Николай Львович, начинал службу солдатом в лейб-гвардии Измайловского полка, был прокурором в Великом Устюге, Вологде и Вятке. Вышел в отставку в чине надворного советника. Мать, Александра Григорьевна, происходила из старинного дворянского рода Бердяевых. Константину не исполнилось и четырех лет, когда тяжелое душевное заболевание постигло его мать. В 1795 году она умерла.

В соответствии с принципами дворянского воспитания с десяти лет Константин жил в Петербурге и воспитывался в частных пансионах. Здесь он получил хорошее знание иностранных языков (французского, итальянского и немецкого), увлекся словесностью и сделал первые шаги на литературном поприще. В 1802 году пребывание Батюшкова в пансионе завершилось. Он поселился в доме М.Н. Муравьева, приходившегося отцу двоюродным братом, и поступил на службу в Министерство народного просвещения, где Муравьев занимал пост заместителя министра. Среди сослуживцев Батюшкова были молодые литераторы Н. Гнедич, П. Катенин, Д. Языков. На этой службе Константин Николаевич прослужил пять лет.

Начавшаяся война России с Наполеоном побудила Батюшкова вступить в 1806 году в ополчение. Он участвовал в боевых действиях на территории Пруссии, получил ранение в сражении под Гейдельбергом, за что был награжден орденом Анны 3-ей степени. Получив отпуск по ранению, Батюшков в августе 1807 года прибыл в Даниловское, где проживал отец, женившийся вторично. Вторичная женитьба Николая Львовича послужила причиной раскола в семье. Батюшков и его незамужние сестры Александра и Варвара порывают с отцом и переселяются в родовое поместье матери Хантоново, что в 30 верстах от Череповца.

Усадьба Батюшкова в Хантонове, сохранись она до наших дней, имела бы такое же значение как Михайловское для Пушкина, Ясная Поляна Для Толстого, Спасское-Лутовиново для Тургенева, Шахматово для Блока. Это была своеобразная творческая дача поэта, куда он убегал от суеты и где написана добрая половина его произведений.

Не сохранилась…

Этот тихий величавый уголок находился на самом краю Новгородской губернии, в местах, богатых лесами и болотами, брусникою и клюквою, шекснинской стерлядью. Он стал родным приютом, дорогим сердцу местом, уголком отдохновения.

Огромный живописный холм с видом на реку Шексну. На нем – декоративные уступы, вырытые еще в XVIII веке крепостными крестьянами. На верхнем уступе – совсем ветхий, готовый развалиться барский дом, окруженный сиренью и орешником, и два флигелька. Рядом с ними – липовая аллея и два декоративных пруда прямоугольной формы. Возле дома – сирени, акации. На втором уступе – цветник. Нижний уступ – парк в английском стиле: клены диковинные, липы, а поодаль – ели голубые. За лесом плескались волны Шексны, а вокруг ютились нищие крестьянские избы.

Добираться до Хантонова долго и тяжело. Дорога едва проезжая: леса и болота, болота, болота. До ближайшего губернского города Вологды сто с лишним верст. Батюшков живет, радуясь письмам от друзей и родных. Адрес на этих письмах весьма краток: «Милостивому государю Константину Николаевичу Батюшкову. В Череповец». Свидетельством того, что в нашем городе Батюшков получал не только письма и «книги выписные», является вольный перевод басни французского писателя Жана де Лафонтена «Филомела и Прогна». Под произведением указаны дата и место: «1811, Череповец».

Раз в неделю кто-то из дворни ездит в Череповец за почтой. Окружные помещики – все больше «деревенские старожилы»:

Башмаковы, Ильинские, Карауловы, сближаться с ними нет ни особенной нужды, ни охоты. Почти полное заточение в старом господском доме, вместе с сестрами и тремя любимыми собаками. Почти полное безденежье, хозяйство идет плохо и давно «отпало от прибылей». Запущенное имение закладывалось и перезакладывалось, старосты и плуты-приказчики постоянно обманывали сестер поэта, а сам он в хозяйство не вникал.

Автопортрет К.Н. Батюшкова

Из письма Жуковскому. 26 июля 1810 г., Хантоново: «Я живу очень скучно, любезный товарищ, и часто думаю о тебе. Болезнь меня убивает… В те короткие минуты, в которые госпожа болезнь уходит из мозгу, читаю Монтеня и услаждаюсь. О стихах и думать нельзя с моей болезнью».

Живя в деревне, Батюшков находится в извечном противостоянии двух чувств, переходя от хандры к душевной бодрости от лености к деятельности. Он то лежит на диване, то занимается хозяйством, читает философские сочинения, пробует переводить с итальянского. В его душевном состоянии апатия и неверие в жизнь вдруг сменяется уверенностью в своих силах – и тогда он вновь взывает к мечте, и тогда в нем кипят необъятные творческие замыслы.

Из письма Гнедичу: «Редко, очень редко могу писать. Но вчерашний день я был довольно счастлив: вчера я мог, я имел дух побеседовать с музами, и поверишь ли, я имел два-три часа счастливейшие в моей жизни».

С декабря 1809 по январь 1812 года Батюшков жил в Москве, печатался в оном из лучших русских журналов «Вестник Европы». Здесь он установил дружеские связи с Н.М. Карамзиным, В.А. Жуковским, П.А. Вяземским. По недостатку средств летние месяцы ему приходилось проводить в Хантонове. Здесь он написал «Видение на брегах Леты», которое принесло ему известность.

Хантоновская осень 1810 года оказалась плодотворной несмотря на болезни. Средь «дикости лесов», на «земле клюквы и брусники» рождаются новые замыслы, пишутся прекрасные, доставляющие радость самому поэту стихи. Батюшков сообщает друзьям,

что «завален книгами и снегом» – много читает, изучает Вергилия, Горация, Тибулла, Тасса, переводит Петрарка, Бокаччо – с итальянского; Парни, Монтеня – с французского.

В 1811-1812 годах здесь было написано одно из лучших его стихотворений «Мои пенаты», прославляющее скромные радости уединенной жизни:

В сей хижине убогой
Стоит перед окном
Стол ветхий и треногий
С изорванным сукном.
В углу, свидетель славы
И суеты мирской,
Висит полузаржавый
Меч прадедов тупой.
Здесь книги выписные,
Там жесткая постель –
Все утвари простые,
Все рухлая скудель…

Это поэтическое описание «смиренной хаты», обители поэта, «отечески пенаты», которые «златом не богаты», очень точно передает действительную обстановку хантоновской усадьбы. Старый, расшатанный письменный стол, «выписные» книги, простая, домашней работы кухонная утварь. Романтический «меч прадеда»…

В 1812 году Батюшков покинул родные пенаты, и на этот раз надолго. Он отправился в Петербург, где вскоре занял место помощника хранителя манускриптов в Публичной библиотеке. Эта служба давала поэту возможность постоянно проживать в Петербурге, участвовать в литературной жизни. Нападение наполеоновской Франции на Россию пробудило в Батюшкове чувство патриотического долга. Но в действующую армию он попал не сразу. Сначала тому помешала лихорадка, затем пришлось эвакуировать вдову М.Н. Муравьева в Нижний Новгород. В Нижнем Новгороде началось увлечение поэта воспитанницей Олениных Анной Фурман, обернувшееся впоследствии тяжелой душевной драмой. Поэт собрался было жениться и сделал предложение, но брак не состоялся. «Я не смогу дать ей счастье с моим дурным характером, с таким плохим здоровьем, с маленьким состоянием, – говорил он Екатерине Федоровне Муравьевой. – Я нищ! А искать чины и деньги для жены не могу. Но… не любить ее я не в силах».

Не объяснившись с девушкой, Батюшков, уезжает сначала в Хантоново, а затем в Каменец-Подольск – продолжать военную службу. Он участвует в «битве народов» под Лейпцигом и за участие в сражении награждается орденом св. Анны 2-й степени.

Чувство любви поэта к А.Ф. Фурман нашло отражение в элегии «Мой гений»:

О, память сердца, ты сильней
Рассудка памяти печальной
И часто сладостью своей
Меня в стране пленяешь дальней.
Я помню голос милых слов,
Я помню очи голубые,
Я помню локоны златые
Небрежно вьющихся власов.
Моей пастушки несравненной
Я помню весь наряд простой,
И образ милый, незабвенный
Повсюду странствует со мной.
Хранитель гений мой – любовью
В утеху дан разлуке он:
Засну ль – приникнет к изголовью
И усладит печальный сон.

Это стихотворение стало самым «романсным» стихотворением Батюшкова: начиная с М.И. Глинки его перекладывали на музыку многие русские композиторы.

Дом в Вологде, где прошли последние годы жизни К.Н. Батюшкова

В 1816 году Батюшков вышел в отставку. Живя в Хантонове, он вплотную занялся подготовкой к изданию собрания своих сочинений в двух частях под названием «Опыты в стихах и прозе». Его распирает от невоплощенных замыслов. Сказка «Бальядера» так и осталась в голове, сказка «Бова» не дописана. Начата работа над двухтомником итальянских переводов – и остановлена в самом начале. Задуманы большие поэмы, которыми Батюшков хочет «заслужить славу». Создать большую, «истинно русскую» поэму. Но так и не реализовал задуманное.

Летом 1818 года император Александр I удовлетворил прошение поэта о поступлении на службу в Коллегию иностранных дел. Батюшкову был пожалован чин надворного советника, и его причислили к русской миссии в Италии.

В 1821 году впервые явственно дали о себе знать симптомы наследственного душевного недуга. Тогда же прервался и творческий путь поэта. Современники объясняли болезнь Батюшкова по-разному: то будто бы тем, что Батюшков знал о существовании декабрьских обществ и, будучи монархистом, испугался их распространения; то представляли его несчастное положение следствием трагической любви, а некоторые наклонность поэта к психическому заболеванию считали наследственной (его мать сошла с ума). Он лечился на Кавказских минеральных водах, в Симферополе, несколько лет находился в больнице для умалишенных в Германии, долгое время жил под наблюдением врача в Москве. Однако все усилия вернуть Батюшкову разум оказались тщетными. В 1833 году состоялся окончательный переезд поэта в Вологду, где он провел на попечении родственников еще двадцать с лишним лет, отпущенные ему судьбой.

В 1987 году, к 200-летию со дня рождения поэта, на берегу реки Вологды установлен памятник К.Н. Батюшкову. В селе Даниловском, под Устюжной, существует литературный музей. В Хантонове восстанавливается приусадебный парк, проводятся батюшковские литературные праздники. И, быть может, когда-нибудь будет воплощен в жизнь проект восстановления усадьбы – родных пенатов Константина Николаевича Батюшкова.

КАК «БЕЛОХРЕБТНЫЕ» ЧЕРЕПАНЕ СТАЛИ «АМЕРИКАНЦАМИ»

Иван Андреевич Милютин

4 апреля 1866 года во время послеобеденной прогулки по Летнему саду императора Александра II дворянин Дмитрий Каракозов произвел выстрел. Пуля прошла мимо – случайный прохожий помешал террористу.

Однако прогремевший выстрел вызвал реакцию возмущения не только в православной России, но и в далеких Соединенных Штатах Америки. Президент США господин Эндрью Джонсон направил Александру II поздравление «по случаю спасения Его Величества от угрожавшей ему смертельной опасности». Сенат и Палата Депутатов Конгресса со своей стороны также выразили сочувствие и уважение к Августейшей особе и единогласно приняли резолюцию для вторичного поздравления. Товарищу Морского Министра капитану Густаву Фоксу было поручено лично вручить означенную резолюцию и от имени народа США передать благодарность российскому императору за поддержку Северных штатов в борьбе за гражданские свободы. Три года назад Россия направила к берегам Америки две эскадры, которые бросили якоря неподалеку от Калифорнии и Нью-Йорка. И хотя боевые действия не были развернуты, психологическое давление на рабовладельческий Юг было оказано огромное.

Чрезвычайный посланник американского Конгресса Густав Фокс отправляется в путь. В августе 1886 года дипломатическая миссия США прибыла в Россию. Император Александр II устроил американской делегации теплый прием. А потом началась целая полоса встреч и приемов: в Москве, Нижнем Новгороде, Ярославле, Рыбинске, Кимрах, Твери, Костроме – родном городе царствующей династии Романовых. Наконец делегация американского Конгресса нанесла в Царском Селе прощальный визит императору. 3 сентября в Кронштадте, перед самым отплытием американ-

ских посланников в Новый Свет, на борту фрегата «Рюрик» морской министр России Николай Краббе дал прощальный банкет.

И в тот самый момент, когда Густав Фокс произносил свой прощальный тост, к борту фрегата причалил небольшой бот. Вахтенный даже не успел доложить капитану, что какая-то депутация рвется на корабль, как пять бородачей вступили на палубу. Это были череповецкие купцы во главе с городским головой Иваном Андреевичем Милютиным.

До прихода И.А. Милютина во власть Череповец по выражению Ф.И. Кадобного, личного секретаря и его биографа, «находился в непробудной спячке, не представлял из себя ничего выдающегося, а так же прозябал, как и масса других уездных городов». Большинство горожан занималось земледелием на городской земле, платя городу подушную подать. Посторонних же особых заработков не было, кроме извоза и подвоза товара купцам да найма на суда. В те годы большинство работного люда на речных судах проходившего мимо Череповца Мариинского водного пути состояло из черепан. Они носили верхнюю одежду – домотканые «понитники» и «посконники», сшитые из толстого холста и вытканного домашним образом, а потому в Петербурге в коммерческом мире черепане назывались «белохребтными». Но не таковы были черепане по натуре, – пишет Ф. Кадобнов, – они стремились снять с себя «понитники» и из «белохребтных» превратиться в «европейцев».

Череповец не был в программе визита посланников американского президента. Но, городской голова И.А. Милютин непременно хотел такой встречи. Ему хотелось, чтобы о Череповце заговорил весь мир. И 37-летний городской голова И.А. Милютин замыслил весьма хитроумный, если не сказать авантюрный, план встречи с капитаном Фоксом. А именно: после участия в событии большой государственной важности в Шлиссельбурге идти в Кронштадт, где стояла американская эскадра, готовая к отплытию.

А событием большой государственной важности было торжество по поводу открытия Новоладожского канала, на котором Высочайшим повелением участие в них череповецких купцов и судовладельцев было обязательным.

1 сентября 1886 года обычно малолюдный Шлиссельбург наполнился праздничной публикой. Сто шестьдесят судов вошли в его канал. Впереди всех – три барки купца Баландина с Чусовой, четвертой стояло судно И.А. Милютина, украшенное флагами, на парусе красовался вензель Его Императорского Величества. Сам император появился в полдень на пароходе «Александрия». Пе-

рейдя на катер, Александр II объехал красочную флотилию и дал знак к открытию парада. Когда проходила барка Милютина, раздались звуки народного гимна – это заиграл оркестр, спрятанный на череповецком судне. Зрители подхватили мелодию, Государь остался доволен чрезвычайно.

Парад окончился, и его участников пригласили на праздничный завтрак, устроенный тут же, на берегу. Окруженный свитой император Александр II принимал от купцов пожертвования. Черепане поднесли образ св. Благоверного Князя Александра Невского, свой знаменитый «хлеб-соль» и деньги на сооружение домика для инвалидов при Чесменской военной богадельне.

Дело сделано и по утру 3 сентября паровой катер с пятью черепанами на борту (братья Милютины, И.Г. Озеров, П.М. Тарасов, В.М. Волков) взяли курс на Кронштадт. Неизвестно, был ли у Милютина предварительный договор с морским министром Николаем Краббе относительно встречи с американской делегацией, а если нет, то в дерзости нашим землякам не откажешь.

Поднявшись на борт яхты, черепане преподнесли американскому посланнику на расписном деревянном блюде свой хлеб-соль. Глава депутации Иван Андреевич Милютин сказал при этом несколько слов о том, что «Череповец, небольшой город великой России, благодарит посланника за те слова уважения, какие преподнес он Государю – благодетелю России от имени великой республики по ту сторону океана».

Густав Фокс в ответ произнес: «Господа! Подобно тому, как океан составился из собрания капель, так и эта могучая империя сложилась из объединения отдельных общин, крестьянские представители одной из которых сейчас находятся передо мной. Как солнце, находясь в центре вселенной, является источником света и теплоты и сосредоточением силы, так и царственный благодетель России является зиждительной силой для тех миллионов, которых поднял он из унижения рабства на высоту человеческого достоинства».

Поднося посланнику ситный хлеб, Милютин сказал, что выпекают такой каравай только в Череповце, по особому рецепту – на капустных листьях, придающих хлебу чудесное свойство долго оставаться свежим и выпрямляться, как бы его не сжимали. Господин Фокс тут же нашел сравнение и ответствовал: «…Этот хлеб похож на Россию и Америку. Обе эти страны так же поднимаются, как бы сильно ни сжали их извне». Затем, наполнив бокалы, Фокс и его новые друзья выпили за процветание Соединенных Штатов и города Череповца.

9 сентября 1866 года в канцелярию новгородского губернатора Э.В. Лерхе поступила телеграмма от череповецкого городского головы Ивана Андреевича Милютина: «Уполномоченные от Череповецкого городского общества из находящихся в Санкт-Петербурге сограждан преподнесли в городе Кронштадте американскому посольству при отплытии в Америку череповецкий хлеб. В ответ г. Фокс с товарищами вручил на память городу американский флаг и свою карточку». Текст телеграммы немедленно попал на страницы местной печати. Газета «Новгородские губернские новости» тотчас опубликовала комментарий: «Город Череповец в лице своих представителей получил драгоценный залог тесной дружбы, которая соединила неразрывно два великих народа – русский и американский… Городу Череповцу выпала завидная доля, которой позавидуют все другие города русские…»

Расчет Ивана Андреевича оказался верен: череповецкие негоцианты надолго задержались в поле зрения государя и прессы, а в столичном деловом мире получили прозвище «американцы». Вот вам и реклама, и репутация. В Череповец они вернулись с триумфом и с трофеями: бокалом, подаренным Фоксом, его фотографией и с американским национальным флагом.

По книге Э. Риммер

и М. Бородулина «Дело и река»

История с американским флагом получила своё продолжение в 1998 году.

Москва ожидала визита американского президента Билла Клинтона. Руководству Кремля хотелось чем-то удивить американцев, внести некую тёплую ноту в официальную встречу. И тут очень кстати оказалось предложение вологодского губернатора В.Е. Позгалёва: подарить копию первого американского флага, который хранился как экспонат в фондах Череповецкого музейного объединения.

Зная трепетное отношение американцев к национальному флагу и к истории страны, идею одобрили и внесли в протокол церемонии.

Церемония вручения американского флага президенту США Билу Клинтону

И вот Вячеслав Евгеньевич, коротко рассказав про миссию капитана Фокса, вручает Биллу Клинтону копию флага и каравай, сказав примерно те же слова, что произносил череповецкий голова Милютин 135 лет назад: «Как ни сжимай этот хлеб, он вновь поднимется». На что Клинтон среагировал немедленно, обращаясь к Б.Н. Ельцину: «Борис! Как и ты! Как бы тебя ни давили, ты всегда поднимаешься вновь!»

Вторая копия флага была вручена нашему президенту, а третья, на которой два лидера мировых держав оставили свои автографы, вернулась в Череповец, став новым уникальным экспонатом музейного объединения.

ДОСТОЙНЫЙ КНИГИ ГИННЕССА

Пока Череповец был посадом население его уменьшилось больше чем наполовину. Всего двести душ мужеского пола осталось в нем. Но постепенно жизнь города восстанавливалась. В марте 1806 года было открыто малое народное училище с двухгодичным сроком обучения. Бывший тогда городским головой Василий Демидов подарил под училище деревянный дом, а череповецкое общество обязалось ежегодно давать 150 рублей на его содержание. В 1807 году был построен первый жилой каменный дом, образцом которого послужил «примерный фасад» № 2, прилагавшийся к плану регулярной застройки.

Важным событием в жизни города стало введение в эксплуатацию Мариинской водной системы в июле 1810 года. Она начиналась на Волге у города Рыбинска, в нее кроме Шексны входили реки Ковжа, Вытегра, Свирь, а также озера Белое и Онежское. По этому водному пути перевозили лес, нефть, хлеб, рыба, военные грузы. Нужды системы обслуживали 17 тысяч человек, в том числе и многие жители Череповца и Череповецкого уезда: они работали на лесосплаве, доставляли на собственных судах грузы из Рыбинска в столицу, а также нанимались к другим судовладельцам в качестве лоцманов, коноводов, для тяги судов бечевою (то есть бурлаками).

Череповец. Пассажирская пристань

Развитие Мариинской системы сделало Шексну самой оживленной артерией всего края. А с развитием торгового оборота здесь быстро наметился экономический узел края – Череповец. Уже в первой половине XIX века он не только догнал в своем развитии старинные города Устюжну и Белозерск, но и значительно опередил их.

И.А. Милютин был городским головой Череповца в течение 46 лет

В том, что Череповец стал важным культурно-промышленным центром мы много обязаны городскому голове – И.А. Милютину.

Иван Андреевич Милютин – исключительная личность. На всю Россию он прославился, будучи городским головой Череповца в течении 46 лет. Тем самым его имя достойно занесения в Книгу рекордов Гиннесса.

До прихода Милютина во власть Череповец, по выражению Ф.И. Кадобного, личного секретаря и его биографа, «находился в непробудной спячке, не представлял из себя ничего выдающегося, а так же прозябал, как и масса других уездных городов». Напряженным трудом этого «череповецкого богатыря г. Череповец обязан своим героическим ростом, просветительными учреждениями и навеки упроченным благосостоянием, которым наш город так уже выделяется среди других уездных и даже некоторых губернских».

Иван Андреевич Милютин родился 20 апреля 1829 года в Череповце в купеческой семье. Трудовую жизнь начал очень рано и прошел путь от мелкого торговца до крупного промышленника. Предпринимательскую жилку унаследовал от родителей, Отец Андрей Иванович, выходец из крестьян, начинал с торговли мясом, умер в 32 – летнем возрасте. Мать, оставшись с малолетками, продолжила дело мужа. Дети, несмотря на свой юный возраст, в сопровождении взрослых погонщиков, скупали по деревням коров, телят, свиней и коз; скот перегоняли для продажи на мясо в Петербург. Руководил операцией 16-летний Иван. Товар благополучно доставили в столицу, несмотря на серьезные препятствия в виде многочисленных порогов, перекатов, гряд и изменчивого фарватера. В 1845 году мать приобрела деревян-

ное судно, на котором братья Иван и Василий совершили свою первую самостоятельную поездку в Рыбинск за хлебом и мукой. Первый коммерческий рейс от продажи хлеба дал братьям Милютиным барыша около 200 рублей.

После смерти матери братья Милютины стали самостоятельными купцами. Их активная деятельность развернулась в 60-70-е годы, в эпоху общественного подъема, вызванного реформой 1861 года. Они приобрели колесный пароход и открыли первую пассажирскую линию по маршруту Рыбинск – Череповец – Чайка, затем создали буксирное пароходство, а после постройки дока и механического завода впервые в России начали строить морские суда дальнего плавания, которые совершали рейсы не только по Шексне и Волге, но и через Петербург в порты Европы и Америки. В 1870-х годах Милютины имели уже более 40 буксирных пароходов и свыше 500 более мелких судов. «Фирма «Братья Милютины и К», – писал Ф.И. Кадобнов, – загремела по всей Волге и Мариинской системе и распространила свою деятельность от Баку до Петербурга».

На поприще общественной деятельности Иван Андреевич вступил в 1853 году членом магистрата будучи купцом третьей гильдии. Начал он свою деятельность «с полным самоотвержением, силою и творчеством разностороннего ума». Через два года был избран бургомистром, а 4 февраля 1861 года – город-

ским головой. Претендент на этот пост должен был соответствовать трем условиям: быть старше 30 лет, исповедовать православие и иметь капитал не менее 15 тысяч рублей (весьма солидную сумму по тем временам). Последнее обстоятельство было обусловлено тем, что городской голова не получал постоянного жалования. Правда, ему полагались большие суммы на представительские расходы. Но эти деньги Иван Андреевич обычно тратил на благотворительность и многочисленные социальные проекты.

46 лет в этой должности Милютин работал на благо своего родного города и для развития Севера России вообще! Вкладывая значительную часть своих личных средств в городские предприятия, он стал основателем судоремонтно-судостроительного и механического металлообрабатывающего заводов.

При Милютине Череповец стал центром образования в крае. При населении в 10 тысяч человек две тысячи были учащимися

Как городской голова Милютин заботился о гармоничном развитии города. Особое внимание он уделял образованию, не жалея на это ни сил, ни средств, считая, что «труд и знания только могут победить невежество и бедность». По его инициативе и непосредственно на его капиталы в городе было открыто большинство учебных заведений: Александровское техническое училище, Мариин-

ская женская гимназия, учительская семинария, реальное училище, практико-воспитательная школа для бедных, женское двухклассное училище, первая в России сельскохозяйственная школа и другие социально-значимые объекты. Это так не вязалось с тогдашним статусом Череповца как уездного города, что о нем писали не иначе, как о «Северных Афинах» или «Северном центре народного просвещения». При населении в 10 тысяч человек в городе было две тысячи учащихся, причем половина из них – крестьянского сословия.

Рост числа учебных заведений привел к качественным изменениям во внутренней жизни самого города, что отразилось в увеличении удельного веса интеллигенции в городском обществе, в возрастании духовных потребностей горожан, проявившихся в открытии в городе общественной библиотеки с читальней, музея, трех книжных магазинов, типографии, театра, музыкально-драматического и литературного кружков.

Благодаря стараниям Милютина, при поддержке городских властей и земства, город быстро растет и благоустраивается: появляются булыжные мостовые и деревянные тротуары, центральные улицы получили освещение, для организации горожан был возведен так называемый «Соляный городок», и разбит при нем сад с редкими породами деревьев. Город утопал в зелени.

За 46 лет своего правления Милютин превратил Череповец в процветающий город.

Развивающаяся в Череповце торговля толкало купечество на поиск дешевого кредита. И Милютин добивается разрешения организовать в городе общественный кредитный банк. Его деятельность оказалась весьма плодотворной. Начав с капитала немногим более 10 тысяч рублей, через полвека банк увеличил свой капитал в десять раз. Из этого банка, как пишет Ф.И. Кадобнов, городская дума «с получаемого ежегодно отчисления из прибылей его, достигавшего до 6000 рублей, черпала как из обильного источника средства на нужды просветительного и промышленного развития города».

Благодаря Милютину через Череповец прошла Северная железная дорога, построена гавань. Тем самым была заложена прочная основа для будущего экономического развития города

Крупнейший хлеботорговец и судовладелец был первым во многих начинаниях. Старанием И.А. Милютина была реконструирована Мариинская система, а через Череповец прошла железная дорога. Не одно десятилетие велся спор вокруг Транссибирской железной магистрали, которая должна была связать Владивосток с центром России. Куда она пойдет: на Москву или на Петербург?

Ввязался в полемику и череповецкий городской голова, уж очень ему хотелось, чтобы железная дорога прошла северным маршрутом – через Череповец, – и тем самым «навсегда упрочить существование его в области культурной и экономической жизни, связать его с общей жизнью страны». Иван Андреевич переезжает в Петербург, где снимает квартиру, чтобы быть поближе к министерству путей сообщения, и в течение двух лет полностью отдает свое время решению этой проблемы, ставшей для него наиглавнейшей. Он получает поддержку у министра финансов и ми-

нистра путей сообщения. Принято решение: Северная железная дорога от Сибири до Петербурга пойдет через Вологодский край!

Как только были начаты работы на строительстве Северной железной дороги, Милютин тотчас же начинает хлопотать в правительстве финансирования гавани на реке Шексне, в которую могли бы заходить пароходы и баржи самых больших размеров для разгрузки и погрузки с железной дороги. «Без гавани, но при железной дороге, – говорил Милютин, – Череповец будет «как гусь без воды». И он добивается субсидий!

В 1905 году на железнодорожную станцию «Череповец» Северной железной дороги пришел первый паровоз. Смотреть его сбежалось чуть ли не все население города и близлежащих деревень. «Совершившийся факт, – констатирует Ф.И. Кадобнов, – уже окончательно вывел наш город в один из значительных торгово-промышленных пунктов нашей необъятной матушки России».

Спустя тридцать пять лет, в 1940 году, когда решался вопрос, где должен быть центр северо-западной металлургии, академик И.П. Бардин указал на Череповец, перекресток водных и железнодорожных путей, заложенный Иваном Андреевичем Милютиным.

Купец первой гильдии, судовладелец и банкир, промышленник и экономист, государственный деятель и писатель – таким был Иван Андреевич Милютин, почетный гражданин Череповца, кавалер орденов Владимира 3-й и 4-й степеней, Станислава 2-й степени, Анны 2-й степени. За активную просветительскую деятельность император Николай II пожаловал ему чин действительного статского советника, который давал право на потомственное

Площадь Милютина в Череповце

дворянство. Получение общественным деятелем такого высокого чина – случай беспрецедентный в истории России.

Автор путевых заметок «По Мариинской системе» И.Ф. Тюменев писал, что своим развитием Череповец всецело обязан стараниям и несокрушимой энергии Милютина: «Деятельность Ивана Андреевича не только для города, но и для окружающей местности была настолько полезна и плодотворна, что заслуживает полную признательность не только сограждан, но и каждого русского человека, который понимает, насколько важно просвещение в деле развития и процветания родной земли».

ЦАРЕУБИЙЦА ИЗ ЧЕРЕПОВЦА

Александр II, будучи еще наследником престола, подарил своему воспитателю, поэту Жуковскому, свой мраморный бюст. Однажды Пушкин, рассматривая бюст, вдруг встревоженно воскликнул: «Какое чудное, любящее сердце! Какие благородные стремления! Вижу славное царствование, великие дела, и – о Боже! – какой ужасный конец! По колена в крови!»

…1 марта 1881 года. Император Александр II окончил смотр войск в Михайловском манеже, и царский экипаж в сопровождении конного конвоя из шести казаков, полицмейстера и жандармских офицеров направился в Зимний дворец. Вот он свернул на Екатерининский канал. Гуляющей публики в этот промозглый мартовский день немного: посыльный мальчик волочит по снегу большую корзинку с мясом; дворник, скалывающий лед на тротуаре; двое подмастерьев тащат диванчик; за ними идет какая-то молодая женщина. Вдруг женщина махнула платком. И тут же навстречу карете рванулся совсем молоденький, невысокого роста, сутулый, белобрысый паренек. В руке у него белый узелок. Это – самодельная бомба, завернутая в белый носовой платок.

Николай Рысаков

Император Александр II

Вот он размахнулся и бросил смертоносную ношу под копыта лошадей. Прогремел страшный взрыв, убивший и ранивший казаков из конвоя. Чуть поодаль, на тротуаре, бьется в конвульсиях умирающий мальчик из мясной лавки. Рядом корчится от боли и пытается встать раненный городовой. Воспользовавшись суматохой, террорист бросился бежать, но на его пути дворник ловко бросил лом ему под ноги. Бомбист споткнулся, на него тут же навалилась и чуть не растерзала толпа охранников, городовых, филеров, прохожих.

Оглушенный взрывом, царь выбрался из разбитой кареты, подошел к пострадавшим казакам. На вопрос начальника конвоя о самочувствии государь, уже испытавший к этому времени шесть покушений, ответил: «Слава Богу, я уцелел, но вот…» – и указал на убитых и раненых. «Еще слава ли Богу?» – усмехнулся схваченный террорист. Царь подошел к нему, спросил, кто таков. Покушавшийся назвался мещанином Глазовым, родом из Витебской губернии. Император произнес: «Хорош! – погрозил ему пальцем и направился к своей карете. В это время к царю подскочил другой террорист – Игнатий Гриневицкий – и метнул ему в ноги бомбу. Раздался новый, еще более мощный взрыв. Вновь десятки раненых и убитых. Среди снега, мусора и крови разбросаны остатки изорванных мундиров, эполет, сабель и куски человеческого мяса. С головы царя упала фуражка; разорванная в клочья шинель свалилась с плеч; из размозженных ног струями льется кровь. Бесчисленные раны покрывали его лицо и голову. Слабым голосом он повторял и повторял: «Холодно… холодно…» Недалеко от царя в луже крови умирал бросивший бомбу Гриневицкий.

…Истекающего кровью государя внесли в Зимний дворец, в его кабинет, оставляя кровавый след на мраморных ступенях. В этом кабинете двадцать лет назад он подписал Манифест об отмене крепостного права.

…Духовник Его Величества, причастив государя, начал читать отходную. В 3 часа 35 минут пополудни лейб-медик Боткин, постоянно слушавший пульс царя, опустил его окровавленную руку и негромко произнес: «Государь император скончался!»

О мученической смерти императора Александра II Череповец узнал только на другой день в 9 часов вечера из телеграммы городского головы И.А. Милютина. Гласных, купечество и чиновников страшное известие потрясло. Они были растеряны и испуганы. А испугаться было чего: один из террористов – Николай Рысаков – был выпускником Череповецкого реального училища. Этот злодей опозорил город, славившийся своими образовательными учреждениями.

Как смыть позор? Милютин подробно инструктирует народных избранников: прежде всего составить верноподданическое послание новому царю и собрать под ним как можно больше подписей, направить во дворец депутацию, а еще – путем сбора пожертвований в знак скорби о «в бозе почившем» устроить в Череповце храм «на крови».

Адрес дума составила, депутацию к Александру III отправила, а вот сборов на церковь производить не стала.

Вся Россия содрогнулась от ужаса и горя при вести о мученической смерти Царя-Освободителя, снявшего с русского народа узы векового рабства. Прямым следствием отмены крепостного права стала земская реформа. Для просвещения народа было открыто много средних учебных заведений и ряд университетов, появились библиотеки, читальни, музеи. Практически в это же время было реформировано и судопроизводство. Преобразования коснулись и армии. По воле дальновидного императора готовилась

Седьмое покушение на Александра II закончилось его гибелью

еще одна реформа – эпохальная для России – проект конституции, которой никогда прежде у нее не было и которая должна была положить начало первому отечественному парламенту.

Весть о страшном событии взбудоражила и жителей Череповца. Да и как иначе – среди террористов выпускник Череповецкого реального училища Николай Рысаков! Позор на всю Россию!

С появлением земства в стране увеличилась численность провинциальной интеллигенции: фельдшеров, учителей, ветеринаров, агрономов, землемеров, статистиков, адвокатов и т.д. Хорошо образованные, близко знавшие народные нужды, эти люди сделали очень многое для развития просвещения и культуры в российской глубинке. Большинство из них находилось в оппозиции к самодержавной власти и выступало за демократические преобразования в стране.

Кое-кто из преподавателей череповецких учебных заведений: женской гимназии, технического и реального училищ, учительской семинарии – также разделяли народнические взгляды и, естественно, оказывали влияние на умы учащихся. В учительской семинарии, к примеру, был создан кружок, где тайно читались и обсуждались сочинения Герцена, Чернышевского, Добролюбова, позднее – изучались сочинения Карла Маркса и Г.В. Плеханова. Кружок имел тайную библиотеку, издавал печатавшийся на гектографе журнал «Слово». А в реальном училище, где учился Рысаков, среди учителей был ссыльный нигилист, некто Васильев. И, вполне вероятно, что Николая Рысакова еще в Череповце увлекла революционная романтика.

«Когда Рысаков учился в реальном училище, – говорила на суде по делу боевиков партии «Народная воля» свидетельница из Череповца Енько-Даровская, – то жил он в числе других мальчиков у меня. Жили по три человека, платили 15 рублей в месяц. Учился хорошо, скромный в поведении, много читал, брал уроки французского и английского языков. Первый год в училище он учился слабо, а потом выправился. Был набожным более других мальчиков и с охотой посещал церковь».

В сентябре 1879 года Рысаков стал вольнослушателем Петербургского горного института. В виду крайней бедности получал от администрации денежную помощь. Но на втором курсе неожиданно исчезает без всякого объяснения в институте. Как потом признается следователям, осенью 1880 года он познакомился с революционером из революционно-террористической организации «Народная воля», которого все называли «Захаром» (на следствии он узнал, что это Андрей Иванович Желябов).

И в детстве, и в отрочестве он видел нужду. Только нужду. Родителей, крестьян, рабочих лесопильного завода в поселке Ковжинская Запань Вытегорского уезда, где жили его родители. И уже тогда сочувствовал социалистическим идеям, читал запрещенные книги. Николая постоянно терзал голод: по куску мяса, по лишнему рублю, чтобы зайти в лавку и купить башмаки, голод по друзьям, которые могли бы его понять и обещали бы другую жизнь, – без одиночества и без бедности. В «Захаре» он нашел такого человека. «Захар» перевернул его жизнь. Он вдруг увидел, что этот человек, такой же нищий, неустроенный и бездомный, как он сам, однако могуч и почти всесилен. «Россия, истомленная голодом, измученная самоуправством царя, не может жить так долее. Только активная борьба против деспотизма может вывести Россию на путь свободного и самостоятельного развития», – говорил «Захар». Рысаков поддался влиянию его страстной революционной натуры, и сам захотел быть активным. Он перешел на нелегальное положение и стал жить по паспорту на имя Макара Глазова. В отличие от большинства народовольцев он не имел опыта революционной работы. Не изведал ни преследований, ни горя поражений, ни гибели товарищей. Тайные встречи, конспиративные квартиры, оружие в кармане, условный, понятный только избранным язык – все это воспринималось им как элемент некой увлекательной, хотя и опасной, игры.

Андрей Желябов ввел Рысакова в группу агитаторов среди фабричных рабочих, которые побуждали их к открытому восстанию с целью политического переворота, затем в группу слежки за передвижением царя и наконец в боевую рабочую дружину – группу бомбометателей.

26 августа 1879 года Исполнительный Комитет «Народной воли» вынес заочный смертный приговор Александру II и устроил настоящую охоту на императора, выслеживая каждый его шаг. Вместе с другими террористами Рысаков следил за выездом Александра II, чтобы установить путь следования царя.

В течение полутора месяцев группа слежки выяснила следующее: каждое воскресенье император ездит в Михайловский манеж, где проходит развод караулов гвардии, сопровождаемый конвоем из шести-восьми казаков; время выездов соблюдается с пунктуальной точностью. Пути возвращения в Зимний дворец было два: один путь – через Малую Садовую улицу, второй – через Екатерининский канал. Стали думать, какое место самое удобное для покушения. Решили, что лучше всего – поворот на Екатерининский канал, тут кучер сдерживает лошадей, карета

едет почти шагом. Отряд метальщиков Андрей Желябов подбирал постепенно, приглядывался, кто на что способен. Да выбирать, правда, не приходилось, самые стойкие были за решеткой. Остановился на четверке: Гриневицкий, Рысаков, Емельянов, Тимофей Михайлов. Под руководством Николая Кибальчича, отвечающего за изготовление бомб, за городом, в пустынном месте, провели испытание пробного снаряда.

Покушение чуть не сорвалось: царская охранка буквально накануне арестовала руководителей «Народной воли» Александра Михайлова и Андрея Желябова. Но это народовольцев не остановило, было лишь удвоено число бомбометальщиков. Руководство покушением на царя взяла на себя Софья Перовская. Она объяснила, где кто будет стоять с бомбами наготове и ждать ее сигнала о приближении царской кареты.

Утром, 1 марта, ворота Михайловского манежа распахнулись, и Александр II в мундире лейб-гвардии саперного батальона въехал в манеж, сопровождаемый свитой. Саперы два раза прошли перед царем. Он был доволен. «Благодарю за службу! Всем моя душевная благодарность, – похвалил император саперов. Оркестр заиграл гимн. Две минуты длилось раскатистое «ура!» После парада Александр II отправился в Михайловский дворец к любимой кузине Екатерине Михайловне, где пил чай. В 2 часа 15 минут пополудни императорская карета отъехала от Михайловского дворца, и Перовская, махнув платком, дала знак метальщикам…

Бросить бомбу – не дрогнула рука Николая Рысакова, Но вот он схвачен, лишен поддержки старших товарищей и перед ним, девятнадцатилетним, маячит тень виселицы. Очутившись в руках следственных властей, обладавших искусством покорять слабовольных, не закалившихся в борьбе, запугивая их скорой, неизбежной казнью и всячески обольщая обещаниями в случае откровенности избавиться от нее, – он не устоял. И выдал решительно всё и всех, кого знал, надеясь путем предательства купить себе жизнь.

На первом же допросе сообщил, что он вовсе не Глазов, а Николай Иванов Рысаков из мещан города Тихвина, Новгородской губернии. Рассказал о своем знакомстве с Андреем Желябовым, которого знал под именем «Захара», о его роли в подготовке покушения и описал его приметы.

Желябов был ранее выслежен филерами и сидел в камере предварительного заключения. В два часа ночи ему приказали

одеться и повезли в Департамент полиции. В комнате, в которую ввели, сидели за столом генерал и еще два чина. Через минуту ввели Рысакова, был он невероятно бледным. «Знаете сего субъекта?» – спросил генерал. Андрей сказал, что знает. «Сей гражданин совершил покушение на священную жизнь почившего в бозе Государя императора. Что вы знаете об этом злодеянии?». «Господа, сие не злодеяние, а величайшее благодеяние для освобождения народа и большой праздник для революционной партии!» – воскликнул Желябов. «Прекратить пропаганду!» – крикнул, хлопнув по столу, генерал. – «Докладывайте факты!». «Пожалуйста, факты. Цель нашей партии осуществилась. И могу сказать, что я не принял прямого участия в покушении только потому, что лишен свободы, но нравственно – полностью сочувствую этому революционному подвигу».

Допрос Желябова длился несколько часов. Потом его увезли в Предварилку. Оставшись один в камере, он лег на койку, стал размышлять. Одновременно с радостью возникало что-то иное. Партия победила, но какой-то рок преследует его самого. Буквально накануне судьба вырвала его из дела. И жалкий Коля Рысаков, у которого в мозгах все перемешано: револьверы, робеспьеры, девочки с Невского проспекта и которого одновременно с желанием перевернуть мир одолевает желание съесть большой бутерброд с колбасой – этот юнец будет на суде представлять партию? Кому нужен такой процесс? Процесс должен расшевелить народ, в речи на процессе нужно дать открытый бой на всю Россию!

«Я должен стать участником процесса», – решил Андрей. Он потребовал бумаги и чернил. И написал на имя прокурора судебной палаты прошение: «Если Рысакова намерены казнить, было бы вопиющей несправедливостью сохранить жизнь мне, многократно покушавшемуся на жизнь Александра II и не принявшему физического участия и умерщвления его лишь по глупой случайности. Я требую приобщения себя к делу 1-го марта и, если нужно, сделаю уличающие меня разоблачения. Прошу дать ход моему заявлению. Андрей Желябов».

Он ходил из угла в угол камеры, обдумывая будущую речь. «Нужно обязательно подчеркнуть важность для России самого акта казни царя, примерно так: «Господа судьи, 1 марта нужно рассматривать, как историческое событие». Да, именно историческое. А дальше показать, почему мы от мирной пропаганды социалистических идей перешли к террору. И руководитель «Народной воли» записал на листке: «Взгляните в отчеты о политических процессах, в эту открытую книгу бытия. Вы увидите, что русские

народолюбцы не всегда действовали метательными снарядами, что в нашей деятельности была юность, розовая, мечтательная, и если она прошла, то не мы тому виной. Мы, переиспытав разные способы действовать на пользу народа, выбрали мирную пропаганду социалистических идей. Движение совершенно бескровное было подавлено, и мы вынуждены были перейти к насилию, к убийству царя, чтобы всколыхнуть народ».

Николай Кибальчич, изобретатель боевых снарядов, зная о том, какой конец его ожидает, в это время размышлял над самой смелой технической идеей XIX века, спешил закончить проект… реактивного летательного аппарата. Раньше все рук не доходило. Константин Циолковский, разработавший ту же идею, но после Кибальчича, был потрясен, когда ему показали найденный в архиве Департамента полиции проект террориста.

А Рысаков продолжал свое предательство. Выдал конспиративную квартиру на Тележной, где народовольцы собирались для совещаний и где получили метательные снаряды для теракта. На квартире была оставлена засада, в которую попал Тимофей Михайлов, оказавший при аресте вооруженное сопротивление. Коля Саблин, не желая даваться живым, застрелился. По доносу Рысакова арестованы Аркадий Тырков, Геся Гельфман, Вера Фигнер и Николай Кибальчич. Когда пригласили на очную ставку Софью Перовскую, признал в ней ту самую блондинку, которая руководила покушением первого марта и которая принесла снаряды в узле. В городе шли повальные обыски. На улицах хватали подозрительных: очкастых, длинноволосых.

Суд над первомартовцами. Рисунок очевидца. 1881 г.

Рысаков выкладывал решительно всё, и не только то, что сам знал, но и то, что когда-либо слышал от кого-нибудь. Его пугала смерть. Ведь он совсем не жил, всего девятнадцать лет, ничего хорошего в жизни не видал: один голод, бедность, пустота. «Почему я должен умереть только потому, что произошла трагическая случайность? – говорил он следователю на очередном допросе. – Я не закоренелый изверг, случайно вовлечен в преступление, находясь под влиянием других лиц. Ведь не я должен быть первым нумером, а Михайлов, но он струсил, сбежал. И не я стал виновником смерти государя. От моей бомбы, слава Богу, он остался жив. Дайте мне некий срок свободы, хотя бы год, чтобы я мог приложить свои конспиративные способности в ином направлении – для выявления революционеров. По истечению этого срока умоляю о поселении на каторге или на Сахалине, или в Сибири. Я честно хочу загладить свое преступление. Себя вполне предоставляю в распоряжение верховной власти и каждому его решению с благоговением покорюсь».

Все еще надеясь на лучший исход, Николай Рысаков подает прошение на имя Александра III о помиловании, мол, «вполне сознаю весь ужас злодеяния, совершенного мною под давлением чужой злой воли, я решаюсь всеподданейше просить Ваше Величество даровать мне жизнь единственно для того, чтобы я имел возможность тягчайшими муками хоть в некоторой степени искупить великий грех свой».

Но Особое присутствие Сената порешило, что «всеподданнейшая просьба Рысакова о помиловании представляется не заслуживающим уважения».

26 марта 1881 года состоялся суд Особого присутствия Правительствующего Сената «для суждения дел о государственных преступлениях». На скамье подсудимых – тихвинский мещанин Николай Рысаков, 19 лет; крестьянин Таврической губернии Андрей Желябов, 30 лет; дворянка Софья Перовская, 27 лет; крестьянин Смоленской губернии Тимофей Михайлов, 21 года; мещанка Минской губернии Геся Гельфман, 26 лет; сын священника Черниговской губернии Николай Кибальчич, 27 лет.

Все обвиняемые были признаны виновными в принадлежности к тайному сообществу русской социал-революционной партии, имевшей целью ниспровержение государственного и общественного строя в Российской империи путем насильственного переворота и в посягательствах на государя и других лиц. Выслушав дело и прения сторон, Правительствующий Сенат постановил: подсудимых Желябова, Перовскую, Гельфман, Кибальчича

и Рысакова лишить всех прав состояния и подвергнуть смертной казни через повешение.

…Ранним утром 3 апреля 1881 года из ворот Дома предварительного заключения выкатили две высокие «позорные колесницы», на которых в черных арестантских халатах сидели связанные по рукам и ногам Андрей Желябов, Николай Рысаков, Тимофей Михайлов, Софья Перовская и Николай Кибальчич. На груди у них черные доски с надписью – «цареубийца». Геси Гельфман среди них не было: ее казнь отложена в связи с беременностью, она умрет при родах в тюремном лазарете.

Вслед за колесницами едут две кареты с пятью священниками в траурных ризах и с крестами в руках. Окруженная конными жандармами процессия медленно продвигается по улицам города к месту казни на Семеновском плаце. Вот и эшафот с позорными столбами и виселицей в виде буквы «П». Позади эшафота пять черных деревянных гробов. Преступников привязывают к позорным столбам, надевают на них белые саваны, накидывают на головы башлыки. Барабанщики пробили дробь, раздается команда «на караул». Обер-секретарь зачитывает приговор. По окончании чтения к осужденным подходят священники и осеняют их крестным знамением…

Знаменитый тюремный палач Фролов накидывает петли на шеи террористов, барабаны перестают выбивать дробь…

Здание реального училища, где учился Рысаков,
по распоряжению правительства было выкрашено в черный цвет

…Приговор приведен в исполнение. На помост взошел врач, констатировал смерть каждого из казненных, после чего их по очереди сняли с петель и положили в гробы. Народ медленно покидает площадь. Лишь возле эшафота толпится кучка людей: предприимчивый палач Фролов продает желающим «на сувенир» снятые с виселицы веревки…

Как ни старались черепане выразить искренность верноподданических чувств, браня злодея Николая Рысакова, правительство посчитало Череповец крамольным городом. И в память о совершенном цареубийцей Рысаковым злодеянии, белоснежные стены здания реального училища, в котором он учился, по распоряжению императора Александра III выкрасили черной краской.

Помирился Череповец с царской семьей в 1890-х годах, когда всенародно, с большим почетом, встретил у себя князя Владимира и угостил княжескую особу великолепным обедом. Как пишет известный череповецкий краевед Г.К. Виноградов, «памятник этого дня – деревянные триумфальные ворота – долго украшали спуск с Соборной горки на реку Ягорбу, пока не сгнили и не были за ветхостью убраны»…

СТРАННАЯ МЕДАЛЬ

Среди семейных реликвий череповчанина А. Сторожева хранится медаль. Она принадлежала его деду: он принимал участие в русско-японской войне 1904-1905 годов и с войны вернулся с медалью. Надпись на ней какая-то странная. Долго над ней ломали головы, стараясь понять смысл слов: «Да вознесет вас Господь в свое время». Тайну этих слов семья Сторожевых узнала из книги генерала Игнатьева «Пятьдесят лет в строю».

…Победоносной войной над маленькой Японией император Николай II надеялся сбить волну недовольства и революционный накал в стране, поднять патриотический и национальный дух россиян. Но действительность опрокинула все надежды императора. Русские войска на полях Маньчжурии несли одно поражение за другим. Русский флот был жестоко разгромлен в Цусимском проливе. И все же царские сановники решили учредить медаль в память о русско-японской войне. На лицевой стороне ее было изображено «всевидящее око Господне», а на обратной – слова: «Да вознесет вас господь». Проект медали попал на утверждение к царю Николаю II. Тот написал резолюцию: «В свое время. Ни-

колай». Дескать, побед сейчас нет, за которые бы следовало награждать, а когда будут, тогда и отчеканим медаль. Царедворцы, не разобравшись в смысле царской резолюции, переспрашивать не решились, взяли и добавили слова резолюции к имевшемуся тексту. И получилось: «Да вознесет вас Господь в свое время».

Медаль была отчеканена на Монетном дворе и направлена в действующую армию. Популярностью она не пользовалась. И солдаты, и офицеры считали ниже своего достоинства носить на груди эту медаль. Но в семье А. Сторожева хранят дедову медаль как память о русском солдате, который, право же, не был виноват в глупой надписи.

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ ХУДОЖНИКА-БАТАЛИСТА

…Когда через брешь стены в Самаркандскую крепость ворвались осаждающие, русские солдаты и офицеры растерялись. Тогда человек в штатском, взяв винтовку, с криком: «Братцы, за мной!» бросился вперед, увлекая за собой воинов. Нашествие было отражено. Этим человеком был В.В. Верещагин, прибывший в действующую армию как художник-баталист. Не раз Василий Васильевич участвовал в смелых вылазках, вступал в рукопашную. А когда противник водрузил над воротами крепости знамя, Верещагин под градом пуль сорвал его. Он первым из гарнизона крепости был награжден Георгиевским крестом.

Василий Васильевич Верещагин родился 26 октября 1842 года в Череповце в семье предводителя дворянства. Семи лет Васю Верещагина отдали в Морской кадетский корпус, одновременно он посещал уроки рисования в школе Общества поощрения художеств. Интерес к рисованию у него обнаружился рано. В шесть лет срисовал он с платка своей няни картинку – тройку лошадей преследуют волки. И волки, и стреляющие в них седоки, и деревья, покрытые снегом, получились у него так хорошо, что няня, отец и мать и многие приезжие дивились и хвалили маленького художника. Верещагин был лучшим выпускником Морского кадетского корпуса. Но, тотчас после производства в прапорщики, подал в отставку, и вопреки воле родителей поступает в Петербургскую Академию художеств, позднее в течение трех лет учится в Париже.

Еще учась в Академии, он понимал, необходимость путешествия, «чтобы учиться живописи у самой жизни». В 1887-1878 го-

дах художник-баталист участвует в русско-турецкой военной компании. Он путешествует по Кавказу, Средней Азии, Индии, запечатлевая свои наблюдения в пейзажах, жанровых и исторических полотнах. Неутомимый путешественник, художник-баталист и вместе с тем солдат мира в 1901-1902 годах побывал на Филлипинских островах и на Кубе, где только что отшумела колониальная война, а в 1903 году – в Японии.

Василий Васильевич Верещагин

В богатой событиями и опасностями жизни Верещагина было «самаркандское сидение», четыре штурма Плевны, Шипкинский перевал. В местечке Шипка-Шейново 28 декабря 1877 года генерал Скобелев дал бой туркам. Вспоминая этот день, Немирович-Данченко писал: «Кругом люди падали как мухи… и посреди этого ада В.В. Верещагин, сидя на своей складной табуретке, набрасывал в походный альбом общую картину атаки…» Был Дунай и отчаянная, смертельно опасная попытка на крохотном судне «Шутка» потопить вражеский пароход… В этом бою Верещагин был тяжело ранен и, начав приходить в себя после ранения, откровенно писал В.В. Стасову: «Я оставил Париж и работы мои не для того только, чтобы быть ближе к дикому и безобразному делу избиения; не для того, чтобы рисовать, а для того, чтобы смотреть, чувствовать, изучать людей. Я совершенно приготовился к смерти в Париже, потому что решился, выезжая в армию, все прочувствовать, самому с пехотой пойти в штыки, с казаками в атаку, с моряками на взрыв монитора…»

Верещагин отправляется в Туркестан, в действующую русскую армию для работы на натуре. Он восхищается природой, историческими памятниками, дотошно изучает обычаи и традиции местного населения, проявляет геройство во время обороны Самарканда и открывает для себя ВОЙНУ, но совсем не такую, как ждал и надеялся увидеть – «парад с музыкой и развевающимися султанами…» Война оказалась страшной.

Результатом полученных впечатлений явились многочисленные серии картин о войне, – кровавой и беспощадной. Верещагин делается убежденным противником войны. В одном из писем П.М. Третьякову, высоко ценившему талант художника, Верещагин писал: «Передо мною, как перед художником, война, и я ее бью, сколько у меня есть сил, сильны ли, действенны ли мои удары – это другой вопрос, вопрос моего таланта, но я бью с размаха и без пощады».

Выставки картин, которые В.В. Верещагин устраивает в России и за рубежом – в Вене, Брюсселе, Будапеште, Лондоне, Париже, Берлине, Нью-Йорке – принесли ему мировую славу.

… Ночью 27 января 1904 года торпедной атакой японских миноносцев на российские корабли, стоявшими на рейде в Порт-Артуре, началась война с Японией.

Страдая от малоземелья на своих островах, японцы мечтали о приобретении новых земель. В 1894 году они объявили войну соседнему с ними огромному, но слабому в военном деле Китаю и отняли у них несколько островов. Испытав свою военную силу, японцы стали искать случая к дальнейшему расширению своих владений. Прежде всего взоры их обратились на слабую Корею. Затем их привлекла к себе и китайская область Маньчжурии, через которую был проложен русскими железнодорожный путь к Порт-Артуру, переданному Китаем России во договору во временное владение. Зарились они и на остров Сахалин, южная половина которого до 1875 года принадлежала Японии.

К январю 1904 года Япония сочла себя достаточно готовой на войну с Россией.

Верещагин давно решил для себя: в случае «драки» с японцами он непременно должен находиться в действующей армии. Безутешно заплакала жена Лидия Васильевна: «Господи! Опять! В ноябре только что вернулся из Японии… Неужели без тебя не обойдутся?! Подумай о детях». «Мой труд требует, как можно больше впечатлений – ты это знаешь», – ответил Василий Васильевич. И Лидия Васильевна замолчала, отступила, знала по опыту об упрямстве мужа.

День, когда он уезжал на Дальний Восток, запечатлелся в памяти его сына Василия, которому было тогда 11 лет: «Рано утром 28 февраля отец простился с каждым из служащих в усадьбе, а потом прощался с матерью. Меня и сестер подняли ранее обычного… Он сел, а мы, как всегда прилепились к нему: я и средняя сестра сели по обеим сторонам на мягкие ручки кресла, а

младшая – на колени… Отец был крайне взволнован. Он говорил нам, что уезжает надолго, что не знает, когда вернется, чтобы мы любили и слушались маму, любили друг друга, не ссорились, хорошо учились, были бы честными и всегда говорили только правду… Потом вышел в переднюю, быстро оделся, и мы слышали, как хлопнула дверь парадного входа…

Вдруг мы услышали быстрые шаги отца, который прошел через кухню и коридор, открыл дверь и остановился на пороге столовой. Мы все трое крикнули: «Папочка!» – и вскочили, чтобы бежать к нему. Но он молча замахал на нас обеими руками, и мы в испуганном недоумении остановились. Отец стоял на пороге, лицо его выражало страшное волнение, а глаза, в которых блестели слезы, он быстро переводил с одного из нас на другого. Продолжалось это не более одной или двух секунд, после чего он резко повернулся и вышел. То были последние мгновения, в течение которых мы его видели.

Старая кухарка покачала сокрушенно головой и громким шепотом сказала: «Вернулся! Ох, не хорошо это! Не быть добру!»

В Порт-Артуре Верещагин встретил хорошо знакомого ему адмирала Степана Осиповича Макарова, командующего Тихоокеанским флотом. Помимо военных талантов он был еще и замечательным ученым, автором многочисленных работ по океанографии, артиллерийскому, минному делу. Незадолго до войны он совершил два плавания по Северному Ледовитому океану на ледоколе «Ермак», который был построен по проекту и чертежам адмирала.

Макаров пригласил художника к себе на флагманский корабль – броненосец «Петропавловск».

Жаркие схватки между легкими кораблями проходили едва ли не каждую ночь, но Макаров не разрешал Верещагину принимать участие в каком-нибудь ночном поиске: «Не надо рисковать жизнью. Будет бой, и бог знает, кто из нас уцелеет. А вы нужны искусству!» – «Что вы, Степан Осипович! – отвечал Верещагин. – В Порт-Артур я затем и приехал, чтобы воочию видеть морские сражения и запечатлеть их с близкого расстояния. А рисковать мне не привыкать». – «Зная ваш упрямый характер, настаивать не могу».

Макаров взял его на дежурную канонерку «Гиляк», стоявшую у самого прохода в гавань. Верещагин писал жене: «Сторожевая лодка «Гиляк» одна выдавалась впереди всех судов. На «Гиляке» все было спокойно, темно, только прожектор далеко освещал

море… Ночь прошла спокойно. Так мое ожидание бомбардировки и боя не выгорело, авось будет еще впереди».

И еще две ночи провел Верещагин на сторожевых судах в тревожном ожидании, но тщетно – японцы не показывались.

Утром 30 марта адмирал Макаров собрал на броненосце совещание командиров миноносцев. «Я слушал адмирала, – вспоминал в дневнике лейтенант В.И. Лепко, – а сам все косился на угол, где примостился с мольбертом художник Верещагин. У него было лицо мыслителя, а взор прямо-таки излучал вдохновение. Движение кисти были резки и энергичны. Что он там рисовал? Очень хотелось мне взглянуть. Но в этот момент адмирал, видимо, заметив мои маневры, вдруг обратился ко мне: «Вам все понятно, лейтенант Лепко?» Я покраснел и засмущался, как нашкодивший школьник. Больше я уже не смотрел в сторону Верещагина».

Вечером того же дня Василий Васильевич пишет письмо жене Лидии Васильевне, оказавшееся последним: «Лидушенчик мой милый. Сейчас еду на адмиральский корабль «Петропавловск», с которого вот уже три ночи ездил на сторожевое судно встречать брандер, но без успеха. Хочу поехать и сегодня. Вчера выходили в море, но неприятеля не видели. Я подбиваю Макарова пойти подальше, но не знаю, согласится ли… Сила выходит большая: 5 броненосцев, крейсер, миноносцы… Поцелуй деток покрепче и всем поклонись… Прощай голубок, будьте здоровы, не забывайте вашего любящего вас душою папы».

Поскольку закупорить выход из Порт-Артура не удалось, а бомбардировки встретили решительный отпор, не принеся ощутимых результатов при большом расходе снарядов, японский адмирал Того поставил перед командиром партии заграждения задачу: под покровом ночи заминировать выход русским кораблям из Порт-Артура.

Ночь на 31 марта 1904 года выдалась туманной. Это вполне устраивало японцев…

С.О. Макаров, несмотря на уговоры офицеров штаба и «Дианы», отказывался прилечь и отдохнуть. Однако вскоре усталость взяла свое, и адмирал задремал в кресле. Почти сразу же его разбудил командир крейсера, доложивший о подозрительном движении на рейде. Степан Осипович дважды выходил наверх, но посчитал обнаруженные сигнальщиками корабли своими миноносцами. Открывать огонь он запретил. А японцы тем временем окончили минную постановку и скрылись.

На рассвете стали возвращаться посланные накануне на разведку миноносцы. Но вернулись не все – один миноносец,

«Страшный», заблудился в тумане, отстал от основной группы и, окруженный четырьмя японскими кораблями, был вынужден принять неравный бой. Устремившийся ему на помощь крейсер «Баян» спас только пятерых матросов о остальная команда и офицеры погибли. Сам же «Баян» принял бой с шестью японскими крейсерами, но был буквально засыпан снарядами.

В 7 часов 15 минут на горизонте обозначились основные силы японского флота с кораблем командующего, адмиралом Того. Русская эскадра вступила в бой…

Художник Верещагин стоял на мостике броненосца рядом с адмиралом Макаровым. Дул порывистый, холодный ветер, но адмирал не запахивал шинели, разгоряченный и взволнованный. Верещагин, несмотря на уговоры адмирала, не ушел в боевую рубку, остался на верхнем мостике и увлеченно делал зарисовки в альбом, захваченный целиком грандиозной панорамой морского боя. Макаров энергично распоряжался. «Ходит по-скобелевски, что твой тигр или белый медведь…» – отметил про себя Верещагин. Под карандашом художника вырисовывались силуэты японских кораблей, береговых гор, окружавших Порт-Артур. Он был хмур и молчалив. Изредка отвлекался от работы и наблюдал за Макаровым, обеспокоенным потерей миноносца. На минуту он закрыл альбом, задумался, вспомнил о доме, жене, детях. Только вчера он получил письмо от жены: «Милый Вася, ради бога, держись подальше от этого Порт-Артура, береги свою жизнь, помни о детях…»

Японцы отступали до тех пор, пока в 25 милях от Порт-Артура не подошли главные силы Того. Степан Осипович с горечью убедился в том, что его противник получил солидное подкрепление. В кильватер шести японским броненосцам шли новые броненосные крейсеры…

Находившийся на «Петропавловске» великий князь Кирилл Владимирович впоследствии вспоминал, что, увидев вражескую эскадру, Макаров решил, что принимать бой с превосходящим русскую эскадру по численности японским флотом нецелесообразно, и отдал приказ отходить на внешний рейд, чтобы там принять бой при поддержке береговой артиллерии. Сбавив ход, эскадра перестроилась и двинулась в сторону Порт-Артура.

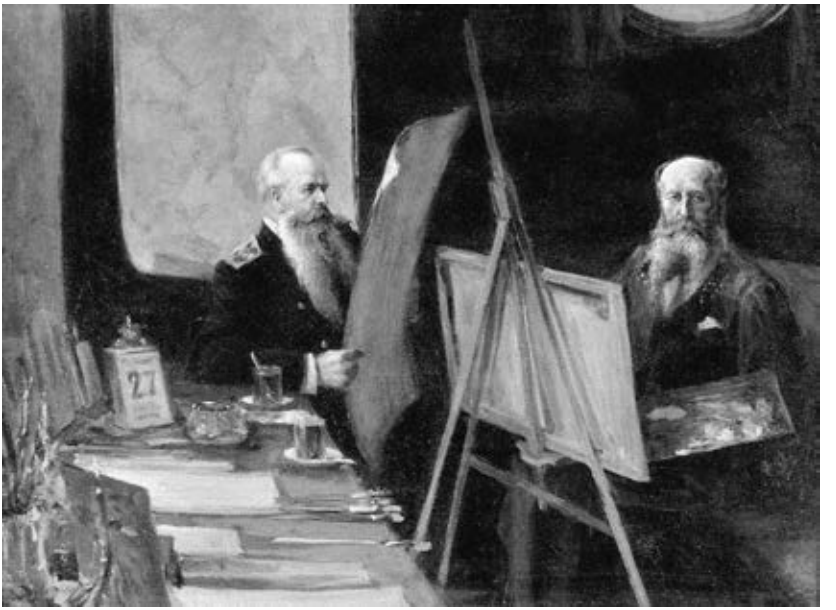
Вдруг раздался оглушительный, страшной силы взрыв: флагманский корабль напоролся на мины, поставленные японцами. Верещагин выронил из рук альбом с зарисовками и повернулся к Макарову. И тут же последовал второй взрыв, это взорвались боеприпасы в торпедном погребе и паровые котлы, в воздухе мель-

кнула корма с работающими винтами – и мощнейший корабль, один из лучших судов русского флота, ушел в глубины Желтого моря.

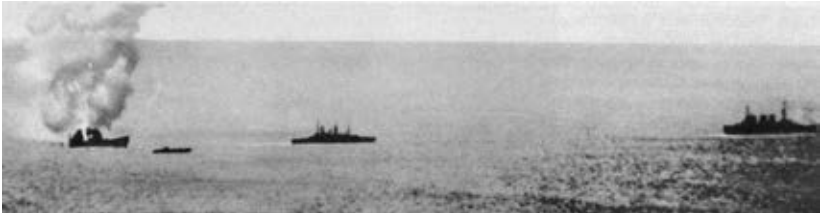
Лейтенант В.И. Семенов, находившийся на «Диане», вспоминал о гибели броненосца «Петропавловск»: «Кормовая часть броненосца вдруг словно раскрылась, и какой-то ураган пламени хлынул из нее, как из кратера вулкана! Мне казалось, что даже несколько мгновений спустя после того, как скрылись под водой остатки броненосца, море выбрасывало это пламя!»

А вот воспоминание мичмана И.И. Ренгартена с «Полтавы»: «Петропавловск» сразу накренился и стал уходить носом в воду, над местом взрыва выкинуло громадное пламя и целую кучу дыма. После этого взрыва было слышно еще несколько… Палуба мгновенно была объята пламенем. Трубы и мачты сразу куда-то исчезли, корма выскочила из воды, винт левой машины заработал в воздухе, люди падали кучами, многие падали в винт, и их размалывало на наших глазах…»

Из экипажа в 650 человек команды спасти удалось лишь шестерых офицеров, великого князя Кирилла Владимировича и полсотни матросов.



Адмирал С.О. Макаров в мастерской Верещагина



Гибель броненосца «Петропавловск»

Адмирала Макарова и художника Верещагина среди них не было. Обнаружили только пальто адмирала с двумя орлами на погонах и с лентой Георгия в петлице. Один из военных корреспондентов, участвовавший в спасении погибавших, отметил в своей записной книжке: «Адмиральское пальто бережно развесили на поручнях крейсера «Гайдамак». Матросы стояли поодаль на палубе и сосредоточенно, угрюмо смотрели на знакомое пальто, с которого стекала вода. Из группы матросов отделился старый бородатый боцман, весь в нашивках за сверхсрочную службу. Он подошел к пальто поцеловал его… и, махнув рукой, заплакал и отошел. За ним потянулись другие с благоговением и со слезами».

Весть о гибели знаменитого художника мгновенно облетела Россию. Посвященные ему некрологи публиковались в крупнейших газетах Москвы, Петербурга, многих провинциальных городов, где в разные годы проходили выставки картин Верещагина. Горестная весть всколыхнула общественность Европы и США. «Санкт-Петербургские ведомости» писали: «Весь мир содрогнулся при вести о трагической гибели В. Верещагина, и друзья мира говорят: «ушел в могилу один из самых горячих поборников идеи мира». Макарова оплакивает вся Россия, Верещагина оплакивает весь мир».

На гибель Верещагина откликнулись даже в Японии. Писатель Кайдзан Никадзато писал с болью и уважением: «Он пожертвовал своей жизнью ради своего призвания. Мы завидуем России, где живет Толстой, а узнав о смерти Верещагина, мы не можем еще раз не почувствовать к этой стране уважения и почтения».

ДЕДУШКА ВОЛОГОДСКОГО МАСЛА

На дне Рыбинского водохранилища покоится деревня Пертовка и находившаяся неподалеку усадьба потомственного дворянина, отставного коллежского асессора Василия Васильевича Верещагина. Наибольшую известность из его семерых детей снискал Василий Верещагин – знаменитый художник-баталист. Однако не меньшей признательности и славы заслуживает и его старший брат, Николай Васильевич, создатель первых российских сыроварен на артельных началах и знаменитого «вологодского» масла.

Николай Васильевич Верещагин

Десяти лет Николай был отдан в Морской кадетский корпус. В 1859 году мичман Николай Верещагин получил от своего начальства разрешение посещать вольнослушателем Санкт-Петербургский университет, где посещал лекции профессора Советова, пропагандировавшего травосеяние как одну из гарантий обеспечения скотоводства кормами.

19 февраля 1861 года был оглашен Манифест об освобождении крестьян от крепостной зависимости. Прямым следствием отмены крепостного права стала земская реформа. Многие офицеры уходили со службы, шли в статскую службу в министерства или в земства проводить намеченные преобразования. Не миновал службы в земстве и Николай Васильевич. Молодой лейтенант Верещагин вышел в отставку и поселился в имении родителей. На протяжении трех лет он был помощником мирового посредника Череповецкого уезда. Мировой посредник был важной фигурой: крестьяне были освобождены без земли, и, естественно, между ними и бывшими хозяевами то и дело возникали споры, которые приходилось улаживать.

Но Верещагина больше волновало другое: «Вводя по должности уставные грамоты, я занимался хозяйством и был удивлен небольшим сравнительно развитием скотоводства в имении, где

покосы тянулись на восемь с лишним верст». Безземельные крестьяне, не имеющие, как правило, капитала, чтобы начать собственное дело, были брошены на произвол судьбы. Как улучшить их положение? Единственный капитал, которым обладают крестьяне, это скот. Пара лошадей да пара коров… Творог, топленое и соленое масло, которое почти даром отдавали на всех зимних базарах, – все это были дешевые и скоропортящиеся продукты, сбыт которых в крупных масштабах был просто невозможен. Иное дело – сыры и масло. Ведро молока стоит копейки, а фунт масла или сыра – вдесятеро дороже».

Верещагин задумался. В ту пору производством сыра в России занимались только иностранцы. И он решил обучаться сыроварению. Однако не преуспел. Все швейцарцы-сыровары, к которым он обращался, отвечали примерно одно и то же: «Научи вас, русских, сыры варить – что тогда нам, швейцарцам, делать в России?»

По счастью, в это время Николай получил из Швейцарии письмо от брата Василия, в котором он известил что учиться сыроварению можно в Швейцарии, там секрета из этого не делают. Судьба Николая Верещагина решилась. С женой Татьяной (урожденной Ваниной, бывшей крепостной соседа-помещика) он уезжает в Швейцарию и устраивается учеником в одну из сыроварен в местечке Копне под Женевой, где проходит весь «курс» сыроварения, от подсобного рабочего до помощника мастера. Особенно занимает его артельная (кооперативная) организация производства сыра: «Приехав в Швейцарию и попав на сыроварню, я никак не мог понять, почему туда так много народу носят молоко; мне казалось, что сыроварение возможно только у крупных землевладельцев. Ответ был, что носят молоко крестьяне. Кто же у них покупает молоко, был мой вопрос? «Они не так глупы, чтобы продавать молоко, – отвечал мне сыровар. – Сыроварней заведует комитет, который нанимает сыровара, продает сыры, а уж потом, в конце года, рассчитывается с крестьянами за проданный сыр»

Артельные сыроварни сразу понравились Верещагину своей чистотой, бодрым сырным запахом, серьезностью и основательностью молочного дела. Ухаживали за скотом здесь только мужчины, они же и доили коров, а производство сыра оказалось настолько прибыльным, что крестьяне и хлеба не сеют: весь навоз идет на выпасные луга, которые берегут здесь пуще глаза. Идея распространить артельное сыроварение в России завладела Верещагиным. Главный принцип был найден: сделать крестьян богатыми, чтобы сделать богатой всю страну.

«…В Швейцарии я пробыл полгода, причем изучил приготовление сыров жирных, полужирных и тощих и приготовление масла по швейцарскому способу…» Из Швейцарии Верещагин обратился с письмом в Императорское Вольное экономическое общество с предложением «ввести сыроварение в круг крестьянского хозяйства» и отпустить на это дело денежные средства. По возвращении на родину в 1865 году Николай Васильевич с удовлетворением узнал, что его инициатива нашла сочувствие, и Общество согласно выделить 1000 рублей. Этот капитал был пожертвован помещиками Яковлевым и Мордвиновым при условии, что сыроваренное дело начнется в Тверской губернии. Мысль устроить сыроварню в фамильном гнезде, Пертовке, отпала сама собой, и Верещагин с женой на долгие годы перебирается в Тверскую губернию.

Первую сыроварню Николай Васильевич попытался устроить в селе Городня. Но у него ничего не вышло: городнянские мужики исстари занимались извозом, так что все разговоры об артелях и сыроварении они пропускали мимо ушей. Тогда Верещагин решил начать дело самостоятельно и постепенно вовлечь в него местных жителей. Он арендовал в полузаброшенной деревне Александровке две избы, в одной поселился сам с женой,

С именем Н.В. Верещагина связано создание рецептуры масла, которое впоследствии получило название «вологодское»

а другую оборудовал под сырню.

Крестьян начинание «барина» заинтересовало, но они приглядывались к нему с большой недоверчивостью. Когда Верещагин сказал, что готов покупать молоко у крестьян, те для начала заломили цену как на столичном рынке – рубль за ведро. Верещагин дал. За другое ведро – дал меньше, постепенно дошло до обычной цены. Мужики принялись попрекать его: «Вот, ты говоришь, что приехал помочь нам, а сам цену сбавляешь!» – «Соберите артель – тогда вся выгода будет ваша».

Николай Васильевич сумел зажечь людей своей верой в начатое дело. Вскоре объявились у него единомышленники. Преимущества артели стали очевидными: доход крестьянина от одной коровы вырос в четыре раза – с 6-8 рублей до 27-30 рублей в год. А имея двух коров, можно было только с «молочных денег» заплатить и налог, и подати, и оброк.

К 1870 году в Тверской губернии действовало уже одиннадцать артельных сыроварен.

Николай Васильевич увлек своими идеями бывших товарищей по Морскому кадетскому корпусу В.И. Бландова и Г.А. Бирюлева. За свой счет он посылает их в Голландию и Швейцарию для изучения сыроварения. Возвратившись в Россию, они втроем объезжают уездные земские собрания в Ярославской, Новгородской и Вологодской губерниях и добиваются субсидий на устройство артельных сыроварен. Несколько позднее артели возникают в Костромской и Вятской губерниях, а затем в Сибири и на Кавказе.

Со временем у Верещагина появились сторонники и в правительстве, и в земстве, и в обществе. Но немало было и противников. Одним из самых рьяных оказался академик Александр Миддендорф, полагавший, что прежде, чем начинать в России сыроварение, надо завести настоящий молочный скот, взамен российских «горемычек».

Три экспедиции, отправленные Верещагиным для изучения продуктивности скота, позволили все же реабилитировать ярославок и холмогорок. Но решающее слово в этом вопросе принадлежит все же Дмитрию Менделееву. По заданию Вольного экономического общества он объехал все верещагинские сыроварни и остался очень доволен: «…не породу надо искать нашим хозя-

евам, а знания в отборке скота и умения кормить…» – подтвердил он выводы Верещагина. Менделеев был так увлечен верещагинскими опытами, что свой отпуск в 1869 году использовал для поездки к Николаю Васильевичу в Новгородскую, Тверскую и Московскую губернии. При этом доклад в Русском химическом обществе об открытом им Периодическом законе, назначенный на 6 марта, он поручил сделать своему коллеге и другу профессору Николаю Меншуткину. Сам же Дмитрий Иванович этот день посвятил приготовлению сыров и присутствовал при дойке коровы по кличке Нянька.

Менделеев написал отзыв Императорскому Вольному Экономическому обществу, где отмечал, что для внедрения улучшенного молочного хозяйства в России необходимо основать школу по подготовке специалистов молочного хозяйства. В 1871 году с разрешения Министерства Земледелия и Государственных Имуществ в селе Едимоново Тверской губернии была открыта такая школа. Ее директором был назначен Николай Васильевич Верещагин. Обучение было бесплатным, принимались все желающие, невзирая на сословия. За 27 лет своего существования «школа мастеров и мастериц молочного хозяйства» выпустила 1200 мастеров.

Имя Н. Верещагина неразрывно связано с продуктом, который стал национальным российским, а потом и советским брэндом. Дело в том, что он впервые создал рецептуру масла, получившего впоследствии название «вологодского». В 1870 году на сельскохозяйственной выставке в Париже его внимание привлекло масло из Нормандии с ярко выраженным вкусом и ароматом, сходным с ореховым. Решив воспроизвести его на родине, Н. Верещагин использовал в качестве сырья нагретые до 80-85 градусов (пастеризованные) сливки, что было открытием для маслоделов всего мира. Масло, полученное новым способом, он назвал «парижским». За рубежом его стали называть «петербургским», так как на экспорт оно поступало из Санкт-Петербурга. Рецептура Н. Верещагина была воспроизведена на фабриках в ряде скандинавских и европейских стран. Но только из молока, полученного в природно-климатических условиях Вологодской губернии, «парижское» масло приобретало столь ярко выраженный вкус и аромат.

Старания Н.В. Верещагина не остались незамеченными: он был награжден двумя золотыми медалями: одной – на Тверской выставке в 1867 году, второй – на выставке в Петербурге в 1870-м. Но найти выход на зарубежные рынки удалось не сразу. Тем не

менее постепенно была налажена поставка сыра и масла в Англию, и в 1880 году на Лондонской выставке продукции Верещагина был отведен большой отдел, а эксперты признали русский сыр лучшим в мире. Николай Васильевич получил одну золотую и две серебряные медали. По инициативе Верещагина впервые в России была проведена Международная выставка молочного хозяйства, после которой образцы русской молочной продукции завоевали признание в Париже, Вене, Лондоне, Марселе, Глазго и других городах Европы.

Но победы не уберегли Верещагина от трудностей: в 1889 году министр финансов Сергей Витте прекратил финансирование Едимоновской школы. Некоторое время Николай Васильевич содержал ее на собственные средства, но закончились и они: Верещагину не под силу было выплачивать проценты по займам, которые он вынужден был брать, чтобы расплатиться с долгами. Он заложил собственное имение. Однако закрытие школы не имело принципиального значения: родилась и росла новая отрасль народного хозяйства. Помощники Николая Васильевича работали в Архангельской, Новгородской, Ярославской, Вологодской, Смоленской, Курской, Полтавской губерниях и на Северном Кавказе, а с открытием железной дороги Омск – Курган – и в Сибири.

Экспорт сливочного масла и сыров из России с нуля возрос до 30 миллионов рублей в год! Россия получала за продажу масла в два с половиной раза золота больше, чем добывалось на всех золотых приисках государства!

В начале 1900-х годах при Московском сельскохозяйственном институте была создана кафедра молочного хозяйства. А Н.В. Верещагин смотрит дальше: он выдвигает идею открытия в России высших учебных заведений для подготовки высокообразованных кадров для молочного производства. И в том, что под Вологдой, в поселке Молочное, в 1911 году был открыт такой институт – немалая его заслуга. Ныне это Вологодская государственная молочно-хозяйственная академия имени Н.В. Верещагина.

После закрытия Едимоновской школы Николай Васильевич практически отошел от активных дел и ограничился обязанностями штатного чиновника Министерства земледелия. Одна из последних его работ – участие в подготовке русского отдела молочного хозяйства для всемирной выставки в Париже (1900). Экспонаты отдела получили множество высших наград, а весь отдел в целом – почетный диплом.

Помимо общественной, производственной и педагогической деятельности Н.В. Верещагин занимался популяризацией сельского хозяйства. Он основал «Вестник русского сельского хозяйства». Им написано 160 научных статей и брошюр, многие из которых не потеряли значения и теперь. Более 40 лет продолжалась неутомимая деятельность зачинателя отечественного сыроварения и маслоделия. До последних лет жизни Верещагин являлся почетным членом Московского общества сельского хозяйства, выступал с докладами на различных съездах и собраниях, а также с публичными лекциями на выставках.

Николай Васильевич Верещагин скончался в Пертовке 13 марта 1913 года. Последние годы жизни он провел в бедности, не оставил своим родственникам ничего, но тем не менее был окружен их любовью и вниманием до самого дня смерти.

ЧЕРЕПОВЕЦ В ОКОПАХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ

Война 1914 года с Германией вызвала грандиозный патриотический подъем. Повсюду развевались национальные флаги, проходили шествия и манифестации.

Череповецкий уезд активно включился в благое дело по сбору денежных средств и вещей для воинов и членов их семей. По улицам Череповца ходили группы сборщиков с кружками через плечо, с красивыми щитами, усыпанными разноцветными флажками союзных государств. Сборщики не пропускали ни одного дома и принимали в пожертвование все, начиная с денег, теплых вещей, нательного белья, полотенец и заканчивая курительной бумагой и махоркой. За пожертвование дарили флажок стран-союзниц: кому французский, кому бельгийский.

Был создан уездный комитет помощи беженцам из районов военных действий. В его функции входили, в частности, регистрация русских военнопленных, содействие возвращению их на родину, снабжение хлебом, продуктами, вещами, выдача им соответствующих документов и проездных билетов до места назначения.

С передовых позиций прибывают раненые. Первая партия раненых прибывает с поездом 11 октября 1914 года. Местное общество встречало их как героев. Для них в Череповце уже оборудованы два лазарет на 110 кроватей. Поток раненых нарастает и в городе дополнительно открываются новые госпитали. Один такой госпиталь был размещён в имении Гальских, во флигеле усадьбы.

Тем не менее, мест не хватает. Иеромонах Филиппо-Ирапской пустыни Антоний предлагает устроить в пустыни лазарет для больных и раненых воинов, которые «томятся сотнями в городских лазаретах в страшной духоте. Кругом монастыря во все стороны сухой сосновый бор, изобилующий грибами и ягодами. Среди монашествующих найдутся такие лица, которые с радостью согласятся принять на себя обязанности братьев милосердия».

Для оказания помощи раненым солдатам и содержания здравниц для детей-сирот военных проводятся благотворительные спектакли и лотереи. По подписным листам идет сбор средств на нужды беженцев.

В городе стала ощущаться нехватка продовольствия. По этому поводу газета «Новгородский север» писала, что город Череповец «понемногу стал делаться хвостатым. На днях наблюдался большой хвост у магазина А.С. Судакова, где торжественно отпускали по два фунта сахару».

Наши земляки геройски сражались на фронтах Первой мировой войны. Некоторые из них награждены Георгиевскими крестами. Георгиевский крест в русской армии был самой почётной наградой для рядовых и унтер-офицеров, проявившие в боях с врагами Отечества смелость и отвагу. В статусе Георгиевского креста 1913 года говорится: это награда «за выдающиеся подвиги храбрости и самоотвержения, против неприятеля в бою оказанные».

«Поднесение хлеба-соли Череповецкому полку».
Худ. Г. Бакмансон

Награждение производилось последовательно от низшей (четвёртой) степени до высшей (первой). Крест первой и второй степени изготовлялся из золота, а третьей и четвёртой – из серебра. На лицевой стороне креста имелось изображение Георгия Победоносца на коне, поражающего копьём дракона. Крепился крест и к колодке, покрытой георгиевской лентой, на которой чередовались две оранжевые и три чёрные полосы – символы огня и дыма.

Процедура вручения георгиевских крестов была весьма торжественна: выстраивались войска со знамёнами и штандартами, зачитывался приказ с описанием подвигов награждённых, вручал награды главный военачальник, знамёна и Георгиевские кресты окроплялись святой водой, затем, как говорится в упомянутом статусе, «войска, в строю находящиеся, отдавали честь с музыкою и походом».

Можно себе представить, какие подвиги должен совершить воин, чтобы получить Георгиевский крест всех четырех степеней!

Четырьмя Георгиевскими крестами (полный бант) и четырьмя Георгиевскими медалями «За храбрость» награждён уроженец деревни Большой Двор Череповецкого уезда Михаил Иванович Иванов. За отвагу и воинскую доблесть он, несмотря на два класса образования, был произведён в унтер-офицеры. В период Великой Отечественной войны Иванов исполнял обязанности возчика в эвакогоспитале № 2748 города Череповца. Умер в 1971 году.

Такие же награды имел и уроженец деревни Прислон Череповецкого уезда Николай Платонович Казаданов. В годы гражданской войны он командовал полком в дивизии Н.А. Щорса и И.Э. Якира, был награждён орденом Красного Знамени РСФСР.

Четырьмя Георгиевскими крестами и двумя Георгиевскими медалями «За храбрость» был награждён уроженец деревни Хмелино Череповецкого уезда Фёдор Васильевич Цыпин. Четырёх Георгиевских крестов за доблесть, проявленную на поле боя, был удостоен Василий Григорьевич Рупаков из села Нелазское Череповецкого уезда.

Потери России были очень велики, поэтому потребовалось создание дополнительных частей, чтобы усилить ими фронт. В провинциальных городах стали создавать пехотные и кавалерийские полки. В июне 1915 года в городе был сформирован 434-й Череповецкий пехотный полк. Его личный состав комплектовался из выздоравливающих солдат и новобранцев Череповецкого и Кирилловского уездов. Полк участвовал в боях на Северном

фронте на Рижском плацдарме. У 434-го пехотного Череповецкого полка был свой традиционный полковой праздник, была у него и своя полковая песня (автор – офицер полка Криденер). Пелась она на мотив известной тогда песни «На солнце оружьем сверкая». В ней есть такие строки:

«От взморья до Иксюля всюду
Череповцы с песней прошли,
Стояли бесстрашною грудью
За славу родимой земли».

Череповецкий пехотный полк не мог устоять против натиска большевистских агитаторов и легко поддался разложению. В полку был создан солдатский комитет, который начал активно вмешиваться в полковую жизнь, оспаривать приказы командира полка. Толпы дезертиров потянулись с фронта, захватывая поезда и грабя на пути склады и население. В марте 1918 года Череповецкий полк был расформирован. Многие офицеры полка и старые солдаты приняли активное участие в Гражданской войне на стороне белых.

Первая мировая война была самой кровопролитной из всех войн, какие знал мир до 1914 года. 10 миллионов убитых, 15 миллионов раненых, обнищание страны от непомерных расходов, растущий голод, ожесточение нищего народа – все это привело империю к экономическому кризису и развалу. Россия приблизилась к роковой черте, за которой последовали революции и Гражданская война…

Февраль 1917 года. Грандиозный патриотический подъем стремительно перерастает в «патриотический угар». По Петербургу прокатилась волна антинемецких погромов. Толпа разгромила посольство Германии, нападению подверглись немецкие магазины и кафе. На антинемецкой волне Санкт-Петербург переименовали в Петроград.

Поначалу война обещала быть легкой для России, но вскоре стало ясно, что она принимает долговременный характер. Неудачи и поражения шли одно за другим. За два с половиной года непомерные военные расходы привели империю к экономическому кризису и развалу. Отсутствие хлеба в Петрограде вызвало взрыв народного гнева. 23 февраля 1917 года на улицы столицы вышли тысячи рабочих с лозунгами: «Хлеба!» и «Долой голод!». В последующие дни стачечная масса увеличивалась как снежный ком, все более обретая политическую направленность. Появи-

Демонстрация в период Февральской революции. 1917 г.

лись красные знамена. Толпы народа, подогреваемые революционерами, уже несут лозунги «Долой самодержавие!», «Долой войну!», громя на своем пути магазины и хлебные лавки, переворачивая трамваи. Воинские части одна за другой примыкают к восставшим.

28 февраля Государственная Дума объявила о создании Временного правительства, куда вошли представители всех фракций, включая эсеров и меньшевиков. Восставшие рабочие и солдаты создали свой орган власти – Совет рабочих и солдатских депутатов, который начинал проявлять все большую и большую активность.

ОКТЯБРЬСКИЙ ПЕРЕВОРОТ ПО-ЧЕРЕПОВЕЦКИ

После Февральской революции в Череповце фактически были нетронутыми все органы самодержавного управления. На место старых царских чиновников пришли чиновники Временного правительства.

Большевики в городе располагали незначительными силами и самостоятельной организации не имели. В марте 1917 года в Череповце возникла объединенная организация РСДРП. Численный перевес в ней был на стороне меньшевиков, состав большевистской фракции не превышал 10 человек. Лидером череповецких большевиков была А.П. Кравченко.

Агриппина Петровна Кравченко – член партии с 1902 года, в Череповце проживала с 1911 года, работала врачом в Череповецкой земской больнице. В декабре 1917 года на II уездном съезде Советов крестьянских, рабочих и красногвардейских депутатов была избрана комиссаром труда; в январе 1918 года стала организатором газеты «Известия Череповецкого Совета крестьянских, рабочих и красногвардейских депутатов». В конце 1922 года Кравченко переехала в Петроград для продолжения учебы в Клиническом институте, затем работала врачом в больнице имени Веры Слуцкой. В 45 лет она потеряла рассудок. Скончалась в психбольнице в 1928 году.

… 20 сентября 1917 года, собравшись в доме № 1 по Александровскому проспекту (ныне проспект Луначарского), большевики решили выйти из «объединенной группы» и создать самостоятельную организацию. На собрании был избран городской комитет партии большевиков во главе с А.П. Кравченко. Череповецкая большевистская организация развернула агитацион-

Череповецкие большевики – участники октябрьских событий во главе с военным комиссаром А.А. Башмаковым (в центре).

Агриппина Петровна Кравченко

Андрей Афанасьевич Башмаков

ную работу среди солдат 282-го пехотного полка, расквартированного в городе. В результате большинство солдат к октябрю 1917 года стояли на большевистской платформе. Другой вооруженной опорой череповецких большевиков был отряд Красной гвардии из солдат-фронтовиков, рабочих Луковецкого лесопильного завода и крестьянской бедноты из пригородных деревень.

26 октября 1917 года радиостанция череповецкого уездного комиссара Н.И. Спасокукотского приняла радиотелеграмму военно-революционного комитета о низвержении большевиками Временного правительства. У здания городского театра возник стихийный митинг. Звучали большевистские лозунги: «Вся власть Советам!» «Земля крестьянам!» «Долой войну!» Меньшевики и эсеры кричали о незаконности действий большевиков. Улица кипела и оживленно обсуждала разгоревшиеся споры. Вечером того же дня в Народном доме состоялось заседание Комитета по охране революции, в котором участвовали члены городской управы, представители всех партий, депутаты совета крестьянских депутатов, уездный комиссар Временного правительства, прокурор, а также представители полкового комитета 282-го пехотного полка, расквартированного в Череповце. На повестку дня был поставлен вопрос: «О событиях, происшедших в Петрограде».

Почти все присутствующие высказались резко, осуждая действия большевиков. А городской голова С.Е. Виноградов охарактеризовал вооруженное восстание в Петрограде как «заговор кучки авантюристов, обреченный на поражение» и призвал граждан всеми силами поддерживать Временное правительство. Однако выступивший на заседании председатель солдатского комитета

282-го полка П. Быстров заявил, что солдаты поддерживают восставший пролетариат Петрограда и присоединяются к нему для борьбы за свержение старого строя.

От имени большевиков речь держал Андрей Башмаков, член Уломского волостного комитета. Он зачитал воззвание Петроградского Военно-революционного комитета «К гражданам России!»: «Временное правительство низложено Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов – Военно-революционного комитета… Да здравствует революция солдат, рабочих и крестьян!» И от себя Башмаков добавил: «То, что было начертано на знаменах большевиков, претворено в жизнь, – заявил он. – Клика буржуазии свергнута, ее захлестнуло ураганной волной социалистической революции. Красные зарницы пролетарской революции превратились в победоносную грозу, которая могучими громовыми раскатами уничтожит всех, кто встанет преградой на ее пути. Возврата к старому нет. Все старое, все ненавистное, мы отметаем в мусорную яму истории!»

С мест повскакали меньшевики и эсеры Добряков, Виноградов, Гуковский. Размахивая руками, они кричали: «Какая наглость! Какое посягательство на демократические завоевания народа! Мы этого не допустим!» Член городской управы Добряков оценил действия большевиков как узурпаторство: «Группа узурпаторов, именующая себя большевиками, захватила власть. Они надеются на штыки, но управлять страной надо не пулеметами, не штыками, а головой». Городской голова С.Е. Виноградов говорил о том, что «Керенский захватил Царское Село, и не сегодня-завтра возьмет Петроград, ясно, что здесь демагогия безответственных крикунов».

И Комитет по охране революции большинством голосов отказался признать законным актом свершившийся в Петрограде переворот, создание правительства во главе с Ульяновым-Лениным и постановил: поддержать власть Временного правительства. В столицу полетела телеграмма: «Череповец протестует против авантюры Петрограда».

Башмаков снова взял слово. «От имени революционного комитета, – заявил он, – объявляю нынешний Совет распущенным, за исключением части, которая признает Советскую власть. Всякая попытка противодействовать ревкому, которому отныне принадлежит власть, будет пресекаться самым беспощадным образом». Надо сказать, что Башмаков блефовал: никакого революционного комитета, от имени которого он выступал, еще не было, его еще предстояло выбрать.

По воспоминаниям современников, Андрей Афанасьевич Башмаков – одна из самых колоритных фигур в череповецких революционных событиях осени 1917 года. Его запомнили высоким, с темными развивающимися волосами. Он любил ходить без головного убора, в распахнутом кителе или шинели. Постоянно носил оружие и был готов к его применению. На митингах – страстный, талантливый оратор. С особой силой его уникальные способности проявились в дни Октябрьского переворота, когда он в точности повторил то, что произошло в Петрограде, со стрельбой и арестами.

Башмаков родился в крестьянской семье в деревне Степаново, Череповецкого уезда. 15-летним мальчишкой стал работать на Путиловском заводе в Петербурге. За распространение нелегальной литературы получил шесть месяцев заключения в Петропавловской крепости. После этого сослан в Степаново под надзор полиции. В 1914 году был призван на фронт. Весной 1917 года вернулся в свою деревню, где его выбирают председателем волостного земельного комитета. После гражданской войны занимал руководящие посты в местных органах власти.

Всю ночь 27 октября заседали большевики. В 4 часа утра большевистская группа совместно с солдатской секцией создали

Народный дом, в котором в 1917 году проходил I уездный съезд Советов.
Гравюра А. Наговицина.

Череповецкий Военно-революционный комитет. Ревком принимает решение: взять власть в свои руки.

Темной ночью с 27 на 28 октября отряд Красной гвардии в 15 штыков под руководством Башмакова захватили радиорубку, почту, телеграф, телефон, банк и типографию. Затем красногвардейцы окружили помещение, где проходило заседание меньшевистско-эсеровского совета, и по условному сигналу обезоружили охрану. Башмаков взбежал по лестнице в зал заседания и крикнул: «По постановлению Военно-революционного комитета вы, как предатели и соглашатели революции, арестованы! За мной весь 282-й полк. Товарищи солдаты и красногвардейцы, арестуйте изменников!» В помещение вбежали несколько человек – кто с берданкой, кто с револьвером, кто с гранатой. Для устрашения произвели несколько выстрелов. Паника поднялась неимоверная. Большинство депутатов сразу же отпустили, но активных деятелей арестовали. Были арестованы также уездный комиссар Спасокукотский и прокурор окружного суда Шилькевич. Член Учредительного собрания от Новгородской губернии эсер Гуковский в ту же ночь также был взят под стражу.

По всему городу красногвардейцы выискивали бывших царских чиновников, всех их отправляли в арестантскую. В городе были расклеены объявления, в которых сообщалось, что Военно-революционный комитет «берет на себя государственную власть в городе и уезде до выборов нового Совета». Как видим, захват власти в Череповце проходил по питерскому сценарию.

А городской голова С.Е. Виноградов еще надеется, что все обойдется. Он отправляет Новгородскому губернскому комиссару телеграмму: «Больших эксцессов нет. Население на стороне Комитета спасения. Большевиками смещены начальник тюрьмы, уездный комиссар. Пытаются получать деньги в казначействе. Дума, земство протестуют. Учреждения пока работают. Надеемся изжить большевиков мирно…»

Большевикам оставалось только оформить легитимность своей власти, для чего следовало провести съезд. 9 ноября Военно-революционный комитет обратился с письмом в волостные земские управы с просьбой прислать в Череповец на съезд по одному представителю от крестьян для выборов нового Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов, к которому перейдет вся власть в городе и уезде.

В эти напряженные дни в активную работу в Череповецкой организации включился И.В. Тимохин.

Иван Васильевич Тимохин

Иван Васильевич Тимохин уроженец деревни Бор Горской волости. В Череповецком уезде был человеком известным: здесь он учительствовал, а в период революции 1905-1906 годов возглавил выступления крестьян. Февральская революция застала его в окопах Первой мировой войны. В июле 1917 года вступил в ряды РСДРП(б). В ноябре 1917 года прибывает в Череповец. П. Павловцев в своих воспоминаниях пишет: «В лице т. Тимохина все мы почувствовали большевика несколько иной формации, имеющего способности не только «громить». Тов. Тимохин умел организовать хозяйство, внимательно выслушивать людей и их активность направлять на практическое разрешение ряда неотложных вопросов». В 1918-1923 годах И.В. Тимохин был председателем Череповецкого губисполкома. Избирался делегатом на VIII и IX съезды РКП(б), I съезд Советов СССР. В последующие годы был переведен в Москву, где работал заместителем председателя Особой коллегии высшего контроля по земельным спорам, которым руководил М.И. Калинин.

По поручению большевистской организации Тимохин возглавил работу по подготовке уездного съезда Советов, который первоначально было решено созвать 17 ноября 1917 года. Однако из-за слабой явки делегатов съезд не состоялся.

Военно-революционный комитет направляет активистов РСДРП (б) и Красной гвардии в качестве агитаторов в волости. Агитация принесла свои результаты. Уездный съезд, проходивший 2 декабря 1917 года в Народном доме, был лояльным к большевикам, он признал Советскую власть единственной законной властью в центре и на местах и направил приветствие Совету Народных Комиссаров: «Череповецкий съезд рабоче-крестьянских и солдатских депутатов приветствует народное Советское правительство и выражает ему полное доверие и будет поддерживать все его мероприятия на пользу трудового народа всеми доступными ему мерами».

Съезд принял решение о немедленном и строгом учете всех хлебных продуктов на местах и распределения их между нуждающимися по справедливым ценам. Решено обложить купцов и про-

мышленников подоходным налогом. Были организованы революционный трибунал, местные волостные и городские суды, избран уездный исполнительный комитет во главе с Иваном Васильевичем Тимохиным.

ЖИЗНЬ ЗА ЦАРЯ

2 марта 1917 года под нажимом Временного правительства и командующих фронтами император Николай II отрекся от престола. 7 марта правительство Керенского постановляет: «Признать отрекшегося императора Николая II и его супругу лишенными свободы и доставить отрекшегося императора в Царское Село». Спустя две недели царь и его супруга Александра Федоровна были арестованы. При аресте им объяснили, что делается это в интересах царской семьи, чтобы уберечь от народного гнева. Правительство пообещало, что отправит семью в Романов-на-Мурмане для последующей переправки в Англию.

Среди населения все громче звучали призывы к расправе над царем, к расследованию шпионской деятельности «гражданина Романова и его жены Александры Немецкой». В такой ситуации Временное правительство принимает решение отослать царскую семью подальше от революционного Петрограда. 14 августа семья Романовых была отправлена в Тобольск, где под охраной особого отряда из 300 солдат и нескольких офицеров, в большинстве – Георгиевских кавалеров – она спокойно провела осень и зиму 1917-1918 годов.

Деятельность Временного правительства оказалось короткой, и оно пало в октябре 1917 года под натиском Советов. Приход большевиков к власти царская семья почувствовала на себе по более ухудшимся условиям содержания. В январе 1918 года представителей царской фамилии перевозят в Екатеринбург в так называемый «Дом Особого назначения», небольшой особняк, реквизированный у инженера Ипатьева. Дом обнесли высоким забором. Вместо стрелков бывших царскосельских полков теперь их охраняли чекисты и красногвардейцы, набранные из революционных уральских рабочих. Первоначально большевики готовили суд над Николаем Вторым и его окружением. Обвинителем должен быть Лев Троцкий. Но затем от этой идеи отказались: дело невыигрышное – все-таки царь законный представитель власти, а большевики эту самую власть узурпировали. И было принято решение об убийстве царской семьи. Принимали

Анна Степановна Демидова

ли участие в этом тогдашние правители России – Председатель Совета Народных Комиссаров Владимир Ильич Ленин и Председатель Всероссийского Исполнительного Комитета Яков Михайлович Свердлов? Об этом вы не найдете документов в архивах, там хорошо подчищено. Но вот что написано в мемуарах «демона революции» Льва Давидовича Троцкого: «Белая печать когда-то очень горячо дебатировала вопрос, по чьему решению была предана казни царская семья… Либералы склонялись к тому, что уральский исполком, отрезанный от Москвы, действовал самостоятельно. Это неверно. Постановление вынесено было в Москве. Дело происходило в критический период Гражданской войны, когда я почти все время проводил на фронте, и мои воспоминания о деле царской семьи имеют отрывочный характер. Расскажу о том, что помню. Мой приезд в столицу совпал с падением Екатеринбурга. В разговоре со Свердловым я спросил мимоходом: «А где царь?» – «Кончено, – отвечал он, – расстреляли». «А семья где?» – «И семья с ним». – «Все?» – спросил я, по-видимому с оттенком удивления. – «Все! – ответил Свердлов. – А кто решал?» – спросил я. – «Мы здесь решали. Ильич считал, что нельзя оставлять нам живого знамени, особенно в нынешних трудных условиях». Больше я никаких вопросов не задавал, поставив на деле крест. Суровость расправы показывала всем, что мы будем вести борьбу беспощадно, не останавливаясь ни перед чем. Казнь царской семьи была нужна не просто для того, чтобы напугать, ужаснуть, лишить надежды врага, но и для того, чтобы встряхнуть собственные ряды, показать, что впереди или полная победа или полная гибель. Никакого другого решения массы рабочих и солдат не поняли бы и не приняли. Это Ленин хорошо чувствовал».

Разрабатывалось несколько вариантов убийства. Убийство как расстрел, убийство как попытка к бегству. Было сфабриковано несколько писем по-французски за подписью «офицер» с предложением Николаю II бежать из заключения. Письма были подделаны так искусно, что царь им даже поверил, но на провокацию не поддался. Пламенным революционерам оставалось одно: прямое убийство. Общее руководство казнью было воз-

ложено на коменданта Ипатьевского Дома Особого назначения Янкеля Юровского.

17 июля 1918 года после полуночи Юровский поднимается на второй этаж, нажимает электрический звонок, выходит царский врач Боткин (он спал недалеко от двери). Юровский просит его разбудить остальных. «Ввиду того, что в городе неспокойно, в целях безопасности необходимо перевести семью Романовых с верхнего этажа в нижний, там спокойнее. А заодно сфотографируемся», – говорит он. Все семь членов семьи Романовых: бывший император с супругой, дети – Великие княжны Ольга, Татьяна, Мария, Анастасия, цесаревич Алексей – и четверо слуг под конвоем спускаются в полуподвальную комнату. На руках царя приболевший Алексей, остальные несут с собой подушечки и разные мелкие вещи. Оглядев пустую комнату, императрица сказала: «Тут даже стульев нет». Принесли два стула. На один посадили цесаревича, на другой села Александра Федоровна. Остальным велено встать вдоль стены. Все спокойно ожидают фотографа. Но… в распахнувшиеся двери входят вооруженные чекисты и красноармейцы. Комендант Дома Особого назначения Янкель Юровский делает полшага вперед и, обращаясь к Николаю II, громким голосом произносит: «Гражданин Романов! Не-

Император Николай II с семьей

однократные попытки ваших единомышленников спасти вас не увенчались успехом. В тяжелый момент для Советской республики вражеские войска приближаются к городу. На нас возложена миссия покончить с домом Романовых. Именем Революции мы принуждены всех вас расстрелять!» – и выстрелил в упор в царя.

И тут же началась ожесточенная стрельба из револьверов, маузеров, кольтов, винтовок. Женский визг, стоны, рикошетят пули, летит пыль от штукатурки…

Император был убит с первой пули, две – оборвали жизнь императрице. …Непонятное творилось с царскими дочерями: пули как будто отскакивали от них и летали по комнате. На них истратили целые обоймы. Комендант Юровский отнес причину странной живучести девиц к слабому владению подчиненных оружием или нервозностью, вызванной долгой возней. Уже потом, когда стали раздевать свои жертвы, выяснилось, что на них были надеты корсеты с зашитыми в них бриллиантами.

Заметив, что некоторые охранники снимают с трупов кольца, броши и прячут их в карманы, комендант приказал выложить на стол все, что было взято. На размышление – полминуты, затем обыск и в случае обнаружения краденого – расстрел. Выложили все.

Наследник был еще жив – стонал. К нему подошел Юровский и дважды выстрелил в упор. Многие подходили к трупу царя и разряжали револьверы. Это – для истории: будут потом внукам рассказывать, как их героические дедушки расправились с последним русским царем.

Уже после расправы с Романовыми в доме Ипатьева было найдено Евангелие, в которое вложено написанное рукой великой княжны Ольги стихотворение «Молитва»:

Пошли нам, Господи, терпенье
В годину буйных, мрачных дней
Сносить народное гоненье
И пытки наших палачей.
Дай крепость нам, о Боже правый,
Злодейство ближнего прощать
И крест тяжелый и кровавый
С Твоею кротостью встречать.
И в дни мятежного волненья,
Когда ограбят нас враги,
Терпеть позор и оскорбленья,
Христос-Спаситель, помоги!

Владыка мира, Бог вселенной,
Благослови молитвой нас
И дай покой душе смиренной
В невыносимый, страшный час.
И у преддверия могилы
Вдохни в уста Твоих рабов
Нечеловеческие силы –
Молиться кротко за врагов…

Участь царской семьи почти сразу же разделили слуги – доктор Боткин, повар Харитонов, лакей Трупп. В дымном чаду, закрываясь от пуль подушкой, лихорадочно металась комнатная девушка императрицы – «фрелька» (то есть фрейлина), как называли ее охранники. Вот она упала. К ней тут же подбежал один из чекистов и стал вонзать в грудь штык американского винчестера. Камеристка дико кричала, хватаясь за штык обеими руками, с которых ручьями лилась кровь. Добивали её прикладами.

Остаётся добавить, что «фрелька» эта – наша землячка Анна Демидова.

Упоминание о славном роде Демидовых относится к XVIII веку, к концу которого купец Василий Никифорович Демидов стал бургомистром, а затем городским головою Череповца. При нем в городе появилось первое училище, под которое он подарил свой деревянный дом и обязался ежегодно делать в нем за свой счет «все нужные поправки».

Сын В.Н. Демидова Андрей Никифорович продолжил и приумножил семейное дело.

Внук Александр Андреевич был первым председателем Череповецкого общественного банка, и он же исполнял должность церковного старосты Воскресенского собора более двадцати лет. Эта должность никоим образом не оплачивалась, скорее требовала постоянных личных затрат на приобретение необходимых предметов церковной утвари, ремонт и хозяйственное содержание собора.

Правнук Степан Александрович Демидов – потомственный купец, гласный городской Думы (исполнял обязанности казначея), член городской управы, член Попечительского совета Мариинской женской гимназии, был сподвижником знаменитого череповецкого головы Ивана Андреевича Милютина.

Анна была старшей дочерью С.А. Демидова от первого брака.

Об Анне Демидовой до недавнего времени почти ничего не было известно. Следствие, которое велось в Москве в 1990-е

годы по уголовному делу об обстоятельствах гибели членов Российского Императорского Дома, практически никакими данными не располагало: Демидову вообще считали сиротой. Но вот в 1996 году в «Огоньке» появилась публикация Ильмиры Степановой «Черкни хотя бы открытку…» И читатели узнали некоторые подробности о жизни царской горничной из Череповца. Все началось с обычного телефонного звонка. Немного настороженный голос спросил: «Простите, вы как-то писали о ходе следствия по делу об убийстве царской семьи. А как собираются хоронить останки расстрелянных вместе с ними слуг? Меня это интересует, потому что комнатная девушка Романовых Анна Демидова – моя родственница». Позвонившую женщину звали Наталия Алексеевна Фрайман.

Ильмира Степанова встретилась с Наталией Алексеевной. При встрече она показала фотографии и открытки из семейного архива. На расспросы об истории семьи Демидовых отвечала неохотно, говорила, что многие годы приходилось скрывать свое родство с «прислужницей царя». А «открыться» решилась лишь с единственной целью: чтобы иметь возможность прийти и положить цветы на ее могилу. Но все-таки рассказала, что знала и что находило подтверждение в семейном архиве.

Анна (или, как называли ее родные, Нюта) родилась и росла в Череповце. Мать – Мария Ефимовна, отец – Степан (Стефан) Александрович, мещанин, казначей городской Думы. У Анны были братья Александр и Алексей, а также сестра Елизавета.

Всем своим детям Степан Демидов дал прекрасное образование. Александр выучился в Петербурге на инженера и определился по специальности на Путиловский завод, Степан обучался тому же ремеслу в Париже. Обе дочери в разное время с отличием закончили череповецкую Мариинскую гимназию, получив аттестат домашней учительницы истории. У Елизаветы образование на этом и закончилось. В 1910 году она вышла замуж за выпускника Ораниенбауманской школы прапорщиков Федора Юткина. У них родилась дочь Ия и сын Алексей.

По-иному сложилась судьба Анны Демидовой. У нее с детских лет обнаружился талант к рукоделию и ее после гимназии отдали в «женскую школу с рукодельными классами» при Иоанно-Предтеченском Леушинском женском монастыре, а затем определили в Ярославское художественное училище, находившееся под патронажем царицы Александры Фёдоровны. Училась Демидова хорошо, её работы не раз занимали первые места на выставках. На одном из таких вернисажей заприметила искусную

вышивальщицу императрица и пригласила её в Зимний дворец для обучения своих детей – высокородных барышень – умению обращаться с иглой и спицами, вязанию и вышиванию, и прочему рукодельному мастерству. Императрица очень тщательно выбирала учителей и персонал для своих детей считая, что «выше всех знаний должна быть чистая совесть и праведная жизнь». Она считала, что любая женщина должна уметь и пуговицу пришить, и рисовать, и вязать, и ухаживать за больными. Всеми этими талантами обладала Анна Демидова.

С двадцатилетнего возраста и до конца дней своих жизнь Анны Степановны Демидовой непрерывно была связана с царской семьей. Со временем обязанности комнатной девушки Анны Демидовой в доме императора расширились – она стала исполнять роль и личной горничной императрицы, и фрейлины, и домоуправительницы. За безупречную службу комнатной девушке Анне Демидовой (такова была ее официальная должность) было пожаловано потомственное дворянство.

Наталия Алексеевна Фрайман поведала, что ее родная бабушка Елизавета Степановна иногда рассказывала о своей старшей сестре – фрейлине царской семьи. Вспоминала, как ездила к сестре в гости В Летний дворец, в Царское Село, в Ливадию. Видела цесаревича Алексея и великих княжен. Говорила, что у сестры был жених – Николай Эрсберг, брат другой комнатной девушки. Но если бы Анна вышла замуж, то должна бы либо уволиться, либо перейти на другую должность. А поскольку она очень привязалась к императорской семье, то от возможности устроить личную жизнь в конце концов отказалась.

В 1917 году Анна прислала Елизавете в Череповец свои вещи, документы, переписку и фотоальбомы, сообщив, что идут переговоры об отъезде семьи Романовых в Англию, что она проводит их на корабль, но сама с ними не поедет, а вернется в Череповец.

То, что уцелело от семейного архива, хранит старшая сестра Наталии Алексеевны – Нина Алексеевна. Живет в Череповце, в самом центре города, неподалеку от Комсомольского парка, который разбит на месте кладбища, где покоятся предки Демидовых. Она долго хранила вещи, которая прислала Анна в Череповец в 1917 году. Только во время войны, когда большая семья голодала, бабушка Лиза вместе с невесткой перекраивала одежду старшей сестры и выменивала на продукты в окрестных деревнях.

После революции Елизавета Степановна жила в постоянном страхе из-за родства с царской фрейлиной, старалась никому,

даже членам своей семьи, не рассказывать. И еще больше замкнулась, когда в 1937 году по доносу был арестован и расстрелян как враг народа ее муж Федор Михайлович Юткин, инспектор Череповецкого пароходства. Уничтожила практически все письма и некоторые документы. Но сохранились открытки и два фотоальбома, правда, многие фотографии прпали. И все-таки… Есть снимки (видимо сделанные рукой Анны) цесаревича с собачкой, его дядьки-матроса, царской яхты, каких-то никому уже не известных людей…

А вот открытки.

1904 г. «В Череповец, Е.С. Демидовой: Благодарю за письма. Пришли, если есть, виды Череповца… Нюта».

Июль 1907 г. Новый Петергоф, А.С. Демидовой – из Череповца: «Хотела бы написать много, но времени нет, а написать есть что. Прибудешь ли ты сюда? Черкни хотя бы открытку. Сердечно благодарю за частое воспоминание и письма. Лиза».

Август 1907 г. В Череповец, А.С. Демидовой – из Петергофа: «Напиши скорее, что нужно купить для фотографа и стоит ли мне привезти с собой каких-нибудь цветов вроде «золотого дерева» и т.п. И вообще, что нужно привезти? Поклон всем. Нюта».

Многим запомнился приезд Анны Степановны в Череповец в 1907 году. Народ ее встречал. Стояли вдоль дороги от вокзала до самого дома на Воскресенском проспекте. «А она-то в коляске сидит, как солнышко сияет» – вспоминала няня.

Декабрь 1914 года. Из Москвы – в Череповец: «Милая сестра! Как ты себя чувствуешь? Где и что твой муж? Я сижу одна в Москве, 13-го буду в Царском. Что твои ребятишки? Я вчера их видела во сне. Очень бы хотелось посмотреть на всех вас. Нюта».

Когда Романовых арестовали и отправили в ссылку, Анне была предоставлена возможность оставить их семью и уехать к родным. Она догадывалась, какая участь ее ожидает, если останется, однако, переступив через свой страх, не покинула царскую семью и не отказалась сопровождать ее в Сибирь. Воспитанница Леушинского подворья Анна Демидова писала своим родным, что подобные предложения делались ей в Томске и Екатеринбурге, но она решила остаться до конца с семьей императора, потому что службу у помазанника Божьего воспринимает как своего рода послушание и по своей воле никогда ее не бросит.

В 1981 году Заграничная Русская Православная церковь канонизировала наравне с царской семьёй и их верных слуг, принявших вместе с ними мученическую смерть. Спустя одиннадцать лет и Москва приняла их канонизацию.

В 2008 году в столичном храме Христа Спасителя была открыта для обозрения выставка, посвящённая 90-летию расстрела семьи и приближённых Николая II. Среди представленных экспонатов был и ржавый штык-нож, которым была убита камеристка императрицы Анна Демидова.

17 июля 1998 года, через восемьдесят лет после зверского убийства царской семьи, в Екатерининском приделе храма Святых Петра и Павла Петропавловской крепости были преданы земле останки последнего российского императора Николая II, императрицы Александры Федоровны, их детей и слуг. Все они похоронены в одной могиле: внизу – доктор Боткин, повар Иван Харитонов, царский лакей Трупп, комнатная девушка Анна Демидова; вверху – великие княжны Ольга, Татьяна и Анастасия, а также император, императрица и цесаревич Алексей.

Выступая на траурной церемонии, президент Российской Федерации Б.Н. Ельцин сказал: «Предавая земле останки невинно убиенных, мы хотим искупить грехи своих предков. Виновны те, кто совершил это злодеяние, и те, кто его десятилетиями оправдывал. Виновны все… Перед исторической памятью народа в ответе мы все… Мы обязаны завершить век, который стал для России веком крови и беззакония, покаянием и примирением…»

В день 95-летия со дня мученической смерти царской семьи, 13 июля 2013 года, на доме по Советскому (Воскресенскому) проспекту, 31, где родилась Анна Степановна Демидова, установлена мемориальная доска. На ней начертано: «В этом доме провела детство Анна Степановна Демидова (26.01.1878 – 17.07.1918), горничная императрицы Александры Федоровны. Добровольно разделила судьбу царской семьи и претерпела мученичскую кончину в Екатеринбурге в ночь на 17 июля 1918 года». Инициаторами открытия мемориала выступили прихожане храма Рождества Христова. Мероприятие проходило при большом стечении народа. Чин освящения совершил архиепископ Вологодский и Великоустюжский Максимилиан.

– После отречения от престола император Николай II написал в своем дневнике: «Кругом измена, трусость и обман». Почему царь написал эти слова, ведь его окружала элита русского общества? Но именно эта элита подвигла его к отречению, часто не гнушаясь обманом, – сказал архиепископ Максимилиан, – Царя

убедили в том, что отречения государя требует народ. Анна Демидова и другие слуги, которые сохранили верность царю, были теми светлыми лучами, которые укрепили его в последние годы жизни.

Мэр Юрий Кузин, принимавший участие в открытии доски, назвал событие историческим.

– Мы открываем новые страницы нашей истории. – сказал он. – История – это не только факты и события, это поступки и примеры таких людей, как Анна Степановна Демидова.

А 14 сентября 2013 года по благословению Высокопреосвященнейшего Максимилиана, архиепископа Вологодского и Великоустюжского Воскресной школе храма Рождества Христова присвоено имя Анны Степановны Демидовой.

– Пусть наши православные дети возьмут в свой пример жизненный путь послушание нашей землячки Анны Демидовой, – сказал архиепископ.

Открытие мемориальной доски
в честь великомученницы Анны Демидовой

ГУБЕРНСКИЙ ГРАД ЧЕРЕПОВЕЦ

В Череповце и Череповецком уезде ощущался острый недостаток продовольствия. Органы советской власти проводили реквизиции запасов продовольствия у нетрудовых элементов. Но частичные реквизиции не принесли значительного облегчения. В город поступали тревожные сообщения о волнениях «на почве голода», ползли слухи о том, что большевики намеренно создают голод… что исполнительный комитет скрывает продовольственные запасы… что по ночам эти запасы увозят из города вагонами… что Советы продались немцам и их нужно разогнать…

В поисках выхода из затянувшегося кризиса, власти пытались использовать различные методы. Нередко это приводило к эксцессам. Так, 23 марта 1918 года комиссар Череповецкого уезда по внутренним делам Чуркин арестовал за неуплату чрезвычайного налога старост Воскресенского и Благовещенского соборов. На следующий день прихожане вышли на стихийную демонстрацию по Воскресенскому проспекту, требуя освободить арестованных. Для разгона демонстрации прибыл взвод красногвардейцев, который стал стрелять поверх толпы. В этот же день наиболее активные демонстранты и благочинный собора были арестованы. Через несколько дней Чуркин был вынужден освободить старост. Этот акт был расценен партийным комитетом как трусость, поэтому на должность народного комиссара внутренних дел уезда был избран другой большевик.

15 апреля около тысячи человек пришли к Череповецкому исполкому и стали требовать ревизии хлебных складов. Чтобы успокоить толпу, пришлось применять силу. 16 апреля в городе было объявлено осадное положение, которое длилось три дня. «При разгоне толпы в первые два дня оказались один убитый и двое раненых», – сообщила газета «Известия Череповецкого Совета».

Жизнь каждый день выдвигала на повестку дня все новые и новые вопросы. Опыта их решения не было. Как никогда, нужны были практические советы и указания губернского центра. А путь из Череповца в Новгород лежал через Петроград. В Кирилловском и Белозерском уездах, удаленных от Северной железной дороги, оторванность ощущалась ещё больше. На повестку дня встал вопрос о выделении Череповца и прилегающих к нему уездов в самостоятельную продовольственную единицу, а потом уже и в административную.

26 марта 1918 года в г. Череповце собрались представители Череповецкого, Кирилловского, Белозерского, Тихвинского и Устюженского уездов. По докладу председателя исполкома Череповецкого уездного Совета И.В. Тимохина собрание приняло решение: «Немедленно отделиться от Новгорода административно и экономически, образовав самостоятельный губернский центр в г. Череповце. …О настоящем постановлении срочно уведомить Новгородский исполнительный комитет, послав туда делегата за согласием от Новгорода, вместе с тем послать двух делегатов в Совет Народных Комиссаров с ходатайством утвердить вынесенное постановление о выделении пяти северных уездов в самостоятельную губернию».

С.М. Телегин, организатор коммунистического союза молодежи в Череповце

28 мая 1918 года ВЦИК и СНК РСФСР утвердили решение о создании Череповецкой губернии. Кроме вышеперечисленных уездов, в состав губернии была включена и часть территории

Пошехонского уезда Ярославской губернии. 5 июня 1918 года в Череповце состоялся первый губернский съезд Советов. Председателем губиспокома был избран П.П. Свинцов, которого через три месяца сменил Иван Васильевич Тимохин.

Формально Череповецкая губерния считалась территорией, не затронутой гражданской войной. Однако уже осенью 1918 года губерния по призыву Центрального Комитета партии посылает «самых лучших, самых преданных революции коммунистов» на чехословацкий фронт. На знамени, врученном группе, поехавших на фронт, было начертано: «Вперед! На защиту Советов и Российской Федеративной Республики».

С первых дней революции большевики искали опору среди молодежи. Так, еще в начале 1918 года был прислан из Петрограда в Череповец и назначен начальником организационно-просветительского отдела губернского военкомата член ВКП(б) Степан Михайлович Телегин. Ему было поручено создать в городе молодежный союз.

8 августа 1918 года состоялось организационное собрание, где было решено создать «Социалистический союз рабоче-крестьянской молодежи». Председателем исполкома череповецкой молодежной организации был избран Степан Телегин.

В сентябре в Череповце состоялся второй губернский съезд Советов. В решении по военному вопросу он, обращаясь к рабочим и крестьянам, призывал: «Все под ружьё! Все в ряды Красной Армии!».

3 октября в Череповце началась первая мобилизация в Красную Армию.

В связи с угрозой нового наступления контрреволюции в мае 1919 года Петроградская, Череповецкая и Олонецкая губернии были объявлены на военном положении. Партийная организация образовала Комитет обороны, к которому перешла вся гражданская и военная власть в губернии.

9 июня 1919 года открылась 3-я губернская конференция РКП(б). В резолюции конференции по текущему моменту записано: «Настал решительный час борьбы. Завоеваниям Октябрьской революции и всей Советской республике грозит смертельная опасность. Все коммунистические силы должны быть мобилизованы для борьбы с наступающими белогвардейцами на фронтах и в тылу…» Создаются полки особого назначения из членов партии и комсомольцев.

1 октября 1919 года состоялось торжественное вручение боевых знамён частям Череповецкого гарнизона. Парад войск принимал член Реввоенсовета РСФСР Николай Ильич Подвойский.

В этот же день открылся первый губернский съезд РКСМ. Съезд избрал губернский комитет РКСМ во главе с председателем Василием Андреевым и принял обращение ко всей молодёжи губернии встать на защиту социализма. «Пусть пустуют канцелярии, пусть засохнут чернила, заржавеют перья, покроются пылью бумаги, – все это полетит к черту вместе с гибелью революции»,– заявили руководители губернского комитета РКСМ. Из пяти работников аппарата трое ушли добровольцами на фронт, в их числе председатель губкома Василий Андреев. Чуть ли не ежедневно в городе проходят митинги по мобилизации добровольцев ударных отрядов на борьбу с Колчаком и генералом Деникиным.

Из Смольного приходит телеграмма Комитета обороны Петрограда: «Товарищи! На Красный Петроград надвинулась опасность со стороны белых банд Юденича и Родзянко. Петроград решил бороться до последней капли крови! К вам обращаемся мы с просьбой прийти на помощь в этот решающий час». На защиту Петрограда отправляются 200 коммунистов, 160 работников милиции и 34-й отдельный батальон войск ВЧК. Среди них – активные участники революции, организаторы советской власти: И.В. Тимохин, Ф.М. Чернов, Ф.Г. Леднев, В.Я. Королёв, А.А. Башмаков, И.И. Козлов, А.И. Першаков, С.М. Телегин и другие.

9 ноября 1919 года в адрес Череповецкого губкома РКП(б) и губисполкома поступила телеграмма из Реввоенсовета. В ней говорилось: «От имени красноармейцев и курсантов, разбивших

Вручение знамени череповецкому гарнизону
в присутствии особоуполномоченного ВЦИК РСФСР Н.И. Подвойского

Юденича под Питером, приветствую пролетариат, крестьянство и молодежь. Победа под Красным Питером имеет величайшее мировое значение. Рабочие, крестьяне и молодежь Череповецкой губернии могут гордиться. В этой великой победе есть и их доля. В самый критический момент стойкий революционный отряд вашей губернии принес великую пользу: он влил бодрость в ряды бойцов и теперь стремительно гонит белых!!!»

Чтобы накормить армию и рабочих, Советское правительство предпринимает чрезвычайные меры, которые вошли в историю под названием «военный коммунизм». Согласно принятому декрету, крестьяне должны были продавать определенное количество хлеба по закупочным ценам, которые были в 20-30 раз ниже рыночных. «Излишки» просто-напросто изымались. Деревня ответила на это сокращением посевных площадей и укрыванием «излишков». На что новая власть, в свою очередь, отозвалась созданием по всей стране продовольственных реквизиционных отрядов, призвав трудящихся и неимущих крестьян к немедленному объединению для беспощадной борьбы с кулаками.

Начался опустошительный поход на деревню для насильственного изъятия зерна у крестьян. Восемнадцать продотрядов были отправлены из Череповца для закупок хлеба в Симбирскую, Уфимскую, Таврическую, Полтавскую, Екатеринославскую, Тамбовскую, Омскую губернии, в Тургайскую, Акмолинскую и некоторые другие области. В обмен на хлеб черепане иногда выдавали крестьянам железно-скобяные изделия – гвозди, топоры, лопаты, сковороды. Там, где не устраивал такой товарообмен, забирали «именем Революции». Естественно, что продотрядовцев не встречали с распростёртыми объятиями.

В стране запылали крестьянские восстания. На Дону, в Ярославле, в Пензе…

Телеграмма В.И. Ленина в Пензу: «Восстание пяти областей кулачья должно повести к беспощадному подавлению… Образец надо дать. 1) Повесить (непременно повесить, дабы народ видел) не меньше 100 заведомых кулаков, богатеев, кровопийцев. 2) Опубликовать их имена. 3) Отнять у них весь хлеб… Телеграфируйте получение и исполнение. Ваш Ленин…»

7 сентября 1919 года в Череповце, в здании нового театра, начал свою работу 5-й губернский съезд Советов. На повестке дня – «Текущий момент» и «Продовольственный вопрос». Выступают: председатель исполкома т. Сидоров, начальники военного,

земельного, продовольственного и других отделов губисполкома. На третий день слово предоставили Н.И. Подвойскому, особоуполномоченному ВЦИК РСФСР, члену Революционного Военного Совета республики. В течение трех часов он говорил о международном положении, о затруднениях Советской власти, которой «вставляют палки в колёса» и своя, и иноземная буржуазия, о том, как скорее окончить войну, победив врагов, и зажить светлой жизнью.

«Посмотрите на бесконечные земли, которые занимает Череповецкая губерния, – говорил Подвойский, – везде стелется необъятное пространство, которое представляется пустыней. Разве вы не знаете, что это – богатейшие земли, что внутри этой земли лежат, как на Кавказе, медные, серебряные, алюминиевые руды, разве вы не знаете, что здесь есть серные источники, что реки кишат рыбой, что в лесах пушнины не обобраться, что кругом вас безмерное богатство ожидает вашего труда, что земля, которая сегодня не родит, мокрая, не высушенная – обратится в рай, если будет приложен труд человека. Ни одного кусочка земли не должно быть свободным. И когда это мы сможем сделать, мы смело скажем, что не будет голодного, что у человека будет сытая и довольная жизнь … И рабочие, и крестьяне Череповецкой губернии должны думать о том, как бы богатство поднять на поверхность и преподнести себе и детям не на золотом блюдце, а на своих трудовых мозолистых руках. Вы должны сотворить чудеса, вы должны из пустыни сделать пашни и поля…Я верю, что Череповецкая губерния не чужими руками, не чужеземным правительством, а освободившимися крестьянами будет превращена из болот в цветущую мощную губернию, а вслед за Череповецкой губернией пойдут и другие губернии, и Советская Россия, светлая, радостная, просвещённая, найдёт отклик других стран, и настанет мир, в котором не будет ни пушек, ни пулемётов, а будет радостный мир и счастье всех трудящихся».

Стихли аплодисменты, делегаты разъехались по домам, где их по-прежнему ожидали и холод, и голод…

Основным сектором экономики вновь созданной губернии являлся аграрный. Однако Гражданская война, вызвавшая значительный отток мужского населения, привела сельское хозяйство в упадок. Сократились посевы, понизилась урожайность, уменьшилось поголовье скота. На полмиллиона с лишним крестьян приходилось всего 45 тысяч сох, 6 тысяч косуль, 36 тысяч плугов, одна конная сеялка. Значительное количество хлеба даже в урожайный год завозилось сюда из производящих районов стра-

Николай Ильич Подвойский

ны, главным образом – из Поволжья. И, естественно, по-прежнему главным помощником земледельца являлась лошадь. Однако ситуация с лошадьми оставалась сложной. Так, согласно статистике, в пределах Череповецкой волости, включавшей в себя 17 сельсоветов, насчитывалось 5 393 крестьянских хозяйства, из них «безлошадных» – 1 581 хозяйство, почти 30%.

По данным Всероссийской промышленной переписи в Череповецкой губернии значилось 50 фабрик, заводов и других промышленных предприятий, но из них действовало лишь 26. Остальные простаивали из-за отсутствия сырья и топлива.

«Все на борьбу с разрухой!» – призывала газета «Коммунист». – «Если год назад мы говорили, что наше спасение зависит от победы Красной Армии, то теперь можем считать, что мы спасены, или почти спасены. Белогвардейцы пускают пузыри в Черном море, Антанта мечется… Но мы победили только одного врага, во время борьбы с ним надвинулись новые враги – голод, холод и тиф. Против них бессильны наши пушки и пулеметы. А борьба необходима, иначе мы погибнем… Еще один враг – разруха. Не двигаются поезда, не везут они хлеб, соль и каменный уголь. Нет угля, и стоят фабрики и заводы, не вырабатываются ситец, гвозди, бумага, мыло, табак и нечего послать в деревню в обмен на взятое мясо и хлеб… Нет дров – и стоят поезда. Мы должны дать дрова. Да, голодному нелегко ездить в лес. А что лучше: умереть с голоду или заготовить пять кубов леса? Голодать месяцы или голодать еще три года? Все на борьбу с разрухой транспорта! Ни одного дезертира, ни одного саботажника!»

Учитывая, что в Череповецкой губернии наиболее развитой была лесоперерабатывающая промышленность, перед ней была поставлена задача: обеспечить топливом Петроград, а также железнодорожный и водный транспорт. Это была нелегкая задача. Из двадцати двух лесопильных заводов частично работали только семь. Продукция этих предприятий была в 10 раз меньше, чем в 1913 году. Пришлось все силы бросить на реконструкцию заводов, ввести трудовую повинность на заготовке топлива.

Крестьянские мятежи, забастовки рабочих и, наконец, восстание матросов в Кронштадте – все это привело к тому, что в марте 1921 года на X съезде ВКП(б) В.И. Ленин произнес речь о необходимости новой экономической политики: заменить продразвёрстку продналогами и объявить свободу торговли. Теперь крестьянин должен был сдавать государству определённое, заранее установленное количество продовольствия, а все излишки он мог продавать на рынке. У крестьян должна была появиться заинтересованность в том, чтобы производить больше хлеба, мяса, молока, и других продуктов сельского хозяйства. С другой стороны, деревне нужны были сельскохозяйственные орудия, промышленные товары, одежда, обувь и прочее… Но государство в тот период не могло их дать. И тогда власть разрешила открыть мелкие частные предприятия, небольшие заводы, лавки.

И хотя не обошлось без перегибов, новая экономическая политика себя оправдывала. В короткий срок города наполнились продуктами и товарами. Вновь открывались лавки и магазины, мастерские и кинотеатры, заработали трактиры и рестораны, появились невиданные с начала революции продукты и вещи. По улицам понеслись извозчики-лихачи, засновала разодетая публика, засверкали огни магазинов…

Разгрузка угля в череповецком порту

В Череповце опять заработали Афанасьевская, Сергиевская и Георгиевская ярмарки, ведущие свое начало со времен Воскресенского монастыря. На Сенной площади, что возле водонапорной башни, целыми горами навалены сани, полозья, колеса, корзины, корыта, вороха кож. Кто подбирает сбрую для своей «савраски», кто – валенки. Губторг открыл

Участники автопробега
по призыву к весенней посевной

сразу два магазина. Один, на бывшей Сергиевской улице, специализировался на хозяйственной утвари. Второй, на Советском проспекте, в роскошном помещении, собрал не только предметы хозяйства и домашнего обихода, но и всевозможные закуски. «Как раньше», – говорили обыватели. Броская реклама зазывала прохожих. «Кинематограф Пролет-кино: грандиозная кино-фильма «Петербургские трущобы»… «Гостиница «Москва»: лучшие в городе номера и кабинеты»…

Замена продразвёрстки продовольственным налогом позволила властям часть средств, полученных от сборов, направить на восстановление фабрик и заводов. Президиум Губисполкома 7 августа 1922 года принял постановление, в котором рекомендовалось уездным исполкомам направлять определённое количество средств на развитие народного хозяйства с тем, чтобы уже в 1923 году достигнуть «нормы довоенного времени – 1913 года». «Необходимо побороть разруху, – говорилось в постановлении, – для чего следует расширять посевную площадь, сеть школ, больниц, изб-читален, почтово-телеграфных учреждений, восстановить фабрики, заводы, дороги. И выполнение продналога будет решающим словом в борьбе с разрухой».

Важнейшим событием 1923 года стала Всесоюзная сельскохозяйственная и кустарно-промышленная выставка. Она должна была показать, что Россия, вчера ещё голодная, имеет крупные научные и практические достижения в народном хозяйстве. Успехи передовых хозяйственников-крестьян и учёных-аграрников должны были стать могучим толчком к всеобщему подъему и улучшению сельского хозяйства, достоянием широких масс, путеводителем их работы. А это, в свою очередь, позволит в ближайшее время заложить крепкий фундамент социалистического строя.

«Грядущее пятилетие должно стать пятилетием хозяйственного возрождения, – считали организаторы выставки. – Страна людоедства, голодная, измученная, но вышедшая победителем из первого пятилетия героических схваток, найдёт в себе силы и возможность стать страной электричества, удвоить, утроить свои урожаи, изжить позор прошлого, когда рядом со стопудовым урожаем опытных станций необъятно расстилаются выгоревшие крестьянские поля с пятипудовыми урожаями. Выставка позволит открыть глаза крестьянства, разбудить от векового глубокого сна в улучшении хозяйства, доказать, что у крестьянина для правильного и доходного ведения хозяйства есть всё, недостаёт лишь знаний».

9 сентября 1923 года делегаты от Череповецкой губернии отправились в Москву. Они должны изучить, а потом стать проводниками передовых достижений в области полеводства, огородничества, молочного животноводства, свиноводства, мелиорации, сельхозкооперации и кустарного производства.

В конце сентября «Коммунист» печатает вести из волостей о встречах крестьян со своими делегатами. «Наша нужда, бедность, отсталость – от неумения найти правильную линию хозяйства», – говорил на собрании крестьян посланец Нелазской волости учитель Чистосердов. Он подробно рассказал об увиденном и услышанном на выставке. Все собравшиеся пришли к убеждению, что пора изживать отсталые способы земледелия, надо по новому вести хозяйство, чтобы поднять его производительность. Решено было сделать первые шаги к улучшению молочного скота – завести племенного быка хорошей испытанной породы. Крестьяне Устье-Угольской и Талицкой волостей, приехав из Москвы с выставки, стали переходить на многопольный севооборот. Восемнадцать домохозяев скооперировались и купили сельхозинвентарь – веялку, молотилку, – и тоже задумались о смене скота, говоря, что «лучше иметь одну хорошую корову вместо трёх-четырёх навозниц».

Корреспондент газеты В. Матюхин подводит итог: «Только совместными организованными усилиями можно превратить голодную деревню с угрюмым неопрятным жилищем, с постоянным проклятием нависающей нужды и непосильного труда – в свободную обновлённую деревню с широким простором превосходных полей, здоровым скотом, уютными домами…»

Фабричная и кустарная промышленность постепенно начала подавать признаки жизни. Заработали стекольные, деревообрабатывающие, кожевенные предприятия, построили довольно мощную электростанцию в селе Воскресенское, был введён в строй самый большой шлюз в СССР – «Черепановка», на очереди – Ягорбское сооружение. Широкое распространение получили кустарные промыслы. Товары ремесленников и частных торговцев позволили быстро насытить рынок, а налоговые поступления от крестьян оживили промышленность. Уже в 1925 году промышленность Череповца и в целом губернии приблизилась к довоенному уровню, а затем и превзошла его.

Жизнь поколения 1920-1930 годов в новой России можно охарактеризовать одним словом: Борьба. Борьба за новый быт, за втягивание взрослых и молодежь в клубную работу, борьба с безработицей, беспризорностью, с неграмотностью. Кстати, по

Открытие Череповецкой губернской сельскохозяйственной выставки. 1921 г.

грамотности населения Череповецкая губерния занимала восьмое место в ряду всех губерний страны! И уже имела план перехода ко всеобщему обучению. Работу по ликвидации неграмотности черепане обещали закончить к 10-й годовщине Октября. «Свое обещание выполним», – заверил XIV Губернский съезд Советов, проходивший 4 февраля 1926 года в присутствии народного комиссара просвещения А.В. Луначарского. Делегаты с большим вниманием выслушали трехчасовой доклад наркома. В период почти недельного пребывания в Череповце А.В. Луначарский знакомился с культурно-просветительскими учреждениями, выступал перед трудящимися, интересовался жизнью губернского города.

На X губернском съезде комсомола Анатолий Васильевич обратился с приветствием к посланцам молодежи: «Комсомол – наша надежда, наше будущее. Крепите связь рабочих и крестьян, учитесь на работе, растите, становитесь сильнее, учась и содействуя расцвету вашего края!»

Трудно шел губернский Череповец к 1927 году – торжеству 10-летия Советской власти. С лета росли хлебные очереди. Сначала их объясняли распространением слухов, что, мол, ржаная мука на исходе. Но к августу, когда недостаток хлеба коснулся больниц и детских домов, разразился скандал. Виновников хлебного кризиса потребовали к ответу. Попутно выяснилось, что и запасов соли

едва хватило бы до юбилея. Пошли срывы в подаче электроэнергии. Случились вспышки скарлатины, тифа и дизентерии. Заразный барак переполнился настолько, что пришлось открыть дополнительный отдел. В Талицкой области убили селькора…

Однако настрой властей был оптимистичен: «Путь правилен, линия верна», – так полтора года назад определил XIV губернский съезд Советов. Успехи отмечались в сельском хозяйстве, в промышленности, в налаживании связи рабочих и крестьян. По официальным данным, к 10-летию Октябрьской революции череповецкая промышленность не только восстановила довоенное состояние, но во многих отношениях стала работать лучше. В 1926-27 годы череповецкие заводы и фабрики выпустили продукции на 7 500 000 червонных (золотых) рублей, что превысило довоенную выработку на 32%. На треть возросла главнейшая отрасль хозяйства – молочное скотоводство, на этой основе широко развилось маслоделие и сыроварение. А высокий уровень развития животноводства способствовал росту кожевенной и обувной промышленности.

Были успехи и на культурном фронте. В Череповец пришло радио и телефон. Получает развитие театр, теперь он именуется Череповецкий окружной показательный театр драмы и музыкальной комедии; присутствие в репертуаре «легкого жанра» – оперетт и комедий – поощряется, поскольку «здоровый смех людям, уставшим от работы, положительно необходим».

ШЕКСНИНСКИЙ МЯТЕЖ

Начавшаяся Гражданская война и иностранная интервенция повлияли на жизнь Череповца и ещё больше ожесточили характер отношений населения и власти. С марта по октябрь 1918 года в Череповецкой губернии были зарегистрированы 63 выступления против советской власти.

В декабре 1918 года восемь волостей Череповецкой губернии и ряд смежных волостей Вологодской губернии охватило антибольшевистское восстание. Вожаки – местные зажиточные крестьяне, в основном люди, прошедшие Первую мировую войну. Некоторые имели даже офицерские звания, например, штабс-капитан Соколов, подпоручик Шерстнев. Недавние фронтовики, вернувшиеся к мирной жизни, не хотели мириться с тем, что новая власть ущемляет интересы крестьян, опоры существования России. Эпицентром мятежа стала железнодорожная станция

Шексна. В течение нескольких дней повстанцы удерживали станцию, парализовав, таким образом, движение по Северной железной дороге.

В советскую эпоху о Шекснинском восстании старались вообще не вспоминать – уж слишком «скользкой» была эта тема. В редких же воспоминаниях ветеранов-чекистов происходящие события описывались как тщательно спланированное выступление «белогвардейских офицеров, эсеров и местных кулацких элементов», имеющих единый координирующий орган. Однако архивные документы этот тезис не подтверждают. Волнения начались стихийно, причем сразу в нескольких волостях. Вызваны они были недовольством населения новой политикой власти – политикой чрезвычайщины и репрессий. Многие комбеды, продотряды, ревкомы допускали случаи мародерства, толкали крестьян на восстания, на вступление в белогвардейскую армию, в различные банды и отряды.

«Декрет о земле», принятый вторым съездом Советов в октябре 1917 года, обеспечил активную поддержку большевиков со стороны крестьянства. Но взятие курса на полное свертывание торговли продразверсткой, создание комитетов бедноты вместо крестьянских советов, принудительные мобилизации в Красную Армии, разгром партии социал-революционеров (эсеров), выражавших интересы крестьянства, обострили и без того сложные отношения в деревне.

Сельские мужики, только недавно вернувшиеся с фронтов Первой мировой войны, никакого желания снова идти под ружье не испытывали. Вооруженные группы нападали на волостные комиссариаты. Так, в Даргунской волости толпа пьяной молодежи (200 человек) разгромила военный комиссариат, сожгла мобилизационные списки и захватила 20 винтовок. В Дермянинском дезертиры и кулаки из местных деревень численностью около трехсот человек неожиданно появились у здания волисполкома и учинили там разгром. Мятежники уничтожили все бумаги. Устроили митинг, призывая немедленно свергнуть советскую власть, уничтожить всех коммунистов и установить старый порядок. После митинга всей гурьбой отправились в помещение, где содержались под стражей кулаки-саботажники хлебозаготовок и злостные дезертиры. Они взломали дверь, выпустили всех арестованных, а помещение разломали до основания.

Анатолий Васильевич Луначарский

Выступая на совещании уездных военных комиссаров, губвоенком В.Я. Королев отмечал: «Столкнувшись в нашей работе по проведению мобилизации с непредвиденными и часто не совсем предвиденными явлениями, мы на практике обнаружили, что крестьянство не только зажиточное, но и беднейшее проявляет иногда упорство при проведении наших мероприятий, предписанных из центра в интересах революции. Это упорство выливалось кое-где в формы вооруженных выступлений. Пришлось прибегать не только к мерам воздействия путем агитации, но и применять самые решительные репрессивные меры».

Хлеб весной 1918 года был дороже золота. Череповецкие коммунисты шлют в Москву послание: «Население питается соломой, мхом, древесной корой, мякиной, перемалывая эти суррогаты в порошок… Семян нет. Поля остаются незасеянными». Центральный исполнительный комитет выделил Череповцу два вагона хлеба. На какое-то время удалось «разрядить» обстановку. Но двух вагонов хватило ненадолго…

Чтобы накормить армию и рабочих, Советское правительство предпринимает чрезвычайные меры, которые вошли в исто-

рию под названием «военный коммунизм». Согласно принятому декрету, крестьяне должны были продавать определенное количество хлеба по закупочным ценам, которые были в 20-30 раз ниже рыночных. «Излишки» просто-напросто изымались. Деревня ответила на это сокращением посевных площадей и укрыванием «излишков». На что новая власть, в свою очередь, отозвалась созданием по всей стране продовольственных реквизиционных отрядов, призвав трудящихся и неимущих крестьян «к немедленному объединению для беспощадной борьбы с кулаками». Начался опустошительный поход на деревню для насильственного изъятия хлеба.

Череповецкие большевики откомандировали в каждую волость отряды красногвардейцев. Одним из таких отрядов командовал моряк-балтиец Иван Гаврилов. Перед отправкой он произнес напутственную речь: «Товарищи! Вы отправляетесь на борьбу за укрепление советской власти. Помните, товарищи, что партия возлагает на вас большие надежды. Ваша задача – взять хлеб у богатеев для государства. Безусловно, вы встретитесь с трудностями, враги вам будут мешать, но вы будьте бдительны, не проглядите классового врага. Никакой пощады кулакам и их прихвостням!»

В деревнях продотрядовцы собирали сельские сходы, разъясняли присутствующим сколь велика важность хлебозаготовки и призывали всех тех, кто подлежал к обложению, сознательно отнестись к этому важному делу и сдать зерно на заготпункт сколько положено. Мужики и бабы внимательно слушали, соглашались, что дело это важное, но зерно на заготпункты не везли. Оно было припрятано, и припрятано основательно: в скирдах соломы, в ямах, в подвалах, в повитях и даже …в ульях. Обнаруженное зерно конфисковывали в пользу государства.

30 ноября жители Братково пришли на сход, на котором уполномоченный из уезда поставил вопрос о сдаче хлеба государству и реквизиции очередной партии лошадей на нужды фронта. Крестьяне начали возмущаться, набросились на уполномоченного, попытавшегося призвать их к революционной сознательности, и несколько раз ударили. Тот побежал за защитой к местным активистам комитета бедноты и бойцам располагавшегося неподалеку продотряда. Но братковские крестьяне разоружили продотрядовцев, а избитого уполномоченного посадили в амбар под замок. После чего провели свой сход, на котором вынесли резолюцию: «1. Собрание признает власть Советов, но не такую, какая сейчас. Сейчас власть не народа, а какой-то кучки. 2. Россия окруже-

на тесным кольцом неприятельских иностранных войск, с которыми бороться нам невозможно, то и людей по мобилизации на эту бойню не дадим».

Подобные резолюции принимались и в соседних селах.

Практически одновременно с Братковом волнения начались в Чуровском и Чаромском. Подогретые самогоном молодые люди врывались в мобилизационные пункты и уничтожали списки призывников. Вооруженная дробовиками, топорами и вилами толпа избивала представителей волостных властей, разоружала красноармейцев и брала их в заложники.

1 декабря против советской власти восстали крестьяне Починковской, Усть-Угольской, первой и второй Петриневских, Ягановской, Ивановской, Даргунской волостей Череповецкого и Вологодского уездов. Среди вожаков не было единства в стратегии и тактики восстания. Одна группа, состоящая из наиболее горячих голов, требовала немедленно всем двинуться пешим путем в Череповец, чтобы к ночи уже быть в городе, захватить город, в чем-то им помогут знакомые горожане, не терпящие советскую власть. Вторая группа предлагала разослать гонцов во все волости Череповецкого уезда, в соседний Кирилловский и Вологодский уезды, поднять там на восстание всех мужиков; тогда не страшны будут никакие красноармейские части, тем более что в Череповце красноармейских частей почти нет, а из Вологды тоже никого послать не могут, так как все силы там брошены под Архангельск, откуда двигались английские интервенты. Верх взял третий план, который предложил А.Ф. Бараев, середняк из Чуровского, по прозвищу «Шершень», который произвел себя в «генералы». Он предложил все имеющиеся силы держать на станции Шексна в засаде вдоль железнодорожного полотна, чтобы встречать красноармейские отряды из Вологды и Череповца, быстро нападать на них, разоружать, предложить красноармейцам примкнуть к восстанию. Таким путем усилить ряды восставших, а потом уже двинуть на Череповец.

На шапирографе было напечатано и размножено воззвание, скрепленное подписью «генерала» Шершня. В воззвании были призывы не подчиняться законам советской власти, не давать Красной Армии лошадей, хлеба, не являться на призывные пункты, уничтожать коммунистов и им сочувствующих, захватывать в военкоматах оружие и идти всем на восстание. Было обещано, что «кто пойдет на восстание, то самый богатый купец Череповецкого уезда В. Очеленков из тайных запа-

Члены Череповецкой чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией

сов всем будет раздавать бесплатно белую муку, сахар, спички, соль, мануфактуру».

К Шершеню в Чуровское начали прибывать группы мужиков из соседних волостей.

1 декабря в церквях Чуровского, Угрюмовского, Веретьевского, Лохотского и Ягановского приходов забил набат. Это был сигнал к выступлению. Первый скомплектованный полк повстанцев численностью в 300 человек двинулся на станцию Шексна. Станция занимала ключевое положение, позволяющее контролировать железную дорогу и мост через реку. Ночью повстанцы незаметно подкрались к часовому и убив его, бесшумно проникли в дом, где ночевала охрана моста и обезоружила ее. На второй день разобрали часть железнодорожного пути, спилили несколько телеграфных столбов. Связь между Вологдой и Череповцом была нарушена, движение поездов прекратилось. Вологда отправила на подавление мятежа отряд особого полка железнодорожной охраны красноармейцев. Этот отряд по неопытности командира был без единого выстрела целиком был захвачен и разоружен. А сотенный инструктор Белов и еще трое молодых прапорщиков перешли на сторону восставших крестьян.

Весть о шекснинском восстании вызвало беспокойство штаба VI Армии – мятежники могли прервать сообщение по главной магистрали, соединявшей два губернских центра. Было решено предпринять блокировку Шексны с двух сторон – от Вологды и Череповца.

В Череповце был сформирован Чрезвычайный отряд численностью до 100 человек, в него вошли красноармейцы местного караульного батальона и железнодорожного полка.

Вспоминает И.И. Козлов, комиссар Череповецкого отряда: «Извещение о восстании было получено поздним вечером, и поэтому собираться нужно было немедленно. Из Череповецкого гарнизона был взят взвод красноармейцев с двумя пулеметами. Начальнику станции Череповец было предложено немедля подать в мое распоряжение поезд в 5-6 вагонов. В этом нам сначала отказали. Пришлось прибегнуть к угрозе расстрелом. Не прошло и десяти минут, как поезд был подан, и мы быстро отправились. Наш отряд остановился между Кономой и Шексной на переезде против деревни Курицыно, чтобы ночью захватить деревню и пойти на станцию Шексна с северной стороны, откуда мятежники не могли ждать. Но этот маршрут пришлось изменить из-за обстрела нас из деревни Курицыно, тем более что это было ночью. А утром на следующий день нам на помощь

Суд над участниками крестьянского мятежа

пришло подкрепление с тремя орудиями, да еще бронепоезд. Станция Шексна была очищена, и железнодорожное сообщение Вологда – Петроград было восстановлено».

И. Козлов не пишет, что первая попытка покончить с повстанцами провалилась. Мятежники ждали карательный отряд и приготовились к встрече. На линию железной дороги набросали старых шпал и бракованных рельсов, штабеля которых стояли вдоль линии. Неподалеку от железнодорожного моста устроили засаду. Как только поезд прошел мост, из зарослей раздался интенсивный огонь. Правда, огонь этот не нанес урон красноармейцам, платформы были укреплены мешками с песком. Но позиция прибывшего отряда была в самых невыгодных условиях. Постреляв впустую около двух часов, задним ходом поезд отошел из опасного места и ушел в Череповец.

Утром 2 декабря со стороны Вологды и Череповца навстречу друг другу отправились поезда с отрядами красногвардейцев, усиленные пушками и пулеметами. Череповецкий отряд был вооружен двумя пушками и пулеметами, его сопровождал бронепоезд «Степан Разин», прибывший из Ярослаля. Шел поезд медленно, опасались засады. В два часа ночи, остановившись у деревни Нифантово, дали несколько выстрелов. Началось массовое бегство повстанцев. Вожаки пытались остановить бегущих, навести хоть какой-то порядок, но затем сами поспешили покинуть место боя, спасаясь от движущегося со станции карательного отряда Череповецкой ЧК. Испугавшись содеянного, крестьяне разбежались по своим деревням. Добровольно выпустили «заложников» и с покорной обреченностью стали ждать неминуемой кары. И она действительно последовала. Медленно продвигаясь по обеим сторонам от железной дороги, красноармейские отряды «зачищали» враз присмиревшие деревни. Задерживались любые подозрительные «элементы» – бывшие царские офицеры, георгиевские кавалеры, земские учителя…

3 декабря 1918 года собрался революционный трибунал. В отношении главарей приговор был краток: «расстрелять!» Около 70 молодых крестьян, участвовавших в мятеже, скорым судом приговорили к длительным срокам тюремного заключения, но тут же условно амнистировали и отправили на фронт – искупать вину в сражениях с белогвардейцами.

ДОКТОР РУССКОЙ ИСТОРИИ

Николай Дмитриевич Чечулин

Крупный историк и искусствовед Николай Дмитриевич Чечулин родился 3 ноября 1863 года в Череповце. По воспоминаниям брата Сергея Дмитриевича, Николай с ранних лет отличался хорошими способностями, памятью и прилежанием. Он рано научился читать, за час мог свободно прочитать 50-60 страниц. Будучи гимназистом, мог в уме извлекать квадратные корни из 13-15-значных чисел.

В 1881 году поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета. Под влиянием своего дяди – ученого, инженера, почетного члена Академии наук зародилась у него любовь к науке, а под влиянием известного в то время профессора истории К.Н. Бестужева-Рюмина Чечулин избрал для исследования историю России. В 1882 году будучи студентом второго курса, он получил серебряную медаль за работу на тему «Записки Болотова как исторический источник». В 1890 году Николай Дмитриевич защитил магистерскую диссертацию. За свое исследование «Города Московского государства в XVI веке» он получил очень престижную Уваровскую премию. Впервые он использовал писцовые книги XVI века, сложные по составу и совершенно не разработанными в научном плане. Известный русский историк В.О.Ключевский высоко оценил эту работу: «Сочинение г. Чечулина – добросовестный труд, основанный на внимательном изучении мало тронутого источника, стоивший усиленной борьбы с трудностями этого источника и большой черновой работы над ним, дающий читателю немало ценных, освещающих предмет выводов и еще больше материала для выводов, могущих усилить это освещение». Монография студента Чечулина и сегодня является одним из лучших пособий по средневековым писцовым книгам.

В этом же году Н.Д. Чечулин стал приват-доцентом Петербургского университета. Он увлекается историей России XVIII века. В качестве приват-доцента Чечулин читает специальные

курсы о мемуарах XVIII века, об образовании и воспитании в России. Он участвует в создании Исторического общества, вступает в Археологическое и Географическое общества, активно работает в Обществе любителей письменности.

Монография «Внешняя политика России в начале царствования императрицы Екатерины II» стала докторской диссертацией Н.Д. Чечулина, она утвердила за ним репутацию отличного знатока русской истории XVIII века.

В 1896 году Чечулин оставил работу в университете и поступил в Императорскую публичную библиотеку, где стал хранителем отдела графики, а позднее – отделения изящных искусств. В общей сложности библиотеке он прослужил более двадцати лет. Это были годы самые продуктивные в творческом отношении. Он, публикует мемуары и письма XVIII века, пишет очерки о Петре III, Екатерине II, Павле I для юбилейного издания «Государи из дома Романовых», статьи о Г.Р. Державине, А.П. Сумарокове, Н.М. Карамзине, А.С. Пушкине, К.Н. Батюшкове, Л.Н. Толстом, делает переводы Лукиана, Гёте, собирает гравюры и учится сам гравировальному искусству. В 1908 году вышел в свет его обширный труд «Десять лет собирания. Каталог коллекции гравюр Н.Д. Чечулина с очерком истории гравирования». Сегодня эту коллекцию можно увидеть в художественном музее Череповецкого музейного объединения.

Летом 1915 года Чечулин был назначен попечителем Виленского учебного округа. После Февральской революции 1917 года ушёл в отставку с государственной службы и поселяется в селе Борисоглебское – родовом имении Чечулиных. Поскольку Николай Дмитриевич был холостяком, то, вернувшись на родину, он поселился не в своем особняке, а в семье старшего брата, врача Сергея Дмитриевича.

Первое время пребывания петроградского ученого в Борисоглебском проходило без потрясений. Здоровье Николая Дмитриевича, пошатнувшееся в последние годы (он болел диабетом), пошло на поправку. Но в марте 1918 года комитет бедноты отобрал и распределил между безземельными крестьянами пахотную землю братьев Чечулиных, конфисковал молочную ферму, крендельную и кондитерскую мастерскую, мельницу. Правда, в знак уважения к народному доктору, Сергею Дмитриевичу, и его знаменитому брату им оставили участок пахотной земли в две десятины, участок для покоса, лошадь и три коровы с условием, что они и их семейство будут обрабатывать землю без применения наемного труда.

Однако подобная терпимость новых властей к бывшим помещикам проявлялась недолго. В начале октября 1918 года в Борисоглебское прибыл член коллегии череповецкого губземотдела некто Матюхин, описал всю недвижимость и выдал предписание комитету бедноты: «Немедленно приступить к выселению бывшего владельца имения и его семейства из занимаемых им помещений. Ничего из описанного ранее имущества взять не имеет права».

С.Д. Чечулин так описывал это выселение: «У нас было отобрано платье и движимость, только вещи первой необходимости предоставлены были нам и то в количестве меньше, чем предписывается декретом… У нас были отобраны все сельхозпродукты, добытые нашим личным трудом на участке земли, предоставленном нам уже революционной властью. Отобраны были и лошадь, и коровы, и пять свиней, домашняя птица, приобретенная уже после национализации».

Н.Д. Чечулин отправляет жалобу в губернский земельный отдел. Он напомнил, что усадьба и ее имущество находятся под охраной Советской республики и реквизиции не подлежат. Он не обвиняет Матюхина в неправильных действиях, а лишь просит уплатить ему по твердой цене за отобранные сельхозпродукты. 4 октября 1919 года следственная комиссия при Череповецком губернском революционном трибунале рассмотрело дело о бывшем члене коллегии губземотдела Матюхине, обвиняемого в дискредитации советской власти. Это выразилось в том, что «тов. Матюхин незаконно отобрал имущество и излишки сельскохозяйственных продуктов у бывших помещиков Чечулиных». Члены ревтрибунала констатировали, что «тов. Матюхин не воспользовался ничем в личной собственности», что все сельхозпродукты, за исключением 2 фунтов какао, сдано в совхоз, организованный из усадьбы тех же Чечулиных. «Какао в присутствии себя Матюхин выпоил служащим и рабочим указанного совхоза». Что касается молочной фермы, крендельной и кондитерской мастерских и мельницы, то эти здания отошли вновь организованному птицеводческому совхозу № 64.

Несмотря на жизненные неурядицы, по сложившейся с годами привычкой, Николай Дмитриевич и в деревне работал по двенадцать часов в сутки. Он занимается завершением ранее начатых работ, создает многотомное исследование о внешней и внутренней культуре русской провинции XVIII века, издает две книги – «Литература общественных знаний в России XVIII в.» и «Русская провинция во второй половине XVIII столетия», за которые получил 38 пудов хлеба.

10 декабря 1921 года по представлению профессора С.Ф. Платонова Николай Дмитриевич Чечулин был избран членом-корреспондентом Академии наук, он получил паёк и «академическое обеспечение».

В 1924 году Николай Дмитриевич начинает хлопотать о возвращении ранее обрабатываемого участка. Он отправляет в Череповецкое уездное земельное управление прошение: «Покорнейше прошу разрешения по примеру прежних лет засеять рожью полдесятин земли при совхозе Борисоглебска». И подпись – «Доктор русской истории, член-корреспондент Академии наук Н.Д. Чечулин». В этом прошении две визы, одна – заведующего земельным управлением – гласит: «Никаких посевов на земле совхоза посторонним лицам, а особенно бывшим помещикам не допускается, а если и давали раньше – то это преступление»; другая виза – сочувственная: «Войти с ходатайством в губисполком и предоставить охранительную грамоту от Луначарского». Получил ли Н.Д. Чечулин «охранную грамоту» от наркома просвещения А.В. Луначарского не известно.

Происходящие в стране перемены очень беспокоили Н.Д. Чечулина. 22 июня 1924 года шестидесятилетний историк записал в своем дневнике: «… Сердце вообще болит постоянно среди ужасов и горя всей России. Родина, родина! Увижу ли тебя на пути к свету и счастью? Возродишься ты – но дождусь ли я твоего возрождения?»

Не дождался… Он умер 14 февраля 1927 года в возрасте 63 лет. Похоронен Николай Дмитриевич Чечулин на Борисоглебском погосте рядом с церковью Бориса и Глеба. В память о Н.Д. Чечулине в деревне Ирма Шекснинского района установлен памятный знак-стела.

В Череповецкой Центральной городской библиотеке имени В.В. Верещагина ежегодно организуются Чечулинские чтения.

КАК МЫ ЛЕНИНГРАДЦАМИ БЫЛИ

Во второй половине 1920-х годов в стране начинается политика индустриализации. Аграрные губернии стали «прикреплять» к экономически развитым регионам. Тихий черёмуховый Череповец в 1927 году вошел в состав Ленинградской области на правах райцентра и был таковым в течении девяти лет. Ведущей отраслью Череповецкого округа была лесоперерабатывающая промышленность. За эти годы вместо 22 мелких дореволюционных лесо-

пильных заводов было создано семь крупных. На базе бывшего Волковского винокуренного завода в Череповце организовали производство древесного спирта (из опилок) методом гидролиза. Бутылка первого череповецкого спирта была подарена С.М. Кирову, вождю ленинградских коммунистов. Был реконструирован завод «Красная звезда», на котором производились и ремонтировались сельскохозяйственные машины. Появились в Череповце новые предприятия промышленности: хлебозавод, мясокомбинат, льнозавод, кондитерская фабрика. Широкое распространение получили кустарные промыслы: металлический, сапожный, катаваленный, дерево-обделочный, ткацко-кружевной, гармонный.

В общем, и будучи ленинградским, оставался Череповец городом, промышленность которого имела лишь местное значение. Преобразующее слово индустриализации – «даёшь!» – звучало далеко от Череповца. «Даёшь Магнитку!». «Даёшь Кузнецк!», «Даёшь Запорожсталь!»

Однако и Череповец уже в тридцатые годы вполне мог стать центром металлургии.

…В июне 1933 года в обстановке строжайшей секретности по Беломорско-Балтийскому каналу проследовал военный катер, на борту которого был САМ товарищ Сталин – вождь страны Советов. Это был первый рейс по новому водному пути, построенному в рекордно короткий срок – двадцать месяцев – многотысячной армией заключенных. Ввиду того, что гигантское гидротехническое сооружение имело большое народнохозяйственное и стратегическое значение, сопровождали Иосифа Виссарионовича К.Е. Ворошилов, нарком по военным и морским делам, и С.М. Киров, первый секретарь обкома ВКП(б) огромнейшей – от Мурманска до Череповца – Ленинградской области.

Как вспоминал повар, сопровождавший кремлёвских вождей, Ворошилов увлёкся «рыбной охотой», изредка постреливая из именного нагана времён гражданской войны, а товарищи Сталин и Киров прогуливались по палубе, любовались красотами Карелии и вели неспешный разговор.

Киров не сдерживал эмоций, восторгался, нахваливал сотрудников ОГПУ:

– Спасибо нашим чекистам, которые так замечательно руководили строительством Беломорканала. Буквально, чудеса сделали! Такой канал, за такой короткий срок, в таком месте осуществить – это действительно героическая работа! Просто фантастика!

На эту поездку Сергей Миронович возлагал большие надежды. В ходе полуофициальной беседы он хотел получить поддержку Сталина в решении главной для ленинградской промышленности проблемы – создания собственной металлургии. Индустриальный Ленинград давал десятую часть машиностроительной (и, прежде всего, оборонной) продукции страны, а из-за нехватки металла приходилось ограничивать производство. Кое-кто из теоретиков-экономистов вместо создания собственного металлургического производства предлагал перебазировать машиностроительные и химические заводы, судоверфи и текстильные фабрики из Питера вглубь страны, поближе к источникам сырья и топлива. Однако Киров посчитал, что в деле индустриализации Питер должен сыграть такую же роль, какую играл на всех этапах Великой Октябрьской социалистической революции. Он считал, что Ленинград должен стать арсеналом, форпостом социализма. И выдвинул перед планирующими, хозяйственными и научно-исследовательскими организациями в качестве одной из актуальнейших задач проблему создания «большой металлургии Ленинграда», то есть, собственной металлургической базы. С каждым днем на карте в кабинете Мироныча всё больше появляется красных флажков, обозначающих вновь открытые геологами земные сокровища. Киров становится постоянным участником конференций, заседаний, совещаний, на которых обсуждаются вопросы о путях решения проблемы металла для Ленинграда и прилегающих областей. Он поддерживает контакт с геологами, специалистами-технологами, учёными Института металла и Механобр, знакомится с работами по обогащению руд, следит за дискуссиями на страницах журнала «На фронте индустриализации».

Обо всём этом Киров с увлечением рассказывал Сталину:

– Этот суровый край, Сосо, удивительно богат. Чего здесь только нет: апатиты, медь, никель, титаномагнетиты и, главное, железо. Каждый день несёт новые открытия. Методы магнитометрии показывают, что запасы железной руды превышают полмиллиарда тонн. Это в два-три раза больше месторождения горы Магнитной! Впрочем, есть все основания предполагать, что богатства недр ещё значительнее: самолёты, летающие в этом районе, обнаруживают отклонения магнитной стрелки.

Иосиф Виссарионович остановился, раскурил погасшую трубку, а Киров продолжал:

– А руды – исключительны по чистоте серы и фосфору. Стало быть, есть полная гарантия получения превосходного чугуна.

Одно плохо – нет у нас угля. Но учёные предлагают использовать в качестве топлива торф. Мощные торфяные массивы есть в районе Череповца. И мы думаем построить там чугуноплавильный завод, кольские руды будем доставлять водным путём. Мы разовьём в Череповце лесохимию, торфохимиию, электромашиностроение. Он станет вторым, после Ленинграда, промышленным центром области.

Сталин молчал. ОН прекрасно понимал важность строительства новой металлургической базы в этом регионе. И в целях экономики, и в целях обороны. И выбор Череповца неплохой, слышал о нём, будучи в Вологодской ссылке. Однако само то, что идея принадлежит не ЕМУ, а Кирову, очень не нравилось «вождю народов». ЕГО и так беспокоил растущий в народе авторитет лидера питерских большевиков.

Семь лет назад ОН направил Кирова вместе с Бухариным, Молотовым, Ворошиловым, Орджоникидзе, Дзержинским, Калининым, Андреевым в Ленинград для разоблачения зиновьевского руководства, а затем поставил его во главе Ленинградского губкома и одновременно секретарем Северо-Западного бюро ЦК ВКП(б). Что сделал Киров за это время, чтобы ленинградские партийцы стали оплотом Центрального Комитета партии и лично товарища Сталина? На словах он превозносит

К.Е. Ворошилов, И.В. Сталин и С.М. Киров на Беломорканале. 1933 г.

товарища Сталина. А на деле? Много ли он выявил и уничтожил врагов народа, которых в Ленинграде тьма развелась благодаря ротозейству прежнего руководства? Нет, Киров решил показать свое великодушие, умиротворить оппозицию этого вечно фрондирующего города, вместо того, чтобы сокрушить её. Либеральничает с оппозиционерами ради укрепления своего личного авторитета. Бравирует своей простотой и доступностью: живёт в обычном многоэтажном доме, ходит на работу пешком, ораторствует перед рабочими на митингах, в театре сидит не в ложе, а в партере. Хочет подчеркнуть, что товарищ Сталин живёт в Кремле, под охраной, не ходит пешком по улицам, не встречается с пролетариями, а, значит, боится народа. Завоевав в Питере дешёвую популярность, Киров решил теперь получить популярность всесоюзную – выдвинул идею о «большой металлургии» для Ленинграда. А не сам ли Мироныч говорил, что «мы не знаем ни одного поворота в нашей работе, ни одного сколько-нибудь крупного начинания, направления в нашей политике, автором которого был бы не товарищ Сталин, а кто-нибудь другой»? Ведь речь идёт не о какой-то кондитерской фабрике, а о новой металлургической базе! Это должно исходить из уст товарища Сталина!

Пауза затянулась. И тут выручил Ворошилов, он подстрелил судака килограмма на два весом. Все оживились, а Сталин пошутил:

– Ну, Клим, ты настоящий «ворошиловский стрелок»!

О серьёзных вещах после этого говорить было как-то неловко…

По ознакомлении с работой канала и с состоянием гидротехнических сооружений вышли через беломорский порт Сорока в Мурманск. Обратный путь совершали поездом, остановились передохнуть на берегу озера Имандра, где расположилось Полярное отделение Всесоюзного института растениеводства. Местное начальство устроило для кремлёвских вождей обед. Киров на правах хозяина угощал спутников выращенными в теплицах индийскими огурцами весом до килограмма, красными помидорами и клубникой «виктория», не забывая о самом важном вопросе – «большой металлургии Ленинграда».

– Главное богатство нашей области – природные ресурсы,– говорил он. – Здесь, в хибинской тундре, чертовски много железных руд. Если организовать добычу, то обеспечим Ленинград местным металлом лет на восемьдесят-девяносто!

И вновь Сталин не поддержал лидера питерских большевиков, бесцеремонно перебил его:

– Ты, Мироныч, лучше на огурчики нажимай.

Киров понял: вождь не будет его поддерживать, но от задуманного не отступил. На XVII съезде ВКП(б) он выступил с зажигательной речью, нарисовав перед делегатами картину преобразований северо-западного региона, которую сулила новая металлургическая база:

Выступление С.М. Кирова на XVII съезде ВКП(б)

– Если нам удастся организовать нормальную топливную базу, то подумайте, в каких необъятных пределах может разворачиваться на Северо-Западе подъём производительных сил!

Закончил свою речь Киров совсем по-простецки:

– Успехи, действительно, у нас громадны. Чёрт его знает, если по-человечески сказать, так и хочется жить!

Но жить ему оставалось 303 дня…

1 декабря 1934 года прозвучал роковой выстрел. Убит Киров, главный реформатор народного хозяйства Ленинградской области. Этот выстрел стал вехой, разделившей тридцатые годы на две половины. Борьба за «большой металл», за преобразование Севера сменилась борьбой с «вражеским гнездом японо-германской, троцкистско-бухаринской банды шпионов и вредителей». Почти все партийные и советские работники из окружения Кирова попали в список «врагов народа». «Кировский дух» выкорчевывался и из среды научно-исследовательских институтов, издательств, геологических партий. Были арестованы и расстреляны все руководители районных и городских отделов милиции Ленинградской области, в том числе и города Череповца. В деле исследования природных богатств Кольского полуострова и Карелии наступил «мёртвый сезон».

Прошелестевший было над Череповцом ветерок индустриализации, сменился полным штилем. А вскоре город передали в состав аграрно-лесной Вологодчины. По-прежнему Череповец сохранял уклад неторопливой, спокойной жизни. Всё так же скрипели под ногами дощатые тротуары, по-деревенски пели голосистые петухи, паслись на лужайках коровы и козы…

ТРИДЦАТЫЕ, РАССТРЕЛЬНЫЕ …

1 декабря 1934 года в Смольном был убит первый секретарь Ленинградского губкома, член ЦК ВКП(б) Сергей Миронович Киров. Его убийца Леонид Николаев предпринимал до того уже по меньшей мере одну попытку покушения и даже был схвачен охраной Кирова. Но вместо того, чтобы арестовать его и предъявить обвинение в попытке совершить террористический акт, охрана отпустила его и даже позволила забрать с собой найденное при нем оружие. Сталин немедленно воспользовался убийством Кирова в своих целях. В тот же день, 1 декабря 1934 года, был издан указ, предусматривающий ускоренную процедуру расследования (не более десяти дней) для дел о «террористических организациях и актах»; эти дела заочно рассматривались специальным военным трибуналом, адвокаты к защите не допускались, и смертные приговоры должны были выноситься незамедлительно.

Вечером, 3 декабря, Сталин вызвал «железного наркома» Ежова и сказал ему: «Ищи убийц среди зиновьевцев». Выполняя указание вождя, следствие усилило давление на Николаева, пообещало ему сохранить жизнь. 8 декабря было объявлено, что Николаев действовал по поручению «ленинградского оппозиционного центра». Тут же были арестованы Каменев, Зиновьев и еще семнадцать человек. Каменев и Зиновьев вынуждены были признать свою «моральную ответственность» за выстрел Николаева, наивно надеясь таким образом сохранить жизнь. На самом деле они получили отсрочку в виде приговора к тюремному заключению. В течение 1935 года сотрудники НКВД взяли всех бывших членов левой оппозиции и добивались от арестованных признаний широкого заговора, инсценированного из-заграницы Троцким. Целью заговора было якобы убийство не только Кирова, но также Сталина и других членов Политбюро, свержение советской системы и восстановление капитализма в России.

Один за другим в Москве прошли три показательных процесса. В августе 1936 года прошел первый, на котором Зиновьев, Каменев и другие сознались в принадлежности к «троцкистско-зиновьевскому центру», который по поручению Троцкого составил заговор с целью убийства Сталина, Орджоникидзе, Кагановича, Ворошилова и других высших партийных руководителей.

В январе-феврале 1937 года состоялся следующий процесс, где Радек, Пятаков и другие обвинялись в связях с Троцким и иностранными разведывательными службами.

Последний процесс состоялся в марте 1938 года. Бухарин, Рыков, Крестинский и Ягода были обвинены в принадлежности к «правотроцкистскому блоку», занимавшемуся вредительством, подрывом советской военной мощи и подготовкой с помощью немецкой, британской, японской и польской разведок империалистической агрессии против СССР с последующим расчленением страны. На суд над Николаем Бухариным и Алексеем Рыковым специально пригласили Чкалова. Понятно, какое впечатление мог произвести на него этот откровенный фарс. В перерыве он подошел к Вышинскому и прямо заявил, что не верит в то, будто соратники Ленина могли вдруг неожиданно стать врагами народа. Главный обвинитель снисходительно усмехнулся и совершенно спокойно ответил: «Какой ты все-таки наивный человек, Валерий Павлович. Да разве в этом дело? Знаешь, был бы человек, а статья найдется». Чкалов не раз заступался за лично известных ему людей, попавших в руки НКВД. И трудно сказать, как сложилась бы его судьба, если бы не катастрофа 15 декабря 1938 года, которая прервала его жизнь.

Самой страшной была чистка, учиненная среди высших армейских офицеров в марте 1938 года. Среди арестованных и казненных оказались маршал Тухачевский, нарком обороны и основной стратег Красной Армии; начальник Генерального штаба маршал Егоров; командующий Особой Дальневосточной армией маршал Блюхер, который за два месяца до этого нанес поражение японцам в инциденте у озера Хасан; командующие Киевским и Белорусским военными округами; командующие Черноморским и Тихоокеанским флотами. Были арестованы все двенадцать командармов второго ранга, шестьдесят из шестидесяти семи командующих корпусами, семьдесят процентов командиров дивизий и полков и шестьдесят процентов политруков.

Как только «Правда» опубликовала материалы о предании суду «гнусных агентов германо-японского фашизма» Тухачевского, Блюхера и иже с ними, на всех предприятиях, в колхозах и совхозах, в учебных заведениях Череповецкого округа были организованы митинги.

– Шпионы-диверсанты, фашистские агенты должны быть преданы смерти! – требовали рабочие, колхозники, врачи и пионеры. – Расстрелять их всех до одного.

Колхозники артели «Моряк» Богословского сельсовета обязались быть еще более бдительнее. «Будем бороться за высокие урожаи, за зажиточную культурную жизнь, и никаким иудушкам-троцкистам не вернуть проклятого прошлого!» – говорили

Митинг на площади Жертв революции с требованием расстрела Тухачевского, Блюхера и других «врагов народа». 1937 г.

колхозники. А передовые рабочие лесного склада Ветка-Чола взяли на себя обязательство: работать еще лучше для пользы социалистического строительства и разделать лучковой пилой 1000 кубометров древесины. Администрация присвоила им звание стахановцев-тысячников.

3 августа 1937 года партийные руководители республик, краев и областей СССР получили шифрованную телеграмму ЦК ВКП(б) за подписью Сталина. В ней говорилось, что за последнее время «вскрыта вредительская работа врагов народа в области сельского хозяйства, направленная на подрыв колхозов» и на «провоцирование настроений недовольства советской властью». Подчеркивалось, что разоблачение врагов народа ведут органы НКВД, а колхозники на это дело не мобилизуются. В этой связи предлагались провести в каждой области открытые показательные суды над контрреволюционерами, «широко осветив ход судебных процессов в местной печати».

И тут же череповецкая газета «Коммунист» печатает репортаж о процессе над антисоветской вредительской группой правых в Островском районе Ленинградской области.

На скамье подсудимых бывшие руководители района Тарасюк, Смирнов и Серов. Прокурор Ленинградской области тов. Розанов в своей речи «вскрывает антисоветские корни деятельности подсудимых, показывает, с какой змеиной хитростью

и злобной ненавистью к советскому государству эти пособники фашистов, соратники Иуды-Троцкого плели вредительскую работу». В чем же выражалось вредительство? «Банда Тарасюка вызывала недовольство населения: вводила вредительские севообороты, нарушала агротехнику, заставляла сеять яровые культуры по занятому пару, бросать семена в грязь и в снег, подрывала животноводство. В результате колхозники получали урожай меньше, чем засевали, а на трудодень всего лишь по нескольку сот граммов». Тем самым возбуждали недовольство населения политикой советской власти и коммунистической партии. И прокурор спрашивает присутствующих: «Есть ли какие-нибудь смягчающие обстоятельства?» И сам отвечает: «Нет. Максим Горький сказал: «Если враг не сдается – его уничтожают!» Я требую вместе с колхозниками района, вместе со всем народом расстрела всей банды!»

На страницах «Коммуниста» мелькают статьи о «троцкистско-бухаринских выродках», «фашистских наймитах», наносящих урон сельскому хозяйству Череповецкого округа. В нескольких номерах печатается материал «О вредительской деятельности врагов народа Бунова и Ларионова». Выступивший на пленуме

Аппарат Череповецкого райкома партии и райисполкома. Чернилами закрашены лица «врагов народа» Бедова и др.

Череповецкого районного исполнительского комитета с докладом секретарь райкома партии т. Кануков поведал о том, какой вред нанесла «контрреволюционная группа во главе с правыми реставраторами капитализма, фашистскими контрразведчиками» – бывшим секретарем райкома партии Ларионовым и бывшим председателем райисполкома Буновым. Выяснилась «омерзительная картина наглой вредительской работы этих бухаринских выродков».

Пробравшись к партийному и советскому руководству, «эти заклятые враги народа направили свои усилия, чтобы развалить колхозы и восстановить в деревне капиталистический строй». Они срывали севообороты, поощряли антимеханизаторские настроения, заставляли сдавать государству отходы вместо качественного льноволокна, предписывали колхозникам обменивать зараженный скот в других колхозах на здоровый. вместо того, чтобы принять меры по оздоровлению колхозного животноводства. Поощряя очковтирательство, они систематически давали в областные организации лживые сведения о росте сельского хозяйства, в сводки о ходе заготовок сельхозпродукции включали незаконченные работы. Строптивцам говорили: «Не выполнишь задание – клади на стол партийный билет, судить будем».

Пленум исключил из состава райисполкома Бунова и Ларионова и поставил перед партийными и советскими организациями района задачу: «на деле проявить свою революционную бдительность, до конца очистить район от троцкистско-бухаринской гнили, укрепить партийный и советский аппарат стойкими и преданными людьми, ликвидировать все последствия предательства и вывести Череповецкий район на одно из первых мест в области».

Не отставали от партийных товарищей в разоблачении «троцкистско-бухаринской агентуры» и комсомольцы. На пленуме Череповецкого райкома ВЛКСМ они били себя в грудь и каялись: не вняли, мол, указаниям тов. Сталина о необходимости «покончить с идиотской болезнью – политической близорукостью и ротозейством». Беспечность дала возможность находиться в рядах комсомола чуждым людям. А политическая близорукость помешала дать должный отпор «врагу народа» Ларионову, который распускал слухи о полной бездеятельности райкома комсомола (Хорошо ли работал райком комсомола можно судить по таким цифрам: в 75 комсомольских организациях из 140 работа признана неудовлетворительной).

Бюро райкома ВЛКСМ решило перестроить свою работу так, чтобы «мобилизовать комсомольцев на быстрейшую ликвидацию

последствий вредительства и изгнание из рядов комсомола троцкистских последышей».

В конце февраля 1938 года «Коммунист» публикует репортажи из Дворца Труда, где проходит суд над руководителями завода «Красная Звезда». Подсудимые – «матерые вредители»: директор завода Воробьев, главный инженер Лысов и заведующий производством Никитский. Детально анализируя преступления подсудимых, генеральный обвинитель тов. Каш определил их классовую сущность: все они выходцы из социально чуждого лагеря, Лысов – сын бывшего торговца, Никитский – сын бывшего помощника исправника, а Воробьев – «враг с партийным билетом».

– Но не за это судит их спецколлегия суда, – говорит прокурор. – Сын за отца не отвечает, когда он вычеркивает из своего «я» чувства, настроения и тактику своего родителя. Лысову, Никитскому советская власть дала образование, работу, широкую перспективу дальнейшего роста, а они вместе с Воробьевым сознательно наводняли колхозы вредительски изготовленными льнотрепальными машинами, производящими брак важнейшей продукции – льноволокна, заставляли службу контроля составлять фиктивные акты о годности машин. Тем самым подрывали экономическую мощь колхозов. И вот за такую отвратительную работу подсудимые получали премии.

Прокурор потребовал для Лысова и Никитского высшей меры наказания – расстрела, для Воробьева – длительный срок изоляции от общества.

Даже газетные отчеты о судебных процессах над «врагами народа» позволяют увидеть надуманный характер обвинения. За вредительство выдается обыкновенное очковтирательство, разгильдяйство, желание выполнять и перевыполнять планы любыми путями и получать за это премии.

Для всего советского народа 1934 – 1938 годы были кошмаром. Едва ли можно было найти кого-то, кто не боялся, что его в середине ночи разбудит стук в дверь. Человека вытаскивали из постели и отрывали от семьи, как правило, навсегда…

Масштабные чистки и показательные суды сменялись цепью героических трудовых побед: вот пустили в строй электростанцию, металлургический завод, новую станцию метро, папанинцы высадились на Северном полюсе на дрейфующей льдине, славный экипаж «сталинского сокола» Чкалова совершил беспосадочный перелет СССР – США. С каждым днем в стране все радостнее жить! Вот только «враги народа» мешают строительству светлого будущего…

ЗАГАДОЧНОЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ГЕНЕРАЛА КУТЕПОВА

26 января 1930 года в Париже среди белого дня бесследно исчез глава белогвардейского Русского общевоинского союза (РОВС) генерал Кутепов. Из дома он вышел утром и отправился в церковь галлиполийцев, где должна была состояться панихида по случаю годовщины смерти генерала Каульбарса. Однако до церкви он так и не дошел. Бесследно исчез…

Александр Павлович Кутепов родился в 1882 году в Череповце в семье Тимофеевых, но потерял родного отца во младенчестве. Мать вышла замуж за лесничего Кутепова (ее прежний супруг Тимофеев тоже был лесничим), который усыновил ее детей. Череповецкий период жизни семьи Кутеповых длился недолго – всего три года. Затем они переезжают в Архангельск. Здесь Александр закончил классическую гимназию. Военное образование получил в Петербургском юнкерском училище. Во время русско-японской войны заслужил репутацию боевого офицера. Был трижды ранен. За мужество и отвагу награжден орденами св. Станислава и св. Анны.

Первая мировая война дала возможность Кутепову в тяжелых боях подтвердить репутацию храброго офицера. Доказательством тому служило его награждение орденом св. Георгия 4-й степени. После Октябрьской революции Кутепов был в числе первых офицеров, устремившихся на Дон, где генералы Корнилов, Алексеев и Деникин формируют Добровольческую армию. Благодаря храбрости и недюжинным организаторским способностям, он быстро продвигался по ступеням военной лестницы. Командовал ротой, полком, дивизией. На последнем этапе Гражданской войны был командующим Добровольческого корпуса. После захвата белыми Новороссийска назначен Черноморским военным губернатором, лично подписывал смертные приговоры для пойманных дезертиров и большевистских агитаторов. Впрочем, поведение генерала

Александр Павлович Кутепов

не выходит за рамки «обычаев» Гражданской войны: противоположная сторона точно также расправлялась с противником.

После поражения в Крыму, генерал Кутепов вместе со своей армией оказался в Турции. Из деморализованных воинов он сумел создать военный лагерь, переформировать остатки белых сил. Перебравшись в Париж, создал тайную организацию, призванную бороться с большевиками, а в 1928 году после смерти Врангеля возглавил Русский Общевоинский Союз (РОВС), ставивший своей целью насильственное свержение большевистской власти. Под его руководством велась подготовка офицеров-диверсантов для заброски в СССР, намеревавшихся убить Сталина, Бухарина, Крыленко, Менжинского, руководящих работников ОГПУ.

Естественно, что к РОВСу было обращено самое пристальное внимание со стороны советской разведки и контрразведки. ВЧК – ОГПУ – НКВД затратили очень большие усилия для разложения белой эмиграции и, надо сказать, немало преуспели в этом. ОГПУ специально создала подставную организацию под кодовым названием «Трест», якобы являвшейся подпольным антисоветским центром. Непосредственным руководителем подставной организации был заместитель Особого отдела ОГПУ Артур Христианович Артузов (Фраучи).

Стремительно развивая свою деятельность, «Трест» вступал в контакты с белоэмигрантскими организациями и прежде всего с РОВС, внедрял в их ряды собственную агентуру, которая навязывала мысль, что в России зреют антисоветские силы, готовые к перевороту.

Среди тех, кто не сумел разгадать игру, затеянную ОГПУ, оказался и Кутепов. Подготовленные им офицеры-боевики, засылаемые в Советский Союз, не подозревали, что еще до перехода границы они находятся под наблюдением чекистов. В 1927 году агент ОГПУ О. Опперпут сбежал за границу и разоблачил «Трест». Раскрытие деятельности «Треста» повергло Кутепова в бешенство, и он решил еще более усилить террор. И не только против носителей власти. Боевики получили указание взрывать заводы, топить суда, отравлять продовольствие, заражать людей инфекционными болезнями…

Такое Москва не могла допустить. Сталин дает команду: похитить Кутепова, доставить в Москву и устроить над ним показательный суд.

…Сообщение об исчезновении генерала Кутепова было напечатано в тот же день в вечернем номере газеты «Le Matin»: «В

10.30, одетый в гражданский костюм, Кутепов вышел из дома и пешком направился в церковь. Накануне вечером он отказался от предложения воспользоваться услугами шофера. «Дорогой мой, распорядитесь завтрашним днем по вашему собственному усмотрению», – сказал ему генерал, притом, что в то же воскресенье после обеда он с женой и сыном намеревался отправиться в Медон, где должен осмотреть виллу, которую предполагал снять. Перед уходом Кутепов сказал, что к обеду его надо ждать половина первого. Попрощавшись с семьей, он вышел на улицу. Ординарец смотрел на генерала из окна до тех пор, пока тот не исчез из вида».

Уголовная полиция и Управление безопасности делают все, чтобы напасть на след похитителей. «В каком месте произошло таинственное и трагическое похищение Каковы были обстоятельства этого похищения? Может быть Кутепов был похищен с целью ограбления? В это никто не верит, поскольку генерал никогда не носил при себе сколь-нибудь значительных сумм. Все говорит о том, что глава русской военной эмиграции пал жертвой политической мести ГПУ», – делает выводы газета «Matin». Одно высокопоставленное лицо доставило в редакцию газеты 500 000 фраков в двух чеках. Эта сумма должна быть передана в качестве награды тем, кто разоблачит похитителей Кутепова.

Полиции удалось установить, что за три недели до похищении неизвестные лица превратили соседний с домом Кутепова бар в наблюдательный пункт. Оттуда они тщательно отслеживали уходы и приходы генерала. В вечер перед похищением бар опустел.

Около 11 часов дня 26 января Кутепова видел один белый офицер на углу улицы Севр и бульвара Инвалидов, но дальше следы генерала терялись. Что сталось с генералом? Томится ли он в укромном месте, известном только его палачам? Убит ли он, или ему предстоит быть приготовленным к смерти после фарса, который назовут судом? Удалось ли похитителям вывезти свою жертву из страны – самолетом, пароходом или на автомобиле – или же они содержат генерала в убежище, на которое, как они надеются, никогда не выйдут французские власти?

Наконец, спустя несколько дней, обнаружился свидетель похищения генерала Кутепова. Это был уборщик из клиники, расположенной на улице Удино, по имени Огюст Стеймец. Он заявил полиции, что утром 26 января около 11 часов он увидел в окно клиники большой серо-зеленый автомобиль, возле которого стояли двое рослых мужчин в желтых пальто, а неподалеку от

них – такси красного цвета. Ему поначалу эти двое показались подозрительными, но увидев, что рядом прохаживается полицейский, успокоился. А потом, когда вышел на улицу, увидел, как эти дюжие мужчины заталкивают в автомобиль человека, который оказывает отчаянное сопротивление. И самое удивительное – полицейский помогает этим двоим, а потом сам вскочил во вторую машину. Автомобили рванули со всей скоростью и скрылись за углом. По описанию Стеймеца приметы указывали на Кутепова.

Префект полиции Шьяпп заявил, что он уверен – Кутепов был похищен и вывезен из страны. Кто именно совершил это преступление, он пока не знает, однако ничуть не сомневается в том, что организовали его советские агенты.

Однако Советское правительство заявило, что к этому не имеет никакого отношения.

«Эта нелепая история в излюбленном, бульварном, детективном жанре специально инсценирована с провокационной целью, – заявила газета «Известия». – «Таинственное исчезновение» Кутепова послужило сигналом для неслыханной по разнузданности кампании, направленной против СССР и советского полпредства. «Исчезновение» Кутепова изображается как «дело рук Чека», агенты которой якобы «похитили» Кутепова среди бела дня на улицах Парижа. Есть достоверные сведения, исходящие из кругов, имеющих отношение к правым элементам, что виновниками исчезновения Кутепова являются сами белогвардейцы, а именно та часть русских белогвардейцев, которая добивалась отстранения Кутепова и замены его своим кандидатом. Есть и прямые данные, указывающие на то, что Кутепов, отчаявшись в борьбе с этой частью белогвардейцев и не видя другого выхода, решил уйти с политической арены. Он 26 января выехал незаметно в одну из республик Южной Америки, взяв с собой солидную денежную сумму».

3 марта 1930 года и Череповец откликнулся на историю похищения своего земляка. По этому поводу «Коммунист» писал: «Кутеповщина принимает обороты весьма неблагоприятные для организаторов антисоветской кампании. Многие газеты, в том числе и антисоветские, указывают, что белогвардейцы не только не помогают следствию, но всячески его запутывают, наводя на заведомо ложные следы. Сейчас в центре внимания скрывавшаяся белогвардейцами история свидания Кутепова с двумя белогвардейцами в Берлине. Связи с этими фактами версии о похищении Кутепова мифическими агентами ЧК все более вытесняются

предположениями, что к исчезновению Кутепова непосредственно причастны по тем или иным соображениям сами белогвардейские круги».

Сведения поступали самые противоречивые. По одной из версий двое неизвестных затолкали Кутепова в машину, сделали инъекцию морфия и генерал скончался от сердечного приступа: сказалась рана, полученная в грудь; труп отправлен на пароходе в Москву. По другой версии труп Кутепова увезли из Франции не морским, а сухопутным путем – мертвого генерала с помощью немецких и французских коммунистов перевезли в Германию, затем в Москву и там сожгли в крематории.

Неожиданно поступило сообщение, что генерал может быть жив, он содержится в заброшенном доме в двадцати милях от Парижа, где подвергается пыткам.

Полиция отыскала этот дом. Генерала Кутепова в нем не было. Зато в доме оказалась молодая девушка, которая открыла стрельбу и была убита; по мнению полиции она являлась французской коммунисткой, входившей в одну из боевых групп компартии, сотрудничавшей с агентами СССР.

Об этом сразу же не преминула сообщить газета «Matin»: «Совершенно очевидно, что французские коммунисты были лишь помощниками советских агентов по похищению генерала Кутепова. Все это лишь одно из свидетельств той государственной политики, которую проводит СССР. Западные цивилизации не должны иметь дипломатических отношений с государством-террористом, угрожающим безопасности всего мира. Сталину нельзя доверять ни в чем, этот тиран не имеет ничего общего с человеческой моралью».

Несколько десятилетий подробности загадочного исчезновения Кутепова были засекречены. И только в 1989 году, во времена «перестройки», КГБ предало огласке секретные материалы о его похищении.

… В конце двадцатых годов при председателе ОГПУ Менжинском была создана Особая группа из сотрудников Коминтерна и разведки, главной задачей которых было уничтожение политических противников СССР, в первую очередь из числа русских эмигрантов.

РОВС в Москве считали источником постоянной опасности, ибо в случае войны противник Советского Союза обязательно призовет под свои знамена и полки бывшей Добровольческой армии. Александра Павловича Кутепова не без оснований чекисты

считали мозгом РОВС, главным генератором идей и бесспорным вождем эмигрантского офицерства. И потому он постоянно был в поле зрения чекистов. Советская агентура подробно изучила привычки Кутепова, знала, что круглосуточной охраны и телохранителей у генерала не было, что на явочные встречи он всегда ходил один. Это и позволило ОГПУ осуществить свой план.

За день до похищения Александр Павлович получил записку от неизвестного с предложением о встрече. В записке шла речь о финансовой помощи РОВС. В условленном месте человека, назначившего встречу, не было. Раздосадованный, Александр Павлович продолжил свой путь в Галлиполийскую церковь. Неожиданно его остановили два человека в гражданской одежде: «Господин Кутепов? Мы из полиции, – сказали они, – придется вам пройти с нами в префектуру, вопрос важный и не терпит отлагательства». Генерал, плохо говоривший по-французски, не мог понять, что произошло такого, что префектура полиции, с которой РОВС старается поддерживать наилучшие отношения, приглашает его довольно-таки странным образом. Секунду он колебался. Но фигура рядом стоящего полицейского в униформе снимала все сомнения. Дверца была предусмотрительно распахнута, Кутепов уселся, и машина рванула с места. Он даже не оглянулся и потому не увидел, как «полицейский» уселся во вторую машину. Машины ехали, сворачивая с одной улицы на другую, – проверяли, нет ли «хвоста». От центра повернули к пригороду, Кутепов забеспокоился и спросил на плохом французском: «Куда мы едем?» Сидевший рядом здоровяк с усмешкой ответил: «Можете говорить по-русски, генерал. Мы – сотрудники ОГПУ СССР». Кутепов стал вырываться, но ему вкололи морфий, и до самого Марселя он проспал. В порту стояло советское судно. На борт Кутепова провели под видом загулявшего на берегу старшего механика. Выйдя из Марселя, судно взяло курс на Новороссийск. Весь рейс Кутепов провел в состоянии оцепенения, впал в глубокую депрессию, отказывался от еды, не отвечал на вопросы. Он умер от сердечного приступа, когда до Новороссийска оставалось сто миль…

Вот такую версию похищения поведали из ведомства КГБ.

Однако в 1990 году на страницах «Литературной газеты» появилась сенсационная статья спецкора из Парижа Кирилла Привалова. Спецкор поведал о встрече с независимым французским историком Жаном Элленстаймом и тот рассказал, что перед смертью от неизлечимой болезни к нему обратился старый депутат французского парламента, коммунист Морис Онель. Он

рассказал, о том, что его брат участвовал в похищении генерала Кутепова, будучи тем самым переодетым полицейским. Кутепов оказал агентам такое бешеное сопротивление, что они не могли вести машину. И тогда брат Онеля заколол генерала ножом. В гараже парижского пригорода Леваллуа вырыли яму, бросили в него труп белогвардейского генерала и залили цементом. В настоящее время на этом месте высятся многоэтажные дома…

По книге Даниэль Бон «Преступление без наказания», «Звезда», 1995, № 2, Русское зарубежье.

ТРАГИЧЕСКАЯ СУДЬБА КОМАНДАРМА БЕЛОВА

Иван Панфилович Белов

Иван Панфилович Белов родился в 1893 году в семье крестьянина-бедняка в деревне Калинниково Череповецкого уезда Новгородской губернии. По окончании церковно-приходской школы работал по найму на железной дороге, пильщиком на лесозаготовках. В 20 лет попал в армию по рекрутскому набору, участвовал в первой мировой войне, дослужился до унтер-офицерского чина. Волевой, обладавший незаурядным умом и крестьянской смекалкой Иван Белов имел большой авторитет среди солдат. В марте 1917 года его избирают в полковой комитет и одновременно командиром Первого Сибирского стрелкового полка. В марте 1918 года исполком Ташкентского Совета назначил Белова начальником Ташкентского гарнизона и комендантом Ташкентской крепости.

В ночь на 19 января 1919 года в Ташкенте разыгрались драматические события. Оказавшийся предателем комиссар по военным делам К. Осипов поднял антисоветский мятеж. Правительство Туркестанской республики было арестовано. Четырнадцать народных комиссаров и руководителей компартии были зверски убиты. К утру 19 января почти весь Ташкент оказался в руках мятежников. Четверо суток на улицах Ташкента шли упорные бои.

Гарнизон Ташкентской крепости, возглавляемый Беловым, к которому присоединились красные курсанты, школа военных инструкторов, рабочие отряды, отряд коммунистов-узбеков, отбил попытку мятежников овладеть крепостью. Мятежники были разгромлены, их главари бежали в горы. Это событие явилось для самого Белова не только военным, но и политическим экзаменом. Дело в том, что он еще был членом ЦК Туркестанской партии левых эсеров, которые принимали участие в подготовке мятежа. В крепости многие думали: выдержит ли Белов это испытание. Иван Панфилович с честью выдержал. Он твердо встал на сторону советской власти. Гарнизон крепости совместно с рабочими главных железнодорожных мастерских подавил мятеж. После этого Белов порывает с партией эсеров и вступает в ряды партии большевиков.

В июне 1920 года в далеком туркестанском городе Верном (в будущем Алма-Ата) среди воинских частей Красной Армии вспыхнул еще один контрреволюционный мятеж. Он охватил почти весь гарнизон города. Большинство красноармейцев, вышедших из повиновения, было из местных крестьян Семиречья. Многим они были недовольны: и тем, что собирает советская власть продразверстку, устанавливает разные повинности, а сама не дает ничего; и тем, что вовсе воли нет полкам «похулиганить» всласть; что попадают то в особый, то в трибунал ее недавние полководцы, так мастерски отличавшиеся в удалых налетах, где каждому была своя воля, своя пожива.

Краю не было недовольству. Но все это глохло пока изнутри. Нужен был вызывающий повод. Повод нашелся: армию приказано перебросить из Семиречья в Фергану. А у семиреченской армии было одно желание – разойтись немедленно по домам и заняться привычным крестьянским трудом. Красноармейцы стали требовать, чтобы их демобилизовали. Причем – с оружием, чтобы защитить свои семьи (они помнили о недавнем национальном восстании казахов и киргизов в 1916 году, когда русских резали как баранов). Реввоенсовет не мог самостоятельно решить этот вопрос. И тогда бойцы расквартированного в Верном батальона 27-го полка вышли из повиновения, захватили крепость и провозгласили свою власть, избрав так называемый «боесовет».

К боесовету присоединились и другие расквартированные в городе воинские части. В первые же сутки мятежников собралось более тысячи человек. А на стороне реввоенсовета было всего 400, из которых большая часть вскоре переметнулась к мятежни-

кам. В этих условиях вооруженная борьба была бессмысленной. Реввоенсовету оставалось только ждать помощи от командующего Туркестанским фронтом Фрунзе, преувеличивать свои силы перед мятежниками (те считали, что под началом реввоенсовета 800 человек с пулеметами) и заниматься бесконечными переговорами. В этих непростых условиях многое зависело от командира дивизии И.П. Белова.

«Мятежники овладели крепостью. Они позвонили в штаб 3-й Туркестанской стрелковой дивизии и потребовали, чтобы начальник дивизии Белов немедленно явился в крепость. Это было очень опасно, но Белов решил: «Я еду, а то еще подумают, подлецы, что я их боюсь». И с четырьмя товарищами он отправился в мятежную крепость. У ворот, окруженный шумной братвой, встречает Караваев.

– Слезай с коней, сдавай оружие! – приказал он приехавшим. – Караваев, ты это брось, – сказал ему Белов. – Мы ведь все-таки по приглашению… как делегаты, – так с делегатами нельзя.

– А это я для вас же, товарищ Белов, – с ухмылкой пояснил Караваев. Массы, знаете, настроены очень скверно, могут крикнуть: бей! А вы вгорячах и прицелиться можете.

Толпа мятежников окружила приехавших плотным кольцом. Пришлось отдать револьверы. Один из главарей стал задавать Белову провокационные вопросы. Спокойно ответив на них, Белов строго приказал:

– Ну, ведите нас в боесовет, там верно ждут, раз звали!

От спокойного и строгого тона начдива мятежники растерялись. А Белов уверенно, твердо пошел вперед среди раздвинувшейся, притихшей толпы. Комната, где помещался боевой совет, была заполнена повстанцами. Здесь были все члены боевого совета. Они с нетерпением ждали встречи с начдивом. Посредине стола торжественно восседал сам председатель боесовета Чеусов.

– Ну, – сказал Белов, – зачем позвали?

– Мы хотим вас допросить, – заявил Чеусов. – Например, мы вам посылали делегатов в штаб, и мирное положение было достигнуто. Мы вас уверяли, что хотим избежать кровопролития, так почему же после этого всего вы в разные стороны выставили посты, а на крепость наставили свои пулеметы?

– Это ложь, – твердо осек его Белов. – Никаких пулеметов на крепость мы не выставляли. А что касается постов в разные стороны, – такое создалось положение, нам надо охранять свой штаб.

– Вы мне еще на один вопросик ответьте: сколько же у вас пулеметов в особом отделе и в трибунале?

– Да я-то откуда знаю, они мне не подчиняются, – огрызнулся Белов. – У них и спрашивайте. Причем здесь штаб.

– Да что тут слушать, – кто-то выкрикнул из толпы. – Они вам брехают, а вы уши развесили. В работу их взять…

К Белову подошел Букин, взял его за плечо и сказал:

– Ну-ка, идем в камеру, посидишь.

Белов резко отдернул руку Букина, запальчиво крикнул:

– Не сметь трогать! Знайте, что если вы нас и арестуете… если расстреляете даже – революция от этого не пропадет, не погибнет… Но вам тогда не сдобровать… И дело без крови не обойдется: команды особого отдела, трибунала и штаба дивизии – они даром вам в руки не дадутся… Так и знайте: будет бой, будет кровь! А вы сами заявляли, что против кровопролития.

Все притихли и слушали со вниманием его страстную, обозленную речь.

– Я другое предлагаю, – продолжал Белов, – я предлагаю идти нам вместе к проводу и поговорить с Ташкентом, вызвать командующего, и если он разрешит обезоружить команды – так тому и быть… Тогда без крови. А так – идите, попробуйте… Как они вас цукнут!

Речь Белова произвела впечатление».

Этот эпизод взят из романа Дмитрия Фурманова «Мятеж». С большой теплотой уполномоченный Реввоенсовета Туркестанского фронта Д.А. Фурманов, автор романов «Чапаев» и «Мятеж», пишет о боевом соратнике по ликвидации мятежа в Верном: «… Он привлек меня с первого взгляда. И этот взгляд не обманул: мы с Панфилычем стали потом большими приятелями, особенно – после испытания в дни мятежа, где я увидел настоящую цену этому кремневому честному человеку. В ревкоме к голосу его прислушивались внимательно: советов глупых он не давал ни разу, красок не сгущал, не запугивал, обстоятельства взвешивал всесторонне и учитывал обстановку до мелочей – потому всегда и советовал дельно, умно, практично».

Благодаря мужеству, самообладанию и находчивости начдива Белова было выиграно дорогое время. Через несколько дней в город Верный прибыли надежные красноармейские войска, и мятеж был ликвидирован.

Заключительным этапом военной деятельности И.П. Белова в Средней Азии стало его участие в боях против войск бу-

харского эмира. В августе-сентябре 1920 года группа войск под командованием нашего земляка нанесла главный удар по крепости эмира – Старой Бухаре. Крепость была взята штурмом. За отличия, проявленные в этих боях, Иван Панфилович Белов был награжден высшей боевой наградой того времени орденом Красного Знамени.

Гражданская война в Туркестане шла к концу. Белова направляют на учебу в Академию Генерального штаба. Но учиться в академии не пришлось. В марте 1921 года вспыхнуло вооруженное выступление гарнизона военно-морской крепости Кронштадт и экипажей некоторых кораблей Балтийского флота. Восставшие выдвинули лозунги: «Советы – без коммунистов!», «Власть Советам, а не партиям!». Недовольные политикой «военного коммунизма», они потребовали проведения перевыборов Советов и изгнания из них большевиков, предоставления свободы слова, собраний и союзов всем партиям, обеспечения свободы торговли, разрешения крестьянам свободно пользоваться землей и распоряжаться продуктами своего хозяйства, то есть ликвидации продразверстки. Забастовками и демонстрациями кронштадтцев поддержали рабочие Петрограда.

Для ликвидации мятежа были направлены наиболее преданные советской власти бойцы и командиры. Среди красноармейцев 79-й стрелковой бригады под убийственным огнем мятежников шел по балтийскому льду штурмовать неприступные кронштадтские форты И.П. Белов.

Мятеж был подавлен с изуверской жестокостью. Уничтожались не только моряки-мятежники, но даже непричастные к мятежу мирные жители – старики и дети. По рассказам очевидцев, по улицам Кронштадта текла кровь, смешиваясь с весенними ручьями. крепости Кронштадт и экипажей некоторых кораблей Балтийского флота 1–18 марта. «За проявленную храбрость, самоотверженную и напряженную работу» в подавлении Кронштадтского мятежа Реввоенсовет республики наградил Ивана Панфиловича Белова вторым орденом Красного Знамени.

После Гражданской войны Белов командовал войсками Северо-Кавказского, Ленинградского, Московского и Белорусского военных округов. В 1935 году ему было присвоено звание командарма первого ранга.

В 1937 году командные кадры Красной Армии подверглись невиданным по своему масштабу и жестокости репрессиям. В результате накануне Великой Отечественной войны Вооруженные силы СССР были обезглавлены. Первыми жертвами так называе-

мого «военно-фашистского заговора» стали маршал Тухачевский, командармы 1-го ранга Уборевич и Корк, комкоры Фельдман, Примаков, Путна, Эйдеман. Среди членов Специального судебного присутствия были маршал Блюхер, командарм 1-го ранга Белов и командарм 2-го ранга Дыбенко. Через год они тоже предстанут перед судом как «враги народа».

В конце 1937 года в политуправление РККА поступил донос на И.П. Белова: в него, мол, «вселилась ржавчина сомнения в возможности победы коммунизма и удержания социализма в условиях капиталистического окружения». А там припомнили, как Белов на заседании Военного совета при Наркомате обороны выступил с критикой по «чистке комсостава», заявив, что «чистка комсостава всех степеней повлекла за собой перерыв в боевой и политической обстановке». Что шло вразрез с линией товарища Сталина, который говорил, что не надо смущаться обстоятельством арестов большого количества руководящего состава в армии, ибо «талантов в Красной Армии непочатый край».

7 января 1938 года, командарм 1-го ранга, член Военного совета при Наркомате обороны, член ЦИК СССР, депутат Верховного Совета СССР, делегат XVII съезда ВКП(б) И.П. Белов был арестован. Он обвинялся в принадлежности к тому самому заговору, который ранее приписывался маршалу Тухачевскому и другим вместе с ним расстрелянным командирам РККА. Кроме того, ему было предъявлено обвинение в принадлежности к антисоветской военно-эсеровской организации и связи с эсеровской организацией. Кроме того, ему инкриминировали шпионскую деятельность в пользу фашистской Германии. 29 июня 1938 года был оглашен приговор, в этот же день он был приведен в исполнение. Жена командарма А.Л. Белова-Дударева была арестована и осуждена как «ЧСИР» – член семьи изменника родины.

Реабилитирован наш земляк в 1955 году.

«СТАЛИНСКИЙ СОКОЛ» ВАЛЕРИЙ ЧКАЛОВ

Валерий Павлович Чкалов

Валерий Павлович Чкалов… Он был не менее знаменит, чем Юрий Гагарин, – и погиб в том же возрасте, не дожив до 35 лет. Он стал национальным героем после легендарного трансполярного перелета, его считали «гордостью СССР» и «любимцем Сталина», предпочитая не вспоминать, что Валерий Чкалов дважды побывал под судом и дважды увольнялся из вооруженных сил…

Родился Валерий Павлович Чкалов 2 февраля 1904 года в селе Василево-Слобода (ныне город Чкаловск) Горьковской области. Его отец, Павел Григорьевич, работал котельщиком в Василевских казенных мастерских. Мать Валерия, Ирина Ивановна, была домохозяйкой. Умерла она в 1910 году. С семи лет Валерий пошел учиться в сельскую Василевскую начальную школу.

Рос Валерий отчаянным сорванцом. Заплывал на середину Волги, нырял под пароходы и плоты. Здоровые легкие позволяли ему так долго держаться под водой, что он успевал отсчитывать до сорока бревен плота. Зимой он любил спускаться на лыжах с отвесного берега. По окончании школы отец направляет его на учебу в Череповец в Александровское техническое училище, которое славилось на всю Россию подготовкой квалифицированных техников.

В архиве Череповецкого лесомеханического техникума значится, что в техническое училище Валерий Чкалов поступил в 1916 году и переведен во 2-й класс в 1917-м. Других документов не осталось, правда, есть перепечатка из «Огонька» за 1938 год рассказа отца Валерия: «Павел Григорьевич мечтал увидеть своих сыновей инженерами, в крайнем случае – техниками. Из Череповецкого училища выходили техники, которые славились на всю Россию и дальновидный старик, потратив уже немало денег на образование детей, решил обучить Валерия ремеслам, и нигде, как только в Череповце. И вот осенью 1916 года Валерий уехал

в Череповец, где должен был держать конкурсный экзамен. На конкурсе он прошел третьим и был принят в училище. «Хороший котельщик выйдет из Валериана», – говорил отец, вспоминая, как он сам работал кувалдой».

Однако закончить училище Валерию Чкалову не удалось. Версий несколько. По одной из них – отчислили за драку. По другой – за угон паровоза со станции (якобы для того, чтобы покатать невесту). Однако, все проще: шел 1918 год, в стране – гражданская война, разруха, голод. Многие учебные заведения, в том числе и Александровское техническое училище, закрываются – нечем отапливать, не на что содержать преподавателей и учащихся.

Валерий вернулся в Василево, стал работать подручным у отца, молотобойцем. С наступлением навигации поступил на работу кочегаром на землечерпательную машину, а затем на пароход «Баян». С палубы парохода он впервые увидел самолет. Тогда-то и появилась мечта стать летчиком. Валерий увольняется с парохода и вступает добровольцем в Красную Армию. Он стал работать слесарем-сборщиком самолетов в Канавинском авиационном парке в Нижнем Новгороде. Шел ему тогда шестнадцатый год. В те годы все его думы захватила мечта научиться летать, стать пилотом. Командование авиапарка, видя хорошую работу Чкалова, решило отправить его на учебу. В августе 1921 года он был принят в Егорьевскую теоретическую школу летчиков. По ее окончании был переведен в Борисоглебскую авиационную школу. Здесь совершил первый самостоятельный полет. Как один из лучших курсантов Чкалов был направлен в Московскую школу высшего пилотажа, а затем в Серпуховскую школу воздушной стрельбы и бомбометания.

В июне 1924 года военный летчик-истребитель Чкалов был направлен для прохождения службы в Ленинградскую Краснознаменную авиаэскадрилью имени П.Н. Нестерова. Служба в эскадрильи – важный, интересный, хотя и беспокойный период в жизни Чкалова. К тому времени он уже выделялся среди летчиков не только силой воли, бесстрашием, редким самообладанием и хладнокровием, но и удалью. Один за другим Чкалов совершает рискованные, дерзкие полеты: то пролетит под мостом, то, поставив самолет на ребро, проскочит между деревьями… За это Чкалов получает дисциплинарные взыскания, отстраняется от полетов. Однако эти полеты молодого Чкалова не были безрассудными и бесцельными. Он искал новых путей в совершенствовании техники пилотирования. Он стремился взять от самолета все, что тот мог дать, неустанно совершенствовал

технику воздушного боя, чтобы в случае военных действий иметь бесспорное преимущество в схватках с врагом. Уже тогда В.П. Чкалов являлся виртуозным летчиком. Он создал новые фигуры высшего пилотажа – восходящий штопор и замедленную бочку, осуществил выход из пикирования и набор высоты в перевернутом виде.

В 1927 году Чкалов был направлен в Москву как лучший летчик Ленинградской авиаэскадрильи для участия в параде в честь 10-й годовщины Октябрьской революции. За блестящее летное мастерство получил благодарность в приказе наркома обороны К.Е. Ворошилова.

В марте 1928 года он был переведен на службу в Брянскую авиабригаду. Жена с маленьким сыном Игорем оставались в Ленинграде. Это было трудное время в жизни Чкалова. Он совершил в Брянске аварию: вел за собой звено истребителей и по своей инициативе снизился на малую высоту, чтобы потренировать летчиков на бреющем полете, не заметил провисающих на телеграфных столбах проводов, и разбил самолет. Его судили и приговорили к одному году лишения свободы. Потом этот срок сделали условным, но из РККА отчислили. Какое-то время он работал инструктором в Осоавиахиме.

В ноябре 1930 года В.П. Чкалов был восстановлен в ВВС как военный летчик. Он был зачислен на работу летчиком-испытателем в Московский научно-испытательный институт Военно-воздушных сил. За два года работы в НИИ Чкалов совершил более 800 испытательных полетов, освоив технику пилотирования 70 типов самолетов.

В январе 1933 года Чкалов был назначен на работу летчиком-испытателем Московского авиационного завода. Он являлся шеф-пилотом замечательного авиаконструктора Н.Н. Поликарпова. Здесь, на заводе, Чкалов испытывал лучшие самолеты-истребители 30-х годов: И-15 и И-16, принимал участие в испытаниях истребителей танков «ВИТ-1», «ВИТ-2», а также тяжелых бомбардировщиков «ТБ-1», «ТБ-3». Творческая деятельность летчика-испытателя Чкалова принесла свои плоды, позволила значительно улучшить качество советских самолетов.

2 мая 1935 года в Москве состоялся авиационный парад. На аэродром приехали члены правительства: товарищи Сталин, Ворошилов, Орджоникидзе. Нарком обороны К.Е. Ворошилов представил И.В. Сталину Валерия Павловича. Сталин спросил, пользуется ли Чкалов парашютом, на что летчик ответил, что предпочитает обходиться без парашюта:

– Я летаю на опытных, очень ценных машинах, которые надо беречь.

– Ваша жизнь дороже нам любой машины. Надо обязательно пользоваться парашютом, если есть в этом нужда, – посоветовал Сталин и предложил Валерию Павловичу показать фигурный полет. И Чкалов легко и красиво проделал маневры высшего пилотажа: мертвые петли, боевые развороты и иммельманы, перевороты через крыло, раверсмены, свечки, бочки, штопор, пикетирование…

А через два дня авиаконструктор Н.Н. Поликарпов и летчик-испытатель В.П. Чкалов за создание лучших самолетов-истребителей были награждены высшей правительственной наградой – орденом Ленина.

Осенью 1935 года Г.Ф. Байдуков, товарищ Чкалова по работе в НИИ ВВС, поделился с Валерием Павловичем своей мечтой: совершить на самолете АНТ-25 перелет через Северный полюс в США и попросил его согласия быть командиром. Чтобы мечта превратилась в реальность, требовалось разрешение самого товарища Сталина. А выйти на него мог только Чкалов. Согласился Валерий Павлович не сразу. Осмотрел «АНТ-25», полетал на нем и сказал: «Прелесть! Молодцы туполевцы!» – и поднял вверх большой палец в знак одобрения.

Весной 1936 года экипаж Чкалова обращается в правительство с просьбой о разрешении на беспосадочный перелет СССР – США через Северный полюс. Однако Сталин отказал: «Зачем лететь обязательно на Северный полюс? Зачем рисковать? Арктика мало изучена». Помолчал, потом произнес: «Вот мой вам маршрут: Москва – Петропавловск-на-Камчатке». Так появился «Сталинский маршрут».

Началась подготовка экипажа и самолета к полету.

20 июля 1936 года в 5 часов 45 минут экипаж В.П. Чкалова взял старт в этот легендарный перелет – на Дальний Восток. Первая радиограмма в Москву пришла через 25 минут: «Все в порядке, два часа шли над облаками на высоте 2000 метров. Погода меняется».

Перелет проходил в тяжелейщих метеорологических условиях: высокая облачность, циклоны, обледенение самолета.

21 июля в 19 часов 30 минут морзянка среди шума и треска эфира принесла правительственную радиограмму: «Вся страна следит за вашим полетом. Ваша победа будет победой Советской страны. Желаем успеха, крепко жмем ваши руки. Сталин, Молотов, Орджоникидзе».

…Через 56 часов полета Чкалов посадил гигантскую машину на узкой песчаной косе острова Удд. 9375 километров пройденного пути – таков итог этого перелета.

24 июля постановлением Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР за этот подвиг Чкалов, Байдуков и Беляков были удостоены звания Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина.

10 августа вся Москва готовилась к встрече героев. Улицы столицы были празднично украшены красными флагами, хвойными гирляндами, плакатами со словами приветствий героям-летчикам. На Щелковском аэродроме экипаж встречало правительство в составе Сталина, Орджоникидзе, Ворошилова, Кагановича. Дорога на прием в Кремль была поистине триумфальным шествием. Машины засыпаны цветами, сквозь шум моторов слышались крики «ура!», с балконов и крыш разбрасывались приветственные листовки…

Перелет Москва – остров Удд имел огромное политическое значение. Валерий Павлович писал в газете «Правда»: «Наш перелет показал, что для советской авиации нет предела в полетах ни к югу, ни к северу. Мы летали не для личной славы. Мы являемся частицей единого 170-миллионного коллектива великой страны. И выполнили желание народа Советского Союза проложить Северный воздушный путь. Мы горды тем, что оправдали надежды своей Родины».

Мысль о беспересадочном перелете через Северный полюс в США не оставляла чкаловский экипаж. И вот, наконец, в мае 1937 года разрешение было получено. 18 июня 1937 года АНТ-25 в 1 час 04 минуты взял старт для второго героического перелета. Через две минуты на высоте 50 метров прошли Щелково. Уже 400 метров высоты. Уплыли под крыло города Калязин и Кашин. Командир «АНТ-25» с нетерпением ожидает Череповец. Валерий Павлович разглядывает хорошо знакомый город, где он учился на мастера котельного дела, Байдуков посылает радиограмму:

«6 часов 21 минута. Нахожусь Череповец. Материальная часть работает прекрасно».

«!9 июня. 8 часов 15 минут. Перелетели полярный полюс. Льды, открытые белые ледяные поля с трещинами, разводьями и разводьями. Настроение бодрое. Высота полета 4200 метров»

«11 часов 15 минут. Перехожу на связь с Америкой. Рассчитываем быть в 10 часов 40 минут по Гринвичскому времени над островом Патрик».

Героический экипаж АНТ-25 Г.Ф. Байдуков, В.П. Чкалов и А.В. Беляков

«20 июня. 16 часов 20 минут. Посадка в Ванкувере. Всего были в воздухе 63 часа 16 минут. Байдуков».

Весь мир пристально следил за ходом перелета. Преодолев 12 тысяч километров, экипаж Чкалова установил мировой рекорд дальности полета без пересадки. Это был невиданный триумф страны Советов. В честь советских героев в Портленде прогремел салют из двенадцати залпов. Все население города вышло встречать отважных летчиков. Их принимали сенаторы, ученые и простые люди. Полет в Америку имел колоссальное значение не только как показатель исключительных достижений советской авиации и демонстрации мужества советских летчиков – он способствовал сближению двух великих стран. За осуществление этого перелета В.П. Чкалов и члены его экипажа были награждены орденом Красного Знамени.

12 декабря 1937 года на выборах в Верховный Совет В.П. Чкалов был избран депутатом в Совет Национальностей от трудящихся Горьковской области и Чувашии. С чувством высокой ответственности исполнял он свой депутатский долг. Поселок Василево-Слобода был переименован в Чкаловск при жизни Валерия Павловича в августе 1937 года.

Осенью 1937 года был арестован и объявлен «врагом народа» руководитель конструкторского бюро ЦАГИ А.Н. Туполев, а

вслед за ним в камерах следственного изолятора оказались его ближайшие помощники. Удар по конструкторскому коллективу был настолько сильным, что от него остались лишь небольшие группы.

Коллектив Н.Н. Поликарпова аресты не затронули. Тематика разрабатываемых самолетов этого конструкторского бюро была обширной: разведчики, бомбардировщики и два типа истребителей. Среди них были маневренный биплан И-190 и скоростной истребитель И-180, считавшийся во всех отношениях наиболее перспективным. Но судьба его сложилась наиболее трагично. Согласно заданию, И-180 с двигателем М-88 должен был развивать 600-650 км/ч на высоте 6000-7000 метров. Самолет предписывалось построить на заводе № 156 в трех экземплярах, летные испытания первого из них начать в феврале 1939 года. Однако директор завода Усачев решил преподнести подарок вождю. 21 декабря страна должна отмечать 59 лет Сталину, и Усачев, заручившись поддержкой наркома оборонной промышленности М.М. Кагановича, поставил задачу: вести работы «при обязательном обеспечении окончания постройки самолета И-180 к 20/XI с.г.»

В 1938 году комбригу Чкалову предлагали перейти на руководящую государственную работу. Но он не оставлял испытательской деятельности.

В связи с этим 1 декабря 1938 года В.П. Чкалова срочно вызвали из отпуска, а через шесть дней И-180 выкатили из сборочного цеха. При осмотре было выявлено дефектов и недоделок в количестве 139 наименований. Но директор нажимает и прямо требует от работников ОТК оформлять документы, не придираясь к каждым мелочам. Некоторые дефекты устранили, и работники ОТК подписали акт на первый полет самолета.

Испытание запланировано на 12 декабря. Но полет не состоялся, его перенесли на 15 декабря. За день до этого был составлен соответствующий акт о готовности машины, утвержденный главным конструктором Н.Н. Поликарповым. К документу прилагалась ведомость дефектов, не влияющих на безопасность первого полета по утвержденной программе.

Однако вопреки ожиданию начальства, первый полет И-180 закончился катастрофой. У самолета отказал мотор, когда летчик шел уже на посадку. Валерий Павлович старался, прежде всего, спасти самолет. Кроме того, он опасался, что самолет упадет на жилые дома. При снижении самолет зацепил и оборвал провода на территории склада и врезался в кучу деревянных отходов. При

ударе Чкалова выбросило вперед на 10-15 метров, он ударился головой о торец штабеля из дюймовых металлических арматурных прутьев.

Так закончился последний, трагический полет бесстрашного волжского богатыря. От полученной травмы он скончался через два часа в Боткинской больнице.

16 декабря газета «Правда» поместила некролог. «Вчера при испытании нового самолета погиб Валерий Павлович Чкалов. Нелепый случай оборвал жизнь одному из замечательных сынов советского народа. Погиб великий летчик нашего времени, имя которого являлось синонимом героизма и мужества. Валерий Чкалов был храбрейшим из храбрых. Среди советских летчиков он пользовался громадным уважением как несравненный мастер своего дела. Среди всего советского народа он пользовался известностью и любовью как народный герой…»

17 декабря 1938 года в Череповецком механическом техникуме Наркомлеса состоялось траурное собрание, посвященное памяти В.П. Чкалова. Все присутствующие единодушно приняли решение: «Увековечить память Валерия Павловича Чкалова, возбудить ходатайство перед Верховным Советом СССР о присвоении механическому техникуму имени тов. Чкалова». С тех пор в учебном заведении (ныне металлургический колледж) в день рождения Валерия Павловича проводятся ежегодные Чкаловские чтения, на которых молодежи рассказывают о подвиге летчика и периоде его учебы в Череповце. Валерию Павловичу в музее колледжа посвящен специальный стенд, где среди прочих экспонатов есть копия бортжурнала его легендарного перелета из Москвы в Ванкувер.

После гибели «сталинского сокола» были арестованы и осуждены несколько руководителей авиационного завода, которых обвинили в косвенной причастности к смерти пилота. Тем не менее, многими людьми, в том числе супругой, Ольгой Эразмовной и детьми Валерия Павловича, неоднократно выдвигались самые разные версии гибели их близкого человека. Дети со слов матери говорили, что в последние месяцы перед гибелью отец был встревожен, спал с револьвером под подушкой, осунулся, у него изменилось выражение глаз…Появились слухи об умышленном убийстве и причастности к смерти Чкалова людей из НКВД, а возможно и лично Иосифа Сталина и Лаврентия Берии. Будто бы в начале 1938 года Сталин предложил Чкалову должность наркома внутренних дел, то есть хотел вручить ему «топор

Здание лесомеханического (бывшего Александровского технического) училища, где в 1916-1917 гг. учился Валерий Чкалов

палача», а когда Валерий Павлович отказался, на него было совершено семь покушений… Ходили слухи, что специально пущен под откос поезд, на котором должен был ехать Чкалов … что НКВД раскрыл заговор, в результате которого легендарного летчика должны были зарезать дети кулаков… И много-много других легенд.

В своей книге «Чкалов. Взлет и падение великого пилота» Николай Якубович пишет: «Скорее всего, причиной катастрофы опытного истребителя И-180 стало неблагоприятное стечение обстоятельств, порожденных, как принято сегодня говорить, человеческим фактором. Это, прежде всего, перенос начала летных испытаний наркомом М.М. Кагановичем, неуступчивость директора завода Усачева, и, наконец, недисциплинированность Чкалова. Вопреки заданию сделать один круг в районе аэродрома, он самостоятельно расширил программу испытаний и ушел на второй, еще больший круг… Что касается политических интриг, то они, по моему глубокому убеждению, надуманы и не соответствуют действительности. Валерий Павлович Чкалов собственной кровью доказал, что нарушение полетного задания может обернуться катастрофой…»

ПРОЕКТ «БОЛЬШАЯ ВОЛГА»: ТРИУМФ ИЛИ ТРАГЕДИЯ?

В 1932 году постановлением ЦК ВКП(б) и Совета народных комиссаров СССР был принят план строительства каскада водохранилищ «Большая Волга». Вслед за строительством канала Москва-Волга предусматривалось сооружение регулируемых плотин, шлюзов и гидроэлектростанций на верхней Волге, создание крупных водохранилищ.

Первоначально решили строить плотины с низовьев Волги, от Каспия. Но в процессе разработки проекта вектор сменили. Сначала построили в Тверской области Иваньковское мини-море и проложили знаменитый канал Москва – Волга, превративший столицу в город-порт, и подступили к Ярославлю. Здесь решено было построить Средневолжскую ГЭС мощностью в 144 тысячи киловатт. Но в ходе расчетов нарисовалась неприятная картина: под воду ушли бы промышленные предместья Рыбинска, Тутаева и поселок Константиновский. Специальная экспертная комиссия принимает решение о переносе строительства гидроэлектростанции из Ярославля в Рыбинск. В районе деревни Переборы, под Рыбинском, развернулись строительные работы по сооружению ГЭС мощностью 220 тысячи КВт. К ним была привлечена 150-тысячная армия заключённых из спешно образованного «Волголага».

По первоначальному проекту уровень воды должен был подняться на 98 метров над уровнем моря и предполагал затопление примерно 2500 квадратных километров. Однако известный гидростроитель С.Ю. Жук предложил увеличить мощность электростанции до 330 тысяч КВт. Для этого он рекомендовал поднять уровень зеркала воды будущего Рыбинского водохранилища еще на 4 метра. Оппоненты Жука заметили, что эти 4 метра станут приговором городу Мологе, так как он располагается на отметках 98-101м над уровнем моря, кроме того увеличивается площадь водоема еще на две тысячи квадратных километров, что приводит к увеличению площади затопляемых земель. Руководитель проекта С.Я. Жук довел свое «особое мнение» до кремлевских вождей, и грандиозный проект получил «зеленую улицу», а его оппоненты пополнили ряды «врагов народа».

О том, что земля скоро уплывет у них из-под ног, жители Молого-Шекснинского междуречья поначалу не поверили – настолько бредовым казался такой проект. Пришлось поверить: 1 апреля 1936 года ярославская газета «Северный рабочий» опубликовала беседу с начальником Волгостроя Я.Д. Рапопортом,

где тот сообщил, что «воплощается в жизнь сказочно увлекательный по смелости и размаху выдвинутый тов. Сталиным план коренной реконструкции водных путей Советского Союза. По этому гениальному плану пять морей нашей родины соединятся глубоководными каналами. По окончании укладки плотин возле с. Переборы возникнет гигантское Рыбинское водохранилище. «Наводнение», которое произойдет в 1940 году, затронет 5 районов Ярославской области, 4 – Калининской, 4 – Вологодской и 1 – Московской. Будет затоплена обширная зона, а «заштатный» город Молога и 40 тысяч крестьянских хозяйств из 732 деревень будут переселены».

Спустя четыре месяца горсовет Мологи собрал на свое расширенное заседание 900 мологжан – по человеку от семьи, чтобы продемонстрировать свое одобрение решению партии и правительства. Хоть и бурно проходило заседание горсовета, хоть многие и были против, но протокол зафиксировал: «Заслушав и обсудив доклад председателя горсовета т. Назарова «О реконструкции Волги и превращении ее из мелководной реки в огромную и глубокую, соединяющуюся через Оку и Москву со столицей первой в мире, великой Красной Москвой, пленум выражает свою радость и преклонение перед гениальной мудростью инициатора реконструкции верхней Волги, нашего учителя, друга, вождя мирового рабочего класса великого Сталина».

Началось переселение. По домам пошли оценщики. Владельцы ветхих домов должны были в течение месяца, а то и десяти дней их освободить и с мизерной компенсацией тут же уехать

на новое место. Владельцам годных домов надлежало самим дома разобрать по бревнышку и перевезти гужевым транспортом или сплавить по воде до нового места жительства.

25 мая 1936 года на имя председателя Череповецкого райисполкома под грифом «оглашению не подлежит» пришло распоряжение начальника Волгостроя, майора госбезопасности Рапопорта о том, что «в связи со строительством Рыбинского узла часть территории, прилегающей к реке Шексне, и расположенной ниже отметки 102 м, будет затоплена». В этой полосе запрещено новое гражданское строительство, а также капитальное вложение на ремонт построек и сооружений, мелиорацию, дорожное строительство и прочее. Рекомендовано подготовить план переноса промышленных предприятий, культурно-общественных зданий, медицинских учреждений, переселения коллективных хозяйств.

В связи с предстоящим затоплением прибрежной территории в Череповце начались работы по переносу цехов завода «Красная Звезда», мастерских механического техникума, артели «Металлист», мельницы, фабрики обуви, городка водников.

В Череповецком районе переселение началось 1 августа 1936 года. В первую очередь людей переселяли в колхозы Богословского, Матуринского, Киселевского, Коштовского, Шубацкого, Яргомжского сельсоветов. Изначально планировалось переселить большую часть хозяйств до 1 апреля 1939 года. Не получилось. Тогда в 1940 году для ускорения переселения было объявлено соцсоревнование среди колхозов Череповецкого района. По итогам этого соревнования победителями стали колхоз

Жители Пошехонья перевозят свои дома из зоны затопления

«Крестьянка» Луковецкого сельсовета и колхоз «Большедорский» Большедорского сельсовета.

«При переселении мне было 10 лет, в семье я была младшая, старшие сестры разъехались. У нас с мамой была возможность поселиться в деревне Хмелина, но старшая сестра позвала поближе к ней. За наши строения назначили 12 тысяч, но мы получили четыре. Погрузили, что могли на телегу и, оставив дом родной, поехали. Поселились в деревне Куркино. Купили старый дом, который требовал ремонта – в простенки была видна улица. Мама была больная, и я одна ходила дергать мох. Сосед сделал деревянные лопатки, научил как конопатить стены, сказал: «справишься». Устроились вдвоем с мамой, а потом – война».

В.Ф. Астафьева

«Бабушка жила в деревне Голосово. Хозяйство было исправное, имелся свой дом-пятистенок с подвалами. Когда приказано было переселяться, то выбрали Мяксу. Дом перевезли свой, оставив лишь нижние бревна, поэтому в Мяксе он стал на два венца ниже. А раньше на поветь был въезд, и с сеном заезжала лошадь. В Голосове был и свой амбар, бабушка закрыла его на замок, а когда приехала снова за вещами, оставленными в нем, увидела перед домом кострище и всюду разбросанные семейные фотографии, «екатеринки» – деньги, хранившиеся еще с царских времен. Значит, здесь побывали «услонцы» – так называли заключенных, которые работали на лесоповале по расчистке дна Рыбинского водохранилища».

Т.Г. Козлова,

«Переехали мы при затоплении из села Кузьмодемьянское. Мне было десять лет. Мы, дети, были рады, что переезжаем, не понимали, почему мать плачет. Сели на телегу шесть ребятишек мал-мала меньше, брат Александр с гармошкой и поехали. Наша семья хотела поселиться в Щетинском, но не было места и нам было отказано. Переехали в Санниково, а с нами еще одиннадцать семей».

Р.Г. Славинская

«О затоплении даже страшно вспоминать. Мы жили на хуторе Черепановка на самом берегу, поэтому почти все время мы, дети, проводили на реке. Бабушка с хутора перевезла дом в Рыбинск, остальные домочадцы разъехались кто куда: в

Ярославль, Череповец, в Карелию. Переселение, война, жизненные заботы разлучили нас. И вот только в 83-м году навестила родные края, узнав о том, что на берегу Рыбинского моря установлен поклонный крест затопленным святыням. Значит, можно помолиться там, где возрождается память об утраченной навсегда моей родине».

Е.Н. Мельникова

26 апреля 1939 года председатель Череповецкого горсовета А.Т. Смирнов поделился с читателями газеты «Коммунист» той радостью, которую он испытывает в связи с существенными изменениями в облике города в результате грандиозной перестройки бассейна реки Волги. План генеральной реконструкции города уже начертан, и он предлагает заглянуть в недалекое будущее – 1942 год, последний год третьей сталинской пятилетки.

Итак, весна 1942 года, Соборная горка. С нее открывается величественная картина. Под лучами солнца сверкает зеркальная поверхность огромного водоема. Это северная часть Рыбинского моря. Почти на два километра разлились воды Ягорбы и Шексны. По широкой поверхности водоема скользят большие волжские пассажирские и буксирные пароходы. Они направляются к новой пристани, расположенной на берегу Ягорбы. На противоположном берегу – порт, судоремонтные мастерские. Влево от пристани возвышается новый мост, и если мы перейдем по нему, то попадем в совершенно новый городок водников.

А в центральной части города, на перекрестке улиц Верещагина и Льва Толстого обозначилась большая площадь, по периметру которой стоят высокоэтажные здания. Бывшие захолустные окраины Череповца преобразились. Появились новые улицы: Тракторная, Полевая, Московская, Некрасова. Здесь растут десятки новых жилых кварталов, а также сотни строений, перевезенных сюда из зоны затопления. На улицах и в домах засветилось электричество, зазвучало радио, появился водопровод.

Всюду видны следы стройки, снуют многочисленные автомобили, потоки намного увеличившегося населения и группы туристов, приезжающих по новой грандиозной водной системе…

«И это не досужий вымысел, не фантазия, – пишет председатель горсовета. – Признаки скорого преображения города видны всюду уже сейчас».

Главная забота у городской власти – подготовка к навигации. Вот-вот перекроют плотину Рыбинского гидроузла, воды

Участники лыжного похода по дну будущего Рыбинского моря. Февраль 1941 г.

Волги и Шексны заполнят ложе искусственного моря, и начнется навигация по новому водному пути. Эксплуатация водохранилища специальным приказом народного комиссара речного флота поручена Шекснинскому пароходству, куда вошел Череповецкий порт. Совершенно меняются условия работы череповецких речников и диспетчеров. Пароходы и грузовые суда – баржи, до сих пор ходившие по Шексне, станут уже не пригодными, они будут заменены на более крупные суда озерного типа. Для усиления флота в Череповец дополнительно передаются пароходы и волжские баржи с большой осадкой. Для обслуживания флота вместо судоремонтных мастерских строится судоремонтный завод, на котором будет вестись также и новое судостроение. Грузооборот порта значительно увеличится, потому что операции по перевалке грузов, которые до сего времени осуществлялись в Рыбинске, переносятся в Череповец.

Речники и диспетчеры Череповецкой пристани с большим желанием взялись за освоение новой техники. Работая днем по ремонту самоходного и несамоходного флота, вечером слушают лекции на курсах по освоению работы в озерных условиях.

А насколько хорошо подготовлен путь для флота, чтобы работать без аварий? Как будет проходить фарватер?

Для того, чтобы лучше узнать будущую трассу (судовой ход) водохранилища, 27 водников-эксплуатационников 2 февраля 1941 года отправились в лыжный поход по маршруту Череповец-Рыбинск. Командир похода – Н.С. Веденин, политрук – А.М. Серов. В эту же команду вошли стахановцы – капитаны т.т. Середнев, Степушкин, старший диспетчер будущего водохранилища т. Столяров.

Шли вдоль русла Шексны. По другому пути и не пройти: отряды заключенных, которые они встречали, в основном очищали будущие фарватеры. Что-то попилили-порубили, что-то пожгли, но большая часть деревьев осталась на корню. Старинные храмы взрывали. Построенные на века, они по-своему сопротивлялись разрушению – после взрыва некоторые церкви взлетали ввысь и опускались на прежнее место.

Путь торили, минут через 10-15 сменяя впереди идущего. Брошенные переселенцами вековые новгородские деревни, о которых напоминали обшарпанные, не поддавшиеся динамиту каменные церкви без куполов, остовы русских печей, развалины сараев, колодезные журавли и кладбищенские кресты производили на участников похода гнетущее впечатление. Молча, они наносили на карту будущее расположение береговых знаков, маяков, мест новых пристаней…

13 апреля 1941 года был закрыт последний пролет волжской плотины в Переборах, а затем и на Шекснинской плотине ГЭС, возле Рыбинска. Паводковые воды Волги, Шексны и Мологи стали растекаться по плодородным пашням, заливным лугам Молого-Шекснинского междуречья. Огромные косяки рыб, плывущие к своим прежним нерестилищам в реках Мологе и Шексне, вдруг встретили на пути непроходимую преграду – плотину – и встали перед ней метровым слоем на несколько километров. Очевидцы рассказывали о тысячах птиц, метавшихся в поисках утраченных

В мае 1941 года открылась навигация по рукотворному морю

гнездовий; многочисленных животных, которые в поисках спасения взбирались на деревья и крыши домов; ревущих медведях, плывших на торфяных островах в никуда. Рассказывали, что на одном полузатопленном пне одновременно спасались три серые мыши-полёвки, мокрый, трясущийся от холода ёж, восемь ящериц и одна гадюка. Никто из обитателей этого временного убежища не обращал внимания друг на друга. Беда на всех одна. Сотни тысяч животных погибли во время затопления в этих местах. Подлинная трагедия природы!

5 мая на реке Шексне открылась навигация. С пристани Череповец по рукотворному морю в рейс отправились первые пассажирские пароходы: вниз до Мяксы – «Судостроитель», вверх, до Чайки – «Коммунист».

Громадная чаша рукотворного моря наполнялась шесть лет – до 1947 года.

Эта стройка века, последствия которой не были продуманы, привела к огромным природным, культурным и нравственным потерям. Из Молого-Шекснинского междуречья принудительно выселены 130 тысяч жителей и 20 тысяч – из долины Верхней Волги. Они оставляли обжитые дома и созданные многолетним тяжким трудом хозяйства, могилы родных и близких. На дно Рыбинского водохранилища ушло почти 27 тысяч хозяйств и более 4 тысяч попали в зону подтопления.

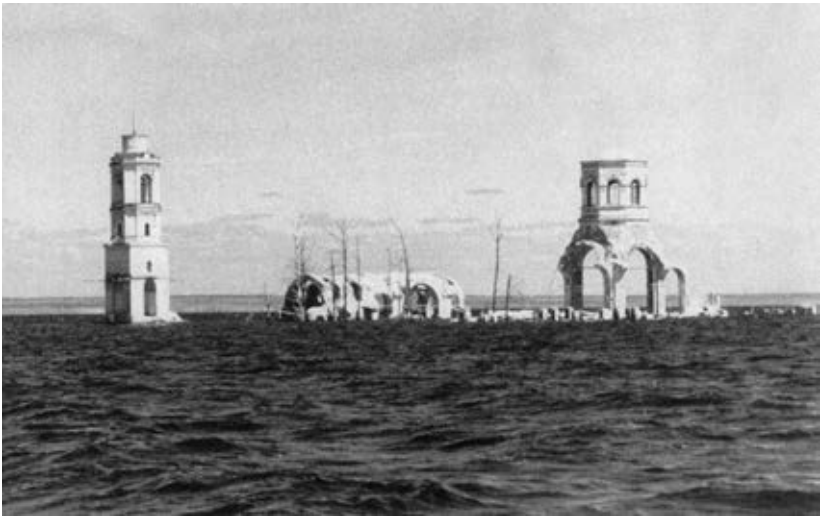
Под водой оказалось старинное село Николо-Выкса. Когда-то здесь, в 32 верстах от Череповца была Выксинская пустынь святого Николая. История свидетельствует о том, что в 1591 году после убиения в Угличе царевича Димитрия царь Борис Годунов велел постричь в монахини мать убитого, царицу Марию Нагую (в иночестве Марфу), и сослал её в эту пустынь. Лжедмитрий I после вступления в Москву вызвал её из пустыни, и она «признала» в нём своего сына Димитрия.

В верховьях Шекснинского плеса, километров тридцать не доезжая до Череповца, под водой скрылся Иоанно-Предтеченский Леушинский женский монастырь. Обитель возникла в 1875 году, в эпоху «русского возрождения», и к началу XX века усилиями великой труженицы игумении Таисии (в миру Мария Васильевна Солопова) с благословения святого праведного Иоанна Кронштадтского превратилась в один из крупнейших монастырей России. При монастыре была открыта церковно-учительская школа, ставшая, по определению современников, «рассадником духовного просвещения для северных уездов Новгородской гу-

бернии». В связи со строительством Рыбинского водохранилища монастырь оказался в зоне затопления. Кирпичные постройки сначала пробовали взрывать, но взрывались они плохо: очень уж основательно были построены. Долго торчала над водою трехъярусная колокольня, сопротивлялся напору вод и льдов. В 1950-е годы развалины Леушинского монастыря закупил Череповецкий мясокомбинат – «на кирпичи». Были наняты вышедшие на свободу заключенные, которым обещали заплатить по 25 копеек за кирпич. Но зеки работали только день – и отказались: до того был крепок раствор.

Интересным местом было село Логиново. Здесь в 1836 году родился Елпидифор Васильевич Барсов, крупный ученый-фольклорист, собиратель и исследователь народного творчества и древнерусской письменности, автор трудов по этнографии, археологии и истории. За годы научной деятельности Барсов собрал уникальную коллекцию древних рукописей, хранящихся ныне в Государственном историческом музее.

Среди затопленных сёл и деревень было село Ольхово, родина ученого-универсала Николая Михайловича Амосова, выдающегося кардиохирурга, биокибернетика, академика Украинской ССР, член-корреспондента Академии медицинских наук СССР, лауреата Ленинской премии, Героя Социалистического Труда. С



Долгие годы воды Рыбинского водохранилища омывали стены Леушинского монастыря, пока он совсем не скрылся под водой

1926 года Амосов учился в Череповце – в школе второй ступени и лесомеханическом техникуме, а затем работал ординатором хирургического отделения межрайонной больницы.

Ближе к Череповцу вода скрыла стоявшие в сосновых лесах усадьбы «Пертовка» и «Любец», принадлежавшие Василию Васильевичу и Николаю Васильевичу Верещагиным – художнику-баталисту и его брату, ученому, основателю промышленного сыроварения в России. Ближе к Череповцу, при впадении в Шексну Суды, ушло в воду большое село Луковец, принадлежавшее Бестужевым-Рюминым, и вместе с ним исчез известный памятник археологии – древний финно-угорский городок Луковесь.

В Череповце вода затопила нижние террасы берега, скрыв остатки поселений, с которых начинался город. Быстрая, местами порожистая Шексна давала богатые уловы знаменитой стерляди, стала втрое шире и превратилась в медленно текущий рукав водохранилища.

Создание рукотворного моря обернулось несчастьем для несколько тысяч людей. Но как впоследствии оказалось, молого-шекснинская трагедия уберегла страну от трагедии гораздо большей – в годы Великой Отечественной войны, в том числе в самый тяжелый период противостояния фашистам под Москвой, именно Рыбинская и Угличская ГЭС, еще недостроенные, спасли нашу столицу, бесперебойно снабжая ее электроэнергией. Они выработали более четырех миллиардов киловатт-часов энергии! В 1941 – 1944 годах через Рыбинский и Угличский шлюзы прошло 10 миллионов тонн грузов, в том числе для оборонявшихся Москвы и Ленинграда!

Площадь Рыбинского водохранилища составляет 4,5 тысячи квадратных километров, длина – 150, ширина – 75 километров, средняя глубина – 5,6 м, причем глубины от 0 до 2 метров составляют 21%, что характеризует водохранилище как мелководный водоем. Большие глубины – до 20-30 м – встречаются только на местах, ушедших под воду озер и русел рек, по которым проложены фарватеры судов. Скорость течения в водохранилище равна нулю. Плотина подняла воды Волги на 18 метров, до 102 отметки. Они вращают 6 турбин Рыбинской ГЭС общей мощностью 330 тысяч киловатт. Влияние рукотворного моря на климат Череповца весьма ощутимо. Весной водоем понижает среднесуточную температуру на 0,3-2,0 градуса. Летом происходит снижение максимальных (на 3,0-3,5 градуса) и повышение минимальных (на 4,0-4,5 градуса)

температур. Возросли скорость и сила ветров, увеличились влажность воздуха, количество осадков, облачность, сократился вегетационный период. Подпор воды повысил уровень грунтовых вод, что привело к заболачиванию и изменило условия жизни прибрежных растений и животных. В засушливые годы и при большом сбросе воды через плотину площадь водохранилища уменьшается на 30-35%. Вода отступает, и на поверхности выходят протянувшиеся на десятки километров песчаные поля мелководий.

Когда в 1941 году создавалось это рукотворное море, никто не задумывался, как это отразится на природе края, какие изменения произойдут в прибрежных лесах, что будет с рыбами и другими водными животными, как на затопление отреагируют звери и птицы. Именно поэтому правительством страны в 1945 году было принято решение о создании Дарвинского государственного заповедника, главной задачей которого стало изучение изменений, происходящих под влиянием огромного искусственного водоема.

«Затопление таких огромных территорий стало страшной экологической катастрофой. Были потеряны огромные площади плодородных земель, ценные заливные луга. Природа создавала такие почвы тысячи лет – сколько существует река в этом месте. И за несколько лет все это было погребено под толщей воды, – не скрывает эмоций Андрей Вячеславович Кузнецов, ведущий научный сотрудник Дарвинского государственного биосферного заповедника. – Нельзя забывать о том, что погибли не только луга и леса. На затопленных территориях осталось очень много животных: лоси, зайцы. Их популяции тоже был нанесен урон. В общем, экосистему этих мест водохранилище разрушило».

Но если Рыбинское водохранилище создает столько проблем, не проще ли его осушить?

«Ни в коем случае водохранилище нельзя осушать, – поясняет Андрей Кузнецов. – Дело в том, что оно создано не только для функционирования ГЭС. Рыбинское водохранилище – это звено в цепи единой энергетической системы. Вода Рыбинки работает на весь Волжский каскад. Если спустят водохранилище, перестанут действовать все расположенные ниже ГЭС, прекратят свое существование Волго-Балтийский водный путь и крупнейший в мире Череповецкий металлургический комбинат, которому ежедневно на технологические нужды требуется более 7 миллионов кубических метров воды. Кроме того, спуск будет еще одной экологической и социальной катастрофой. Если водохранилище спустят, образуется огромная безжизненная пустыня, на которой даже плохонький лес вырастет не раньше, чем через 100 лет».

ПОЭТИЧЕСКАЯ КОЛЫБЕЛЬ ИГОРЯ СЕВЕРЯНИНА

Игорь Васильевич Лотарев (Северянин)

27 февраля 1918 года в Политехническом институте в Москве состоялся «поэзовечер», где Игорь Северянин был провозглашен «королем русских поэтов», опередив в состязании Владимира Маяковского и Василия Каменского. Буквально через неделю после своего избрания, в начале марта 1918 года, поэт уехал из голодного Петербурга на свою дачу в эстонскую приморскую деревню Тойла, поначалу на отдых, а потом, как оказалось, навсегда, – сам того не желая, он лишил себя возможности возвратиться на родину, так как в 1920 году Эстония отделилась от России. Игорь Северянин оказался в вынужденной эмиграции, где прожил до самых своих последних дней.

Игорь-Северянин (поэт предпочитал именно такое написание), настоящее имя – Игорь Васильевич Лотарев, родился 4 (16) мая 1887 года в Петербурге. Его отец, Василий Петрович, – отставной штабс-капитан железнодорожного батальона. Мать, Наталия Степановн, происходила из известного дворянского рода Шеншиных и была дальней родственницей поэта Афанасия Фета, родственные связи были у нее и со знаменитым историком Николаем Карамзиным.

Наталия Степановна очень обожала и баловала сына, окружила его гувернантками и прислугой, рос он своевольным и капризным ребенком. Но в 1896 году пришел конец беспечной жизни Игоря. Родители разошлись, отец вышел в отставку, увидев, что сын «избаловался, разленился, отбился попросту от рук», отнял его у матери и увез в Новгородскую губернию, где жила его старшая сестра Елизавета Петровна. Она была замужем за шуйским купцом А.Р. Журовым и владела вместе с ним обширными земельными угодьями в Череповецком уезде. Там же имел землю и лес брат Василия Петровича Михаил Лотарев. Здесь, на череповецкой земле, в одном из живописных уголков Русского Севера, прошло отрочество и юность Игоря Лотарева.

Почти год Игорь с отцом прожил на Андоге, где тетя Лиза имела картонный завод. Избалованный маменькин сынок, выросший среди роскоши и комфорта, попал в деревенскую глушь и впервые столкнулся с провинциальным бытом, где на каждом шагу его ждали «волшебные сюрпризы». Уже через месяц он «шалил среди веселой дворни», «смотрел на девьи хороводы, кормил доверчивых цыплят».

Его поразила природа здешних мест. «Леса дремучие верст на сто, снега с корою синей наста», ранняя весна, которую он называет голубой Снегурой и поет ей гимн:

Я окажусь совсем бездарью,
Коль в строфах не осветозарю
И пламенем не воспою
Весну полярную свою!

Северная природа, река Суда органично вошли в его творчество, стали источником его вдохновения. Как только не называл он Суду: голубая, лазурная, родная, неизменимая, царица Суда, – вспоминал о ней до конца своей жизни: «Как я хочу к тебе отсюда в твои одебренные сны».

Здесь, – на череповецкой земле – берут начало истоки творчества Игоря Северянина! Здесь впервые явилась ему его Муза («Лесофея»), отсюда и псевдоним поэта – Северянин.

Но где же «эпицентр» тех мест, куда он стремился потом всю жизнь? Где «усадьба Сойвола?» Где «лиловый дом на берегу высокий, вокруг – глухие хвойные леса…», в котором Игорь Лотарев провел около семи лет? Многие солидные издания утверждают, что «колыбельное место» Игоря

Из коллекции В. Фомина

Северянина – это Владимировка, усадьба Михаила Петровича, дяди поэта.

Однако у бывшего редактора газеты «Череповецкий металлург» Виталия Николаевича Минина такое утверждение вызвало сомнение, и он решил провести журналистское расследование. Он обратил внимание на краеведческий характер поэзии Северянина. В поэме «Роса оранжевого часа» поэт дает одну из координат усадьбы «Сойвола» – «в верстах семи» от Андоги. В другом месте поэмы поэт «привозит» гостя из Череповца в свою любимую «Сойволу» в каретном возке:

Уже проехали Нелазу,
За нею Шулому, и вот,
Поворотив направо сразу,
Тимошка к дому подает…

За сто лет дорога не изменилась, только названия деревень звучат несколько иначе: Нелазское, Шулма, Сойволовское.

Выходит, «Сойвола» и Сойволовское – одно и то же!

Но Северянин дал еще и поэтические приметы своей духовной колыбели. Рассказывая об усадьбе, он говорит, что «был правый берег весь олесен». В описываемом месте Суды таковым он остается до сих пор. И еще: плёсо реки здесь расположено с запада на восток, так что огромный шар утреннего солнца, выкатываясь из-за леса, заливает оранжевым светом и зеркальную водную гладь, и прибрежные луга в каплях росы. Такую картину наблюдал юный рыбак Игорь Лотарев. Вот откуда поэтический образ – «роса оранжевого часа», – позже давший название главной «колыбельной» поэме! Вот, где его поэтическая колыбель – «усадьба Сойвола!». В то время усадьбы во Владимировке и в помине не было!

Брат и сестра в 1897 году создали «Товарищество Е.П. Журовой и В.П. Лопарева», целью которой было строительство современной бумажной фабрики. Местом для нее стали «отхожие сенные покосы» при впадении реки Сойволы в Суду. Хлопоты по строительству фабрики и собственной усадьбы взял на себя Василий Петрович. Дом для новой усадьбы, громадный, двухэтажный, Василий Петрович закупил в помещичьем имении на реке Колпи. Дом разобрали и сплавили его в разобранном виде. Поставили на высоком берегу Суды, после стремительного изгиба реки, где далее начинался длинный прямой плес.

Усадьба «Сойвола». В первом ряду второй слева Игорь Лотарев

На восходе солнце заливало оранжевым светом верхний этаж, где чаще всего и спал Игорь.

Усадьба «Сойвола» стала своеобразной Меккой для большого рода Лотаревых – Журовых. Именно эти годы и стали, пожалуй, самыми значительными в формировании поэта.

Весною в Сойволу съезжались
На лето гости из Москвы:
Отец кузины, дядя Миша,
И шестеро его детей…
Затем две пары инженеров,
Три пары тетушек и дядь…

Сюда съезжались не только родственники, но и знакомые, друзья. Приезжал сюда и М.В. Лотарев, свою усадьбу во Владимировке он начнет возводить только в 1899 году. Молодежь увлекалась литературой, искусством, устраивала любительские спектакли. Потом эта дружная компания отправлялась в соседний лес, на пикник, прихватив с собой телегу снеди. «В лесу

грибы, костры, крюшоны и русский хоровой напев…» Здесь, в усадьбе «Сойвола», Игорь пережил одно из своих ранних увлечений – любовь к кузине Лиле (Елизавете Лотаревой). В поэме «Роса оранжевого часа» ей он посвятил несколько восторженных строк: «Тебе, о лильчатая Лиля, восторга пламенный поток!»

…Нет сегодня усадьбы «Сойвола». Перед затоплением Рыбинского водохранилища бумажную фабрику перевезли в Кадуй, хозяйский дом тоже разобрали и увезли куда-то…О заводской постройке напоминают лишь завалы бетонных машинных залов, ржавые конструкции да разбросанные в округе многотонные жернова бумажной фабрики. Чуть в стороне виден мощный добротный фундамент, на котором, видимо и стоял двухэтажный дом, где формировался духовный строй Игоря-Северянина.

А вот усадьба Михаила Петровича Лотарева во Владимировке сохранилась до наших дней. С 1924 года в ней размещался противотуберкулезный диспансер. В этом качестве она просуществовала до 1996 года. Теперь здесь открыт литературный музей Игоря Северянина. Сюда едут гости со всей округи и из других мест России. Владимировка стала центром ежегодного праздника «Здесь мне явилась моя муза», где происходит коронование победителей поэтического состязания.

В автобиографической справке Игорь-Северянин писал: «Образование получил в Череповецком реальном училище. Лучшее воспоминание: директор князь Б.А. Тенишев, добрый, веселый, остроумный». С грустью он вспоминал эти годы, ознаменованные уездной скукой и зубрежкой. Главное место в программе реального училища занимали математика, черчение, физика, которые Игоря не интересовали, ибо он был влюблен в литературу («читал, что только мог прочесть»). Он постоянно искал повод, чтобы не посещать занятия. И не мудрено, что на втором курсе Игорь был оставлен на второй год. Не помогли ни его начитанность, ни развитость. Отец вынужден был нанять учителей и заняться домашним образованием сына.

С 1904 года начинается новый этап в жизни Игоря Северянина: он возвращается в Петербург и самозабвенно включается в литературную жизнь, издавая тоненькие брошюры, включавшие от двух до шестнадцати стихотворений. Он рассылал их по редакциям, однако, стихи особого отклика не имели. Первое его стихотворение «Гибель Рюрика» было опубликовано в 1905 году в журнале «Досуг и время». Широкую, хоть и с привкусом скандала славу поэт получил в 1910 году, провозгласив новую поэтическую школу – «эгофутуристов». А свой «недвусмысленный талант» он

подтвердил выходом в свет первой полновесной книги «Громокипящий кубок» (1913), доброжелательно отмеченный лучшими поэтами Серебряного века Ф. Сологубом, Н. Гумилевым и А. Блоком. Вослед первой книге одна за другой стали выходить новые: «Златолира» (1914), «Ананасы в шампанском» (1915), «Поэзоантракт» (1915), «Тост безответный» (1916).

Огромным успехом пользовались поэтические концерты Игоря Северянина. Где только не выступал поэт: Петербург, Москва, Харьков, Тифлис, Одесса, Курск, Тверь, Саратов, Псков…

Летом 1930 года домик Северянина в рыбацком поселке посетил полпред СССР Ф.Ф. Раскольников. Позже поэт описал эту встречу, в которой на вопрос, является ли он беженцем или эмигрантом, он отвечал: «Я не эмигрант и не беженец. Я просто дачник. С 1918 года. В 1921 году принял эстонское гражданство. Всегда был вне политики. Рад каждому, кто рад мне…»

Оставшись без родины, «король поэтов» быстро утрачивает свою славу. Вышедшие в эстонский период его сборники «Эстонские поэзы», «Классические розы», поэмы «Роса оранжевого часа», «Колокола собора чувств» и другие издавались на собственные деньги и расходились с трудом.

Тоска по родине, материальные трудности, болезни все более одолевали поэта. В мыслях о России он все чаще обращался к Череповецкой земле, к родной Суде, где прошли счастливые годы его жизни.

Шексна моя, и Ягорба и Суда…
Вас повидать опять – мое желанье,
Непобеждаемое, как весна…

В 1941 году, когда немецкие войска подходили к Таллину, поэт тщетно в телеграмме умолял Калинина эвакуировать его из Таллина, он был никому не нужен. И.В. Северянин умер 20 декабря 1941 года от сердечной недостаточности в оккупационном Таллине, больной и несчастный. На его могильном камне высечены слова из стихотворения «Классические розы»:

Как хороши, как свежи будут розы,
Моей страной мне брошенные в гроб…

«СТАЛЬНОЙ БРОНЕЙ ОПОЯШЕМ СССР!»

И.В. Сталин: «Мы должны перегнать капиталистические страны...»

10 марта 1939 года. Москва. Кремль. 17 часов 15 минут. Громом аплодисментов встречают делегаты XVIII съезда партии большевиков своих вождей.

На трибуне – Иосиф Виссарионович Сталин. Зал взрывается овацией. На всех языках народов СССР слышится здравица: «Вождю народов великому Сталину – ура!», «Да здравствует первый маршал армии коммунизма товарищ Сталин! Ура!» «Да здравствует мудрейший человек эпохи товарищ Сталин! Ура! Ура! Ура!»

Сталин поднял руку, призывая к спокойствию, но зал не утихал. Сталин вынул часы, поднял их, показывая залу, что пора угомониться. Ему ответили ещё большей овацией. Наконец зал стихает.

– Мы перегнали главные капиталистические страны в смысле техники производства и темпов развития промышленности, – говорит вождь страны Советов. – Это очень хорошо. Но этого мало. Нужно перегнать их также в экономическом отношении. Мы можем это сделать, и мы должны это сделать.

Съезд поставил задачу: «На основе мощного подъёма металлургии форсировать развитие машиностроения и обеспечить тем самым дальнейшее увеличение технического вооружения всего народного хозяйства и обороны страны». И порешили на партийном форуме достроить Магнитку, Нижне-Тагильский и Петрово-Забайкальский металлургические заводы, «Азовсталь», а кроме того, заложить новые – на Южном Урале, в Восточной Сибири, в Центре, в Закавказье. Новые заводы по-прежнему были ориентированы на месторождения высококачественных руд, так как они не требовали обогащения и затраты на капитальное строительство быстро окупались. Задействовать низкосортные руды Кольского полуострова и Карелии намечалось не ранее IV-V пятилеток. К этому времени должен будет заработать завод с полным металлургическим циклом в районе Архангельска.

Но… неожиданный поворот: металлургический завод на Северо-Западе решено возводить немедленно! И не в Архангельске, а в Череповце! Как же так? Не запланированная директивами съезда громадная стройка в нашем плановом хозяйстве! Без экономических расчетов? Без смет и проектов? Возможно ли такое? Оказывается, возможно. Такое мог позволить себе товарищ Сталин. Всё значимое, что возводилось в стране Советов в довоенное время, – Беломорканал, Урало-Кузнецкий металлургический комбинат, Рыбинское море, Днепрогэс – исходило только от имени великого вождя. Его именем назывались города, заводы и фабрики, каналы и премии в области науки и литературы. О нём слагали стихи и песни, былины и сказания.

– Металлурги поступают неправильно, пренебрегая так называемыми «бедными» рудами, – сказал товарищ Сталин в беседе с наркомом чёрной металлургии СССР Ф.А. Меркуловым. – До сих пор не обращается внимание на богатейшие месторождения Кольского полуострова. Между тем, создание металлургии для Северо-Запада на базе этих руд имело бы большое значение для всего народного хозяйства СССР.

«Железный» нарком заверил товарища Сталина, что ЕГО указания станут для Наркомата чёрной металлургии СССР руководством к действию.

В спешном порядке был подготовлен проект создания на Кольском полуострове двух небольших заводов в районах железорудных месторождений Ены (Ковдорское) и Заимандры (Оленегорское). Суммарная мощность намеченных к строительству предприятий даже наполовину не покрывала дефицит металла ленинградской промышленности.

«Мелко мыслит товарищ Меркулов. Нет у него политического чутья. То, что предлагает, новой металлургической базой не назовешь. Надо искать ему замену», – подумал Сталин.

На место Меркулова Сталин назначает Ивана Тевадросовича (в обиходе его называли Фёдоровичем) Тевосяна, который хорошо себя проявил на посту директора завода «Электросталь» и наркома судостроения. Хороший организатор, в совершенстве знает отечественную и зарубежную металлургию. Деятельный, энергичный, напористый, верный солдат партии, а, главное, – обладает не рассуждающей готовностью исполнить любое желание вождя. Надёжность и преданность И.Т. Тевосяна лично товарищу Сталину вождь закрепил своеобразным способом: брат Ивана Федоровича был обвинён во вредительской деятельности и препровождён за колючую проволоку: знай, мол, какая и тебя ожи-

Иван Тевадросович Тевосян

Иван Павлович Бардин

дает судьба, если что… Можешь и ты, товарищ Тевосян, загреметь вслед за братом.

17 мая 1940 года Сталин пригласил Тевосяна в Кремль и поздравил его с новым назначением.

– Спасибо, товарищ Сталин, – поблагодарил вождя Тевосян. – Я готов выполнить любо Ваше задание, отдать до капли всего себя, чтобы оправдать Ваше доверие. Но считаю нужным сообщить, что мой брат арестован как враг народа.

– Я знаю об этом, – ответил Сталин. – Вас, Иван Федорович, я числил и числю среди своих друзей. О брате не вспоминайте. Бог с ним. Работайте спокойно. Надо вытащить металлургическую промышленность из глубокой ямы. Что нужно, обращайтесь напрямую.

Не первый год советская металлургия топталась на месте, её считали хронически больной отраслью. План выполнялся лишь на шестьдесят процентов. Для производства стали не хватало чугуна. Простаивали прокатные станы. В состоянии запущенности пребывали тылы металлургии – добыча руды, известняка, производство кокса, металлургическое машиностроение. В стране не хватает металла, особенно он нужен в Ленинграде. Целый год, находясь в Питере в качестве наркома судостроения, Тевосян выколачивал «фонды» на металл. Вот и сейчас у него на столе лежит целая гора заявок. Даже члену Политбюро, секретарю ЦК ВКП(б) товарищу Жданову приходится подключаться, чтобы выбить для Ленинграда чугун, спецсталь, трубы, прокат. Заводы Юга и Урала срывают поставки и посему Кировский, Ижорский, Балтийский и другие заводы на грани остановки. А это значит, что страна получит меньше турбин, тракторов, точных приборов, кораблей и танков, зениток и боеприпасов.

Сочувствует Иван Федорович Жданову, но помочь ничем не может. Спасти положение ленинградской промышленности может лишь создание в районе Ленинграда собственной металлургии.

Незадолго до его назначения наркомом черной металлургии, 5 мая, на Экономическом Совете при Совнаркоме СССР был рассмотрен вопрос о «О промышленном освоении Ено-Ковдорского железорудного района в Мурманской области», которым в обязанность наркомата чёрной металлургии вменялась разработка мероприятий по строительству металлургического завода, использующего руды Кольского полуострова.

«Вот, что должно стать главным на сегодняшний день в работе вверенного мне наркомата, = создание металлургической базы для Ленинграда и прилегающих к нему областей!» – решил Иван Федорович. Он взял папку с тесёмками, вложил туда постановление Экономсовета и хорошо отточенным карандашом, каллиграфическим почерком подписал: «Материалы к вопросу об организации металлургической базы на Северо-Западе СССР». Позвонил Бардину, одному из своих заместителей, который курировал технический отдел наркомата, а, кроме того, исполнял обязанности члена Экспертного Совета Госплана СССР и Государственного Советника по металлургии.

Тевосян предложил Бардину присесть, а сам начал мерить шагами свой кабинет, иногда останавливаясь перед Бардиным.

– Нам, Иван Павлович, поставлена задача: подготовить предложения по строительству крупного завода для снабжения металлом Ленинградской, Мурманской и Архангельской областей, – сказал Тевосян. – Вопрос на контроле Хозяина. Работать будем по двум главным направлениям: что необходимо предпринять, чтобы использовать бедные железом енские руды и где следует возводить завод. Времени в обрез. Вознесенский, не дожидаясь, когда мы ему предоставим свои соображения, уже дал задание своим сотрудникам проработать вопрос о новой металлургической базе. Как мы будем выглядеть в глазах товарища Сталина, если Председатель Госплановой комиссии СССР первым представит проект?

Была создана группа экспертов во главе с Бардиным, в которую вошли геологи, проектанты, металлурги. До поздней ночи засиживается Бардин в своем кабинете, который стал похож на Генеральный штаб перед важным сражением. Фактически, так оно и было: шла битва за металл для Ленинграда. Огромный стол заместителя наркома чёрной металлургии завален научными книгами и справочниками, картами и схемами, таблицами, диаграммами, образцами минералов.

Ещё в августе 1939 года на одном из заседаний Технического совета НКЧМ по докладу Бардина было принято постановление по «бедным рудам»: «В целях более правильного использования рудных ресурсов страны и устранения их непроизводительных потерь считать необходимым немедленно приступить к широкому использованию так называемых «бедных руд» в чёрной металлургии». На вопрос, когда будут задействованы руды Кольского полуострова, Бардин ответил тогда: «В перспективе ближайших 5-8 лет, возможно, будет приступлено к строительству в районе Енского месторождения рудника мощностью примерно три миллиона тонн с добычей руды сначала для экспорта, а впоследствии для снабжения ею металлургического завода. Это должно быть связано с получением печорских углей».

«Вот ведь как у нас, – подумал Бардин, просматривая стенограммы Технического совета. – Только вчера был поставлен вопрос о возможности использования в производстве чугуна «бедных» руд, а уже сегодня приказано форсировать работы по созданию на их основе металлургического завода! Ну что же, будем форсировать».

Никаких сомнений у академика не вызывал тот факт, что месторождения Кольского полуострова представляют промышленную ценность. Пусть в них железа всего 28-30 процентов, но если руды обогатить, можно получить 60-процентный концентрат. Видимо кончилось золотое время использования в промышленности только «богатых» руд. Строительством северо-западного завода начинается новая стадия советской металлургии – работа на рудах с пониженным содержанием железа. Да, увеличатся капитальные вложения, это так. Но появится возможность более равномерно размещать промышленность, индустриализовать отсталые окраины. Северо-западный завод впервые в мире начнёт работать по новой технологии – на «бедных» рудах. Сырья здесь хватит лет на сто даже в том случае, если завод запланировать производительностью два миллиона тонн в год! Сложнее с топливом. Торф, горючие сланцы и отходы древесины не могут служить технологическим топливом для крупного завода. Боровичские угли не коксуются. Что тогда? Снова везти из Донбасса? Нет, надо ориентироваться на Печорское месторождение, пусть до него полторы тысячи километров. ГУЛАГ НКВД уже наладил там добычу, а строящаяся железная дорога даст выход углям в сторону Ленинграда.

Бурную полемику среди экспертов вызвал вопрос о месте размещения центрального завода. Одни доказывали, что его надо

по примеру Магнитки «посадить» «на руде» в районе Кандалакши, другие предлагали «на угле» в Воркуте, как это сделано при сооружении Кузнецкого комбината. Все эти варианты требовали создания на площадке будущего завода огромных складов для хранения сырья и топлива, ибо доставлять их предполагалось по Северному морскому пути только в навигационный период.

Рассмотрев самые разные предложения, академик Бардин подвел итог:

– Мы не должны забывать, что источники сырья и топлива находятся в зоне вечной мерзлоты. Северный Ледовитый океан восемь месяцев в году покрыт льдами. Поэтому ни Кандалакша, ни Воркута, ни Архангельск не могут быть центрами северо-западной металлургии. Место постройки завода должно быть в обжитом и освоенном районе. При этом мы должны учитывать фактор удаленности или близости завода к Ленинграду, главному потребителю металла. Мне кажется, что точку строительства завода целесообразно выбрать в месте пересечения железнодорожной линии Вологда – Ленинград с водной системой, связывающей между собой районы железорудных месторождений, Ленинград, Горький и другие районы. Кратчайшие пути руды, угля и металлошихты должны быть на стыке высокоразвитых экономических районов. Такой точкой может стать Череповец. Имеющаяся здесь сеть железнодорожных и водных путей обеспечит доставку материалов и оборудования в период строительства завода без предварительной подготовки.

После долгих споров остановились на двух пунктах: Череповец и станция Свирь, что неподалеку от Лодейного Поля, при условии, что через неё пройдёт железная дорога, которая свяжет с магистралью Ленинград – Мурманск. Какой из вариантов лучше? На это можно ответить после глубокого исследования и всестороннего сопоставления. А для этого разработку проектов вести параллельно. Чтобы потом выбрать самый оптимальный, тот, который даст меньше издержек из-за чрезмерно дальних перевозок.

Передавая на подпись наркому труд экспертов на 40 листах, Бардин заметил, что это всего-навсего предварительные соображения, для окончательных выводов требуется серьёзная экономическая экспертиза. На что Тевосян ответил:

– Дорогой Иван Павлович! Я прекрасно понимаю, что экспертиза нужна. И хорошо бы исследовать несколько площадок. И тылы металлургии – руду, уголь, флюсы, лом, кокс – заранее подготовить, а уж потом затевать постройку завода. Но на нас неумо-

лимо надвигается война. Время сейчас такое, что не до научных дискуссий. Кованые сапоги гитлеровских молодчиков уже стучат по брусчатке европейских столиц. Война с фашистской Германией неминуема. Конечно, Гитлер не нападет на нас раньше лета 1943 года, пока не разделается с Англией. Так говорит товарищ Сталин. А за это время, если как следует организовать дело, Северо-Запад может получить собственную металлургическую базу. Оборонные заводы будут иметь так необходимый металл. Кстати, почему – Череповец, а не Вологда?

– А, почему Вологда?

– Там товарищ Сталин отбывал ссылку. А это много значит. Без поддержки товарища Сталина проблему не решить.

– У Череповца идеальное географическое положение. Имеющиеся железнодорожные и водные пути обеспечат связь как с месторождениями руды и угля, так и с металлопотребляющими промышленными районами.

– Ну, хорошо. Пусть будет Череповец.

За время работы в правительстве Иван Федорович хорошо изучил характер вождя. Знал он, что Иосиф Виссарионович порой отвергал хорошую идею, предложенную кем-то, но проходило какое-то время, и вождь предлагал её от своего имени. Тевосян решил использовать такое свойство характера Хозяина. И стал думать, как сделать так, чтобы мысль о создании новой металлургической базы была сталинской. В союзники он взял Председателя Комитета по Делам Геологии И.И. Малышева.

Ясно, что толстую папку «Материалов…», подготовленную группой Бардина, Сталин читать не станет. Поэтому 40 страниц текста сжали до шести и в виде докладной записки «Об организации металлургического производства на Северо-Западе СССР на базе железных руд Кольского полуострова и каменных углей Печорского бассейна» направили в адрес И.В. Сталина и В.М. Молотова. «Дефицит металла для районов Северо-Запада так велик, – писали наркомы в сопроводительном письме, – что требует для своего покрытия постройки завода мощностью 1,0-1,2 миллиона тонн стали в год… Наиболее благоприятно расположенным в отношении транспортной связи как с месторождениями угля и руды, так и с районами металлопотребления, является район города Череповец». О Свири и намёка не было. Заканчивалось письмо характерной для того времени припиской: «С тов. Берия согласована передача этого строительства Народному Комиссариату Внутренних Дел». Лаврентия Павловича Тевосяну было не

обойти. Ведая органами внутренних дел, Берия постепенно стал охватывать и ряд народнохозяйственных задач, год от года более крупных. Ни одно большое строительство в стране уже не обходилось без его участия. Распоряжаясь ГУЛАГом (Главным управлением лагерей), он сосредоточил на ударных сталинских стройках неисчислимую армию заключенных, которые были тогда главной движущей силой индустриализации.

…20 июня 1940 года. Кабинет наркома чёрной металлургии СССР. Идёт оперативное совещание. Неожиданно зазвонила кремлёвская вертушка. Тевосян взял трубку, сказал:

– Сейчас еду. – И объяснил сослуживцам: – Вызывает товарищ Сталин. По возвращении я вас приглашу.

В наркомат Тевосян вернулся с постановлением ЦК ВКП(б) и Совнаркома Союза ССР о строительстве металлургического завода в Череповце. Иван Федорович собрал всех сотрудников и подробно рассказал о том, что происходило в Кремле.

В кабинете вождя уже находились Председатель Совета Народных Комиссаров СССР В.М. Молотов, Председатель Комитета по Делам геологии при Совнаркоме СССР И.И. Малышев и Народный Комиссар Внутренних Дел Л.П. Берия. Сталин поздоровался с Тевосяном и начал беседу:

– Тут вот товарищ Малышев доложил нам о том, что геологи открыли на Кольском полуострове крупные месторождения хороших руд. Теперь, когда уже разрабатываются в Печорском бассейне коксующиеся угли, можно принимать решение о строительстве на их базе металлургического завода. Металл необходим Ленинграду и другим промышленным городам в этом районе. Как думаешь, Иван Федорович?

– Очень своевременное решение, товарищ Сталин, – ответил Тевосян.

…Сталин неторопливо прохаживался по кабинету. После репрессивной вакханалии 1937-1938 годов ЕГО власть достигла своего апогея, и ОН перестал считаться с окружением, часто принимал решения единолично или составом так называемого «малого Политбюро»: ОН, Молотов и Берия. ОН знал, что за глаза ЕГО называют Хозяином. И это ЕМУ нравилось. Неплохо быть единоличным Хозяином огромной страны.

Нередко Сталин разыгрывал спектакли, в которых выступал и сценаристом, и режиссером-постановщиком, и главным действующим лицом. И в нашем случае аналитический ум Сталина сразу оценил оригинальность на первый взгляд сумасбродной идеи: строить металлургический завод не по шаблону – «на руде» или

«на угле», а в точке, расположенной сравнительно неподалеку от индустриальных центров. Только так можно получить северный металл. ОН сделал вид, будто вовсе не знаком с содержанием докладной записки, которую ЕМУ прислали Тевосян и Малышев, и что решение проблемы северо-западной металлургии родилось в ЕГО голове только что.

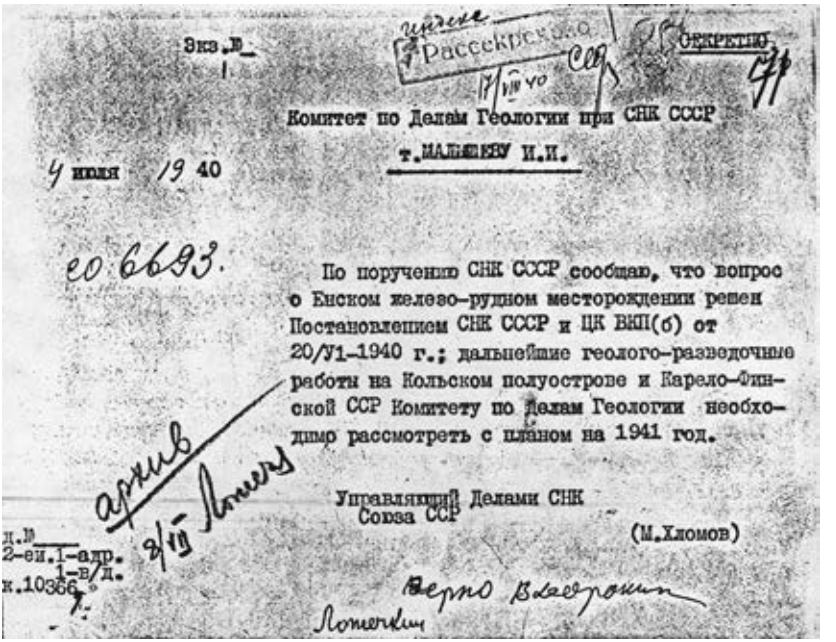
…Сталин раскурил трубку и продолжил:

– Ну что же. Теперь давайте подумаем, где расположить завод. В Заполярье? Там вечная мерзлота, суровый климат, месторождения оторваны от крупных индустриальных городов. По-моему, надо строить в районе с более благоприятным климатом и не очень отдалённом от металлопотребляющих городов. Так, товарищ Тевосян?

– Совершенно с Вами согласен, товарищ Сталин, – подтвердил Тевосян.

Подойдя к карте Советского Союза, Иосиф Виссарионович отыскал неподалеку от Вологды небольшой кружок и, обращаясь к Молотову, сказал:

– Вячеслав Михайлович! Мы с тобой были в ссылке в Вологодской губернии и хорошо знаем эти места. Пожалуй, лучше все-



Экз.№ 1

Рассекречено

СЕКРЕТНО

Комитет по Делам Геологии при СНК СССР

т.МАЛЫШЕВУ И.И.

4 июля 1940

со 6693.

По поручению СНК СССР сообщаю, что вопрос о Енском железо-рудном месторождении решен Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 20/VI-1940 г.; дальнейшие геолого-разведочные работы на Кольском полуострове и Карело-Финской ССР Комитету по Делам Геологии необходимо рассмотреть с планом на 1941 год.

Управляющий Делами СНК Союза ССР

(М.Хломов)

архив

Верно

го расположить завод в районе города Череповец.

– Гениальная мысль, товарищ Сталин, – с готовностью поддержал вождя Молотов. – В центре мощный транспортный узел, а вокруг крупные промышленные города: Москва, Ленинград, Архангельск, Горький, Ярославль, куда пойдет металл. Гениально!

20 июня 1940 года И.В. Сталин и В.М. Молотов подписали постановление «Об организации металлургической базы на Северо-Западе СССР»

Берия, Малышев и Тевосян тоже стали дружно одобрять выбор Иосифом Виссарионовичем Череповца.

Сталину было приятно, что участники нынешней премьеры ахают и восторгаются ЕГО мудростью и прозорливостью. Вот назвал ОН Череповец, но с таким же успехом мог назвать Вологду и Сольвычегодск, где в 1909-1911 годах отбывал ссылку! Уверен, что ни Молотов, ни Тевосян, ни Малышев не стали бы перечить. Кто мог возразить, так это Киров. Как нелегко было в тридцать третьем уйти от разговора о «большой металлургии» для Ленинграда! Теперь другое дело. Кирова нет, а остальных членов Политбюро и наркомов можно не брать во внимание. Через минуту разойдутся они по своим кабинетам, и придет в движение маховик Системы, рождённой и выпестованной ИМ, Сталиным. Отрадно сознавать, что без ЕГО указаний ничто в этой огромной стране не сдвинется с места!

Продемонстрировав свою мудрость, Сталин вызвал стенографистку.

– Думаю, что мы поступим правильно, если немедленно примем соответствующее постановление. Сформулируем так: «Об организации металлургической базы на Северо-Западе СССР».

Сталин остановился за спиной девушки, помедлив немного, указал ей:

– В правом углу добавьте: «секретно». – И пояснил: – Не надо огласки. Зачем дразнить Адольфа Гитлера сооружением стратегического объекта? У нас с ним договор о дружбе.

Вновь бесшумно зашагал по кабинету, продолжая диктовать:

– Предрешить вопрос о постройке металлургического завода в районе города Череповец… Обязать Народный Комиссариат

чёрной металлургии СССР в месячный срок выбрать площадку для строительства завода и приступить к его проектированию. Есть замечания по этим пунктам, товарищ Тевосян? Замечаний нет. Теперь о строительстве. Постройку завода поручим товарищу Берия. В хозяйстве Лаврентия Павловича найдутся специалисты на все руки. Что скажешь, Лаврентий Павлович?

– Найдутся, товарищ Сталин, сколько угодно, – ответил Народный Комиссар внутренних дел.

Другого ответа Иосиф Виссарионович не ожидал.

Вот так Иосиф Виссарионович Сталин решил проблему, над которой бились лучшие умы России не одну сотню лет. Скоро, очень скоро товарищ Сталин претворит в жизнь то, о чем только мечтали Пётр Великий и вожак питерских большевиков Киров. Товарищ Сталин насытит машиностроение и оборонную промышленность Северо-Запада собственным металлом…

«С КОМПРИВЕТОМ, КУЗЯКИН…»

Десятки машиностроительных заводов, проектных, академических и научно-исследовательских институтов были вовлечены в 1940 году во внеочередную сталинскую стройку – металлургического завода в Череповце. В срочном порядке НКВД создаёт новые «лаги» – исправительно-трудовые лагеря: «Кольсклаг», «Печоралаг», «Череповецлаг».

На череповецкий вокзал один за другим прибывают товарняки с заключёнными. Среди них – «принудиловцы» (граждане, осуждённые к принудительной работе за небольшие преступления) и «враги народа» (осуждённые за антисоветскую деятельность). Для исправительно-трудового лагеря отвели место в районе деревни Богородское. Первым делом территорию «Череповецлага» обнесли колючей проволокой, установили вышку для охраны. В бывшей церкви Рождества Христова смастерили в несколько ярусов нары, рядом установили пятнадцать брезентовых палаток и приступили к строительству бараков. По улице Труда, 58 расположилось управление строящегося Череповецкого металлургического комбината (до войны в состав комбината входили Череповецкий металлургический завод и рудники Енского и Заимандровского месторождений).

Уполномоченным Народного Комиссариата чёрной металлургии СССР по строительству комбината был назначен Николай Петрович Кузякин. Рано познал труд Николай Кузякин. Пас кулац-

ких коров, был «мальчиком на побегушках» у толстосума, работал чернорабочим, токарем, столяром, кочегаром на колёсном пароходе. В 1929 году по призыву ЦК ВКП(б) он едет в приуральскую степь на строительство Магнитогорского металлургического комбината. Закончила бригада Кузякина рытьё котлована под фундамент первой домны, и направили его в Златоуст, там тоже началось строительство металлургического завода. Стал Николай Петрович заместителем начальника строительства. А стране-новостройке нужны были опытные руководящие кадры и его посылают в Москву, где он становится слушателем Всесоюзной промышленной академии имени И.В. Сталина. Летом 1940 года защитил диплом и получил направление в Череповец.

В горсовете Николая Кузякина встретили восторженно, узнав, что приехал он возводить металлургический завод.

– Будем возрождать былую славу железнопольских металлургов! – Радостно сказал, пожимая руку, Алексей Тимофеевич Смирнов, председатель горсовета.

– Как это – возрождать? – удивился Николай Петрович.

– Так ведь в окрестностях Череповца с незапамятных времён занимались железным промыслом.

– Откуда ж железную руду брали?

– В здешних болотах, – пояснил Алексей Тимофеевич, и продолжил экскурс в историю. – Местность между Череповцом, Устюжной и Белым озером так и называлась – «Железное поле». Не

Заключенные «Череповецлага» на строительстве бараков. 1941 г.

Николай Иванович Коробов

было такой деревни где бы не добывали руду-ржавицу, из которой в примитивных домницах выплавляли тысячи пудов железа для хозяйственных нужд и военного дела. Железнопольским оружием сражались войска Дмитрия Донского на поле Куликовом, при Иване Грозном отливались пушки-волоконейки, ковались стрелы, копья, мечи. А при Петре I здесь были государственные заводы, где лили пушки и ядра, бомбы и ручные гранаты, ковали якоря и корабельные цепи для войны со шведами. Слава об устюженских, уломских и череповецких ковалях разносилась по всей Руси.

– Очень интересно. Но сегодня на болотных рудах завода не построить, их хватило бы всего на несколько дней. Иные времена, иные масштабы. Поэтому и решено строить завод на базе минерального сырья. А местом для его возведения ваш город выбран неслучайно: у него прекрасное географическое положение. Здесь, на перекрёстке железной дороги и водного пути, в 1943 году встретятся угли Воркуты и руды Кольского полуострова.

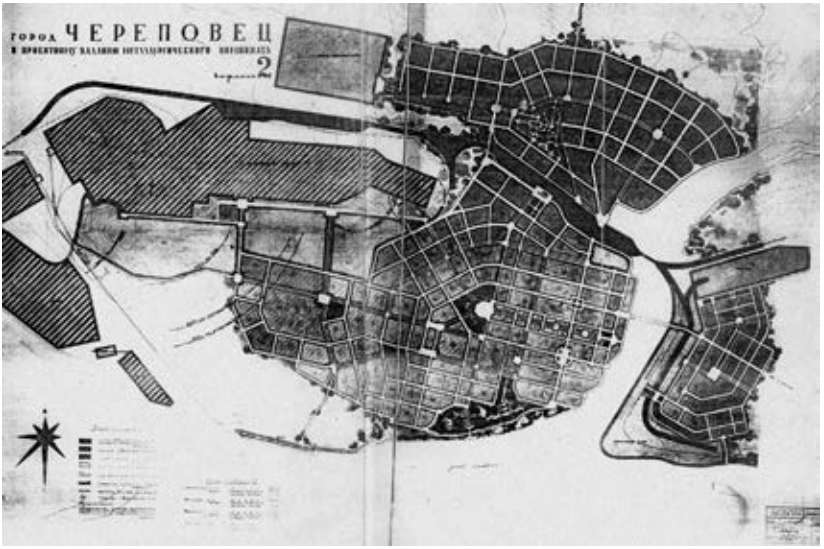
Череповецкая стройка была внеплановой, и это обстоятельство вносило немало затруднений. Мчится Кузякин то в Москву, то в Ленинград, то в Вологду – выбивает финансы и кадры, согласовывает документы на отчуждение колхозных земель, выколачивает лесоматериалы, кирпич, технику. А наркомат всё торопит, требуют от Кузякина разворота действий. Предупредили, что сделают оргвыводы, если уполномоченный не сможет форсировать работу.

В начале августа в город прибыла Правительственная комиссия по выбору промышленной площадки во главе с Николаем Ивановичем Коробовым. Выделили для нее транспорт и работника аппарата, хорошо знавшего окрестности города. И заколесили специалисты НКЧМ, Гипромеза и НКВД по дорогам, лугам и болотинам вокруг Череповца. В целом Череповец устраивал Правительственную комиссию: город располагался на пересечении Северной железной дороги и реки Шексны, входящей в состав Мариинской водной системы. Наличие удобных путей сообщения обеспечит поставку грузов, как в период строительства, так и во

время эксплуатации завода, а строящееся Рыбинское водохранилище будет надёжным источником водоснабжения. На основании изученных картографических материалов, визуального изучения местности, консультаций со специалистами проектных организаций члены комиссии пришли к выводу, что наилучшим местом для промышленной площадки будет территория между железнодорожной линией и рекой Шексной.

На этом участке были обследованы три точки: к востоку от Череповца – в районе Макаринской рощи, возле села Ирдоматка и к западу от города – неподалеку от деревни Кичино. Учитывалось всё: удобство осуществления связи завода с железной дорогой и пристанью, грунты, расположение города относительно течения реки и розы ветров. Первые две площадки отвергли сразу, так как завод располагался бы выше по течению реки, что вызывало опасность загрязнения Шексны производственными водами. Из всех осмотренных площадок оптимальной оказалась третья – в районе Кичино. Устраивала она тем, что город оставался в стороне от господствующих южных и юго-западных ветров, и в то же время сохранялась с ним хорошая транспортная связь. Трудящиеся за 30-40 минут могли добраться от места жительства до работы.

12 августа 1940 года в Череповец пожаловал главный инженер проекта М.Б. Лившиц. Собрали депутатов городского и рай-



онного советов на экстренное заседание, и проголосовали они единогласно за целесообразность отвода под строительную площадку 400 гектаров земли в пределах территории, ограниченной с севера Северной железной дорогой, с востока – границей города, с юга – рекой Шексной и с запада – рекой Коштой. То есть, той самой площадки, на которой сегодня стоит Череповецкий металлургический комбинат – ключевое предприятие международной сталелитейной компании «Северсталь».

Хозяйство у Кузякина огромное. Подсчитать бы на досуге сколько Бельгий или Голландий в нем уместится! Ведь будущий металлургический комбинат – это и завод в Череповце, а также кольские и мурманские рудники, до которых полторы тысячи километров. Хорошо хоть, что шахты находятся в ведении ГУЛАГа. Финансирование изыскательских и проектных работ, контроль за ходом строительства объектов в Череповце и на Кольском полуострове – все это должен осуществлять Николай Петрович Кузякин.

Заместителем Кузякина стал бывший командир полка, инженер-строитель Сергей Густавович Русс, старшим инженером проектного отдела – Владимир Владимирович Ольшанский (в 1952 году он вновь приедет в Череповец и станет инженером в дирекции С.И. Резникова). Начальником особого отдела стал знаменитый череповецкий чекист, гроза бандитов и контрреволюционеров Лука Семенович Наседкин, чьим именем названа одна из улиц города.

Управление постепенно становилось на ноги, потребовался обслуживающий персонал. И 15 декабря Лука Семенович отправляет в редакцию городской газеты «Коммунист» объявление следующего содержания: «Управлению Череповецкого металлургического комбината НКЧМ требуются на постоянную работу истопник, курьер-уборщица и секретарь-машинистка. С предложением обращаться: ул. Труда, 58». Впрочем, такой текст значился лишь в заявке, а в окончательном варианте первые пять слов «исчезли»: строящийся объект уже был засекречен, и все документы о создании ЧМК сопровождались указанием «оглашению не подлежит». Попытался было Лука Семенович затребовать из Москвы копию правительственного постановления по строительству Череповецкого комбината, но получил отказ. Ему разъяснили, что «указанное постановление является секретным, потому что содержит ряд данных, составляющих государственную тайну».

Что значит вести внеплановую стройку, в полной мере узнали и в Комитете по Делам геологии, и в Гипромезе, и в Академии наук, и в Наркомате чёрной металлургии. Во всех этих структурах царила напряжённая обстановка. Приходилось откладывать чей-то проект в сторону, чтобы заняться череповецким, переадресовывать в Череповец с других объектов оборудование и механизмы, в ускоренном ритме вести лабораторные и промышленные испытания железной руды и каменного угля. Все помнили – за важной стройкой незримо стоит САМ товарищ Сталин.

«Усилить фронт работ», «подтянуть тылы», «обеспечить форсированное развитие». Эти армейские термины звучали тогда на многих совещаниях по Череповцу.

24 сентября Народный Комиссар черной металлургии СССР И.Т. Тевосян провел заседание коллегии Наркомата чёрной металлургии. В её работе кроме управленцев НКЧМ принимали участие представители Гипромеза, ГУЛАГа НКВД, Института Механобр, Комитета по Делам геологии. Рассматривался вопрос о ходе выполнения постановления партии и правительства по строительству новых заводов, в том числе и череповецкого. Один за другим выступают участники совещания. Почти во всех выступлениях звучат: «не выполнено», «сорвано», «не смогли сделать». Подвел итог совещания Тевосян:

– К сожалению, многие не почувствовали серьёзность задания по строительству Череповецкого завода и его рудной базы. На днях меня вызывал товарищ Сталин специально по вопросу полезных ископаемых Кольского полуострова, просил работы по Ене и Заимандре форсировать. Надо в срочном порядке перебросить туда станки с других месторождений. Что касается Гипромеза. Здесь следует собрать весь цвет науки. Чтобы всё прогрессивное, что используется в отечественных и зарубежных проектах, было на наших новостройках. А мы так и не узнали, какова ваша техническая политика, товарищ Антонов. Какой тип блюминга, какой прокатный стан, мартен покажут себя лучше в работе? Какой вариант дешевле? Какая компановка цехов на Череповецком заводе наиболее подходящая? Неужто, так и будем ездить в Европу и Америку за опытом, приглашать иностранцев в качестве руководителей проектов? Мы должны сами вершить техническую политику! Самим проектировать, всё оборудование делать своими руками!

Декабрь 1940 года. Николай Кузякин только что вернулся из Вологды с пленума областного комитета ВКП(б) и был под впечатлением доклада секретаря обкома П.Т. Комарова. Его переполня-

ла радость, что он станет участником огромных преобразований, которые ждут Вологодчину: сооружение Волго-Балтийского и Северо-Двинского водных путей, электростанции на реке Сухоне и металлургического гиганта в Череповце. «Мы становимся такой областью, которая займет важнейшее место в экономике нашей страны, – говорил секретарь обкома. – Открывается новая страница Вологодской области. Она будет не только лесной, но и металлической!»

Кузякин достал топографическую карту пригорода Череповца, на которой Коробов набросал схему промышленной площадки намеченного к строительству металлургического завода. На ней должны разместиться домны и мартены, коксовые батареи и прокатные станы. А чтобы они заработали, тысячи заключенных брошены на строительство железнодорожных магистралей, шахт, рудников и карьеров. Придет время, и печорский уголь превратит их в металл, так необходимый Ленинграду. Но кроме схемы промышленной площадки пока ничего нет: ни проектов, ни рудников, ни шахт, ни железных дорог…

В канун нового, 1941-го, года на совместном совещании при Народном Комиссаре чёрной металлургии СССР и Председателе Комитета по Делам геологии был рассмотрен вопрос «О состоянии геологоразведочных работ и проектировании комплекса Череповецкого металлургического завода». Геологам было рекомендовано форсировать разведку промышленных запасов, а исследователям ускорить проведение лабораторных и заводских испытаний. С этой целью принято решение: ГУЛАГу НКВД, при техническом руководстве «Механобра» и Комитета по Делам геологии, отобрать 2000 тонн оленегорской руды и отгрузить её к 1 мая 1941 года на Гораблагодатскую фабрику для промышленных испытаний.

В адрес уполномоченного по строительству ЧМК Н.П. Кузякина летит телеграфное распоряжение заместителя Наркома чёрной металлургии СССР Д.Я. Райзера: «Немедленно выехать на станцию Оленья Кировской железной дороги и личным участием обеспечить отбор и отгрузку руды до наступления оттепели».

И рубит Николай Кузякин вместе с зэками просеки, прокладывает дороги, взрывает скальные породы, роет шурфы и канавы. И шлёт в Москву докладные записки и письма:

«9 марта. Прибыл на ст. Оленья. В этот же день провёл совещание. Разработали план организационных работ…»

«10 марта. Приступили к разбивке участков, наметили пятикилометровую трассу автодороги. Работает 270 человек, из них на руднике 170, на устройстве дороги 100…»

«11 марта. Дня через два-три будет подготовлена канава для взятия пробы, но нет буровой стали. Прошу содействия. Стоят сильные морозы (-40 градусов). Пишу письмо в землянке, где температура 6 градусов…»

«14 марта. Две канавы подготовлены для бурения. Но я до сих пор не получил буровую сталь…»

«20 марта. Считаю своим долгом ещё раз напомнить, что скоро начнётся снеготаяние, и если мы не возьмём пробы сейчас, вся работа по вывозке 2000 тонн руды может пропасть. Срочно нужна буровая сталь! Прошу принять самые энергичные меры.

С комприветом, Кузякин…»

«Энергичные меры» в Москве приняли весьма своеобразные: 22 марта 1941 года И.Т. Тевосян подписал приказ об освобождении Н.П. Кузякина от обязанности уполномоченного НКЧМ по строительству завода и назначении А.И. Мурзова директором новостроящегося Череповецкого металлургического комбината. Что послужило причиной? Скорее всего, записка проверяющего из наркомата, отметившего в отчете о двухнедельной командировке в Череповец, что руководство управления ЧМК «не сумело обеспечить охват всего сложного комплекса вопросов проектирования и строительства, не поняло своей роли внимательно следить за положением дел по разведке, проектированию и сигнализировать обо всех ненормальностях».

Видимо, «ненормальностей» на череповецкой стройке хватало.

13 мая 1941 года Николай Петрович Кузякин прощается с сотрудниками, отбывает в Москву и след его теряется…

Александр Иванович Мурзов родился в многодетной семье в 1907 году. Потому и трудиться рано начал. Работал на нефтяных промыслах слесарем по ремонту двигателей. Но хотелось трудиться на крупных заводах, подчинять механизмы разуму и воле. Окончил в 1932 году Томский технологический институт и с дипломом инженера-металлурга вместе с женой прибыл на строящийся Кузнецкий комбинат. Жили в огромной брезентовой палатке, а морозы стояли под 50 градусов! Но на условия не жаловались. Разве можно думать о собственных лишениях, когда вершилась гигантская задача индустриализации!

Пустили блюминг, приступили к рытью котлована под рельсобалочный цех. Вскоре Мурзова назначили начальником смены этого цеха. И вот наступил знаменательный день – 24 декабря 1932 года. Его комсомольско-молодежной бригаде выпала честь прокатать первые сибирские рельсы. Волнующее событие!

Потом Александра Ивановича командировали в калибровочное бюро, прикрепили к американскому специалисту мистеру Брауну, представителю фирмы, по проекту которой велось сооружение комбината. «Я должен был освоить профессию калибровщика, – рассказывал Мурзов. – Как-то раз мистер Браун говорит: «Вы собираетесь досрочно вывести на проектную мощность все агрегаты. Ничего у вас не получится. У нас есть опытные кадры, знание техники и технологии и то – годы уходят на освоение. А вы кого набрали? Лапотников. И хотите за полгода в дикой Сибири наладить производство металла?» Действительно, опыта у нас не было никакого, но зато был энтузиазм, было огромное желание вырвать страну из дремучей отсталости. И мы вгрызались в науку, присматривались к действиям американских инженеров, шлифовали свои знания.

Здание управления новостроящегося Череповецкого металлургического завода.
1940-1941 гг.

В получении технических знаний нам, молодым специалистам, много помогал главный инженер комбината Иван Павлович Бардин. У него была своеобразная манера обучения. Бывало, зайдет на стан и подзывает: «Иди-ка сюда, Мурзов». Он по имени-отчеству нас не называл. Подойдешь, а Иван Павлович какой-нибудь каверзный вопрос задаст и смотрит, как ты выкручиваешься из положения. Я даже обижаться стал, старался поменьше ему на глаза показываться. А начальник цеха говорит: «Это он натаскивает вас, молодых. Проверяет, на своем ли месте находится специалист».

Александр Иванович Мурзов

Как-то после совещания в центральной заводской лаборатории Бардин оставил меня одного, достал из портфеля несколько брошюр: «Посмотри, Мурзов, на досуге. Потом доложишь, как понял, что можно и нам взять на вооружение». – И передал мне материалы по прокатным станам американского завода «Гери», в то время бывшего, пожалуй, самым передовым в мире. Спустя некоторое время я высказал Ивану Павловичу свои соображения.

Такая учеба продолжалась и тогда, когда я стал обер-мастером, и потом, уже в должности начальника цеха. В общем, приучал нас главный инженер, ставший действительным членом Академии наук, к серьёзному изучению передовой техники и технологии, умению следить за новинками литературы, разбираться во всех тонкостях инженерной мысли».

А потом неожиданно вызвали Александра Ивановича в Новосибирск, в обком партии, и сказали, что «есть мнение» направить его на партийную работу в качестве первого секретаря Киселевского горкома ВКП(б). Пришлось подчиниться партийной дисциплине…

Секретарь горкома партии – первое лицо в городе, он – один из «тройки», (вместе с начальником НКВД и прокурором), подписывающей «расстрельные» списки. И это Мурзова тяготило, очень хотелось вернуться на производство, и он написал письмо члену ЦК ВКП(б), Народному Комиссару черной металлургии СССР И.Т. Тевосяну о своем сокровенном желании: «Прошу оказать содействие снова работать в металлургии. Доверие партии и лично Ваше я оправдаю, как оправдывал раньше на любой работе».

В середине марта 1941 года пришёл вызов из Москвы. Нарком Тевосяна предложил ему должность директора новостроящегося Череповецкого металлургического завода. «Металлургический завод на Северо-Западе очень необходим для народного хозяйства и обороны страны, – сказал Тевосян при встрече. – Уполномоченный наркомата товарищ Кузякин, к сожалению, не оправдал наших надежд. А с другой стороны, и винить его нельзя: стройка сложная, внеплановая, не подкреплена финансированием. Пока и проекта завода нет. Рудники чёрт знает где, железные дороги к шахтам и рудникам только начинаем строить. Руды бедны железом, и пока не знаем, как их обогащать. В общем, вопросов много, но, я уверен, что справитесь. У вас есть опыт хозяйственника и организатора. Вы прошли кузнецкую школу. Со своей стороны, мы обещаем всяческую поддержку. Кстати, о Вас блестяще отзывался академик Бардин.

И вот Мурзов в Череповце, на привокзальной площади. Его сразу же обступили извозчики, предлагая свои услуги. Но Александр Иванович решил пройтись пешком. Солнце уже светило по-весеннему, снег держался только в тени. Скрипели под ногами деревянные тротуары. Вдоль улиц толпились деревянные приземистые домики. Только в центре, на Советском проспекте, горделиво возвышались бывшие купеческие двухэтажные особняки. Ничто пока не говорило о том, что совсем скоро мощный гудок разбудит уютный районный городок, Череповец буквально заново родится и станет крупным индустриальным и культурным центром. А Мурзов, словно наяву, видел широкие улицы, площади, многоэтажные здания. Там – построены цирк, кинотеатр, Дом культуры, там – библиотеки, школы. А вот, постукивая на стыках рельсов, движется по улицам трамвай…

Опыт партийной и хозяйственной работы пригодился А.И. Мурзову. Ежедневные оперативки, четкий план действий, отчеты о проделанной работе дали результат. Несмотря на сложности с финансированием, сделан хороший задел на 1942 год: построены каркасные и рубленые бараки на 4500 человек, баня, столовая, пекарня, гараж на 25 мест, механическая мастерская, начаты работы по строительству деревообрабатывающего завода и железнодорожной ветки. Удалось выбить фонды на грузовики и самосвалы, тракторы и мотовозы, лебёдки и канавокопатели. И, главное, отправлено для промышленных испытаний на Гораблагодатскую фабрику сто вагонов с оленегорской рудой.

Однако, грандиозным планам помешала война. 22 июня 1941 года гитлеровские войска вторглись в пределы Советского Союза.. Из Москвы пришло распоряжение: стройку сворачивать, аппарат дирекции завода и «Череповецлаг» ликвидируются. Построенные объекты приказано привести в состояние сохранности, всю технику направить воинским частям, а гужевой транспорт и конторский инвентарь (12 столов, 25 стульев, 4 канцелярских шкафов, 2 арифмометра и пишущая машинка) передать безвозмездно местному исполкому.

Оборудование, снаряжение, стройматериалы погрузили на платформы и отправили на восток. Опустели и бараки «Череповецлага»: заключённых перебросили на строительство Северо-Печорской железной дороги и на Березину – возводить укрепрайоны.

Мурзов шлёт в Москву свою последнюю телеграмму: «Дирекция свою деятельность закончила». И отбывает за новым назначением.

Вот так и завершилась, не развернувшись по-настоящему, эпопея довоенного строительства Череповецкого металлургического комбината.

ЧЕРЕПОВЕЦ ПРИФРОНТОВОЙ

21 июня 1941 года. В школе имени Максима Горького выпускной вечер. Радостные, счастливые лица выпускников, улыбки, смех, добрые напутствия учителей. В конце торжества директор школы А.А. Смирнов объявил о сюрпризе: ОСВОД дает в распоряжение ребят лодки, и они могут кататься до утра. В радости и веселье время бежит незаметно. Белая ночь… Солнце, только успевшее спрятаться за горизонт, вновь засеребрило своими лучами водную гладь тихой, спокойной реки. Вот и утро, 22 июня 1941 года. Тихо в городе. Уютные домики дремлют под липами. Обманчивая тишина… У западных границ уже рвутся бомбы, утюжат поля танки со свастикой, горят белорусские и украинские хаты…

Война! Пройдёт ещё много-много лет, а мы всё будем вспоминать этот день – наверное, самый страшный в истории нашей Родины…

…По радио звучит речь народного комиссара иностранных дел В.М. Молотова: «Граждане и гражданки Советского Союза! Сегодня, в четыре часа утра, без предъявления каких-либо пре-

тензий к Советскому Союзу, без объявления войны германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы…»

Город неузнаваемо изменился. Суета, тревога. Женщины бегают с кошелками от одной очереди к другой. Мужчин не видно: собираются на призывной пункт. На входных дверях военкомата висит свежий «Приказ о всеобщей мобилизации», рядом часовой с винтовкой.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 года в Вологодской области, как и в ряде других, объявлено военное положение. Бюро областного комитета ВКП(б) приняло постановление «О мероприятиях в связи с нападением на Советский Союз со стороны вооруженных сил фашистской Германии». В директиве обкома партии подчёркивалось: «Над нашей страной нависла серьёзная угроза, которую ещё не осознали очень многие руководители. В дни величайшей опасности для нашей Родины необходимо срочно покончить с благодушным настроением, перестроить всю работу промышленности, транспорта и сельского хозяйства на военный лад».

Началась мобилизация населения в Красную армию. В военкомат, что на Советском проспекте, нескончаемым потоком потянулись мужчины, прибывавшие на барках по Шексне, на грузовых автомашинах, на повозках и пешком. В связи с объявленным военным положением в Вологодской области в Череповце стало формироваться народное ополчение, а также – на базе горотдела НКВД – «истребительные батальоны» для борьбы с вражескими парашютистами и диверсионными группами противника. В конце октября в Череповецкий комитет обороны прибыл командующий военным строительством оборонительных рубежей генерал-лейтенант Царевский и дал указание в кратчайшие сроки построить сеть оборонительных сооружений по левому берегу реки Шексны от Череповца до Крохина.

Все способное к труду население города и района, которое можно было взять без ущерба для дела военного времени, было

отправлено на возведение оборонительных рубежей: противотанковых рвов, траншей, дзотов, огневых точек, надолбов, проволочных заграждений, ходов сообщений. Отправка была организована группами. В составе групп были, в основном, женщины – изможденные, плохо одетые, – но никаких жалоб, ни одного случая уклонения от мобилизации зарегистрировано не было. Все понимали: надо. Девушки, женщины, мальчишки копали глубокие противотанковые рвы, ставили тяжёлые металлические «ежи», наматывали на них колючую проволоку. Это были очень трудоёмкие, требовавшие нечеловеческого напряжения работы. Ели баланду – кипячёную воду, в которую добавлялось немного муки и соли. Работали с утра до ночи, без выходных, от темна до темна.

Народное ополчение завода «Красная Звезда»

Возведение оборонительных рубежей в окрестностях Череповца

Череповец стал прифронтовым городом. Вещи у всех были заранее связаны в узлы, чтобы в случае эвакуации не тратить время на сборы. Пустынно на ночных улицах – хождение без пропусков запрещено. Военные патрули проверяют документы редких прохожих. Длинные очереди за хлебом. С хлебом с первых дней войны в городе стало плохо. Были введены карточки: иждивенцам – 300 граммов хлеба, служащим – 400, рабочим – 500 граммов в день. Хлеб нередко заменяли на обычное зерно, которое распаривали в печке, пропускали через мясорубку и эту кашеобразную массу употребляли в пищу. Жителям, имевшим свои огороды и скот, было легче, чем тем, кто этого не имел. Последним приходилось приобретать продукты на рынке за баснословную цену или ходить по деревням и обменивать вещи и

ПРИКАЗ
О ГАРНИЗОНУ ГОРОДА ЧЕРЕПОВЦА
№ 7
§ 1
ЧЕРЕПОВЕЦ ОБ'ЯВЛЯЮ НА ВОЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ.
§ 2

одежду на мясо, картофель и молочные продукты. На улицах Череповца появились опухшие от голода люди. Население города стало использовать каждый клочок земли под посадку картошки и овощей… Было раскопано буквально всё, даже полосы земли между домами и деревянными тротуарами и канавами были засажены картофелем. Высаживать его рекомендовалось в целях экономии только «глазками». Череповецкий горком ВЛКСМ организовал для населения специальные агротехнические курсы.

В связи с опасностью воздушного нападения все жители города были обязаны строго соблюдать правила местной противовоздушной обороны. Окна полагалось завешивать темными шторами, чтобы с улицы не был виден свет. На стекла, чтобы их не выбило взрывной волной, наклеивали крест-накрест полоски бумаги. При объявлении воздушной тревоги люди прятались в подвалы, в щели, вырытые во дворах для защиты от осколков бомб.

На седьмой месяц войны, 29 июня 1941 года, уроженец деревни Ружбово Череповецкого района Михаил Жуков таранил фашистский бомбардировщик. Самолёт рухнул в Псковское озеро. А младший лейтенант Жуков был удостоен звания Героя Советского Союза. Это был один из первых таранов советской авиации в годы Великой Отечественной войны. Отважный летчик совершил 259 боевых вылетов, погиб в воздушном бою в 1943 году. Летчик-истребитель Михаил Жуков, возвращаясь 24 июня 1941 года с боевого задания, заметил вражеский бомбардировщик. Он нажал на гашетки пулеметов, но выстрелов не последовало – кончились патроны. Времени для размышлений не оставалось. Пилот направил самолет вверх, нагнал вражеского стервятника и, нацелившись, камнем упал на него. Бомбардировщик закачался, окутался дымом и, теряя скорость, начал падать.

В послужном списке об этом сказано кратко: «В воздушном бою тов. Жуков таранил вражеский самолет и загнал его в озеро. Сам же летчик благополучно посадил свой самолет на аэродром».

За этот подвиг М.П. Жукову в июле 1941 года одному из первых в период Великой Отечественной войны присвоили звание Героя Советского Союза. Когда корреспонденты фронтовых газет попросили Жукова рассказать о своем подвиге, он смущенно ответил: «Какой подвиг! Я поступил так, как это сделал бы каждый советский пилот, иначе не мог. Если бы я струсил, немец сбил бы меня и моих товарищей».

Почти ежедневно Жуков участвовал в воздушных боях, на его счету было свыше десяти фашистских стервятников. Вот что писал он матери в конце декабря 1942 года: «Все мои помыслы направлены к одной цели – бить фашистов повсюду, пока последний из них не будет вышвырнут с нашей земли… Я дрался и буду драться, пока сил хватит, пока сердце бьется».

Полная отваги и мужества жизнь пилота оборвалась в бою осенью 1943 года. Имя мастера воздушного тарана Михаила Жукова навсегда останется в памяти народа. Хорошо сказал о нашем прославленном земляке поэт Василий Лебедев-Кумач:

Дойдет легендой славною до внуков,
Как в поединке выше облаков
Наш сокол – вологжанин Жуков
Бросал на землю коршунов-врагов

Тяжёлые первые месяцы войны… Враг на подступах к Смоленску, взят в кольцо Ленинград. Немецкая авиация бомбит Москву, Киев, Севастополь… И вдруг сообщение: пятнадцать краснозвёздных тяжёлых бомбардировщиков в ночь на 8 августа сбросили смертоносный груз на военно-промышленные объекты Берлина! Целый месяц, день за днём, наши самолёты наносили бомбовые удары по логову врага. Авиагруппа в составе 90 бомбардировщиков дальнего действия штурмовала Берлин 19 раз! А командовал воздушными налётами командир морской авиации Балтфлота полковник Е.Н. Преображенский. Особая радость для череповчан: Евгений Николаевич четыре года учился в Череповецком педагогическом техникуме. 13 августа 1941 года Указом Президиума Верховного Совета СССР нашему земляку было присвоено звание Героя Советского Союза.

В ноябре 1941 года по распоряжению Ставки Верховного Главнокомандующего в Череповец были переброшены тяжелые бомбардировщики ТБ-3, чтобы доставлять продовольствие в блокадный Ленинград. Воздушный мост «Череповец – Ленинград»

Летчики Матуринского аэродрома готовятся к боевому вылету

стал единственной ниточкой, связывающей блокадный город с Большой землей. Ежедневно с Матуринского аэродрома отправлялись 17 самолетов с загрузкой каждой машины до 3,5 тонны. На борт ТБ-3 кроме продуктов брали дизельные моторы для танков, артиллерийские орудия, боеприпасы, боевое пополнение для Ленинградского фронта, а обратно везли различное оборудование, тяжелораненых бойцов и командиров, высококвалифицированных рабочих и специалистов. Создание «воздушного моста» не только спасло жизнь тысячам ленинградцев, но и оказало существенное влияние на усиление отпора врагу не только под Ленинградом, но и под Москвой.

На Матуринском аэродроме также базировался 740-й истребительно-авиационный полк, который сопровождал в Ленинград транспортные самолеты, охранял Северную железную дорогу и Мариинскую водную систему от вражеской авиации. Эти стратегические транспортные пути были насыщены огромными потоками военных и гражданских грузов. Немецкая авиация пыталась нарушить этот грузопоток. Только с июля по декабрь 1941 года гитлеровская авиация совершила на железнодорожный участок Тихвин – Череповец 350 налетов. Было сожжено 762 вагона, повреждено почти 14 километров железнодорожных путей. Совершались налеты и на Череповец. Вражеские самолеты пытались сбросить бомбы на нефтеналивные суда, стоящие на рейде, на баржи с беженцами, плывшие по Шексне. Особенно сильный налет был произведен в новогоднюю ночь 1942 года на станцию Череповец и мост через Ягорбу. Самолеты сбросили несколько

250-килограммовых бомб. К счастью, они не взорвались, зато железнодорожные пути от вокзала до моста были словно вспаханы. Прицельному бомбометанию фашистских летчиков мешала противовоздушная оборона города, которая вынуждала фашистские самолеты держаться на большой высоте. Зенитные батареи стояли в городском парке, в сквере учительского института, в порту, на Красноармейской площади. А на месте нынешней телестудии располагалась станция орудийной наводки.

29 декабря 1941 года летчик 148-й истребительной дивизии Череповецко-Вологодского района ПВО Алексей Николаевич Годовиков, поднявшись с Матуринского аэродрома, в воздушном бою сбил первый на территории области вражеский «юнкерс». Обгоревший самолет с крестами и свастикой на крыльях был выставлен на центральной площади в Вологде для всеобщего обозрения. Рядом надпись: «Пикирующий «юнкерс-88», сбит политруком А.Н. Годовиковым в районе станции Суда Северной железной дороги».

7 февраля 1942 года прославленный летчик совершал 170-й боевой вылет. На высоте семи тысячи метров он увидел немецкий истребитель, который держал курс на Тихвин. Годовиков пошел на перехват. Враг попался из опытных. Кончился боекомплект, и Алексей Годовиков принял решение идти на таран. От сильного удара хвост «юнкерса» развалился, и самолет упал недалеко от станции Заборье. Это был последний бой политрука Годовикова.

Ещё 2 июля 1941 года Череповецкий горком партии получил директивное письмо ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР о перестройке работы промышленных предприятий на военный лад.

Михаил Петрович Жуков

Евгений Николаевич Преображенский

Алексей Николаевич Годовиков

Призыв «Все для фронта, все для победы!» для череповчан стал не только патриотическим лозунгом. Эти слова на долгие и страшные четыре года стали для них, как и для всех советских людей, своеобразным заклинанием. На главном заводе города – «Красной звезде» – приступили к освоению опытных образцов минометов, мин, гранат. Потом наладили производство противотанковых ежей, корпусов для авиабомб, автоматных дисков, наборов ключей для самолетов. За первые годы войны было освоено 40 наименований спецпродукции. Ввиду того что многие рабочие и инженерно-технические работники ушли на фронт, коллектив завода перешел на 11-часовой рабочий день. На место ушедших на фронт мужчин к станкам встали их жены. Кто не дотягивался до станка, подтаскивал ящик и, стоя на нём, делал корпуса для снарядов, получая за изнурительный труд 300 граммов хлеба в сутки. На завод вернулись многие квалифицированные рабочие-пенсионеры.

Развернули свою работу и многочисленные артели города. «Артель имени Халтурина» изготовляла лыжи для фронта. Швейная фабрика «1 Мая» шила и ремонтировала для бойцов Красной Армии телогрейки, гимнастерки, брюки, нижнее белье, куртки и многое другое. Артель «Красный ткач» выпускала вязаные рукавицы, носки и чулки, «Металлист» окантовывала армейские повозки и изготавливала санитарные носилки. Хлебокомбинат, кроме хлеба, в большом количестве вырабатывал сухари, значительная часть которых шла на фронт. На водочном заводе начали производить зажигательную жидкость для подрыва танков – «коктейль Молотова». Горкомбинат освоил катавальное производство. Вступивший в действие в 1943 году горпищекомбинат вырабатывал повидло, варенье, плодовые вина.

Из-под Ленинграда в Череповец эвакуировали 132-ые стационарные авиационные мастерские. Вместе с оборудованием прибыли военные с «кубарями» и «ромбиками» в петлицах. На Соборной горке в бывшей котельной и в Воскресенском соборе

разместили самолетный цех, в мастерских лесомеханического техникума – моторный, испытания двигателей проводили на городском стадионе возле парка. Отремонтированные самолёты перевозили по понтонному мосту на аэродром в Матурино. Специально приписанный к аэродрому лётчик-испытатель делал пробные облёты отреставрированных самолётов. После испытания самолёты отгоняли на базовые аэродромы уже фронтовые лётчики.

Трудно приходилось небольшому городку с его слаборазвитой промышленностью. Особенно много было проблем с электроэнергией и водоснабжением. Старый водопровод не отвечал техническим требованиям, а новый еще не был достроен. Не удовлетворяла требованиям времени маломощная дореволюционная электростанция. И часто электричество подавалось только на основные предприятия и учреждения: завод «Красная звезда», хлебозавод, типографию, госпитали. Но, несмотря на это, труженики Череповца выполняли и перевыполняли напряженные планы.

В конце декабря 1942 года было возобновлено строительство Череповецкого глубоководного речного порта. Строительные работы велись в три смены, без выходных дней. К началу

Работницы артели «Красный Октябрь» шьют обувь для армии

навигации 1944 года были построены объекты второй очереди, а полностью строительство порта завершили в победном 1945 году.

В 1944 году выпуск продукции на череповецких предприятиях превзошел довоенный уровень. Такие предприятия, как хлебокомбинат, судоремонтные мастерские, фабрика «Красный ткач» увеличили выпуск продукции по сравнению с 1940 годом в полтора-два раза.

В июле в городе появились первые беженцы из Карело-Финской АССР, Прибалтики, Новгородской и Псковской областей. Потом стали поступать поезда с эвакуированными и ранеными из Ленинграда. Водным путем прибывали на баржах измученные, голодные, больные ленинградцы, чудом вырвавшиеся из блокадного города. Через Череповец проходила единственная артерия, связывавшая город на Неве с остальной частью страны. Большинство прибывающих направляли в близлежащие районы Вологодской области и еще дальше – на Урал, в Сибирь, в Среднюю Азию, Поволжье. Наш город был первым пунктом на пути следования, где эвакуированных принимали, кормили горячим обедом, выдавали сухой паек тем, кто следовал дальше. Работать приходилось по 2-3 смены в сутки.

Начальником эвакопункта с первых дней войны был назначен Павел Евгеньевич Малков – до войны директор школы № 5, преподаватель истории. А 25 сентября 1942 года он был отозван

Эшелон за эшелоном прибывали на станцию «Череповец» поезда с ранеными

В год 70-летия Победы в привокзальном сквере установлен памятник медицинской сестре

горкомом партии на другую работу, и сменил его Александр Батраков. Располагался эвакопункт в доме № 58 по улице Труда, с 21 августа 1941 года – на улице Ленина, в доме № 86-а. Только за июль–декабрь 1941 года через череповецкий эвакопункт прошло 150 880 человек. Раненых привозили машинами, поездами, самолетами и речным транспортом. К концу 1942 года количество эвакуированных стало уменьшаться, и 1 апреля 1943 года в связи с прекращением эвакуации из Ленинграда и других прифронтовых городов и районов эвакопункт был ликвидирован. За время своего существования эвакопункт обслужил 2,5 миллиона человек.

Череповец в 41-м стал городом–госпиталем. Под лазареты горисполком предоставил почти 40 лучших зданий города: школы, больницы, механический техникум, дом культуры. На укомплектование личным составом были мобилизованы лучшие кадры врачей и среднего медицинского персонала. Через их руки прошли многие тысячи раненых, больных, обмороженных, истощенных солдат и офицеров Красной Армии, а также эвакуированных из блокадного Ленинграда. Не жалея сил, трудились в госпиталях медицинские работники Череповца. Работать приходилось день и ночь. Иногда не спали по трое суток. А кроме основной работы, надо было еще разгребать снег, выгружать дрова, носить воду с реки. Многие медицинские работники стали добровольны-

ми донорами, хотя, как и все жители города, жили впроголодь. Ими было сдано для нужд госпиталей 10 тонн крови! Одна только медсестра М.И. Кашина сдала несколько килограммов: она ежемесячно сдавала по 500 граммов крови. И большинство доноров отказывались от денежной компенсации. Все, что им полагалось за сданную кровь, перечисляли в фонд обороны страны на создание танка «Череповецкий донор».

Заботой и вниманием окружили горожане раненых воинов. Горком комсомола для работы среди раненых прикрепил к госпиталям лучших активистов. Комсомольцы читали бойцам газеты и журналы, проводили политинформации, помогали писать письма, выступали с концертами художественной самодеятельности. Активное участие в этом благородном деле принимали кружковцы Дома пионеров и школьники города. В 1941–42 годах учащимися было проведено 344 концерта, 844 лекции и читки. Сотни тысяч раненых получили в череповецких госпиталях помощь, выздоравливали и вновь уходили на фронт. Но немало было и тех, кого спасти не удалось. Около 3 тысяч человек похоронено на городском кладбище Череповца – там, где в год 30-летия Победы в память о них был создан мемориал.

С первых дней войны в стране развернулось движение по сбору средств в фонд обороны. Трудящиеся Череповца и района на строительство танковой колонны «Вологодский колхозник» и авиасоединения «Героическому Ленинграду» внесли свыше 9 миллиардов рублей. Многие учителя отчисляли часть зарплаты на танковую колонну «Народный учитель», пионеры и школьники собирали средства на постройку самолета «Юный истребитель» и двух танков – «Вологодский пионер» и «Таня» (в память Зои Космодемьянской). Кроме того, горожане вложили в государственные займы и по подписке на денежно-вещевую лотерею 33 895 тысяч рублей.

Из Череповца и района на фронтах Великой Отечественной войны воевало 19 300 человек, 7 800 из них не вернулись с полей сражений. 18 череповчан удостоены звания Героя Советского Союза. Память многих наших героев-земляков увековечена в названиях череповецких улиц: Михаила Жукова, Леонида Моченкова, Степана Данилова, партизана Бориса Окинина. Алексей Годовиков – москвич, но его имя носит одна из улиц города.

Главный памятник времен Великой Отечественной войны в Череповце – мемориал боевой славы, расположенный на город-

ском кладбище № 1. Это комплекс памятников монументального искусства, в который входят скульптура воина и рельеф «Вечная скорбь народа» с Вечным огнем. Установлен мемориал на месте братских могил советских воинов, умерших в госпиталях Череповца и граждан, умерших при эвакуации из блокадного Ленинграда. Факел с Вечным огнем был привезен с Марсового поля, капсула с землей – с Пискаревского кладбища города Ленинграда. Ежегодно 9 мая у мемориала проводятся митинги Памяти.

На перекрестке улиц Ленина и Бардина воздвигнут памятник воинам 286-й Ленинградской Краснознаменной стрелковой дивизии. Дивизия выполняла важную задачу: остановить противника, рвущегося к городу на Неве. В течение трех с половиной лет дивизия охраняла «Дорогу жизни», участвовала в прорыве блокады Ленинграда, в изгнании немцев из Новгородской и Ленинградской областей, Карелии. Прошла славный боевой путь, освобождая Польшу и Чехословакию, от берегов Невы до Эльбы. Пять бетонных штыков взметнулись над холмом. Они символизируют пять родов войск, которые в ту пору существовали в Красной Армии. А четыре тропы, которые ведут к мемориалу со стороны улицы Бардина, являются символами четырех лет войны. Разбросанные на подходах к обелиску камни означают фашизм, разбившийся о наше оружие. Народ назвал этот памятник просто: «Штыки». Автор композиции череповецкий архитектор А.А. Лобанов.

Мемориал воинской славы в Череповце

На Красноармейской площади 8 мая 1980 года установлена памятная композиция «Зенитка», посвященная защитникам череповецкого неба – воинам 385-го отдельного зенитного артиллерийского дивизиона противовоздушной обороны.

На добровольные пожертвования в год 45-летия Победы отлита на Череповецком металлургическом заводе и установлена возле школы № 1 скульптурная композиция памяти учителей и выпускников этой школы, погибших в Великой Отечественной войне. В постаменте захоронена капсула с останками неизвестного солдата с «Невского пятачка». Автор композиции заслуженный художник РФ скульптор А.В. Щепелкин.

В год 70-летия Великой Победы по инициативе Череповецкого медицинского колледжа имени Н.М. Амосова в привокзальном сквере был установлен памятник медицинской сестре (скульптор – заслуженный художник РФ Александр Рожников, архитектор – Михаил Тихомиров).

…Медицинская сестра, по авторскому замыслу, – ангел-хранитель, который выводит людей из мира войны к миру милосердия. Сестра держит за руку девочку из блокадного Ленинграда. Девочка успела захватить с собой только куклу, она одета в осеннее пальтишко, на ногах ботинки на три размера больше, оставшиеся от старшего брата, который умер от голода. За девочкой – раненый солдат, готовый в любой момент отправиться в бой, в его глазах – ненависть к врагу. Далее – женщина с чемоданом, бабушка с внуком, мальчик-музыкант. Это все реально прошедшие через Череповец люди, для которых небольшой провинциальный город стал городом Надежд и истинного Милосердия…

Постановлением Межгосударственного Союза Городов-Героев от 1 декабря 2015 года городу Череповцу присвоено почетное международное звание «Город Трудовой Доблести и Славы» – за выдающиеся заслуги перед Отечеством, мужество, массовый трудовой героизм, проявленный жителями в борьбе с фашистскими захватчиками и в ознаменование 70-летия окончания Второй мировой войны.

ДОКТОР СЕРДЕЧНЫХ НАУК

Николай Михайлович Амосов

Имя Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской премии, академика АН УССР Николая Михайловича Амосова широко известно, как у нас в стране, так и далеко за ее пределами. Эту известность Н.М. Амосову снискал не только своей многотрудной врачебной деятельностью на ниве легочной и сердечной хирургии, не только благодаря новаторскому научному поиску в области биологической, медицинской и психологической кибернетики, но и, в значительной степени, как талантливый писатель и публицист.

Родился Николай Михайлович Амосов 6 декабря 1913 года в селе Ольхово, волостном центре Череповецкого уезда Новгородской губернии, расположенном на берегу Шексны, в 25 километров от Череповца. Отец, Михаил Никанорович, участник первой мировой войны, он рано оставил семью, создав другую. Мать, Елизавета Кирилловна, о которой Николай Михайлович отзывался с большой теплотой и любовью («самый идеальный человек, без пятнышка») всю жизнь проработала акушеркой в фельдшерском пункте в Ольхово. «Жили очень скудно: мама не брала подарков от пациенток. Так она и осталась для меня примером на всю жизнь… Бабушка научила молиться, крестьянское хозяйство – работать, а одиночество – читать книги», – вспоминал об этом периоде жизни Амосов.

Окончив начальную школу в родном селе, Коля Амосов в 1926 году поступает в школу № 1 города Череповца. Она была преобразована из гимназии в первую советскую трудовую школу. Учился легко. Очень любил читать. «Учителя были дореволюционной выучки… Любимый предмет – литература, записался в три библиотеки: детскую городскую, взрослую и школьную. Все читал, все знал, учительницы были умные».

После окончания семилетней школы некоторые учащиеся отправляются в Ленинград, где благодаря знаниям, полученным в череповецкой школе № 1, смогли поступить не только в техникумы, но и в институты. Коля Амосов «по причине бедности» вынужден был остаться в Череповце и продолжать образование в

механическом техникуме, куда был зачислен на второй ускоренный курс. Окончив техникум, Амосов стал работать механиком на электростанции при большом лесопильном заводе в Архангельске – новостройке первой пятилетки. Испытывая недостаточность технических знаний, Амосов поступает во Всесоюзный заочный индустриальный институт в Москве, а затем в Архангельский медицинский институт. В Архангельске, на студенческой скамье мединститута, у Амосова родился первый проект искусственного сердца, который в то время посчитали нереальным, даже нелепым. Но аспирантуру Николаю Михайловичу все же предложили, по военно-полевой хирургии. Несмотря на успехи в медицине, Амосов еще не чувствовал, что это его призвание. Все мысли были заняты техникой. В качестве дипломной работы на последнем курсе индустриального института он сконструировал гигантский трансконтинентальный аэроплан с паровым котлом и турбиной. Защитился с блеском, на отлично.

Из-за плохо организованного учебного процесса в 1940 году Амосов оставил аспирантуру, уехал в Череповец и стал работать ординатором хирургического отделения Череповецкой межрайонной больницы. Здесь он сделал свою первую операцию – по удалению аппендицита. Одновременно Амосов преподавал в фельдшерско-акушерской школе.

Потом началась война. Великая Отечественная… Он прошел ее всю, от первого до последнего дня. Николая Михайловича Амосова назначили ведущим врачом полевого подвижного госпиталя (ППГ – 2266). «В этом госпитале и в одной должности я прослужил всю войну с Германией и с Японией. Госпиталь предназначался для работы в полевых условиях, был рассчитан на 200 раненых. Лето и осень 1941 года лечили легкораненых в Сухиничах. В октябре немцы прорвали фронт, и мы отступили за Москву, в город Егорьевск. Там познал первое поражение: умер больной от газовой гангрены в результате моей ошибки. В декабре 41-го началось наше наступление под Москвой. Нам увеличили штат, число коек достигало пятисот. Была очень напряженная работа с тяжелоранеными. Основные проблемы: газовая инфекция (делали ампутации), ранения суставов и переломы бедра – лечили гипсовыми повязками. Было много смертей и тяжелых душевных переживаний. Наш ППГ шел вслед за наступающими войсками. Условия были очень трудные: перегрузка, разрушенные села, работа в палатках, без электричества, плохая эвакуация. Постепенно приспособились: научились сортировать, перевязывать, оперировать, лечить и эвакуировать».

Раненых за войну через руки Амосова прошло больше 40 тысяч. Почти половина – тяжелые и средней тяжести: с повреждением костей, проникающими ранениями груди, живота и черепа. Умерло из них свыше семисот: огромное кладбище, если бы могилы собрать вместе. Да, далеко не всех удавалось спасти. Ведь тогда не было ни современных обезболивающих средств, ни сегодняшних средств лечения. И смертей было бы гораздо больше, если бы не полевой хирург Амосов. Он разработал собственные методы операций, которые помогли возвратить жизнь тысячам раненых солдат и офицеров. «За всю войну мне не довелось быть свидетелем броских, эффектных героических поступков… Но я видел другой, повседневный, ежечасный героизм, видел массовое мужество», – напишет впоследствии Н.М. Амосов. После расформирования армии он лечил больных тифом в лагере японских военнопленных. Хирург полевого госпиталя Амосов награжден орденом Отечественной войны I и II степени, двумя орденами Красной Звезды и четырьмя медалями.

За годы войны Николай Михайлович приобрел огромный опыт, – суровый, кровавый, жестокий. И даже нашел возможность написать свою первую диссертацию.

В 1946 году Амосова демобилизовали. Пригласили в институт Склифосовского заведующим главным операционным корпусом, чтобы он привел в порядок технику. Оперировать ему не предлагали. И потому в феврале 1947 года он уехал в Брянск, там требовался главный хирург. «Хирургом меня сделала война. Но настоящим – Брянск». Вот где пригодился весь его военный опыт: приходилось оперировать желудки, пищеводы, почки. Постепенно он направляет свои знания на борьбу с туберкулезом. Его научные исследования направлены на разработку хирургических методов лечения этого грозного заболевания. Он один из первых проводит операции на легких, что позволяет возвращать в строй десятки больных людей.

В 1949 году Амосов выбрал тему для докторской: «Резекция легких при туберкулезе». Направили в Киев делать доклад на эту тему и демонстрировать технику операции. Доклад понравился, Николая Михайловича пригласили на работу в Киевский НИИ туберкулеза и грудной хирургии. Пришло время прощаться с Брянском. Однако получил письмо из Брянска от своего друга Исаака Асина, патологоанатома: «Не приезжай. Берегись. Тебе угрожают большие неприятности». Как оказалось, на Амосова завели уголовное дело. Будто бы он экспериментировал на больных. За пять лет работы в брянской больнице Амосов сделал 200 резек-

ций легких при раках, нагноениях и туберкулезе. Весь удаленный материал хранился в бочках с формалином. Следователь опечатал бочки, изъял истории болезней и предложил Асину оговорить Амосова, заявить о том, что тот удалял органы здоровым людям. В отделении быстро провели партийное собрание, на которых об убийствах заговорили в открытую. И никто не выступил в защиту Амосова. Позже выяснилось, что муж одной из медсестер, следователь, захотел на Амосове сделать карьеру, раскрыть «преступника-хирурга». Как раз перед тем в Москве по доносу арестовали группу кремлевских «терапевтов-отравителей» во главе с Виноградовым и написали в газетах об их вредительстве. Врач кремлевской больницы получила за свое «стукачество» орден Ленина. Не известно, чем бы это могло закончиться, но 5 марта 1953 года умер Сталин, дело «врачей-отравителей» прикрыли, прекратили и «дело Амосова».

В Киеве с особой полнотой раскрылся талант Н.М. Амосова как хирурга и исследователя, физиолога и инженера, стала особенно плодотворной научная, организаторская, педагогическая и общественная деятельность. В 1955 году он первым на Украине и одним из немногих в СССР начал оперировать на сердце.

Побывав в Мексике на Международном хирургическом конгрессе и увидев аппарат искусственного кровообращения, который позволял делать сложнейшие операции на сердце, Николай Михайлович загорелся сделать для своей клиники такой же. Вернувшись в Киев, он засел на эскизы аппарата. Вспомнил, сто он – все-таки дипломированный инженер и когда-то конструировал огромный самолет. За неделю сделал чертеж, за два месяца изготовили аппарат. В начале 1958 года уже пробовал выключать сердце на собаке, а в конце года рискнули перейти на человека. Только третий больной перенес операцию. Шел апрель 1960 года. С тех пор в его клинике с помощью аппарата искусственного кровообращения начали регулярно делать операции больным с врожденным пороком сердца и другой патологией.

В 1960 году Амосов основал и возглавил отдел биологической кибернетики Академии наук УССР. Как-то ученый сказал, что только через кибернетику видятся перспективы науки. Болезнь, по его мнению, не что иное, как нарушение программы организма под воздействием биологических, физиологических, психологических и других факторов. И главную задачу медицины будущего Амосов видит в нахождении путей искусственного регулирования организма, приведения его в соответствие с природной программой.

В 1961 году Н.М. Амосов был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР, вместе с группой хирургов Москвы, Ленинграда, Тбилиси за разработку и внедрение в широкую медицинскую практику оригинальных методов заболевания легких, Николай Михайлович удостоен звания лауреата Ленинской премии и был награжден орденом Ленина.

В 1963 году Амосов первым в Советском Союзе произвел протезирование митрального клапана сердца, в 1965 году создал и впервые в мире (одновременно с американцем Старром) внедрил в практику антитромботические протезы сердечных клапанов. Работы Николая Михайловича по хирургическому лечению болезни сердца отмечены двумя золотыми и одной серебряной медалью на ВДНХ СССР, а также Государственной премией УССР.

В 1975 году клиника сердечно-сосудистой хирургии была расширена, а в 1983 году на ее базе был создан Институт сердечно-сосудистой хирургии, кроме хирургических обязанностей, он исполняет и директорские.

1986-й год. У Амосова высокое давление и почти постоянно болит голова. По утрам давление 200, а вечером – все 220, частота пульса опустилась до 34 ударов в минуту. Необходимость в кардиостимуляторе стала очевидной. 14 января в Каунасе Амосову вшивают стимулятор, и качество жизни улучшается. Можно даже бегать. Амосов по-прежнему продолжает ежедневно выполнять свои 1000 движений и два километра бега трусцой.

В 1988 году Н.М. Амосов добровольно оставляет пост директора Института, в котором проработал 36 лет и где сделано 56 тысяч операций на сердце. В 1992 году он принимает тяжелое для себя решение: расстаться с хирургической практикой – не хочет подвергать больных опасности, все-таки возраст. «Я бросил оперировать. Не потому, конечно, что у меня руки не в порядке. Не прилично хирургу в таком возрасте делать сложнейшие сердечные операции. Вот умрет человек на операционном столе, может быть, и не по моей вине, а скажут: «Ах, черт возьми, и зачем старик взялся за такое дело». Тем более неприлично, что эти операции отлично, не хуже меня делают мои бывшие помощники».

6 декабря 1993 года Николаю Михайловичу Амосову исполнилось 80 лет. Поздравить своего знаменитого земляка приехала большая делегация из Череповца: педагоги школы № 1 во главе с З.А. Зверевой, научный сотрудник Череповецкого музейного объединения, врачи городской больницы, фотокорреспондент газеты «Череповецкий металлург Ю.А. Кашин. «Мы долго думали над тем, что подарить Николаю Михайловичу, – рассказывала Зоя Александровна. – И решили в качестве презента вручить академику фотоальбом, в который вошли фотографии его детства, юности, учебы и работы на земле Вологодской. А еще – преподнести дары северного края: в берестяном лукошке – сухие белые грибы, клюкву, чернику, морошку, бруснику; в бочонке – «вологодское» масло; эмалированный рыбацкий набор, сделанный на ЧМК, с надписью: «С любовью и признательностью». Принимая наши дары, Николай Михайлович так расчувствовался, что прослезился. Он все повторял и повторял: «Спасибо, черепане!» А уже потом, в письме, высказался поподробнее: «Я был чрезвычайно тронут приездом черепан на мой юбилей. Это было самое приятное из всех поздравлений. Все эти трогательные подарки, при моем отрицательном к ним отношении (т.е. ко всем подаркам, не вашим), меня просто обезоружили. Я думал, что таких людей уже нет на свете. Украина меня любит, не отрицаю, но народ здесь другой, и родиной я считаю только север России, особенно после распада Союза. Был бы помоложе – уехал бы… Но поезд уже ушел!»

Работу хирурга и ученого Николай Михайлович сочетал с общественной и политической деятельностью. Он был членом Международной ассоциации хирургов, Международного общества медицинской кибернетики, членом редколлегий и редакционных советов ряда отечественных и зарубежных журналов, являлся членом Советского комитета «За европейскую безопасность», депутатом Верховного Совета СССР четырех созывов.

Была у Н.М. Амосова еще одна сфера деятельности – писательская. Литературная известность пришла к профессору Амосову сразу же после выхода в свет его первого произведения – повести «Мысли и сердце». Как он стал писателем?

«Однажды осенью 1962 года, после смерти при операции больной девочки, было очень скверно на душе, – вспоминал Н.М. Амосов. – Хотелось напиться и кому-нибудь пожаловаться. Сначала напился, а на другой день сел писать. Так родился «Первый день» из будущей книги «Мысли и сердце». Долго правил рукопись. Выжидал. Сомневался. Через месяц прочитал приятелю, потом другу – хирургу, еще кому-то. Всем очень нравилось. К концу 1963 года написал всю книгу». В августе 1964 года повесть была опубликована на страницах киевского журнала «Радуга». Затем ее перепечатали «Наука и жизнь», «Роман-газета». Повесть «Мысли и сердце» выдержала несколько книжных изданий, достигла семимиллионного тиража, вызвала большой интерес за рубежом. Она вышла чуть ли не во всех европейских странах, в Японии, дважды в США. А потом последовали «Записки из будущего», «ППГ-2266 – записки военного хирурга», «Раздумья о здоровье», «Книга о счастье и несчастьях», «Голоса времен».

…80-летний юбиляр продолжает над собой эксперимент по омоложению организма и борьбе со старостью. Он принимает парадоксальное решение: вместо уменьшения физических нагрузок увеличивает их с 1000 – в три раза! Три тысячи движений, причем половина из них с гантелями, плюс пять километров бега! В первые же полгода он омолодился лет на десять, стал себя лучше чувствовать, давление нормализовалось.

Прошло еще три года. Организм начал давать сбои: появилась одышка, стенокардия, стало ясно, что порок сердца прогрессирует. Бегать Николай Михайлович уже не мог, гантели отставил, гимнастику сократил. Но по-прежнему его дух не сломлен. Борьба за долголетие продолжается. Профессор Кёрфер из Германии взялся прооперировать Амосова. Был вшит искусственный клапан и наложено два аортокоронарных шунта. Казалось, какая тут может быть нагрузка. Но академик продолжает эксперимент над собой. Сначала легкая гимнастика, потом 1000 движений, а затем и вся нагрузка в полном объеме. И так изо дня в день.

Прожив активно 89 лет, он этим самым доказал, что человек может не только замедлить старение, но даже победить такую суровую болезнь, как порок сердца.

Жизнь Николая Михайловича Амосова оборвалась 13 декабря 2002 года, от повторного инфаркта миокарда.

В предисловии к книге «Энциклопедия Амосова» академик писал: «Прошла жизнь. Что в ней было самым главным? Наверное, хирургия. Она была моим страданием и счастьем. Если бы можно жить сначала, я выбрал бы то же самое: хирургию и в дополнение – мудрствование «над вечными вопросами» человечества: истина, разум, человек, общество, будущее человечества».

«ЗА ЭТОЙ СТРОЙКОЙ ЗОРКО СЛЕДИТ ВОЖДЬ И УЧИТЕЛЬ…»

СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР

30 декабря 1947 года, когда страна еще лежала в развалинах минувшей войны, И.В. Сталин подписал постановление, которым предлагалось «возобновить предусмотренное Постановлением Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 20 июня 1940 года № 1066-417 С (С – означает «секретно») строительство Череповецкого металлургического завода на базе железорудных месторождений Кольского полуострова и углей Печорского бассейна».

В самые жесткие сроки предстояло организовать добычу и обогащение кольских руд, построить новые и расширить действующие угольные шахты в далекой Воркуте, реконструировать железные дороги и Мариинскую водную систему и многое другое.

4 октября 1948 года Совет Министров СССР принимает еще одно постановление по Череповцу – «О создании строительных организаций и о сроках строительства Череповецкого металлургического завода». Правительство разрешило организовать на строящемся заводе аппарат дирекции. На должность директора приказом министра черной металлургии И.Т. Тевосяна назначен Семен (Соломон) Иосифович Резников, опытный инженер-металлург, видный организатор металлургической промышленности

страны. Согласно правительственному постановлению министерствам черной металлургии, строительства предприятий тяжелой индустрии и МВД предписано разработать и представить в двухмесячный срок в Совет Министров СССР свои предложения о создании строительных организаций и исправительно-трудовых лагерей для возведения Череповецкого металлургического завода, его сырьевой базы и о сроках строительства завода, горно-рудных и нерудных предприятий. Сроки ввода в действие первых заводских объектов были предельно короткими: доменная печь, коксовая батарея и аглофабрика – 1952 г., мартеновские печи №№ 1-2 и блюминг – 1953 г., прокатный цех – 1954 г.

В связи с большим объемом работ приказом по Минстрою СССР от 9 октября 1948 года был создан строительно-монтажный трест «Череповецметаллургстрой» с местонахождением в г. Череповце. Управляющим треста утвержден Сергей Сергеевич Семенов, до этого работавший в ленинградском тресте «Севзаппромстрой».

Строительство металлургического завода внесло заметные коррективы в деятельность Вологодской партийной организации. Раньше все было привычным: сев зерновых, заготовка леса, сдача государству молока и мяса. Небольшие промышленные предприятия хлопот не доставляли. Теперь все иначе. Не проходило и дня, чтобы в обкомовских кабинетах не упоминался районный город Череповец, ставший вдруг одной из главных в стране строек первой послевоенной пятилетки.

Встретившись с большими трудностями организационного периода, хозяйственные руководители допускали промахи в работе, не умели правильно организовать труд, медленно внедряли передовую технологию. В тресте на тот момент было всего 9 экскаваторов, 8 бульдозеров и не одного крана. Положение осложнялось еще и тем, что на стройке не хватало металла, труб, цемента, кирпича и других материалов. Проектные организации запаздывали с технической документацией. Сказывались также неудовлетворительные жилищно-бытовые условия рабочих. Жить на первых порах многим приходилось в бараках. До работы добирались пешком. Некоторые не выдерживали. Поработав месяц-другой, уезжали. Текучесть кадров была огромная. В общем, положение катастрофическое: закончился 1948 год, а строительно-монтажные работы выполнены лишь на…7 процентов. Требовалось, по определению В.М. Полушкина, секретаря партийной организации треста, «навести на стройке большевистский порядок».

Комсомольцы и молодежь Вологодской области едут на строительство Череповецкого металлургического завода. 1949 г.

Первый серьезный разговор о грандиозной стройке на областном уровне был запланирован на начало ноября. Но подготовиться к намеченному сроку не успели. Пленум Вологодского обкома, где рассматривались задачи областной партийной организации в связи с решением правительства о строительстве Череповецкого металлургического завода, смогли провести лишь в конце января 1949 года. Докладчик – секретарь обкома Н.Л. Вопилов – прямо сказал, что «начавшееся строительство с таким уровнем организации труда и с таким уровнем руководства не только не гарантирует выполнения намеченной программы, установленной на 1949 год, но и создает опасность серьезного провала всей программы… Руководство строительством (тов. Семенов) и в некоторой части дирекция завода (тов. Резников) не сумели использовать всю силу и авторитет постановления, подписанного товарищем Сталиным».

Неудовлетворительное состояние стройки стало предметом обсуждения и на коллегии Министерства строительства предприятий тяжелой индустрии 6 апреля 1949 года.

– Руководство «Череповецметаллургстроя» провалилось, – заявил заместитель министра черной металлургии СССР Д.Я. Райзер, – пришлось его заменить. Теперь пришел опытный, энергич-

ный инженер Мамлеев, хорошо зарекомендовавший себя на предыдущей работе. Будем надеяться, что он дело поведет как надо. Товарищ Тевосян сказал, что для этой стройки он даст все, что требуется, чтобы завод строить по первому классу, используя самые современные достижения. Мы пойдем на жертвы, где-то урежем, а Череповцу дадим, потому что помним всегда, что за этой стройкой зорко следит наш вождь и учитель – товарищ Сталин!

2 сентября 1949 года ЦК ВКП(б) заслушал отчет Вологодского обкома партии и дал неудовлетворительную оценку его работе. Было отмечено, что в руководстве областного комитета «имеют место канцелярско-бюрократические методы». ЦК указал на недопустимость такого положения, когда стройка государственного значения не укомплектована руководящими кадрами, когда план по оргнабору рабочей силы не выполняется, когда на строительстве процветает разболтанность и безответственность, и потребовал от обкома быстро, без проволочек решать вопросы практической помощи стройке.

Временные склады строителей

Большевистская критика в обкоме была признана совершенно правильной, а указания ЦК приняты как руководство к действию. В целях усиления партийной прослойки на строительстве металлургического завода райкомам партии выдана разнарядка на добровольцев – 700 коммунистов и 1200 комсомольцев. По городам и селам Вологодчины и за ее пределы отправились вербовщики. Всем завербованным гарантировались койка в вагончике или частная квартира, спецодежда и твердая зарплата. Для многих это была

Строится дорога на коксохим

Закладка фундамента доменной печи № 1. 29 ноября 1951 г.

единственная возможность выбраться из нищей деревни и стать землекопами, каменщиками, плотниками, штукатурами, кровельщиками.

Жители деревень Панькино, Богородское, Углы, Кичино ставили подписи под резолюцией, которую им зачитывали уполномоченные райисполкомов, – «с изъятием земли для строительства завода согласиться, – и становились горожанами…

Даже такому опытному строителю, как Диниахмеду Набиуллевичу (в Череповце его называли Дмитрием Николаевичем) Мамлееву не сразу удалось развернуть механизм стройки в нужном направлении. Трудностей – и объективных, и субъективных – через край. Ленгипромез задерживает проекты кирпичного завода, автогаража, других вспомогательных объектов. Не выделяются в полном объеме материалы и оборудование. Сбои с финансированием. Но больше всего доставляла хлопот кадровая проблема. Почти все, кто пришел на стройку, не имел никакой квалификации. Отсюда и низкий заработок. Плюс ко всему бытовая неустроенность. Целыми бригадами подавали заявления и уходили со стройки.

Однако с каждым месяцем коллектив строителей взрослел, набирался сил и опыта. Давно ли чуть не половина его работников была занята на земляных выемках. Казалось, что конца не будет нулевым циклам. Но вот уже на берегу Рыбинского водо-

хранилища поднялись корпуса цехов деревообрабатывающего комбината, возведены столярный, плотницкий, лесопильный цеха и другие производственные помещения.

Среди непролазной грязи, нередко в бродах, тянулась на стройку вереница людей. Людские тропы то взбирались на глинистые склоны выброшенного экскаваторами грунта, то спускались вниз, в жидкую грязь. Старались идти след в след. Чуть свернешь в сторону – и завязнешь в трясине. Счастливчики ехали в «шарабанах». Переполненные грузовики ползли черепашьим шагом, застревали в пути. Их вытаскивали сами рабочие. Ехали дальше, вновь застревали. Так продолжалось до места работы.

…Рос город, развивалась производственная база треста, а бульдозеры и экскаваторы продолжали срезать холмы, поросшие ивняком и ольшаником, засыпали низины, копали отводные канавы и траншеи, продвигались на запад – туда, где строителей ждало основное поле деятельности – заводская площадка.

Набирал силу и коллектив дирекции строящегося металлургического завода. К 1950 году Семен Иосифович Резников сформировал небольшой, но сплоченный коллектив, который успешно решал сложные задачи проектирования, строительства, а в дальнейшем и эксплуатации цехов. Создаются управления: генплана и транспорта, геодезическое, отделы снабжения, оборудования, производственный, технический, сметно-договорный; появляются в управлении завода механики и энергетики. Большая группа квалифицированных сотрудников прибыла на завод в 1951–53 годах. Среди них много молодежи – выпускников ленинградских

Бригаде горновых во главе с Ф.Е. Дроздовым (первый слева) выпала честь выдать первый череповецкий чугун

и московских вузов: В. Ванчиков, будущий начальник доменного цеха, затем директор завода, заместитель министра черной металлургии СССР; В. Завьялов, ставший впоследствии заместителем директора по капитальному строительству, председателем Череповецкого горисполкома; А. Чирва, будущий начальник ТЭЦ.

В 1951 году центр строительства переместился на промышленную площадку завода. Здесь полным ходом, хотя и со значительным отставанием от правительственного задания, идет возведение теплоэлектроцентрали, аглофабрики, объектов коксохимического производства. В апреле того же года первый заместитель министра черной металлургии А.Н. Кузьмин издает распоряжение о вводе в эксплуатацию первого заводского цеха – металлоконструкций – и открытии хозяйственной деятельности завода. Вслед за первым заводским объектом поднялись своды ремонтно-механического, литейного и других вспомогательных цехов.

…Наступил переломный в истории строительства завода 1955-й год – последний год пятой пятилетки. Правительство, наконец, разрешило местной прессе проинформировать читателей о череповецкой стройке. 20 февраля, на седьмой год строительства, газета «Красный Север» впервые поведала жителям Вологодчины о том, что «в соответствии с планом развития народного хозяйства СССР в Череповце ведется строительство металлургического завода» и что «надо положить все силы и средства», но пустить его в ближайшее время.

6 апреля 1955 года Председатель Совета Министров СССР Н.А. Булганин подписал распоряжение о создании правительственной комиссии «для приемки в эксплуатацию на Череповецком металлургическом заводе комплекса сооружений доменной печи № 1, коксовых батарей №№ 1-2 и аглоленты № 1.

Городская газета «Коммунист» призывает строителей мобилизоваться, поднапрячься, поднатужиться, приложить усилия: «Быстрее завершить незавершённые работы! Работайте с удвоенной энергией. Пора понять, что речь идёт о насущных интересах государства, кровно заинтересованного в том, чтобы Череповецкий завод быстрее вступил в строй действующих предприятий страны!»

В 1955 году впервые в истории Череповца люди огненной профессии приняли участие в первомайской демонстрации. В праздничной колонне по площади Жертв революции прошли

агломератчики, машинисты вагон-весов, горновые. Впереди колонны Доменстроя следует автомашина, на которой установлен макет доменной печи. На приветствие с трибуны доменстроевцы ответили дружным «ура».

4 июля Государственная комиссия подписала акт о приемке в эксплуатацию первой очереди аглофабрики, а спустя месяц смена обер-мастера А.И. Ольховикова начала сушку доменной печи. На железнодорожных путях большое оживление: на завод поступают составы груженые коксом, рудой, известью и другими сырыми материалами.

21 августа. Бригада М. Афанасьева из «Доменстроя» закончила плотницкие работы и в 1 час ночи последней из строителей ушла с пускового объекта.

Доменщики приступили к загрузке печи шихтой.

23 августа. Утро. Правительственная комиссия записывает в акте приемки: «Доменную печь № 1 Череповецкого металлургического завода со всем комплексом сооружений считать принятой в эксплуатацию». На вершине домны в этот день взвилось красное знамя. Отсюда, с самой высокой точки Череповца, хорошо виден весь город: новые многоэтажные здания, среди которых как-то затерялись деревянные домишки, просторные школы, детские сады, широкие улицы. Все это возникло благодаря сооружению металлургического завода.

Вечером того же дня в 20 часов 35 минут доменщики заступают на свою первую трудовую вахту. Старший газовщик Виктор Цуканов по команде С.И. Резникова открывает шибер горячего дутья. Раскаленный воздух по газопроводу устремляется в жерло печи. На главном щите управления дрогнули стрелки. Через смотровые окошки фурменных приборов видно, как вспыхнула клетка из березовых бревен, как разгорелось и разбушевалось оранжево-желтое бурлящее пламя. Внешне как будто ничего не изменилось, но по счастливым лицам людей чувствовалось, что свершилось событие большой важности: домна обрела дыхание.

И вот наступает 24 августа 1955 года. День, который ознаменовал рождение Череповецкого металлургического завода. Вместе с горновыми в этот день нес вахту весь командный состав завода: директор С.И. Резников, главный инженер А.А. Сахаров, главный доменщик Л.Я. Левин, начальник доменного цеха И.А. Кузьмин. Тут же управляющий строительного треста Д.Н. Мамлеев, председатель Государственной комиссии М.Д. Грицун, партийные и советские руководители.

Целыми семьями и в одиночку идёт и идёт народ к площади Металлургов, над которой сияет электрический лозунг: «Дадим Родине больше чугуна!» Крытые брезентом грузовики забирают всех желающих и везут на завод. Вскоре людское море заполнило железнодорожные пути, автодороги и площадь возле доменного цеха. Каждому хотелось собственными глазами увидеть торжество первой плавки.

На литейном дворе среди горновых наступает оживление. К. Федоров, П. Кошкин, П. Шапин и С. Дорош в фетровых шляпах и суконных робах под водительством старшего горнового Ф. Дроздова начинают готовить шлаковые канавы. И невдомёк было Фёдору Ефимовичу, что ни широкополая шляпа, ни защитного цвета очки, ни даже весь рабочий костюм, в котором он орудовал у печи, уже не принадлежат ему. Они, эти атрибуты профессии горнового, – уже достояние истории, потому что недалёк тот час, когда их возьмёт на вечное хранение музей Вологды.

24 августа. 15 часов 25 минут. Старший горновой Дроздов пробивает лётку. Из неё со свистом вырывается воздух, а вместе с ним под крышу здания поднимаются клубы бурого дыма. Из лётки ударил фейерверк золотых искр. В ковш хлынул, разбрызгивая огненные искры, жидкий металл. Громкое «ура» прокатилось под сводами литейного двора. Есть первый череповецкий чугун!

И был митинг. Со знамёнами, транспарантами, портретами членов правительства пришли на торжество тысячи строителей, металлургов, жителей города и окрестных деревень. Они заполнили всю площадь возле домны, облепили стальные пролеты, фермы, колонны, трубопроводы.

От литейного двора медленно, с нескончаемым гудком, сквозь толпу людей продвигается паровоз с двумя ковшами, наполненными клокочущим металлом.

Вот он, первый череповецкий чугун!

«Сегодня на карту нашей Родины занесен новый металлургический центр, – радостно восклицает газета «Коммунист». – Череповецкая домна дала первый чугун. Пуск в эксплуатацию доменной печи положил начало крупнейшему металлургическому заводу, призванному обеспечить металлом северо-западную часть страны».

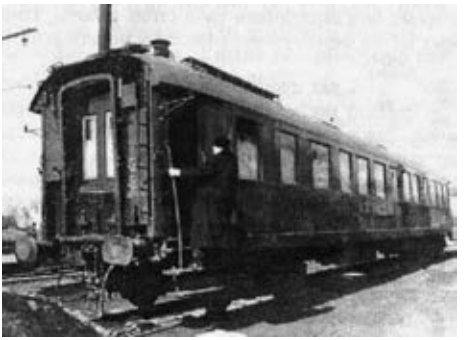
ЧЕРЕПОВЕЦКИЙ СЛЕД АКАДЕМИКА БАРДИНА

Невозможно представить Череповец XX века без трудового подвига академика И.П. Бардина. Таково общее мнение череповчан – участников социологического экспресс-опроса, отвечавших на вопрос: «Кого вы считаете Человеком уходящего столетия?» По мнению большинства горожан Человеком двадцатого столетия является Иван Павлович Бардин. Его революционная идея – впервые в мире построить металлургический завод на перекрестке потоков руды и угля – сделало небольшой провинциальный город Череповец крупным промышленным центром.

Академик И.П. Бардин

Родился Иван Павлович Бардин 13 ноября 1883 года в селе Широкий Уступ Саратовской губернии. Учился в Александровском ремесленном училище, а затем в Ново-Александровском институте сельского хозяйства, откуда был исключен «за неблагонадежность». В 1906 году поступил в Киевский политехнический институт. После его окончания он так и не смог найти в России работу по специальности и уехал в Америку, там дипломированному инженеру удалось устроиться только простым рабочим.

В двадцатые годы Бардин руководил восстановлением металлургических заводов Юга, в тридцатые годы, когда было принято решение о строительстве в Сибири крупного металлургиче-



Спецвагон АН СССР,
в котором академик И.П. Бардин совершал поездки
по металлургическим объектам страны

ского комбината, Ивану Павловичу предложили место технического директора Кузнецкстроя. И здесь с особой силой проявились его незаурядный организаторский талант, кипучая энергия, умение решать сложные проблемы теоретической и практической металлургии. Всего 1000 дней потребовалось Бардину, чтобы в сложных климатических условиях возвести первенец сибирской металлургии. Такого темпа строительства в мировой практике не было. И, когда Академии наук СССР решила пополнить свои ряды за счёт неординарных инженеров-практиков, кузнечане предложили кандидатуру И.П. Бардина.

В 1937 году И.П. Бардина приглашают в Москву на должность главного инженера Главного управления металлургической промышленности Народного Комиссариата тяжелой промышленности СССР, тогда же его назначают Председателем Президиума Уральского филиала Академии наук СССР, поручают создать и возглавить в качестве директора Институт металлургии Академии наук СССР. В 1939 году он становится заместителем Народного Комиссара чёрной металлургии и членом Совета по Металлургии и Химии при Совете Народных Комиссаров Союза ССР.

В 1940 году под его руководством был разработан проект по созданию Череповецкого металлургического завода. Война помешала осуществить грандиозный план. В 1945-46 годах руководит Ленинградско-Мурманской экспедицией, которая еще раз доказала эффективность строительства северо-западного завода в Череповце.

Иван Павлович Бардин делал все возможное, чтобы помочь становлению и развитию Череповецкого металлургического завода. Он трижды побывал на череповецкой строительной площадке и о своем пребывании в Череповце оставил воспоминания.

В то время череповецкая стройка не афишировалась. «Маяковские» пятидесятых годов не слагали восторженных стихов о новом «городе-саде», не снимали о ней документальные лен-

ты кинооператоры, не писали репортёры центральных газет, а журналистам городской газеты «Коммунист» и многотиражки «Ударная стройка» приходилось всячески ухищряться, чтобы и информацию какую-то дать, и секретность соблюсти. Циркуляры о создании нового металлургического центра шли с грифом «секретно», «совершенно секретно», «оглашению не подлежит». Вице-президент Академии наук СССР академик Иван Павлович Бардин оказался единственным человеком, который запечатлел на бумаге эпопею возведения засекреченной череповецкой стройки.

Поездки по металлургическим объектам Бардин обычно совершал в трофейном вагоне. Вдова академика, Лидия Валентиновна, рассказывала, что ранее он принадлежал Паулюсу, а после пленения фельдмаршала Верховный главнокомандующий И.В. Сталин подарил его Ивану Павловичу, зная, что он больше других академиков ездит по стране. Во время войны Иван Павлович был заместителем председателя Комиссии Президиума по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана на нужды обороны, а после войны – для восстановления народного хозяйства.

Супруги И.П. и Л.В. Бардины

Металлургия была для него страстью, работой и хобби. Он даже свои отпуска проводил в этом вагоне, а не на курортах. Вагон был специально переоборудован по проекту Ивана Павловича для научных поездок: походная лаборатория, столовая, спальня, салон для деловых встреч. Здесь проходили совещания, планёрки, рождались смелые проекты и планы по развитию чёрной металлургии. Перед каждой поездкой Бардин намечал маршрут на какие-либо металлургические объекты, брал в дорогу кипу книг и журналов по металлургии, приглашал с собой молодых учёных и – в путь. Неоднократно в таких поездках сопровождала Ивана Павловича и Лидия Валентиновна.

– Хорошо помню, как я впервые оказалась в Череповце, – вспоминала вдова академика. – Я не сразу поняла, что это город, такой русской глубинкой веяло от деревянных мостков возле вокзала, от людей с узелками и баулами. Тогда трудно было поверить, что через несколько лет Череповец станет крупным промышленным центром. Мы шли типично деревенской улицей, я остановилась перед конюшней, не в силах оторвать взгляда от резвящегося подле лошади жеребёнка невероятной масти – не в яблоко, как часто бывает, а полосатой… На обед нам подали простую крестьянскую еду: щи, вологодские пироги, молоко и клюквенный морс, любимый северный напиток, которого я доселе ни разу не пробовала. И мне на секунду стало жаль, что совсем скоро здешний размеренный уклад кардинально переменится. В замысел Ивана Павловича, что завод займет достойное место в ряду гигантов металлургии, я верила абсолютно.

После посещения предприятий, рудников и шахт Иван Павлович садился за пишущую машинку и составлял отчеты о поездке. У него вошло в привычку доверять свои мысли дневнику. Дневник помогал ему совершенствовать себя. Почерк Иван Павлович имел мало разборчивый, кроме того у него сильно болела перебитая в детстве рука, поэтому он купил портативную машинку и выстукивал на ней свои размышления и воспоминания. Но это требовало немалого времени и, чтобы его сберечь, вскоре он приобрел магнитофон, на который наговаривал тексты. «Расшифрованный» секретарем-машинисткой текст, правил, вносил изменения и дополнения.

Из дневника академика И.П. Бардина:

«В начале 50-х годов я использовал свои отпуска для поездки в малоизвестные для меня районы – Кольский полуостров, Воркуту и Череповец. Металлургический завод строился и только начинал жить. Надо было познакомиться со всем его

хозяйством, рудными и угольными ресурсами, так как нужда в металле в северо-западном крае нашей страны была несомненной. Хотелось познакомиться на месте: что строится и как ведётся строительство.

Перед этим мне пришлось принимать участие в рассмотрении проекта Череповецкого завода в связи с работами, проводимыми в этом районе Академией наук. Проектное задание было представлено Гипромезом в виде проекта обычного металлургического завода, без учёта того, где он находится. Доменный цех Череповца должен был полностью обеспечить металлом все передельные цеха заводов малой металлургии Ленинграда. Естественно, что при тех расстояниях, на которых находится завод, уголь и руда, нечего и думать было об экономичности чугуна. Проект предложил переделать.

Это грандиозное предприятие можно сделать экономически выгодным, Если принять производство стали в два раза больше, чем чугуна за счёт использования скрапа, который до этого вывозился на Восток и Юг. Приходилось неоднократно выступать по этому вопросу перед общественностью Ленинграда, которая в то время принимала самое живое участие в этом деле. Теперь же (в особенности со стороны техников) многие были настроены против Череповецкого завода. Осмотр на месте показал неисчислимые рудные богатства Кольского полуострова, которые до этого были не использованы. Особенно привлекло прекрасное воркутинское месторождение углей. Череповецкий завод тоже начал строиться, мне захотелось видеть состояние строительства этого завода» Запись сделана 9 ноября 1959 года

Три отпуска подряд, начиная с 1951 года, посещает Бардин череповецкую стройку. В свой первый приезд в Череповец строительство завода произвело на Ивана Павловича очень хорошее впечатление.

Из дневника академика И.П. Бардина:

«Прибыли в Череповец. На вокзале нас встретили руководители завода и стройки. Устроили короткое совещание. Осмотр начали с объектов, обеспечивающих строительство, хорошо выполненных и удачно расположенных на нижней террасе у самого берега Рыбинского водохранилища. Оснащение оборудованием прекрасное, особенно заводов по приготовлению бетона и железных конструкций. После этого осмотрели стро-

И.П. Бардин на пути в Череповец

ительство вспомогательных цехов будущего завода. Цеха очень хорошие, сделаны фундаментально. Такие цеха, как механический и котельно-монтажный, уже закончены и начинают вступать в эксплуатацию. Кузница, кислородный, литейный цехи заканчиваются строительством. Быстро строится здание ТЭЦ. Закладывается арматура под фундамент доменной печи № 1, заложена плита под первую коксовую батарею.

В целом строительство Череповецкого завода производит хорошее впечатление. Чувствуется порядок, подготовленность к развертыванию работ. Вместе с представителями завода поехал в обком партии, где состоялась беседа о строительстве завода. В меру моих сил и возможностей я постарался обрисовать важность строительства Череповецкого завода и необходимость большего внимания этой стройке, как со стороны обкома, так и других организаций области». 16 ноября 1951 года

Второй приезд в Череповец оказался для Бардина не радостным. На стройке запустение. Ни одного нового цеха не введено в строй действующих. Строительство застопорилось. Сказывалась несогласованность в работе подрядных организаций, подчиняющихся самым разным трестам и управлениям. Сколько раз академику пришлось сделать телефонных звонков, сколько телеграмм отбить в разные министерства и ведомства, а дело почти не сдвинулось с места!

Бардин понуро шагал от объекта к объекту. Сгорбленная фигура, хмурый вид, сведённые мохнатые брови давали понять сопровождающим его Мамлееву и Резникову: академик недоволен. Долго не выходил из своего купе. Вечером заставил себя сесть за пишущую машинку.

Из дневника академика И.П. Бардина:

«Личный осмотр подтвердил: сделано мало. Наиболее выигрышный участок – теплоэлектроцентраль. Комплекс производит мощное впечатление. Здесь должно быть направление «главного удара». Доменная печь имеет фундамент, каркас литейного двора, приступают к монтажу кауперов. Вспомогательные цехи против прошлого года не имеют ничего законченного. Нет станков, нет отопления. Общее впечатление от осмотра строительства не в его пользу, так как вся площадка перекопана, канавы не спланированы, ни к одному цеху дороги нет. Жилищное строительство идет плохо. Жалобы на оба министерства. За всё время строительства от них никого не было». 6 октября 1952 года

В своё третье посещение череповецкой стройки в 1953 году Бардин увидел ещё более печальную картину. Стройплощадка превратилась в сплошное месиво из торфа и глины. Машины, бульдозеры и краны буквально тонут в грязи. К объектам ни пройти, ни проехать.

Академик И.П. Бардин, С.И. Резников, Д.Н. Мамлеев и другие сопровождающие лица на строительной площадке завода. 1951 г.

Из практики Бардин знал, что главное в строительстве – высокие темпы. Такой завод как череповецкий должен строиться не более пяти лет, а первая очередь пускаться через три года. А что тут сделано за семь лет? Нет ни мартеновского, ни прокатных цехов. Да ещё Москва постоянно вносит коррективы в первоначальный проект, вроде бы с благими намерениями – сделать его подешевле. Сколько раз академик Бардин доказывал в Минчермете и Госплане, что ревизии про-

И.П. Бардин: «Моя рекомендация – все силы направить на сооружение доменной печи». 1953 г.

ектов в ходе строительства вовсе не ускоряют и не удешевляют строительство, а как раз наоборот!

С тяжёлым сердцем покидал Иван Павлович Бардин Череповец. В вагоне он просмотрел справки, которые для него составили руководители стройки и завода. Потом вложил в пишущую машинку чистый лист. И начал выстукивать.

Из дневника академика И.П. Бардина:

«Первым объектом осматриваем ТЭЦ. По сравнению с прошлым годом здесь сделано очень мало. Первый котёл всё также в пусковом состоянии. Доменная группа по сравнению с коксовой сильно отстает. То, что раньше составляло отличительную особенность череповецкой стройки – хорошие, заблаговременно подготовленные дороги, – теперь пришло в упадок. Успехи первого наступления сведены на нет дальнейшим бездействием.

Перед самым отъездом пришли ко мне металлурги и строители с жалобами на полнейшее невнимание со стороны обоих министерств. Взывают ко мне о помощи.

Всеми забытый Череповец!» 11 сентября 1953 года

«Что ж, придётся менять тактику, – решает Бардин. – Строить «по-кузнецки» – по всему металлургическому циклу – не удаётся. Значит, надо сконцентрировать внимание на тех из объектов, на которые уже затрачено больше средств и которые близки к вводу в эксплуатацию». И он вложил в машинку новый лист.

Из дневника академика И.П. Бардина:

«Моя рекомендация на этот раз была прямо противоположной прошлогодней. Если тогда я советовал как можно больше возводить различных объектов, то теперь рекомендовал направить все силы на сооружение доменной печи, подготовить её к пуску; коксовые печи закончить кладкой и поставить на сушку. Надо всеми имеющимися средствами показать формы настоящего завода, чтобы он своим видом взывал к жизни. Это пробудит к нему внимание правительства и местных властей».

11 сентября 1953 года

Требовался бардинский авторитет, дабы убедить правительство принять решение об ускорении строительства Череповецкого завода. Сюда перебрасываются с других объектов чёрной

металлургии две тысячи квалифицированных специалистов, сюда шлют недостающие узлы и оборудование. Были пересмотрены сроки и очередность пусков объектов в эксплуатацию. Если раньше первоочередным делом считался пуск коксовой батареи, то теперь главное внимание было сосредоточено на скорейшем завершении аглодоменного производства. Следуя бардинским рекомендациям, вся рабочая сила Череповца брошена на строительство аглофабрики и доменной печи.

…Много сложностей выпало на долю первостроителей, пока из доменной печи не вырвался огненный поток металла. Все центральные газеты возвестили о рождении в СССР нового металлургического центра. Из первого череповецкого металла были отлиты памятные плитки с надписью: «Череповецкий металлургический завод. 24 августа 1955 года. Первый чугун». Одну из таких плиток отправили «крёстному отцу» Череповецкого металлургического завода академику Ивану Павловичу Бардину.

…Шесть лет прошло с того дня, как вице-президент последний раз был на череповецкой стройке. Завод уже четвертый год действует. И Бардину захотелось увидеть его в работе.

Из дневника академика И.П. Бардина:

«В 1959 году я много болел. По выздоровлении мне, прежде всего, захотелось поехать в Череповец, посмотреть, что там делается. Отправился туда… К моему удивлению и удовольствию, оказалось, что Череповецкий завод работает хорошо. Себестоимость металла снизилась до 433 рублей, то есть, по себестоимости завод находится на втором месте после «Азовстали». Это говорит о том, что дело на правильном пути. Завод содержится в чистоте и порядке и очень хорош».

2 января 1960 года

В середине дня 11 ноября 1959 года к вокзалу со стороны Вологды подошёл пассажирский состав. От него отцепили уже знакомый череповецким железнодорожникам бардинский вагон. Среди встречающих председатель Вологодского Совнархоза Ф.А. Петруша, а с ним руководители завода и стройки – Д.Н. Мамлеев, С.И. Резников, А.А. Сахаров, Г.Ш. Зельцер. Поздоровались, уточнили распорядок дня. Бардин пожелал, не теряя времени, начать осмотр цехов.

С большой заинтересованностью Иван Павлович знакомился с началом полномасштабного освоения завода, сооруженного

по его идее. Он побывал на агломерационной фабрике, на коксохиме, в мартеновском цехе. Интересовало его всё: как идёт освоение метода сухого тушения кокса, биохимической установки, блюминга, мартеновских печей, в чём задержка пуска листопрокатного стана «2800». Последним объектом посещения Бардин сознательно выбрал доменный цех. Будто завороженный вице-президент смотрел, как яркой огненной струёй льётся в ковш огнедышащий поток чугуна. Сколько раз в жизни видел он рождение металла, и каждый раз сердце наполнялось радостью за людей, которые повелевают огнём…

Руководство завода упросило Ивана Павловича выступить перед инженерно-техническими работниками, поделиться своими впечатлениями о поездке в Швецию.

Месяц назад Бардин вернулся из этой скандинавской страны, куда был приглашён на церемонию вручения ему Золотой медали Бриннеля Королевской Академии наук Швеции – за заслуги в области чёрной металлургии. Он стал первым советским учёным, отмеченным этой высокой наградой.

…Актовый зал учебного комбината переполнен до отказа. Бардину приятно, что собралось столько народу. Чувствовалось, что специалисты молодого завода тянутся к знаниям. «В этот

И.П. Бардин на встрече с инженерно-техническими работниками завода. 1959 г.

завод можно верить, – подумал Бардин, – люди здесь умеют чувствовать новое». И тут же сказал Резникову:

– Ваш завод, Семен Иосифович, ещё покажет всем, что такое качество металла. Да и грех было бы, по правде говоря, такое сырье переводить на плохую продукцию.

– Мы уже и благодарности из-за рубежа получаем, – откликнулся Резников.

– Не забуду это подчеркнуть.

И вот Бардин на трибуне.

Академик И.П. Бардин, С.И. Резников и А.А. Сахаров. 1959 г.

– По размаху и объему нельзя, конечно, сравнивать металлургию Швеции и Советского Союза, – говорит Бардин. – Но нам есть чему поучиться у шведов, например, культуре производства, хорошо поставленной исследовательской работе, высокой производительности труда, подбору кадров. До сих пор мы использовали только руды с повышенным содержанием железа. Это нас избаловало. Опыт шведских металлургов показывает, что и из «бедных» руд можно получать высококачественную сталь. Не пытаясь первенствовать по количеству металла, Швеция стала первой по качеству стали, которая на мировом рынке котируется как непревзойдённая.

И задает вопрос:

– А, разве череповецким металлургам это не под силу?

И сам же отвечает:

– Под силу! Всё у вас есть: и хорошая техника, и замечательные кадры, и первоклассное сырьё. Руда и уголь по составу у вас ничуть не хуже шведских. А значит, есть возможность выпускать металл не хуже, а, может, даже лучше, чем выпускают шведы. Начало этому уже положено. Из таких индустриально развитых стран, как Великобритания, вам приходят благодарности «за самый качественный и самый дешёвый в мире чугун». Это весомая похвала. За высокое качество чугуна честь и слава череповецким металлургам!

И замечает, улыбнувшись:

– Ну, за то, что чугун дешёвый, благодарность, конечно, не по адресу. Рентабельности вы пока ещё не достигли. Но я верю – скоро она будет. Вы на правильном пути.

Последний приезд Ивана Павловича Бардина в Череповец совпал с его 76-летием. Он пригласил в салон вагона на товарищеский ужин руководителей завода, строительного треста и Вологодского совнархоза. Иван Павлович был весел. Его радовало, что идея создания металлургического завода в Череповце осуществлена, что завод уже имеет лучшие показатели в стране по производительности доменных и мартеновских печей. Бардин ещё раз поблагодарил руководителей завода за умелое руководство и сказал:

– Я твёрдо верю, что наступит время, когда о Череповце заговорит весь мир. Я верю в прекрасное будущее новой металлургической столицы.

Вице-президент поделился воспоминаниями о своих скитаниях в Америке, о совместной работе со знаменитым доменщиком М.К. Курако, об унизительной жизни русских инженеров-металлургов в царской России и, конечно, мыслями о том, в каком направлении следует развивать Череповецкий завод.

Много было поздравлений и дружеских пожеланий. В ответ на слова Резникова о том, что все присутствующие на торжестве радуются бодрости и ясности ума, которые сохранил Иван Павлович в свои 76 лет, Бардин тихо сказал:

– За праздничным столом я сижу с вами последний раз. Но какое счастье, уходя из жизни, сознавать, что остаются люди, которые пронесут славу советских металлургов по всей земле.

Предчувствие скорой смерти не обмануло академика. Два месяца спустя, 7 января 1960 года, Ивана Павловича Бардина не стало. Он умер через несколько минут после выступления на заседании комиссии Госплана СССР по разработке перспективного плана развития чёрной металлургии на 1959-1965 годы.

– Накануне Иван Павлович долго не спал, – с душевной мукой вспоминала Лидия Валентиновна. – Последние годы его жизни были отравлены несправедливым отношением к нему в связи со строительством ЧМЗ. Ивану Павловичу снова и снова приходилось доказывать жизнеспособность своего детища – Череповецкого металлургического завода. Перед выступлением в Госплане он нервничал, ходил по кабинету, потом садился за письменный стол, что-то писал, видимо, подбирал особенно убедительные аргументы по дальнейшему развитию северо-западной металлур-

гии. Надеялся пробить стену непонимания. Слово он получил в середине дебатов. Слушали его по-разному, кто-то внимательно и вдумчиво, но большая часть была настроена против и начисто отвергала его идеи.

Всем знающим Ивана Павловича, особенно мне, известно, что он себя не щадил. И тем более горько, что его не щадили многие. После выступления силы его иссякли. Он почувствовал себя плохо, тяжело опустился на стул в президиуме и… умер.

КАК ЧЕРЕПАНЕ РЕАБИЛИТИРОВАЛИ АКАДЕМИКА БАРДИНА

На мировом рынке череповецкий чугун произвёл сенсацию: стабильный химический состав и незначительное содержание вредных примесей – такого даже самые требовательные потребители не встречали. Ходили слухи, что за завода, в Министерстве черной металлургии и Министерстве строительства готовят документы на присвоение Резникову и Мамлееву, а также академику Бардину званий лауреатов Ленинской премии.

Радостные вести, что ни говори. Однако 25 февраля 1956 года на закрытом заседании XX съезда КПСС прозвучал секретный доклад Первого секретаря компартии Н.С. Хрущёва «О культе личности и его последствиях», который, казалось, никакого отношения к Череповцу не имеет. Партия осудила культ личности И.В. Сталина

Вице-президент АН СССР И.П. Бардин в рабочем кабинете

и призвала бороться за ликвидацию его последствий «во всех областях партийной, политической и идеологической работы». Повсюду стали искать примеры «культа», в том числе и в экономике. И вот на декабрьском (1956 г.) Пленуме ЦК КПСС кто-то из «доброжелателей» передал в адрес президиума небольшую справочку о себестоимости тонны чугуна на заводах страны, начиная с Магнитки и кончая Череповцом. Коэффициент разницы между ними 1:4 (магнитогорский стоит 160 руб. за тонну, череповецкий – 613). Поистине, череповецкий чугун – золотой: на каждый затраченный рубль – 212,9 копеек убытка.

Те, кто при жизни Сталина называли идею создания металлургического завода в Череповце гениальной, теперь говорили о ней как об «отрыжке культа личности», наглядном примере волюнтаристского решения в выборе места строительства предприятия. Мол, в угоду товарищу Сталину, побывавшему в ссылке в Вологодской губернии, сотворили на пустом месте завод, ставший тяжёлой обузой для народного хозяйства.

Стали интересоваться: кто планировал убыточный завод, кто дал экономическое обоснование, кто рекомендовал строить его именно в Череповце? Оказалось, академик Бардин. Вот он, расточитель народных средств! По его милости строят заводы, которые вряд ли когда-нибудь станут рентабельными. Очень дорогой для государства товарищ Бардин! Очень!

Из воспоминаний академика И.П. Бардина:

«В конце пятьдесят шестого года в какой-то мере начинает раскрываться смысл реплики Н.С. Хрущёва: «Вы товарищ Бардин, очень дорогой человек…» Оказывается, началась ревизия всего, что было сделано металлургией и, в частности, возник вопрос относительно Череповецкого металлургического завода, который, якобы, совершенно не нужен, построен не там, где надо, что чугун стоит чуть ли не в два раза южного и т.д. и т.п. Всё это, разумеется, давно известно. Никто и не думал, что чугун будет стоить на этом заводе дёшево. Но правильность выбора места постройки завода в Череповце должна в последующем дать определенное преимущество предприятию и хорошие производственные показатели».

Запись сделана 9 ноября 1959 года

Заместителя Председателя Совета Министров СССР, бывшего министра чёрной металлургии И.Т. Тевосяна отправили послом в Японию, академика Бардина освободили от должности

его заместителя. В правительство посыпались письма, служебные записки с предложениями, что делать с Череповецким заводом. Содержание их было разным, но все сходились на том, что о дальнейшем развитии северо-западной металлургической базы речи быть не может. Был поставлен вопрос о консервации завода и продаже оленегорских руд на экспорт. Прекратилось финансирование второй рудной базы – Ковдорского ГОКа, снято огромное количество заказов на заводское оборудование. Слухи о бесперспективности завода и его возможном закрытии дошли до Череповца. Кое-кто уже стал собирать чемоданы.

«Неужели напрасен труд тысяч строителей, металлургов, горняков, шахтёров, проектантов? – думал Семен Иосифович Резников. – Неужели окажутся правы те, кто с первых дней не верил в возможность создания на Севере металлургической базы? Нет, надо срочно, пока не прикрыли, искать выход из создавшегося положения».

Он вызвал главного экономиста завода Г.Ш. Зельцера и попросил его просчитать: при каких условиях предприятие может стать рентабельным.

Через несколько дней справка была готова. По мнению Зельцера, главной причиной высокой себестоимости череповецкого чугуна является то, что в стадии строительства находятся и завод, и рудники, и шахты. Нет ещё цехов дальнейшего передела. Единственной продукцией завода является чугун, себестоимость которого состоит из затрат на добычу, обогащение и доставку в Череповец кольских железорудных концентратов и печорских каменных углей. Однако и в нынешних условиях можно значительно уменьшить себестоимость продукции. Надо лишь научиться рачительно хозяйствовать: бороться за снижение расходов сырья, топлива, материалов, электроэнергии, за повышение производительности труда. И все же безубыточным завод может стать лишь при условии окончания строительства це-хов дальнейшего передела, так как продукцией, определяющей рентабельность, является прокат. Поэтому необходимо добиваться в правительстве форсирования строительства прокатных цехов. Как только Череповец станет поставщиком листового и сортового металла, гнутых профилей и метизов – завод будет давать ежегодно около 300 миллионов рублей прибыли.

– Очень хорошо, – похвалил Резников Григория Шмулевича. – Теперь нам надо заручиться поддержкой обкома, а потом будем бомбардировать правительство. Не дадим закрыть Череповецкий завод, не дадим!

В начале января 1957 года Министру чёрной металлургии СССР А.Г. Шереметьеву и Председателю Госэкономкомиссии СССР М.Г. Первухину была направлена записка «О мерах ликвидации убыточности Череповецкого металлургического завода». Подписали ее директор завода С.И. Резников и управляющий трестом «Череповецметаллургстрой» Д.Н. Мамлеев.

«Ускорение строительства завода даст возможность в ближайшие три года ликвидировать убыточность, – писали руководители завода и стройки. – Мощность строительных организаций Череповца позволяет ежегодно осуществлять объем строительных работ в размере 300 миллионов рублей, что позволит в течение трёх лет осуществить работы, предусмотренные в наших расчетах для обеспечения полной рентабельности не только проката, но и чугуна».

Но не так-то просто было изменить создавшееся мнение о бесперспективности завода. На шестой сессии Верховного Совета СССР (февраль 1957 года) министр финансов А.Г. Зверев в своем докладе вновь приводит Череповец в качестве примера чрезвычайно высокой себестоимости металла, объясняя это неправильным размещением завода: без должного учета сырьевой базы и дальности транспортировки сырья, топлива и готовой продукции.

Тяжело было слышать такое высказывание депутату Верховного Совета СССР вице-президенту АН СССР И.П. Бардину. «Фактически сводится к нулю вся деятельность Ленинградско-Мурманской экспедиции, – с горечью думал он. – Но ведь

И.П. Бардин среди руководящих работников завода

причина высокой стоимости как раз и кроется в том, что ни одна рекомендация экспедиции не выполнена. А ведь только тщательное следование им делает завод не только рентабельным, но и дающим значительную прибыль, несмотря на дальнепривозное сырьё и топливо. Нет, за Череповец надо бороться! Как говорит поэт: «И снова бой, покой нам только снится!»

Депутат И.П. Бардин на сессии Верховного Совета СССР. 1957 г.

И, когда председательствующий объявил его фамилию, Бардин решительно шагнул к трибуне.

Он отверг мнение об ошибочности строительства Череповецкого завода, считая, что предприятие будет давать прибыль и при существующей удаленности сырья и топлива, но при условии его максимального расширения и форсирования строительства полного металлургического цикла.

– До тех пор, пока Череповец будет давать только чугун, народное хозяйство будет нести миллионы рублей убытка, – заявил вице-президент Академии наук СССР. – Эти убытки можно было бы избежать, если бы строительство завода планировалось правильно и если бы мартеновский и прокатные цехи строились одновременно с доменным.

Бардин сделал паузу. На мгновение вспомнилось, как в тридцатые годы ему, тогда еще техническому директору Кузнецкстроя, пришлось бороться за воплощение в жизнь идеи строительства первенца сибирской металлургии. Даже американские специалисты, по проекту которых сооружался гигант индустрии, не верили, что в заснеженной Сибири будет построен металлургический завод. Не верили в это и многие инженеры старой школы. Тогда победили смелость Бардина, его инженерная сметка и глубокая вера в свою правоту. Сумеет ли он сейчас отстоять черепан?

Голос Бардина вновь зазвучал уверенно:

– Всякое дело, если оно начато, надо вести по плану и доводить до конца, только тогда можно полностью пожать плоды.

Вообразим на минуту, что в разгар строительства заводов на Урале и Кузбассе паникёры одержали бы верх, хотя бы на короткий период. Какой бы неисчислимый вред принесло бы это нашей стране! Я выражаю надежду, что всё сказанное здесь мною, поможет большому делу скорейшего завершения строительства Череповецкого завода, созданию металлургической базы северо-западного индустриального района. Это приведёт к дальнейшему расцвету всю нашу советскую металлургию.

Конец речи депутат Бардин закончил под аплодисменты.

Выступление Ивана Павловича Бардина дало толчок к пересмотру мнений относительно будущего завода. Госплан СССР провёл техническую экспертизу, которая подтвердила доводы вице-президента Академии наук: завод может стать безубыточным предприятием. Для этого следует не только как можно быстрее ввести в действие сталеплавильный и прокатный переделы, но и удвоить, и даже утроить производство стали, листового и сортового проката. Заместитель министра черной металлургии СССР В.Б. Хлебников даёт задание управляющему Ленинградского филиала Гипромеза В.В. Кошелеву пересмотреть проект Череповецкого металлургического завода с учётом рекомендаций экспертов Госплана РСФСР и внести в него коррективы, которые благоприятно отразятся на рентабельности завода.

А заводчане не ждали, когда их судьба решится в верхах. Они включились в борьбу за снижение себестоимости продукции, за повышение производительности труда. Вместо недавнего «даёшь чугун!» появляется лозунг «даёшь рентабельный чугун!» Заводская партийная организация поставила задачу: в короткий срок освоить сложное оборудование, овладеть передовой технологией, добиться резкого улучшения технико-экономических показателей, чтобы уже в 1957 году достигнуть производительности передовых металлургических заводов страны. Если удастся достичь намеченной цели, завод получит гарантии для своего развития, превратится в надёжную металлургическую базу. Не удастся – будет влачить жалкое существование незаконнорожденного, служить памятником экономическому угодничеству и волюнтаризму.

16-17 апреля 1957 года в клубе металлургов состоялась первая заводская экономическая конференция. Главный инженер завода Алексей Алексеевич Сахаров призвал трудящихся «развивать чувство хозяйского отношения ко всем затратам и расхо-

дам». Главные специалисты завода – плановики, работники отдела труда и заработной платы «пошли в народ». Они доказывали, что неблагоприятные внешние факторы в значительной мере можно перекрыть передовой культурой труда. Снижение норм расходов сырья, топлива, материалов, электроэнергии, элементарная дисциплина на каждом рабочем месте обеспечат получение более дешевой продукции!

«Экономить в большом и малом, в каждом цехе, на каждом производственном участке, – вот наш главный резерв!» Эта тема звучала на партийных и рабочих собраниях, производственных совещаниях. Во всех трудовых коллективах были вскрыты значительные резервы, используя которые, удалось значительно снизить себестоимость продукции и увеличить производственные показатели.

Если в 1955 году на выплавку тонны чугуна в сутки доменщики использовали 1 кубический метр объема печи, то в конце 1957 года получали её уже с 0,65 кубометра. Иными словами, на тех же мощностях выплавка увеличилась на 1100-1200 тонн в сутки, или в полтора раза. По этому показателю череповчане приблизились к передовым предприятиям страны, уступая лишь Магнитогорскому металлургическому комбинату, получавшему тонну чугуна с 0,63 кубометров.

Энтузиазм, инициатива, настойчивость в достижении общей цели сделали управленцев и рабочих коллективом единомышленников, способным решать большие задачи.

Своих опытных кадров на заводе было недостаточно. Рабочим, выходцам из местных жителей, ставшими металлургами, терпеливо передавали своё мастерство опытнейшие агломератчики, коксохимики и доменщики Новокузнецка и Магнитогорска, Нижнего Тагила и Запорожья, Липецка и Днепродзержинска. Шаг за шагом осваивали северяне передовую технику и технологию. И добивались показателей, к которым сибиряки и уральцы шли десятилетиями. У доменных печей, агломерационных лент, коксовых батарей богатейший опыт разных металлургических школ аккумулировался и, творчески пере-рабатываясь, соединялся в единый сплав. Всё лишнее отсекалось. И родился свой, череповецкий, почерк. Почерк, который впоследствии выведет завод в лидеры чёрной металлургии.

В июне 1957 года Ленфилиал Гипромеза представил в Минчермет СССР хорошо мотивированный технико-экономический доклад «Объём производства и состав Череповецкого металлур-

1 мая 1958 года получена первая череповецкая сталь

гического завода, обуславливающие его безубыточную работу». Анализируя основные элементы себестоимости череповецкого металла, структуру завода и сортамент его продукции, проектанты пришли к выводу, что убыточность завода является временной, а для обеспечения рентабельности необходимо как можно быстрее ввести в строй действующих сталеплавильный и прокатный переделы. Если же производство стали, листового и сортового проката удвоить и даже утроить, то Череповецкий завод вместо убытков будет давать государству ежегодно до 300 миллионов рублей прибыли.

Полемика о том, быть заводу или не быть, привела к неожиданному повороту. Совет Министров СССР своим постановлением от 24 апреля 1958 года определил новые рубежи увеличения мощности Череповецкого металлургического завода: по чугуну – 3 млн. тонн, по стали – 4,4 млн. тонн по прокату – 4, 5 млн. тонн. Таким образом, благодаря настойчивости академика И.П. Бардина была исправлена серьёзная ошибка Гипромеза в определении мощности и направлениях развития ЧМЗ.

И сразу же, затухающее было строительство заводских цехов, возобновилось.

В ночь на 1 мая 1958 года по площади Металлургов в колонне демонстрантов был торжественно провезён первый слиток череповецкой стали – сплав кольской руды, печорского угля, ле-

нинградского металлолома и мастерства череповецких сталеваров. В январе 1959 года впервые стальные слитки прошли через «ворота проката» – блюминг. Череповецкий металлургический завод стал предприятием с полным металлургическим циклом.

Пуском блюминга в январе 1959 года на ЧМЗ завершен полный металлургический цикл

Иван Павлович Бардин не дожил до той поры, когда Череповецкий металлургический завод стал рентабельным предприятием. Но он верил, что такое время наступит. И оно наступило. Уже в начале шестидесятых годов практически весь чугун стал поступать в последующий передел. Завод стал поставщиком толстого и тонкого листа. Пришла жизнь в пролёты непрерывно-заготовочного стана, который дал старт производству сортового металла. С пуском в строй первой очереди цеха холодной прокатки ещё больше возрос круг потребителей северного металла. Череповец уже крупный поставщик стального проката для газовиков Севера, нефтяников

Освоив передовую технику и технологию, череповецкие металлурги за короткое время достигли наивысших в мировой практике показателей по выплавке чугуна, стали, производству проката

Министр черной металлургии И.П.Казанец прикрепляет к знамени завода орден Ленина. 1967 г.

Сибири, автомобилестроителей Горького, Тольятти, Ульяновска, Минска, корабелов Ленинграда и Архангельска, создателей комбайнов Ростова и Барнаула, многочисленных строек и машиностроительных предприятий. Все это позволило заводу покончить с убытками и стать высокорентабельным предприятием. Выпуск продукции за 1959–1965 годы увеличился в 5,1 раза! Череповецкий металлургический завод занял одно из ведущих мест в Советском Союзе.

Родина высоко оценила вклад череповецких металлургов в развитие народного хозяйства страны. За успешное выполнение заданий семилетнего плана Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 февраля 1966 года Череповецкий металлургический завод был отмечен орденом Ленина. На следующий год такой же награды была удостоена Вологодская область – за высокие показатели в экономическом и культурном строительстве и в связи с 50-летием Советской власти. В торжественной обстановке 21 октября 1967 года орден Ленина вручил Председатель Совета Министров СССР, член Политбюро ЦК КПСС Алексей Николаевич Косыгин.

В городе на Шексне его ждали еще в августе. Череповец старательно приводили в порядок. Асфальтировали улицы. На металлургическом заводе благоустраивали территорию. Из-за

занятости Косыгина визит переносился дважды. Поступали предложения из Москвы о приезде для вручения награды кого-то другого, но Анатолий Семенович не соглашался. Видимо, в области накопились проблемы, которые мог решить только глава правительства.

20 октября 1967 года около 12 часов дня А.Н. Косыгин и сопровождающие его лица прибывают в Череповец. На празднично украшенных улицах Премьера приветствуют тысячи горожан. В числе городских чиновников, встречавших высокого гостя, был и.о. председателя горисполкома Н.В. Ератин.

– Встретили мы Косыгина, как подобает, – вспоминает Николай Васильевич, – даже продумали какими череповецкими кушаньями его угостить. Неожиданно он обратился с вопросом: «А не стоит ли нам областной центр перенести в Череповец?» Первый секретарь обкома партии А.С. Дрыгин и председатель областного Совета народных депутатов Л.А. Власенко переглянулись, смотрят на меня настороженно. Я говорю: «Нет особого смысла. Вологда ближе к Москве; решать насущные проблемы удобно, да и народ привык». Областные руководители облегченно вздохнули. На берегу Шексны возник вопрос о строительстве моста. Алексей Николаевич среагировал моментально: «Да, мост нужен, и он обязательно будет».

В октябре 1967 года завод посетил Председатель Совета Министров СССР А.Н. Косыгин

Высокий гость посетил цеха металлургического завода: доменный, мартеновский, обжимной, сортопрокатный, листопрокатный, холодного проката. Он интересовался трудовыми успехами, жизнью металлургов, организацией общественного питания. Пояснения премьеру давали министр чёрной металлургии И.П. Казанец, директор завода А.И. Бородулин, начальники цехов, секретари партийных организаций, простые рабочие.

В дирекции завода состоялось рабочее совещание, где министр чёрной металлургии И.П. Казанец представил главе правительства проект расширения Череповецкого металлургического завода на среднесрочную перспективу. А.Н. Косыгин признал проект добротным документом и в принципе с ним согласился. Тут же дал указание своим помощникам приступить к подготовке необходимых постановлений и распоряжений правительства.

Очень понравились премьеру завод и его труженики. Умно используется на заводе дорогостоящее сырьё, из которого изготовляют высококачественный сортовой прокат для метизной промышленности, штрипсы из низколегированной стали для производства труб большого диаметра, успешно осваивают производство холоднокатаного листа для автомобильного завода в Тольятти.

А.Н. Косыгин: «Череповецкий завод стал университетом по пропаганде нового и передового в металлургии»

– Спасибо за хорошую работу, Анатолий Иванович, – поблагодарил Косыгин директора завода Бородулина, – академик Бардин был бы доволен. Череповецкие металлурги реабилитировали его, своим трудом доказали, что не было никакой ошибки в выборе центра северо-западной металлургии.

На следующий день Председатель Совета Министров СССР Алексей Николаевич Косыгин не преминул об этом сказать на торжественном собрании во время церемонии вручения Вологодской области ордена Ленина:

– Вчера мы ознакомились с работой Череповецкого завода и убедились, что это предприятие, или как его здесь называют «Северная Магнитка», является действительно одним из передовых в стране. Мне хочется напомнить, что в определении места строительства металлургического завода в Череповце особую роль сыграли крупнейший металлург нашей страны академик И.П. Бардин и бывший министр чёрной металлургии И.Т. Тевосян, которые доказали целесообразность строительства здесь этого завода с использованием печорских коксующихся углей и кольской железной руды. Это было смелое и правильное предложение. Вы знаете, что это предложение вызвало необоснованную критику со стороны некоторых руководителей и специалистов, не понимавших экономического значения строительства такого крупнейшего завода вблизи от потребителей металла, при наличии хороших транспортных связей с сырьевыми базами и районами потребления. Опыт работы Череповецкого завода показал, что решение о строительстве в вашей области металлургического завода было исключительно правильным. Сейчас завод как бы определяет развитие машиностроения во всём северо-западном районе страны. Завод стал своего рода университетом по пропаганде нового и передового в металлургии. Сюда приезжают за опытом не только работники родственных отечественных предприятий, но и зарубежные специалисты. Череповецкий завод по многим показателям работы превосходит передовые металлургические заводы, как зарубежные, так и нашей страны. Это большая победа череповецких металлургов.

После такой высокой оценки стихли споры о целесообразности сооружения Череповецкого завода. Новую металлургическую базу Северо-Запада стали называть «блестящим образцом инженерно-экономического решения».

ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ ЧЕРЕПОВЦА

Как на дрожжах рос Череповец, превращаясь из провинциального городка в большой индустриальный центр. С 1948 по 1990-е годы в городе была создана такая материальная база, которая ныне, уже в XXI веке, составляет основу развития народного хозяйства Вологодчины. За время строительства первой очереди металлургического завода Череповец превратился из малого города в средний (свыше 50 тысяч человек), а за время возведения второй очереди население города достигло уровня больших городов, а затем и крупных. В 1960 году в нем уже насчитывалось 100 тысяч жителей. Спустя десять лет в Череповце был зарегистрирован 200-тысячный житель, еще через 15 лет – 300-тысячный. В итоге поменялся неформальный статус Череповца: он стал своеобразной «индустриальной столицей» области, а по численности населения превзошел Вологду.

Бурное промышленное развитие Череповца повлекло за собой реконструкцию города, в котором развернулось небывалыми для него темпами массовое жилищное строительство, строительство социально-бытового и социально-культурного назначения, коммунального хозяйства; генеральным планом в эти годы определилась та пространственная среда и тот архитектурный визуальный образ Череповца, которые составляют основу облика современного города.

Череповец конца 40-х годов XX века был преимущественно деревянным, одноэтажным, во многом сохранившим дореволюционную патриархальность: уютные зеленые улочки, палисадники, а вдоль домов – вымытые щелочью деревянные мостовые.

Площадь Металлургов. Середина 1950-х годов

Город сочетал черты городской и деревенской жизни. Небольшие приусадебные участки позволяли возделывать огород, держать птицу и даже домашний скот. По утрам хозяйки топили печки, у домов кричали петухи, за водой приходилось бегать на колонку. Весь город можно было пройти пешком за какие-нибудь полчаса. Этот Череповец ничем не напоминал будущий крупный промышленный центр. Он был невелик и нетороплив.

Даже представить сложно, что на месте площади Металлургов было болото, в котором по утрам крякали утки. Из болота вытекала маленькая речка Коржавка, огибавшая старое кладбище (ныне парк Ленинского комсомола) по тому месту, где сейчас проходит улица Максима Горького. Улица Ленина круто сворачивала в сторону Шексны и заканчивалась где-то в районе пересечения современного проспекта Строителей с бульваром Доменщиков (изначально назывался ул. Бульварной). Вместо нынешних жилых кварталов и заводских корпусов стояли деревеньки Фроловское, Богородское, Рождество, Панькино, Кичино, Остинская… Район Заречья также был не городским, а деревенским.

Для иногородних специалистов и рабочих в районе деревни Панькино выстроили около двухсот щитовых бараков-времянок. Об удобствах не думали – лишь бы была крыша над головой. Бараки были перенаселены, в одной крошечной комнатке часто ютилась целые семьи. Разным был и социальный состав проживающих: бок о бок с вполне добропорядочными гражданами часто жили люди, в прошлом имевшие проблемы с законом. Поэтому неудивительно, что паньковские бараки стали главным источником беспокойства для работников череповецкой милиции, а в народе получили название, которое точно отражало суть царивших там нравов, – «Убей-городок». В бараках в то время жил каждый второй черепанин.

Однако городу предстояло прирастать не бараками, а благоустроенным жильем.

В 1950 году Совет Министров РСФСР утвердил план реконструкции Череповца. В соответствии с ним застройка новых кварталов осуществлялась в сторону металлургического завода без разрыва от старой части города. Новый город начинался со 103 квартала. Двухэтажные коттеджи на улице Горького возводились при участии военнопленных и потому до сих пор старожилы называют этот район «немецким кварталом». За двухэтажными домами полукольцом вставали кирпичные здания в 4-5 этажей – с портиками, полуколоннами, фигурными балконами, с лепными

Строительством дома по пр. Победы, 35 в СССР началась эпоха крупнопанельного домостроения

украшениями. Асфальтировались улицы и тротуары, строились детские сады, поликлиники, больницы, школы. Появились новые застройки в районе проспекта Луначарского, улиц Верещагина, Карла Маркса, Энгельса, Красноармейской. Строительство бараков прекратилось.

Гражданская стройка набирала темпы, об этом можно судить по динамике цифр: если в 1951 году было сдано лишь 5990 кв. метров жилья, то только за первое полугодие 1956 года – свыше 10 000! В этом году в городе впервые был опробован так называемый «горьковский» метод строительства жилья: силами будущих жильцов и частично на их средства. Таким способом построены некоторые дома по проспекту Строителей, улицам Ломоносова, Менделеева и Бульварной.

После войны миллионы людей продолжали жить в коммунальных квартирах, бараках и даже подвалах. Обеспечить множество семей отдельным жильем можно было лишь за счет резкого удешевления строительства. На самом высоком уровне архитекторам – проектировщикам было дано указание: убрать все лишнее и помпезное, чтобы сделать возведение домов дешевым и скорым. К числу архитектурных излишеств были отнесены не только арки, портики и башенные надстройки, но и «недопустимо завышенные площади передних, коридоров и других вспомогательных помещений». Вскоре были разработаны типовые проекты, призванные резко ускорить и удешевить строительство жилья для трудящихся, и все для того, чтобы к 1980-м году – «началу коммунистической эпохи» – каждая советская семья встречала коммунизм в собственной квартире. Началась реализация программы быстрого строительства пятиэтажек с малометражными квартирами, прозванных в народе «хрущевками», по имени тогдашнего лидера партии Н.С. Хрущева, а позднее» хрущобами» по аналогии со словом «трущобы». Но сколько бы сегодня не ругали эти хрущобы, благодаря им в стране в 50-60 годы был почти решен жилищный вопрос.

И что интересно, первая в СССР «хрущоба» – крупнопанельный жилой дом – построена у нас, в Череповце (пр. Победы, 35)! Горожане бегали смотреть, как стены дома вырастают буквально не по дням, а по часам. Бригада монтажников под руководством Н.А. Коротеева смонтировала коробку дома за 27 дней вместо 60, предусмотренных при строительстве таких зданий. В Череповце и в целом по стране началась эра крупнопанельного домостроения, что позволило резко ускорить темпы возведения жилья. Субподрядчики из «Монтажжилстроя» стали вести монтаж коробок крупнопанельных домов «с колес», что позволяло уже через месяц передавать 60-квартирный дом для отделочных работ специалистам «Жилгражданстроя». Опыт Череповца оказался настолько интересен, что его стали перенимать и в других городах страны.

В 1957 году таких домов в городе было всего 5 процентов от общего количества вводимой в эксплуатацию жилой площади, а к концу 60-х объем «хрущевок» перевалил за 60 процентов. Нынешним новоселам никогда не понять радость новосёлов 50-60-х годов, которые из тесной комнатенки паньковского или кичинского барака, где ютились целой семьёй, перебирались в малометражное, но все-таки собственное жилье – с холодной и горячей водой, газом, централизованным отоплением, отдельной кухней, ванной, совмещенной с туалетом, кладовками и даже… балконом!

Сотни строителей получили тогда квартиры в благоустроенных домах – светлые, солнечные, теплые, с водопроводом. Правда, дома не имели централизованного горячего водоснабжения. Отопление их до пуска на заводе теплоцентрали осуществлялось от временных котельных. В двухэтажных домах квартала № 103 жители долгое время получали горячую воду от колонок, установленных в ванных комнатах, с подогревом воды дровами.

На карте города одна за другой возникали все новые и новые улицы. В 1956 году по решению горисполкома часть бывшей улицы Курманова была переименована в проспект Строителей. Это было свидетельство уважения городских властей к людям, которые создавали новый Череповец.

С радостью строители и металлурги въезжали в благоустроенные квартиры

Трамвай сразу же завоевал популярность у горожан

1959 год стал годом рождения в Череповце телевизионного центра

В докомбинатовском Череповце почти не было транспорта. Ни автобусов, ни такси. Да и не зачем, если город из конца в конец можно было пройти минут за 15-20. Ведь его границей являлись улицы М. Горького – на западе, Вокзальная и Заря Свободы – на севере, а река Шексна – на юге. Теперь можете представить, что было 19 октября 1956 года, когда пустили трамвай! Он сразу завоевал популярность у населения. С утра до вечера трамваи ходили переполненными. Для соблюдения очереди при посадке в вагоны на конечных остановках в часы пик выставлялись милицейские посты.

Площадь Металлургов изначально задумывалась как центр города. Ансамбль площади создавался в несколько этапов. На городской окраине, на месте заброшенного Покровского кладбища, где был похоронен легендарный городской голова И.А. Милютин, установили 250-литровую бетономешалку, которая положила начало производственной базе строительного управления «Жилгражданстрой». Вокруг кладбища вырастали аккуратные двухэтажные дома, а за ними полукольцом вставали кирпичные здания в 4-5 этажей, с портиками, полуколоннами, фигурными балконами, с лепными украшениями.

Здесь же велись работы по возведению кинотеатра. Он стал одной из последних работ известного архитектора Ивана Жолтовского. Это была настоящая комсомольская стройка. Комсомольско-молодежные бригады работали и на рытье котлована, и на сооружении фундамента, и на кирпичной кладке, и на отделочных

работах. На помощь строителям приходили комсомольцы предприятий, солдаты, студенты, школьники. Сколько молодежных воскресников провели! Тогда был один выходной, и, тем не менее, в воскресенье сотни молодых людей приходили на помощь строителям. Получился не кинотеатр, а кинодворец! Стройные белоснежные колонны с капителями, обилие лепных украшений. В фойе – мозаичные полы, навесные потолки изо льна, громадные хрустальные люстры, потолки, расписанные бригадой молодых московских художников из мастерской имени Грабаря… Невольно охватывает гордость за людей, которые сотворили это чудо, за страну, в которой ты живешь. Архитектор И.В. Жолтовский на это и рассчитывал: показать мощь советской державы.

Кинотеатр, который был назван «Комсомольцем», приветливо распахнул двери 4 ноября 1957 года. Первыми зрителями, естественно, были строители этого замечательного здания. Они с удовольствием посмотрели знаменитый фильм С. Герасимова «Тихий Дон».

Старый город славился своим пышным зеленым нарядом. Особенно выделялись Соборная горка, парк культуры и отдыха, сад возле учительского института, бульвары по улицам Володарского, Луначарского, Заря Свободы. Эти зеленые пятна

сразу же замечались на том пятачке, который занимал Череповец. С приходом большой стройки благоустройство и озеленение улиц значительно отстало от темпов градостроительства, что, конечно, бросалось в глаза. В самом центре во всей красе двухзальный кинотеатр «Комсомолец», а рядом – развалины городского кладбища, превратившегося в свалку. И решили комсомольцы и молодежь города устроить на месте развалин парк. Горисполком поддержал идею. Руководили благоустройством главные озеленители металлургического завода М.А. Широков и К.Д. Кренделев.

Проводить озеленение традиционным способом – саженцами, значило затянуть дело. Поэтому посадку провели крупномерным материалом. Взрослые деревья – липы, березы, клены, ясени, вязы, различные кустарники – везли отовсюду: с далеких хуторов и деревень, с приусадебных участков домов, подлежащих сносу. Добровольных помощников у озеленителей оказалось хоть отбавляй. Бывали дни, когда приходило до двухсот человек. И никто не уходил, не высадив деревьев. Трудились даже под проливным дождем.

Зазеленел пустырь. Появились детские площадки, шахматные павильоны, взлетели в небо струи фонтана, примостились неподалеку киоски с газированной водой и квасом. Родился парк, которому присвоили имя Ленинского комсомола. А потом каждое предприятие города взяло шефство над одной из улиц. И, как в былые времена, оделся Череповец в пышный зеленый наряд.

Важным событием в культурной жизни города явилось рождение телевизионного центра. Над решением вопросов телевещания длительное время работала группа инженеров металлургического завода, которую возглавил начальник цеха технологической диспетчеризации В.В. Шахов. «Это было поистине чудо, что в небольшом районном центре зажглись голубые экраны телевизоров, хотя многие столицы республик еще только мечтали о собственном телевидении», – вспоминал Валентин Васильевич. В канун 42-й годовщины Великого Октября – 1 ноября 1959 года – в квартирах счастливых владельцев телевизоров зажглись голубые экраны. Этот день стал днём рождения областного телевидения.

К середине 60-х объемы строительства возросли настолько, что одновременно в работе на разных стадиях находилось до 30 объектов – в разных концах города. В те годы фактически был построен новый современный город, создана уникальная социаль-

ная сфера. В Череповце выросли проспекты с многочисленными благоустроенными домами, сотни объектов культурно-бытового назначения. Долгое время Череповец застраивался исключительно пятиэтажными домами. В 1960 году Минстрой дал разрешение на строительство нескольких девятиэтажек.

Что ни день –
то на этаж подрастает город наш

Все меньше оставалось частных деревянных домов. Новый Череповец стремительно наступал на старые кварталы. Требовался новый генеральный план Череповца. Работу поручили Ленгорстройпроекту. Поектировщики-градостроители сначала планировали город на 90 тысяч жителей, затем на 140, на 250… Проект должен был полностью соответствовать высказыванию Н.С. Хрущёва, который провозгласил, что через 20 лет, то есть, в 1980 году, «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме». Проект поражал своим размахом. Череповец на нем выглядел как город будущего из фантастических книг. На берегу Шексны – девятиэтажный дом, ресторан и Дворец культуры металлургов. Вместо деревянных домов по улице Карла Либкнехта здания из стекла и бетона. На месте подлежащего сносу Воскресенского собора будет стоять и показывать путь многопалубным кораблям, проплывающим по Рыбинскому морю, величественный памятник В.И. Ленину. А рядом – не менее величественное здание советских и культурных организаций. Здесь же – Дом собраний, Дворец бракосочетаний, оперно-драматический театр, здание гостиницы с рестораном, библиотека, городской музей, панорамный кинотеатр… К счастью, воплотить этот проект в жизнь не удалось. Учитывая высокие темпы роста числа жителей

Череповца, Госстрой РСФСР дал задание Ленгорстройпроекту откорректировать генплан с учетом увеличения расчетной численности населения города.

20 мая 1969 года правительство утвердило генеральный план развития Череповца на 400 тысяч жителей. Он охватывал период до 1995 года. Основной район застройки – Зашекснинский. Все дома здесь проектировались многоэтажными. 60 процентов жилой площади разместится в пятиэтажных домах, 40 – в домах повышенной этажности (9 – 12 – 16 этажей, а в отдельных случаях более 20 этажей). В наиболее ответственных композиционных узлах жилые дома будут строиться по индивидуальным проектам. Намечалось построить десятки школ, детских учреждений, 15 больниц различного профиля, несколько поликлиник, родильные дома, диспансеры, профилактории. А также появятся драматический театр на 1200 мест, театр музыкальной комедии, театр юного зрителя, цирк, три концертных зала, планетарий, три дворца пионеров, десятки клубов, библиотек, кинотеатров, Дворец культуры металлургов, крытый каток. Запроектирована зона зрелищных и культурно-массовых учреждений, спортивный центр со стадионом на 35 тысяч зрителей, яхт-клубом, аэроклубом, автомотоклубом, мототреком, ипподромом, тиром, спортзалами, плавательными бассейнами. Здесь же здания научно-исследовательского центра и зона высших учебных заведений. В Индустриальном районе кварталы, наиболее приближенные к металлургическому заводу, перестанут быть жилыми: в существующих домах проектируется разместить научно-техническую часть промышленного района. Для связи между городскими районами проектанты наметили строительство двух мостов через Шексну – один мост в створе улицы Сталеваров, другой в створе улицы Архангельской – и двух мостов через Ягорбу, первый из которых свяжет Московский проспект с улицей Белинского, второй разместится севернее поселка фанерно-мебельного комбината. Планировалось, что Московский проспект станет одной из важнейших транспортных магистралей города и что протянется он от Ягорбы до улицы Сталеваров. Но проект остался не реали-

зованным, а напоминание о нем осталось в нумерации домов по четной стороне, которая начинается с цифры 36.

В середине 1960-х годов развернулось строительство метизного производства. Чтобы оно появилось в Череповце, пришлось металлургам вступить в бой с обкомом КПСС и Вологодским совнархозом, которые «бомбардировали» Совет министров СССР письмами, доказывая, что такой завод должен быть в Вологде, потому что в областной столице нет ни одного мощного завода-кормильца. Череповчане тоже писали в Москву, аргументируя тем, что метизное производство должно быть в единой технологической цепочке, иначе оно потеряет преимущество, которое заключается в близости к поставщику металлопроката. Победу одержал Череповец. А в Вологде правительство пообещало разместить автомобильный или подшипниковый завод.

Первую метизную продукцию – моток проволоки – получили 25 декабря 1965 года. Этот день считается днем рождения сталепрокатного завода. В последующие годы на новых мощностях завода получат электроды и гвозди, металлические сетки и фасонные профили, крепеж и стальные канаты. Сталепрокатный завод (в будущем ОАО «Северсталь-метиз») станет ведущим предприятием России по производству метизной продукции.

В 1970 году Череповец пополнился азотно-туковым заводом. Его возникновение диктовала производственная необходимость – отходящие газы коксохимпроизводства надо было перерабатывать. Основной стройкой в Череповце, естественно, был металлургический завод. Его возведение шло очередями. В середине 1960-х годов вторая очередь расширения металлургического завода (строительство самой мощной в стране доменной печи «Северянка» – конвертерный цех – стан «2000») еще планировалась, темпы промышленного строительства заметно снизились и у треста «Череповецметаллургстрой» резко упали объемы работ. Начальник треста Мамлеев понимал, что только новое строительство обеспечит его специалистов работой. И он предложил построить в Череповце химический завод. Металлурги были ка-

тегорически против, заявляя, что металлургия и химия в одном месте – это самоубийственная смесь. Металлургов поддержал исполком Череповецкого горсовета, который 6 апреля 1967 года принимает решение: «В связи с концентрацией в городе предприятий, имеющих большую санитарную вредность, горисполком категорически возражает против размещения в районе города нового крупного химического предприятия – завода двойного суперфосфата». Однако химзавод все-таки будет включен в генплан, и он станет важнейшей стройкой Череповецкого промышленного узла в IX-X пятилетках. Ведомственные интересы, как видим, победили здравый смысл.

В Череповце возникла серьезная диспропорция между развитием промышленности и городским хозяйством. На первом плане у города – давать стране металл и удобрения. Отчисления министерствами денег на социально-культурные объекты были мизерными. А это привело к тому, что жилищная проблема стала главной после хлеба насущного. В списках на улучшение жилищных условий на металлургическом заводе состояло 13,8 тысячи человек, в тресте «Череповецметаллургстрой» – восемь тысяч, более трех тысяч человек проживало в бараках. Кроме того, город неудовлетворительно был обеспечен больницами – менее половины нормы, учреждениями культуры и школами – около 60 процентов. Ни одно предприятие не имело своего дома культуры. А тут одновременно Минчермет и Минхимпром наметили значительный рост промышленного строительства: по металлургическому и сталепрокатному заводам – в 1,6 раза, а по химическому и азотнотуковому заводам – почти вдвое. Значит, следовало ожидать нового роста населения и углубления диспропорции в развитии промышленности и городского хозяйства.

Оценив всю серьезность проблем, А.С. Дрыгин и председатель облисполкома Л.А. Власенко пришли к выводу, что на региональном уровне их не осилить. Решили готовить обоснования в правительство о комплексном развитии Череповецкого промышленного узла, усилении строительства социальных объектов. Были представлены проекты двух распоряжений правительства: по социальному развитию Череповца и по наращиванию мощностей строительной базы. В марте 1976 года Косыгин их подписал.

Правительственные постановления предусматривали строительство в Зашекснинском районе инженерных объектов и моста через Шексну, ввод которых давал возможность возвести здесь 800–900 тысяч квадратных метров жилья и поселить 55–60 тысяч

В связи с 200-летием со дня основания Череповец в 1977 году награжден орденом Трудового Красного Знамени

человек. Для обеспечения населения города продуктами питания намечалось построить ряд крупных мощностей пищевой индустрии, создать рыбное хозяйство на базе термальных вод ГРЭС. Радовал предстоящий ввод многочисленных объектов образования, здравоохранения и культуры, которых так недоставало в Череповце.

…Море людей заполнило площадь Металлургов 25 июня 1977 года. Член ЦК КПСС, первый секретарь Вологодского обкома КПСС А.С. Дрыгин зачитывает Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении города Череповца орденом Трудового Красного Знамени – «за большие успехи, достигнутые трудящимися города в хозяйственном и культурном строительстве, и в связи с 200-летием со дня основания».

– Орден Трудового Красного Знамени, которого удостоен город, – говорит А.С. Дрыгин, – это всенародное признание его заслуг перед Родиной, перед советским народом. Это высокая награда венчает славные дела старших и младших поколений, подводит итог большого исторического периода. Вместе с тем она открывает новую страницу в истории города, служит стимулом к новым замечательным делам и свершениям.

Большой праздник, посвященный 200-летию Череповца, начался 25 июня в 4.30 утра на площади Жертв революции молодежным митингом «Здравствуй, солнце!» В 9 утра эстафету юбилейного торжества приняли дети. На площади Металлургов состоялся пионерский марш-парад. В полдень на главную площадь города на митинг, посвященный награждению Череповца орденом, пришли праздничные колонны трудящихся предприятий и строек. Завершился первый день праздника грандиозным концертом-представлением на стадионе «Металлург». На поле и на сцене выступили лучшие городские коллективы и артисты: хор «Северяночка», ансамбль танца «Северные зори», народный цирк, народный театр ДКМ, ансамбль «Прялица», оркестр «Гармоника», солисты филармонии. Погода была холодной и ветреной, но зрелище получилось ярким и запоминающимся.

Очень долго на стенах домов и на тротуарах красовались надписи, сделанные по трафаретам: «Здравствуй, солнце!», «Череповцу – 200 лет», «Череповец – город труда и романтики». В эти дни был заложен парк «Имени 200-летия Череповца».

Праздничное мероприятие, посвященное 200-летию города

Группа альпинистов города во главе с мастером спорта СССР В.М. Печениным совершила восхождение на безымянную снежную вершину Памира высотой 5200 м и дала ей имя «Пик Череповец». Альпинисты сложили пирамиду из камней, в алюминиевую герметичную капсулу вложили знамя, на котором было вышито: «От трудящихся города Череповца в честь 200-летия города. 1777-1977 гг.» Туда же вложили герб города и записку от первооткрывателей. А рядом положили коробок спичек, произведённый на Череповецкий спичечной фабрике, и традиционную шоколадку для будущих восходителей.

Уникальный вантовый мост был готов, как и намечалось, к празднику Великого Октября (потому и назван «Октябрьским»). 5 ноября 1979 года к мосту, соединившему берега Шексны, пришли жители города для того, чтобы принять участие в торжественном открытии движения по нему. Разыгравшаяся метель не смогла погасить энтузиазма собравшихся здесь людей. Аплодисментами были встречены появившиеся на трибуне передовые мостостроители, партийные и советские руководители.

Важным событием в истории Череповца стало открытие моста через Шексну

– Этот мост уникальный, – рассказывает главный инженер проекта Б.И. Шкворов. – Многое встречается здесь впервые: ванты из закрытых канатов, принципиально новая конструкция эстакады. А главное отличие его в том, что в конструкцию включены вантовые металлические, а не железобетонные соединения.

О грандиозности сооружения, воплотившего в себе инженерно-техническую мысль и труд рабочих рук, говорят такие цифры. При строительстве моста перемещено 140 тысяч кубометров грунта, завезено 130 тысяч кубометров песка, уложено в основание моста и его тело 25 тысяч кубометров бетона и железобетона, смонтировано 10 тысяч тонн металлоконструкций, 17 километров стальных вантовых канатов, установлено более 100 тысяч высокопрочных болтов.

К микрофону подходит член ЦК КПСС, первый секретарь Вологодского обкома КПСС А.С. Дрыгин:

– Теперь, когда по мосту открывается автотранспортное движение, главная задача состоит в том, чтобы в кратчайший срок получить максимальную отдачу от его эксплуатации в виде дальнейшего развития экономики города и окружающих сел, – сказал

Дрыгин. Он отметил большой вклад мостостроителей, трудовых коллективов Череповца.

Один за другим выступают строители и монтажники, говоря о важности моста для города. Под аплодисменты собравшихся председатель горисполкома В.И. Завьялов объявил, что принято решение мост именовать Октябрьским. Под музыку оркестра А.С. Дрыгин разрезает алую ленточку. Лучшие водители Всесоюзного объединения «Череповецметаллургхимстрой», других автотранспортных предприятий города вывели на мост мощные самосвалы, за ними следуют автобусы, за техникой плотным строем на мост вступили люди.

Движение через мост открыто. Наконец-то появилась возможность застройки левобережного района за Шексной. Но до этого события пришлось ждать семь лет. Только 10 июня 1986 года был уложен первый камень в основание первого дома в Зашекснинском районе…

ВОЗРОЖДЕНИЕ ЧЕРЕПОВЕЦКИХ СВЯТЫНЬ

На территории современного Череповца накануне революции располагалось 16 храмов и 15 часовен. В самом центре города – на Соборной горке – стояли два храма: Воскресенский и Троице-Сергиевский бывшего Воскресенского Череповецкого монастыря. В версте от них на Благовещенской (ныне Красноармейской) площади возвышалась церковь Благовещения Пресвятой Богородицы, которая с рядом стоявшей Иоанно-Богословской церковью составила единый архитектурный ансамбль. На городском Коржавском кладбище (сейчас здесь парк имени Ленинского комсомола) была Покровская церковь, возле северной стороны которой находились погребения рода городского головы И.А. Милютина. На пересечении Александровского (Луначарского) проспекта и Крестовской (улица Ленина) располагалось подворье Иоанно-Предтеченского Леушинского монастыря с церковью в честь Сретения Господня. Неподалеку от железнодорожного вокзала стояла деревянная церковь в честь Святителя Николая, создана она была в память 300-летия дома Романовых. Инициатива постройки исходила от череповецких железнодорожников. На строительство церкви игумения Таисия внесла крупный денежный вклад, и сама сшила облачения на престол, а император Николай II пожертвовал для церкви ценные хоругви. Николаевская железнодорожная церковь стала последним череповецким храмом, построенным до революции.

Были в Череповце и домовые церкви: при Реальном училище (в память императора Александра III), при Мариинской женской гимназии и при городской тюрьме. Неотъемлемой частью пейзажа города являлись часовни: в честь иконы Божьей Матери «Живоносный источник» (на правом берегу Ягорбы), в честь преподобного Филиппа Ирапского (Советский проспект, 31) и часовня во имя святителя Николая Чудотворца на перроне железнодорожного вокзала.

Череповецкий Воскресенский и Троицкий соборы. Фото конца XIX в.

Церковь Благовещения Пресвятой Богородицы

Часовня «Живоносный источник». Фото начала XX в.

История череповецких храмов была бы неполной без рассказа о пригородных приходах, территория которых ныне вошла в черту города. Таких приходов существовало пять: Никольский, Рождественский, Матуринский, Богородский, Богословский.

Ближайшим к Череповцу было село Никольское, располагавшееся недалеко от Октябрьского моста (ныне на его месте находится городская больница). Церковь Николая Чудотворца в Старой ямской слободе (так она именовалась в старинных источниках) существовало уже в середине ХУ века. Близ этого храма проходил старинный путь из Белозерска в Москву, и находилась переправа через реку Шексну. На расстоянии менее версты от села Никольского располагалось

Развалины Покровской церкви. Фото 1950-х гг.

село Рождество, где стоял храм Рождества Христова. На месте современного ДОКа располагалось село Богородское, в нем стояли Успенская и Христорождественская церкви.

На противоположном конце Череповца в районе пересечения улиц Олимпийская и Краснодонцев располагалось старинное село Богослово, в нем стояло два каменных храма: Крестовоздвиженский и Иоанно-Богословский. Кроме того, в многочисленных деревнях, ныне поглощенных Череповцом, существовало свыше десятка часовен.

После революции 1917 года в России началось гонение на веру. Масштабная антицерковная кампания начинается с выхода в свет в январе 1918 года «Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви». В Череповце почти сразу же после его опубликования начинаются репрессии против священнослужителей. Были закрыты церкви при реальном училище, Мариинской гимназии, в тюрьме.

Наиболее массированная атака на верующих была предпринята в 1930-е годы. Повсеместно проводятся митинги рабочих, служащих, красноармейцев, учащихся, где звучали требования о закрытии церквей и передаче колоколов на нужды индустриализации. Под лозунгами «Создадим новый мир, свободный от предрассудков – мир коммунизма!» «Превратим очаги дурмана в очаги культуры» многие храмы переоборудуются под клубы, кинотеатры, школы, склады и т.д.

Восстановление храма Рождества Христова. 1990-е гг.

В 1939 году до основания был разрушен один из самых красивых городских храмов – Благовещенский. Единственным храмом, относительно благополучно пережившим эпоху гонений на веру, является Воскресенский собор. Он сохранился, хотя и обезглавленный.

К своим духовным истокам русский народ начинает возвращаться с конца 1980-х годов. В Череповце реставрируется Воскресенский собор и три каменных часовни: Николая Чудотворца, Филиппа Ирапского и Живоносный источник.

Одним из важнейших событий в духовной жизни Череповца стало возрождение храма Рождества Христова. Восстановительные работы начались в 1991 году по благословению архиепископа Вологодского и Великоустюгского Михаила (Мудьюгина). Проект реставрации был выполнен на основании историко-архивных документов и фотографий из фондов Череповецкого музейного объединения. Череповчане жертвовали на строительство храма, кто сколько мог. Собрали более одного миллиона рублей, сумму, достаточную для возведения храма. Но случился обвал рубля, в одно мгновение деньги обесценились. Возведение церкви остановилось. Выручили металлурги. Генеральный директор ОАО «Северсталь» Ю.В. Липухин сказал: «Металлурги закончат возведение храма». Строительные работы были продолжены под его личным контролем. Семь долгих лет шло строительство. Чуть ли не каждое утро к стройплощадке подъезжал «уазик» генерального директора, и Липухин в рабочей куртке и кирзовых сапогах шел инспектировать ход работ. Работы не прекращались даже в трудные времена,

Крестный ход в честь восстановления храма Рождества Христова.
18 июля 1997 г.

На средства «ФосАгро АГ» построен храм Афанасия и Феодосия Череповецких

Храм в честь святой великомученицы Варвары

когда у предприятия появились финансовые проблемы, задержки с выплатой зарплаты труженикам комбината.

Новая жизнь церкви началась 22 сентября 1991 года. В этот день был совершен чин закладки первого камня в основание строящегося храма. Мастеров, умеющих вести необычную кладку – со сводами, круглыми башнями, колоннами – приходилось искать по святым русским местам. Отливку главного, самого большого колокола оплатил лично Юрий Викторович Липухин.

18 июля 1997 года, в день памяти преподобного Сергия Радонежского и его учеников – преподобных Афанасия и Феодосия Череповецких, состоялось освящение церкви Рождества Христова. Перед царскими вратами архиепископ Вологодский и Великоустюжский Максимилиан произнес торжественную молитву. После завершения службы Владыка обратился к верующим:

– Сегодня мы видим плоды многолетнего труда. Наше общество начинает осознавать, что не только материальные блага нужны в жизни, но и возрождение духовности в каждом из нас. И за это великое дело, которое мы сегодня отмечаем, Всевышний воздаст и строителям, и меценатам.

Начало нового тысячелетия ознаменовалось возведением еще одного городского храма – в Макаринской роще в честь основателей города преподобных Афанасия и Феодосия Череповецких. Инициатива строительства принадлежит обычной череповчанке Валентине Громовой, которая смогла сплотить вокруг себя группу единомышленников. Идею строительства нового

храма поддержал губернатор Вологодской области В.Е. Позгалев. Жители Череповца активно включились в сбор пожертвований. Основные расходы взяла на себя компания «ФосАгро АГ». В День Химика – 30 мая 2009 года – состоялся чин закладки будущего храма, в октябре 2010 года были подняты купола и шатер на колокольню. В день города, 4 ноября 2011 года, состоялась церемония освящения нижнего храма Афанасия и Феодосия Череповецких.

А 10 октября 2017 года на территории фосфорного комплекса АО «ФосАгро-Череповец» состоялось освящение первого в области призаводского храма в честь святой великомученицы Варвары. Чин освящения был произведен епископом Череповецким и Белозерским Флавианом.

ГЛАВНЫЙ СТРОИТЕЛЬ ИНДУСТРИАЛЬНОГО ЧЕРЕПОВЦА

Диниахмед Набиуллевич Мамлеев

6 октября 1973 года трест «Череповецметаллургхимстрой» праздновал двадцатипятилетний юбилей. Очень ждали Дмитрия Николаевича Мамлеева, бывшего управляющего, но из-за болезни он не смог приехать. Прислал телеграмму, которая кончалась словами: «… помните, дорогие друзья, до конца своей жизни я буду считать себя вашим». Зал долго, стоя, аплодировал…

«Впервые о Череповце со мной заговорил Павел Александрович Юдин, министр строительства, – вспоминал Д.Н. Мамлеев. – Разговор происходил в Ленинграде. На восстановление этого города меня направили вскоре после окончания войны… Понятно, разговор с Юдиным показался мне очень неожиданным в этой обстановке. Но у министра были веские аргументы. «Северо-Западный район нашей страны и главным образом ленинградские машиностроительные предприятия, – сказал он, – потребляют огромное количество металла. Завозить его приходится издалека – за тысячи километров. Дорогое удовольствие! Группа ученых во главе с академи-

ком И.П. Бардиным доказала экономическую целесообразность создания на Северо-Западе собственной металлургической базы. Новый мощный металлургический завод решено строить в Череповце. Пока там и кола не забили, придется начинать с нуля».

И министр предложил Мамлееву выехать в Череповец и приступить к организации строительного треста. Впрочем, вначале Юдин предложил Москву, начальником главка. Увидев, что Мамлеев особой радости не проявил, добавил: «… Или Череповец. Перспективы очень богатые. Надо создать на новом месте огромный металлургический комплекс и одновременно построить новый город. И построить так, чтобы Череповец стал школой для других строек, своего рода строительно-монтажным университетом».

Диниахмед Набиуллевич согласился сразу. Захотел собственными глазами увидеть, как входит жизнь в заводские цеха, как засветятся окна в многоэтажных домах, – ради этого стоит поработать.

Еще до приезда в Череповец Диниахмед Набиуллевич Мамлеев прошел суровую школу жизни. Вспоминая свое детство, которое прошло в Башкирии, он называл его босоногим – отец выбивался из сил, чтобы прокормить и одеть большую семью. Пределом его мечтаний был «человек с кокардой» – чиновник почтового ведомства. Диниахмед осуществил мечту отца. После окончания семилетки и курсов связистов он стал почтальоном. Но уже через два года 20-летний молодой служащий понял: сильному, здоровому парню негоже развозить по селам письма, посылки да бандероли. Поэтому с энтузиазмом воспринял предложение – поехать на учебу в Ленинград. Там он окончил рабфак и сразу же поступил в Институт промышленного строительства.

Работал на строительстве Белорецкого металлургического завода, в «Башкоммунжилстройтресте». В 1933-1936 годах служил в рядах Красной Армии в саперных войсках, возводил укрепрайон на Карельском перешейке. В годы войны в Нижнем Тагиле, а затем в Уфе руководит строительством заводов, передислоцированных с запада страны. За успешное выполнение задания получил первый орден – Трудового Красного Знамени. День Победы встретил в Рыбинске, где возглавлял строительный трест. Год спустя его направили на восстановление Ленинграда.

…Через несколько дней после разговора с министром строительства состоялась первая встреча Мамлеева с Череповцом. После неоглядных степей Башкирии, где прошло детство, после

С.И. Резников и Д.Н. Мамлеев

белых ночей Ленинграда, где провел юность и стал инженером, город на Шексне показался серым и тихим. Но эта тишина доживала последние дни. Скоро она уйдет, уступив место шумной разноголосице огромной стройки.

Дмитрий Николаевич – как на русский лад его стали называть в Череповце – разместил свой аппарат, двадцать шесть человек, в небольшом одноэтажном кирпичном здании милютинской постройки, неподалеку от колхозного рынка. Провели сюда телефон, расставили мебель. Так буднично начиналась биография ставшей вскоре известной всей стране Всесоюзной ударной комсомольской стройки.

Здесь, на череповецкой стройке, Д.Н. Мамлеев встретился с директором будущего завода – Семеном (Соломоном) Иосифовичем Резниковым. Встретился и подружился. Это была удивительная дружба двух замечательных руководителей, счастливое сочетание таких разных характеров. Они, бывало, жестоко ругались, доказывая собственную правоту. Но чаще их можно было видеть мирно ведущими беседу. Их видели вместе на оперативках, на строительных участках, в общежитиях рабочих. Это были два титана: один – в области металлургии, другой – строительства. Два друга и два вечных спорщика. Но в их спорах

не было победителя – выигрывало дело. Вместе с Резниковым Дмитрий Николаевич разработал план действий: вначале создать мощную производственную базу строителей, а потом форсированным порядком приступить к сооружению объектов на промышленной площадке.

В ту далекую весну 1949 года строителей в тресте было всего полторы тысячи, ровно столько, сколько могли разместить бараки довоенной постройки и домишки частного сектора. В бараках грязь, холод, не хватает элементарных табуреток, тумбочек, керосиновых ламп. Нет радио, газет. До работы и с работы чаще всего добирались пешком, поскольку транспорта не хватало. Говорят, «строители должны быть романтиками, уметь преодолевать трудности». А Мамлеев считал, что это не романтика, это самое обыкновенное разгильдяйство.

От Мамлеева ждали, что он сразу же возьмется сооружать завод, а он вдруг повел разговор об обучении рабочих специальностям, о школе фабрично-заводского обучения, о промышленной базе треста, об общежитиях для рабочих. Головной болью у управляющего были бараки, он ратовал за то, чтобы избавиться от них как можно скорее, а вместо них построить капитальное жилье. Он рисковал быть снятым с работы, он даже схлопотал выговор от товарища Сталина за слишком пристальное внимание к объектам социально-бытовой сфере (установка правительства была: в первую очередь – промышленное строительство). Однако свою линию – на создание достойных условий жизни для рабочих – Дмитрий Николаевич продолжал вести, несмотря ни на что. «От того, как мы наладим быт строителей и монтажников, зависит судьба стройки, – доказывал Мамлеев на совещаниях разного уровня. – Надо в первую очередь возводить жилье, детсады, школы». Многоопытный Резников сразу уловил, что Мамлеев смотрит далеко вперед: без высококвалифицированных рабочих, без заботы о них, без мощной строительной базы завод не построить.

Строительство завода начиналось в сложных условиях. Задачи грандиозные, а техники, автотранспорта практически не было, всего 9 экскаваторов, 8 бульдозеров и не одного крана, тачки – и те в дефиците. Главные орудия труда – лопата, плотницкий топор да носилки. Не хватало грамотных мастеров, прорабов, квалифицированных кадров. Зимой грунт отогревали огнем и вручную – ломом, лопатой – выполняли земляные работы. Бетон размораживали дымом костров, транспортировали тачками, а чаще – на носилках. Основную нагрузку по перевозке материалов нес конный парк.

Вопреки постановлению правительства министерство металлургической промышленности наметило на 1950 год снижение объема капитальных вложений. Попытка областного начальства как-то изменить такое решение в Москве, ни к чему не привело. И Мамлеев, без согласования с обкомом партии, шлет телеграмму самому товарищу Сталину, просит принять его «по вопросу строительства ЧМЗ». Узнав об этом, министр строительства позвонил в Череповец, приказал управляющему немедленно приехать в Москву. В кабинете встретил словами: «Ты просился на прием к товарищу Сталину? Зачем ты это сделал?» Выслушав объяснение о мотивах, как он выразился «непродуманного поступка», сказал: «Завтра поедем к Тевосяну (тогда он занимал пост заместителя Председателя Совета Министров). Подробно объяснишь там ситуацию со строительством завода».

…Кроме И.Ф. Тевосяна в кабинете находился секретарь ЦК КПСС А.Б. Аристов. Они спросили о мотивах, побудившего управляющего обратиться за помощью в высшую инстанцию, выслушали информацию: в тресте не хватает самосвалов, экскаваторов, стройматериалов; естественно, план не выполняется, а во всем винят управляющего. Министр уже объявил ему два выговора. Тевосян внимательно слушал, делал пометки в блокноте, а в конце разговора сказал: «Все понятно. Завтра в эти же часы встретимся у меня». Утром в его кабинете собралось более десятка человек, представлявших разные ведомства. Каждый получил конкретное задание – что и в какой срок надо сделать для оказания помощи череповецкой стройке.

Когда все разошлись, Тевосян спросил: «Товарищ Мамлеев, надеюсь, теперь вы не будете настаивать на приеме вас товарищем Сталиным?»

Вскоре все, чего остро не хватало, прибыло на стройку…

Управляющий трестом взял курс на ускоренное создание своей производственной базы. Все новое и передовое, что было в отечественной и зарубежной практике в области строительства, изучалось им и без промедления внедрялось. Был заключен договор о сотрудничестве с Ленинградским инженерно-строительным институтом. Все новые разработки этого института в течение многих лет внедрялись на стройках Череповца, среди них особо важное значение имело, к примеру, ведение кирпичной кладки и бетонных работ в лютые морозы за счет различных добавок в бетон и раствор.

Прошло два года напряженной работы, и встали в строй корпуса завода железобетонных изделий, цеха шлакоблоков,

лесопильного и столярного цехов, карьерного хозяйства, бетонорастворного завода, базы механизации с мастерскими, ремонтно-механического цеха. Организовано около десяти строительных управлений и участков на промышленном строительстве и строительное управление «Жилгражданстрой», введен первый цех металлургического завода – цех металлоконструкций, начато строительство ТЭЦ, аглофабрики, объектов коксохимпроизводства, заложена доменная печь № 1.

На тихих улочках выросли первые многоэтажные дома. Открытие каждой школы, клуба, магазина становилось праздником для жителей города. Но проблема жилья оставалась, пожалуй, самой острой. Чтобы снять эту остроту, Мамлеев решил строить в Череповце крупнопанельные дома. Впервые в стране была реализована идея поточного крупнопанельного возведения жилья, для чего ввели в строй собственный цех крупнопанельного домостроения.

Один за другим вступали в строй цехи металлургического завода. 23 августа 1955 года в доменную печь было подано горячее дутье, домна обрела дыхание. Доменщики заступили на свою первую вахту.

24 августа 1955 года в 15 часов 25 минут старший горновой Федор Дроздов пробивает летку. В ковш хлынул, разбрызгивая огненные брызги, первый череповецкий чугун!

Этот день стал днем рождения Череповецкого металлургического завода.

В 1958 году страна впервые праздновала День строителя. В этот день за выдающиеся успехи, достигнутые в строительстве и промышленности строительных материалов Президиум Верховного Совета СССР присвоил звание Героя Социалистического Труда 143 работникам, в том числе – Мамлееву Диниахмеду Набиулливичу.

Последующие годы явились периодом бурного строительства и наращивания мощностей металлургического завода. По первоначальному проекту завод должен быть построен в заданной мощности в 1965 году. Д.Н. Мамлеев выступил с инициативой скоростного строительства цехов ЧМЗ. Он обосновал и доказал правительству, что этот объем можно выполнить на два года раньше, то есть, в 1963 году. Свои предложения с мероприятиями он направил в Москву и выступил в местной печати со статьей «Семь – в пять». Конечно, сомневающиеся были, но авторитет управляющего был настолько высок, настолько убедительны были его аргументы, что сомневающихся через несколько меся-

цев не стало. Москва, естественно, поддержала трест и скорректировала планы проектировщиков, снабженцев, субподрядчиков, поставщиков оборудования.

Ускорению строительства помогала индустриализация стройиндустрии. Впервые был применен метод разделенных совмещенных потоков, давших возможность открывать в короткие сроки фронт работ. Широкое применение на череповецкой стройке получили сборный железобетон, монтаж укрупненными блоками, новые конструкции и материалы. Строительная площадка превратилась в монтажную. Сюда поступали собранные в мастерских на специальных стендах крупные узлы агрегатов, а потом их мощными кранами водружали на свое место. Введение диспетчерской службы и сетевых графиков, монтаж крупносборных конструкций «с колес» и другие новшества позволили череповецким строителям сделать строительно-монтажные работы высокорентабельными и значительно сократить сооружение объектов.

На торжественном собрании в августе 1963 года, по случаю Дня строителя, управляющий трестом Д.Н. Мамлеев выступил с докладом. Он доложил, что коллектив успешно выполняет задания семилетнего плана. За истекшие четыре года семилетки введены в действие крупные объекты черной металлургии и среди них домна-гигант, одна из крупнейших в стране и которая является лидером по производству металла, 8 мартеновских печей, блюминг, прокатные станы в листопрокатном цехе, сортопрокатный стан «250», крупнейшая в стране аглофабрика № 2, ЛЭП «Рыбинск – Череповец». Сдано в эксплуатацию свыше 330 тысяч квадратных метров жилой площади, десятки детских садов и яслей, школы и другие культурно-бытовые объекты.

За успешное выполнение заданий по строительству Череповецкого металлургического завода и достижения в области строительного производства Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 сентября 1963 года строительно-монтажный трест «Череповецметаллургстрой» был награжден орденом Ленина. В торжественной обстановке по поручению правительства первый секретарь обкома КПСС А.С. Дрыгин прикрепил к знамени треста высшую награду Родины.

Управляющий трестом тщательно подбирал и расставлял кадры. У него был мощный «штаб». Большой опыт имели его заместители А. Герасимов, А. Лукин, главные инженеры П. Бобченок, М. Лаевский, А. Ковальков. Крупные управления возглавляли инициативные руководители, такие как Н. Задорожный,

И. Звездов, Д. Домрачев, Я. Гандфоль, Ю. Лукоянов и другие. Череповецкая стройка гордилась бригадирами, которых воспитал Мамлеев, – Н. Коротеевым, В. Скачковым, В. Шухаловым, М. Афанасьевым. По всему Союзу ценили специалистов, прошедших «школу Мамлеева».

Управляющий не переносил, когда подчиненные не выполняли поручений, графиков работы или пытались утаить недоделки, показывали незнание истинного положения дел на том или ином участке. Правда, скрыть это от Мамлеева было трудно: он знал о состоянии дел на промплощадке. Ветераны вспоминают урок, который однажды всем преподал Дмитрий Николаевич. Когда начальник одного из управлений доложил о том, что все намеченное сделано и смежникам можно приступать к монтажу, обычно спокойный Мамлеев с гневом в голосе прервал: «Прекратить обманывать! И передайте своему главному инженеру, чтобы он на оперативные совещания приходил вместо вас».

Начальник стройки любил молодежь, доверял ей самые трудные задания, радовался, когда они выполняли раньше срока. Чувствуя поддержку, молодые инженеры быстро становились хорошими организаторами. Существовало даже понятие «мамле-

Праздничная колонна строительного треста во главе с Д.Н. Мамлеевым

евская школа». Суть его заключалась в том, что каждый молодой специалист должен был не менее двух лет проработать в резиновых сапогах, то есть мастером на стройплощадке.

Открытие памятника Герою Социалистического Труда Д.Н. Мамлееву

Мамлеев обладал даром талантливого и дальновидного руководителя. Решения принимались им после тщательного анализа, он обладал редким умением – сказать о главном просто и доходчиво. Не только в Череповце, но и в Москве, в главке, где на производственно-хозяйственные активы собирались все крупные руководители, выступлений Дмитрия Николаевича ждали с нетерпением. Он четко формулировал мысль, говорил ярко, образно. Его никогда не соблазняла перспектива получения более высоких должностей, которые предлагались ему после того, как «Череповецметаллургстрой» стал флагманом отечественной строительной индустрии.

Как вспоминает ветеран стройки, кавалер орденов Ленина и Трудового Красного Знамени В. Бушков, Дмитрий Николаевич в совершенстве знал свое дело. Хорошо ориентировался в обстановке, ценил людей и время, выбирал «зерно» и сосредоточивался на главном. В мелочах не утопал, но при необходимости не пренебрегал и ими. Вперед шел осторожно, продуманно, и никогда – напролом.

Д.Н. Мамлеев отличался большой активностью в общественных делах Он много раз избирался членом горкома и обкома КПСС, депутатом городского Совета и Верховного Совета СФСР, был делегатом XXIII съезда КПСС.

В 1970 году Мамлеева вынудили выйти на пенсию. Причиной такого решения стали разногласия с первым человеком области А.С. Дрыгиным. Оба властные, оба уверенные в своей правоте. Мамлеев не любил, когда его пытались держать «на поводке». После создания на пусковом объекте ЧМЗ партийного штаба, ради победных рапортов в ЦК на череповецкой стройке стали практиковаться авралы, наносившие громадный экономический ущерб. Мамлеев не раз выступал против.

Череповцу он отдал лучшие годы своей жизни. Под его руководством построен крупный металлургический завод: введены в действие теплоэлектроцентраль, четыре доменные печи, шесть коксовых батарей, двенадцать мартеновских печей, две аглофабрики, две углефабрики, девять прокатных станов, сталепрокатный и азотно-туковый заводы, линия электропередач Рыбинск – Череповец, восемь цехов фанерно-мебельного комбината, много других объектов промышленности и сельского хозяйства. Было сдано в эксплуатацию больше миллиона квадратных метров жилой площади, построены 22 школы, 87 детских учреждений.

Он не накопил богатства, сбережений при уходе на пенсию едва хватило бы на автомобиль «Москвич», который он так и не приобрел. Вместе с женой Христиной Яковлевной он уехал в Ленинград. Провожать почетного гражданина Череповца, Героя Социалистического Труда, Заслуженного строителя РСФСР Дмитрия Николаевича Мамлеева пришло всего несколько человек…

Но, как верно заметила Христина Яковлевна, в Ленинград вернулся Дмитрий Николаевич слишком поздно. Он уже никуда не мог «уехать» от череповецких домен и мартенов, волнений и забот. От города, который построил, которому отдал себя без остатка… Все его думы были там, в Череповце…

Умер Дмитрий Николаевич Мамлеев в 1975 году.

Несмотря на жизненные коллизии, Дмитрий Николаевич Мамлеев считал, что у него сложилась счастливая жизнь. Он так об этом сказал: «Вспоминая минувшие годы, я с особой теплотой думаю о людях, которые построили промышленный Череповец. Многих из них я знаю лично, а с некоторыми довелось, что называется, «съесть пуд соли». Я и сегодня их помню так, словно только вчера все началось, и мы никогда не расставались. Не знаю, часто ли люди испытывают подобное чувство, но, наверное, это и есть счастье. Счастье в том, что на берегах Шексны в зареве заводских огней вырос город, к рождению которого ты имеешь самое прямое отношение».

СЕМЬ ДИРЕКТОРОВ «СЕВЕРСТАЛИ»

«Северсталь» – правопреемник Череповецкого металлургического завода, история которого начинается в предвоенное время. 20 июня 1940 года Совет Народных Комиссаров Союза ССР и Центральный Комитет ВКП(б) приняли решение об организации металлургического производства на Северо-Западе СССР с

центром в Череповце. Но война помешала осуществить грандиозный проект. Через два года после окончания войны, 30 декабря 1947 года, И.В. Сталин подписал постановление о возобновлении строительства Череповецкого металлургического завода.

12 апреля 1948 года приказом министра черной металлургии СССР директором новостроящегося завода назначается видный организатор отечественной металлургии Семен (Соломон) Иосифович Резников.

Семен Иосифович Резников

Родился Резников в семье служащего в городе Горловке. После окончания Харьковского металлургического института работал на металлургических заводах Мариуполя и Днепродзержинска сменным мастером, главным инженером, директором завода. В 1941 году его назначают заместителем наркома черной металлургии СССР. В качестве уполномоченного Государственного Комитета Обороны он руководит эвакуацией демонтированных металлургических заводов Украины на Урал. В годы войны был директором Ново-Тагильского металлургического завода. Под его руководством уральские металлурги в короткое время освоили производство спецстали для танковой брони и бронебойных снарядов.

Двенадцать лет жизни отдал Резников Череповецкому металлургическому заводу. Двенадцать лет, наполненных заседаниями, оперативками, поисками верных решений и созданием команды знающих специалистов. Это было время строительства основного «хребта» будущего металлургического гиганта, время становления его коллектива – от рабочего до управленца. А еще – время постоянных вызовов на «ковер», начиная от партийных кабинетов и кончая министерскими. Трудностей при сооружении первого в мире завода, работающего на бедных железных рудах, вдали от источников сырья и топлива, но относительно близко к промышленным предприятиям-потребителям металла, хоть отбавляй. Нужны были воля, решительность, организаторский и инженерный таланты, чтобы не поддаться паническим настрое-

ниям, найти выход из, казалось бы, тупиковой ситуации, и стать, в конечном счете, родоначальником того самого «череповецкого почерка», который и выведет впоследствии завод в число лидеров мировой металлургии.

В Череповце Резникову пришлось начинать с нуля. В первые месяцы он объединял в себе и отдел кадров, и табельщика, и секретаря. В шутку его называли «генералом без армии». В управлении была единственная комната, где и сидел Резников. Табличка «прием от и до» так и не появилась на его дверях – заходи в любое время. Впрочем, в кабинете Семен Иосифович почти не был, он – то на промышленной площадке, то – в обкоме, а большей частью пропадает в министерстве, решая вопросы по укомплектованию цехов завода инженерно-техническими и рабочими кадрами, выбивая финансы и необходимое оборудование.

Резников не проводил рубежа: тут служба, а там твое личное. Место в общежитии, лекарство для больного, заработки, короткие отпуска на свадьбы – десятки, сотни больших и малых забот, к которым директор осторожно и тактично прикасался. Для инженеров это была своеобразная школа. Уроки ее по-разному отложились в людях, но они отложились – у кого на короткое время, у кого – на всю жизнь.

Долго пришлось Резникову отстаивать ремонтные цеха: удешевляя строительство завода, проектировщики намеревались урезать прежде всего ремонтную базу. Рассуждения были простые: число домен и мартенов не убавишь, а вот вспомогательное хозяйство урезать ничего не стоит. Директор возмущался: «Легкомыслие! Что нам скажут те, кто через несколько лет будет плавить и прокатывать сталь?! – «Мы – люди маленькие, – отвечали ему. – «Есть соответствующее решение». – «Это бумага, самим думать надо» – заявлял Резников. И добился-таки развития ремонтной базы.

Приближался пуск завода. От имени министерства черной металлургии Резников решал вопросы, возникавшие в ходе строительства и монтажа. Был составлен так называемый «железный график» по ликвидации недоделок. Каждое утро Резников и начальник стройки Мамлеев начинали с обхода стройплощадки. Заглядывают на бункерную эстакаду, на шлаковый двор, к слиповым лебедкам. Мамлеев – как натянутая струна, взрывается при каждом замечании: «Придираешься к каждой мелочевке, Семен Иосифович». Но на своих оперативках давал разгон бракоделам и приказывал немедленно устранять замечания. Кстати, такой жесткий контроль со стороны эксплуатационного персонала себя

оправдал. Доменная печь № 1 от задувки до капитального ремонта проработала более 18 лет, что почти вдвое превысило допустимую норму!

Наступил знаменательный день – 24 августа 1954 года. По команде Резникова горновые пробивают летку, и вот он – первый череповецкий чугун! Металлургический завод вступил в строй действующих.

Череповецкий чугун произвел сенсацию: такого качественного чугуна никто в мире не производил. В то же время он был самым дорогим в СССР. Противники создания завода в Череповце (а таких было немало и в правительстве, и в среде ученых) довольно потирали руки: «Вот, мол, вам – «отрыжка сталинизма», наглядный пример волюнтаристского решения в выборе места строительства завода. Дескать, в угоду Сталину построили на пустом месте завод, который будет вечно убыточным. Крепко досталось тогда идеологам строительства ЧМЗ и министру И.Т. Тевосяну, и его заместителю академику И.П. Бардину.

Однако череповецкие металлурги не хотели сдаваться. Директору завода С.И. Резникову удалось сплотить людей, создать коллектив единомышленников, нацелить его на выполнение задачи: в короткий срок освоить оборудование, овладеть передовой технологией, добиться резкого повышения производительности труда. Одновременно с этим он убедил правительство,

Директор завода С.И. Резников в своем кабинете

что высокие издержки производства на заводе – дело временное. В докладной записке, которую направили в Москву Резников и Мамлеев, говорилось о том, что это результат замедленного строительства предприятия. Форсирование стройки даст возможность ликвидировать убыточность в ближайшие два-три года. Как только Череповец станет поставщиком листового и сортового проката, гнутых профилей и метизов – будет и высокая рентабельность.

Госплан СССР проверил расчеты череповчан, убедился в их правильности и дал задание Ленгипромезу разработать проект, который делал Череповецкий завод высоко прибыльным предприятием. Такой проект был выполнен. Строительство завода продолжалось. 1 мая 1958 года по площади Металлургов был провезен первый слиток стали. А в январе 1959 года вошел в строй действующих блюминг. Резников шлет в Москву телеграмму: «Получен первый прокат. Все механизмы работают нормально. С окончанием строительства блюминга на заводе завершен полный металлургический цикл».

Применение впервые в отечественной практики многих технических новинок, постоянное совершенствование профессионального мастерства вскоре превратили Череповецкий металлургический завод в одно из самых современных предприятий

С.И. Резников (в первом ряду в центре) с работниками заводоуправления

С.И. Резников (в центре) на первомайской демонстрации. 1958 г.

мира по производству черных металлов. И в этом огромная роль первого директора завода – Семена Иосифовича Резникова.

Еще в 1953 году у Резникова случился инфаркт, работал он в том году всего четыре месяца, мешали приступы стенокардии. Семен Иосифович обратился к министру с просьбой освободить его от должности директора, так как нервозная обстановка предпускового периода еще больше ухудшала состояние здоровья. Но его просьбу не удовлетворили, и еще семь лет был он на должности директора. И ведь не просто отрабатывал, а полностью отдавался делу. Пустил первую и вторую доменные печи, коксовый и агломерационный цехи, теплоэлектроцентраль, мартеновский цех и прокатные станы.

При нем развернулось огромное жилищное строительство: на пустырях, где раньше были огороды, выросли широкие асфальтированные улицы и проспекты, появились универсальные магазины, столовые, гостиницы, поликлиники, кинотеатр, школы, детские сады и ясли, построены поликлиника, главный корпус больницы, дом отдыха «Торово», пущен трамвай. Резников получил выговор от областного начальства за то, что он «пробил» правительственное постановление о строительстве в районном городке Череповце телевизионного центра. Выговор-то потом сняли, зато многие годы областная телестудия размещалась в Череповце.

Иван Федорович Филичкин

В январе 1960 года С.И. Резникова проводили на пенсию. Он уехал в Москву, работал там в министерстве черной металлургии консультантом. Умер в 1976 году.

За большие заслуги перед Родиной С.И. Резников награжден орденами и медалями СССР, в том числе орденом Отечественной войны II степени и орденом Ленина. В память о первом директоре ЧМЗ – ЧерМК – ОАО «Северсталь» одна из улиц Череповца носит имя С.И. Резникова.

Директором № 2 Череповецкого металлургического завода стал Иван Федорович Филичкин. До своего назначения в Череповец он работал на Украине на заводе имени Дзержинского заведующим центральной лабораторией. На том самом заводе, где когда-то трудился Л.И. Брежнев. Выдвижение Леонида Ильича на пост Председателя Верховного Совета СССР послужило причиной массового выдвижения широкого круга работников этого предприятия на руководящие должности. Одним из протеже Брежнева был Филичкин, который вопреки устоявшемуся в министерстве обычаю ставить во главе предприятий «технарей», последовательно прошедших все ступени карьерной лестницы – от рабочего до главного инженера, – со стула завлаба сразу прыгнул в кресло директора крупного металлургического предприятия.

Поначалу Иван Федорович произвел на всех хорошее впечатление: рослый, представительный, презентабельной внешности, с хорошими манерами и характером был приятен. Был Иван Федорович ярким представителем того демагогического времени, когда с высокой трибуны Дворца съездов провозгласили: «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме». Сделать крупный шаг на историческом пути к коммунизму предстояло и Череповецкому металлургическому заводу. Только в 1961 году нужно было ввести в строй действующих домну-гигант объемом 2000 кубометров, цех холодного проката, мелкосортный стан, две агломашины, три мартеновские печи. Совет Министров СССР выделил Череповцу для осуществления намеченного строительства огромные ассигнования – свыше 1 миллиарда рублей!

Время тогда было такое, когда поощрялись самые фантастические обязательства. Вот и череповецкие строители и металлурги хоть и понимали, что поставленная правительством задача невыполнима, но на митинге единогласно проголосовали за резолюцию: «Приложим все силы и знания, чтобы с честью выполнить это большое и ответственное задание к XXII съезду Коммунистической партии»!

При Филичкине завод начал стремительно терять завоеванную славу: не выполнялся план по многим показателям; оборудование часто выходило из строя, задерживался пуск важнейших объектов. И строители, и металлурги легко брали заведомо невыполнимые обязательства и так же «успешно» их проваливали. Из всего намеченного ввели только мелкосортный стан. Капитальное строительство застопорилось, у завода образовались огромные финансовые долги. А тут еще по всем кинотеатрам страны прошел сатирический журнал «Фитиль», главным редактором которого был Михалков-старший. «Фитиль» неизменно пользовался зрительским успехом и на его критику партийный контроль реагировал мгновенно. И вот на экранах появляется очередной выпуск журнала, где Череповецкий завод подвергается уничтожающей критике за вопиющую преступную бесхозяйственность, царившую на хранении дорогостоящего оборудования, предназначенного для монтажа. Вскоре прибыла комиссия из Министерства народного контроля СССР. Факты бесхозяйственности подтвердились. А кроме того, еще обнаружились в отчете за 1961 год приписки производства стали.

До сих пор Филичкин был уверен, что благодаря покровительству Брежнева его директорское положение прочное и посягнуть на него никто не посмеет. Однако областное начальство вкупе с премьером Косыгиным сумели выйти из скользкого положения. И.Ф. Филичкина перевели сначала в Вологодский совнархоз (для него это было повышением), а затем в Москву, там под него создали лабораторию в каком-то НИИ, и стал он завлабом столичного масштаба.

А директором № 3 стал опытный металлург А.И. Бородулин, до этого работавший главным инженером Кузнецкого металлургического комбината.

Как вспоминал Анатолий Иванович, приехал он «в тот момент, когда Череповецкий завод, так хорошо взявший старт, неожиданно «сдал» и напоминал армию, которая в стремительном наступлении оторвалась от тыла, отчего и захлебнулась атака. Все внимание было сосредоточено на капитальном строитель-

Анатолий Иванович Бородулин

стве, в то время как некоторые участки производства были совершенно запущены, особенно ремонтно-механическая база. Отсюда и частые аварии. Они буквально захлестывали завод. Ну а если ты только борешься с авариями, то мысль стоит на месте».

Новый директор в первую очередь решил укрепить ремонтную базу, назначив на должность главного механика Леонида Ивановича Данилова, который еще на КМК проявил себя грамотным специалистом, хорошим руководителем, человеком большого таланта. Будущий лауреат Ленинской премии, заслуженный изобретатель СССР и почетный гражданин Череповца Л.И. Данилов за короткий срок создал по существу завод в заводе, равному которому по своим возможностям и оснащенности отрасль не имела. На заводе родилось массовое движение «Ни одного капитального ремонта без реконструкции и модернизации производства»! Под этим девизом проходили все капитальные ремонты как основных агрегатов, так и отдельных узлов и механизмов. Внедрение новых разработок, тщательная подготовка к капитальному ремонту доменных печей обеспечили прирост производства на один миллион тонн чугуна, а реконструкция блюминга позволила вывести его на производительность свыше шести миллионов тонн проката в год, что стало мировым рекордом.

Бородулин легко нашел общий язык с управляющим треста ЧМС Мамлеевым и вновь, как при Резникове, строители стали считаться с мнением металлургов. Тандем «Бородулин – Мамлеев» плюс ремонтное хозяйство Данилова, где без задержки изготавливалось нестандартное оборудование и ремонтировались агрегаты, позволили справиться с напряженным планом 1962 года по капитальному строительству: завод тогда обогатился домной-гигантом, коксовыми батареями, агломерационной фабрикой. От Рыбинска к Череповцу протянули две высоковольтные линии электропередач, надежно связавших завод с энергосистемой страны. Пришел на

берег Шексны саратовский газ, голубое топливо впервые в отечественной металлургии вспыхнуло в череповецких домнах и мартенах. В этот год завод впервые дал прибыль – 1572 тысячи рублей. Пуском в строй цеха холодного проката в 1963 году была перевернута последняя страница в строительстве первой очереди Череповецкого металлургического завода. Череповец стал поставщиком важного для народного хозяйства вида продукции – холоднокатаного листового проката, основным поставщиком автомобильного листа для Волжского автозавода и ГАЗа. В 1965 году впервые в СССР в Череповце был построен опытно-промышленный сталеплавильный агрегат. За создание, освоение и внедрение в металлургическую промышленность двухванных сталеплавильных печей А.И. Бородулину вместе с работниками мартеновского цеха была присуждена Государственная премия СССР.

Это был уникальный руководитель, сочетающий в себе знания, опыт и доброжелательность. А.И. Бородулину при поддержке партийной организации завода удалось создать коллектив, способный вести борьбу за снижение себестоимости продукции, овладение передовыми методами труда. И не только выжить, но и вырваться вперёд! Приняв нерентабельный завод, Бородулин сдал его с высшей наградой Родины – орденом Ленина! Завод

А.И. Бородулин (крайний справа) и участники прокатки первого череповецкого холоднокатаного рулона. 1963 г.

Владимир Алексеевич Ванчиков

вошёл в число высокорентабельных предприятий и стал известен в Советском Союзе и за рубежом так же, как Магнитка, Кузнецкий комбинат и Запорожсталь. Предприятие, по определению Председателя Совета Министров СССР А.Н. Косыгина, стало «своего рода университетом по пропаганде всего нового и передового в металлургии».

В апреле 1968 года А.И. Бородулина вызвали в ЦК и в категоричной форме предложили помочь братьям-украинцам вывести из прорыва Криворожский металлургический завод. Забегая вперед, скажем, что с поставленной задачей Бородулин блестяще справился, за что и получил Звезду Героя. Затем в его биографии были Болгария (Кремиковский завод), Индия (завод в Бхилаи) и Министерство черной металлургии Украинской ССР.

Всего неполных шесть лет Анатолий Иванович отдал нашему городу, но по его признанию здесь он «оставил навсегда свое сердце». После развала СССР, в 1996 году, А.И. Бородулин вернулся в Череповец.

Умер Анатолий Иванович Бородулин в 2000 году. Его труд отмечен четырьмя орденами Ленина, орденами – Красной Звезды, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета».

Бородулина сменил Владимир Алексеевич Ванчиков – первый доморощенный череповецкий директор. Свою карьеру он начинал еще при Резникове: курировал строительство доменной печи № 1, был первым комсомольским секретарем доменного цеха, прошел все ступени роста – от горнового до мастера, начальника доменного цеха, главного инженера и директора завода. Будучи начальником доменного производства уделял большое внимание внедрению новой техники и совершенствованию технологии. Благодаря этому впервые в мировой практике на доменной печи № 3 была достигнута наивысшая в мировой практике производительность на один агрегат. Этот успех был отмечен Государственной премией СССР.

На посту директора главной заботой Ванчикова было строительство самой мощной для того времени доменной печи № 4 полезным объемом 2700 кубических метров, электросталеплавильного цеха и цеха гнутых профилей. При его активном участии в проект домны-исполина были внесены изменения и вместо двух лёток для выпуска чугуна сделали три, увеличена толщина кожуха воздухонагревателей. в цехах отдела главного механика был изготовлен уникальный засыпной аппарат. Благодаря таким новациям значительно улучшилась работа на горнах, увеличилось количество выпусков. Череповецкие доменщики стали давать чугуна на новой печи на 500 тысяч тонн больше, чем запроектировано. Награду за это строительство – премию Совета Министров СССР – Ванчиков считал самой дорогой для себя.

В октябре 1969 года на заводе была получена первая электросталь в электросталеплавильном цехе. Череповец стал производителем трубной, подшипниковой, нержавеющей стали. Через три года вошел в строй цех гнутых профилей, заработали два агрегата резки в листопрокатном цехе № 2.

Большое внимание Ванчиков уделял социальным вопросам. На базе отдыха «Торово» интенсивно велось строительство спальных домиков, были возведены жилые корпуса в пионерском

Бывшие начальники доменного цеха:
В.И. Нетронин, В.И. Солодков, В.А. Ванчиков

лагере «Орленок». Жилой фонд города получил тысячи квадратных метров жилья. Строили не только на государственные деньги, каждый цех строил себе дом хозспособом.

Хозспособом решили построить и Дворец с огромным зрительным залом, который при необходимости мог стать сценой для выступления артистов или хоккейной площадкой. Выделили заводу на строительство один миллион рублей. Но не вписались в эту сумму. За нарушение финансовой дисциплины Ванчикову «светило» наказание. А в это время в Череповец прибыл секретарь ЦК КПСС П.Н. Демичев. Первый секретарь обкома А.И. Дрыгин посоветовал пригласить его в «Алмаз» (так навали спортивно-концертный зал). Понравился «Алмаз» Демичеву, сказал, что надо бы отметить за это руководство завода. А Ванчиков говорит: «Нам не до поощрения, не наказали бы». И все ему рассказал. Помог Демичев, поговорил где надо и Ванчикова больше вызывать «на ковер» не стали.

В 1973 году Ванчикова пригласили в Москву на должность заместителя министра черной металлургии СССР, где он проработал до 1979 года, а затем в течении двенадцати лет являлся заместителем председателя Госплана СССР, а затем он был переведен в Госплан СССР заместителем председателя, где курировал всю металлургическую промышленность страны В 1997 году В.А. Ванчиков возглавил Вологодское землячество в Москве.

Михаил Григорьевич Ананьевский

В анкете ветерана, хранящейся в музее трудовой славы, Владимир Алексеевич написал: «Я очень счастлив, что моя трудовая биография начиналась на Череповецком металлургическом заводе. Могу сказать, что годы работы на ЧМЗ – самые счастливые годы моей жизни. Встречаясь с товарищами, соратниками по работе в доменном цехе и на заводе, часто вспоминаю тот энтузиазм, инициативу, настойчивость, которые пронизывали всю деятельность коллектива завода, ту дружбу и взаимопонимание, которые сближали всех нас и создавали

При Ананьевском завод был награжден орденом Трудового Красного Знамени

коллектив единомышленников. Если бы была возможность, я бы не раздумывая из Москвы по шпалам ушел в Череповец, потому что в моей жизни работа на заводе была самой интересной».

Заслуги Владимира Алексеевича Ванчикова отмечены орденом Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени, он удостоен звания лауреата Государственной премии СССР и премии Совета министров СССР, а также заслуженного рационализатора РСФСР. За большой личный вклад в социально-экономическое и культурное развитие Череповца удостоен звания «Почетный гражданин города Череповца».

В 1973 году металлургический завод возглавил Михаил Григорьевич Ананьевский. После окончания МИСиС Ананьевского направили на Златоустовский металлургический завод. Там он проработал семь лет, стал начальником блюминга. В 1957 году приехал на работу в Череповец, куда его пригласили как опытного специалиста на пуск листопрокатного цеха. Работал начальником смены на стане «2800», затем его избрали заместителем секретаря парткома. Через четыре года назначили начальником сортопрокатного цеха, здесь под его руководством были построены стан «280» и «350». В 1963 году Ананьевскому предложили возглавить производственный отдел, а затем последовало новое назначение – главным инженером завода. И вот он уже директор.

При непосредственном руководстве М.Г. Ананьевского в 9-й и 10-й пятилетках на предприятии проведено техническое перевооружение действующих цехов и агрегатов. Впервые в стане освоено производство канатной катанки высшего класса. Впервые в мировой практике созданы уникальные предварительно напряженные прокатные клети бесстанинного типа. Внедрение новых клетей позволило снизить их металлоемкость, увеличить скорость прокатки, улучшить геометрию и повысить прочность прокатываемых профилей. В 1980 году это новшество было отмечено Ленинской премии. В числе лауреатов был и М.Г. Ананьевский.

XXIV съезд КПСС поставил перед металлургами страны задачу: наращивать производство в черной металлургии за счет строительства агрегатов большой единичной мощности: доменные печи строить объемом в 5000 кубометров, конвертерные цехи – с кислородными конвертерами в 350 тонн, прокатные станы производительностью 6 миллионов тонн в год. Весь груз проблем по сооружению этих мощностей лег на М.Г. Ананьевского.

1 мая 1975 года по площади Металлургов провезли первый горячекатаный рулон, полученный на широкополосном стане «2000», а 7 ноября 1980 года главным подарком Великому Октябрю стал первый слиток конвертерной стали. В адрес директора завода пришла поздравительная телеграмма от Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева. В ответной телеграмме металлурги пообещали освоить мощности конвертерного цеха на три месяца раньше нормативного срока и призвали строителей и монтажников «широко развернуть сооружение крупнейшей в мире доменной печи № 5».

Комплекс пятой печи – это 233 объекта, больших и малых. И чтобы их разместить на небольшом «пятачке» доменного производства, необходимо сносить недавно построенные склады и шлаковый двор. У заводчан родилась идея строить ДП-5 севернее железной дороги. Это предложение в министерстве отвергли. Тогда предложили вместо пятитысячника возвести печь объемом 3200 кубометров с последующей реконструкцией остальных печей и доведением их до такого же объема; при этом появится возможность унификации агрегатов, что значительно облегчит их ремонт. Но и этот вариант министерство забраковало. Тогда Ананьевский заручился поддержкой первого секретаря обкома А.С. Дрыгина и направляет деловую записку в ЦК КПСС. Из Центрального Комитета партии записка попадает в Госплан. Там был свой сведующий человек – заместитель председателя В.А. Ванчиков. Как бывший доменщик, он высоко оценил идею земляков и на Коллегии отста-

ивал вариант унификации домен с таким жаром, что присутствующие на заседании товарищи из ЦК пообещали вернуть его в Череповец, чтобы он остудил свой пыл в реке Шексне. Провели «разъяснительную работу» и в Ленгипромезе: сторонникам унификации было сказано: «или пятитысячник, или улица». В общем, чтобы удержать мировое первенство, стране требовался пятитысячник. А потом и этот объем был увеличен, ибо Япония построила сверхмощные печи…

Юрий Викторович Липухин

Предложение о переводе в Госплан начальником отдела черной металлургии М.Г. Ананьевский встретил с явной неохотой: жаль покидать, город, который Михаил Григорьевич полюбил всей душой и к расцвету которому он имеет прямое отношение. При нем был заложен фундамент Дворца металлургов, выросли сотни домов, несколько школ и детских садов. При нем закончено строительство моста через Шексну, что дало возможность городу шагнуть на левый берег реки.

В Госплане СССР Михаил Григорьевич проработал до 1987 года, а потом его назначили заместителем председателя Госснаба СССР.

М.Г. Ананьевский награжден орденами Ленина, Октябрьской революции, «Знак Почета». Проживает в г. Москве.

С 1981 года Череповецкий завод возглавил Юрий Викторович Липухин, последний «красный директор». Он руководил предприятием, пожалуй, в самое непростое для страны и промышленности время. При нем произошли самые знаковые в истории завода события: в 1983 году завод получил статус комбината, а десять лет спустя государственное предприятие «Череповецкий ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени металлургический завод имени 50-летия СССР» стало открытым акционерным обществом «Северсталь». Юрий Викторовичбыл его первым генеральным директором, а впоследствии председателем совета директоров.

Крупный инженер-металлург, академик Московской и Санкт-Петербургской академий, заслуженный изобретатель РСФСР, лауреат трех Государственных премий, Почетный гражданин г. Череповца Юрий Викторович Липухин родился 10 июня 1936 года в г. Новокузнецке в семье потомственных металлургов. Его дед – Илларион Афанасьевич Липухин – крестьянин с. Вороново Томской губернии работал кузнецом на селе и считался высококлассным специалистом; отец – Виктор Илларионович – до войны был директором Новомосковского жестекатального, а после войны – директором Чёрмозского и главным инженером Красно-Сулинского металлургических заводов.

В городе Чёрмоз Пермской области, куда в 1945 году переехала семья после назначения В.И. Липухина директором металлургического завода, прошли школьные годы Юрия Викторовича, состоялось его первое знакомство с металлургическим производством. Вместе с другими пацанами пробирался он на территорию завода, где высились огромные горы металлолома – разбитые танки, артиллерийские орудия, минометы, пулеметы, неразорвавшиеся снаряды, мины. Заглядывали и в цеха. Особый интерес вызывали горячие цеха, где можно было увидеть жидкий металл, прокатные станы, листобойные молоты. Не удивительно, что многие из ребят видели себя будущими металлургами. Не был исключением и Юра Липухин».

Директора металлургического комбината (слева направо) В.А. Ванчиков, Ю.В. Липухин, М.Г. Ананьевский, А.И. Бородулин

В 1954 году Юра поступил в Московский институт стали имени И.В. Сталина, который окончил в 1959 году. При распределении выбрал Череповец. Молодой инженер начинал свою трудовую деятельность простым рабочим – нагревальщиком металла в листопрокатном цехе № 1. Вскоре стал вальцовщиком, а потом мастером на стане 1700. А рядом строился огромный цех холодного проката. Юрий Липухин добивается перевода в ЦХП. Стажировка на Запорожском заводе – и вот он уже мастер травильного отделения. В ноябре 1963 года Юрий Викторович Липухин становится помощником начальника цеха по производству. Спустя три года он уже заместитель начальника цеха, а в 1971 году приказом директора завода В.А. Ванчикова назначается начальником цеха. Время, когда Юрий Викторович руководил цехом, с полным основанием можно назвать временем технического прогресса, по сути, революцией в холодной прокатке металла. Именно при Липухине в цехе холодного проката впервые были опробованы многие технические решения, которые позволили увеличить производительность стана и качество прокатки. В 1977 году Липухин был назначен начальником производственного отдела, затем главным инженером завода, а в 1981 году он сменил на посту директора М.Г. Ананьевского.

При нем завершилось строительство «завода в заводе» – ДП-5 – конвертерное производство – стан «2000». Построены третий конвертер, пятая разливочная машина, в цехе холодного проката введены в строй пятиклетьевой стан и агрегат алюминирования. Это позволило комбинату увеличить производство металла в два раза, выпускать дефицитные, дорогостоящие виды проката, которые до этого страна покупала за рубежом.

При Ю.В. Липухине на комбинате был создан мощный социально-бытовой комплекс. «Северсталь» стала одной из немногих российских компаний, где не только сохранились основные завоевания этой сферы, но и приумножились. Продолжал развиваться медицинский комплекс, укреплялась материальная база спортивных и досуговых учреждений. Забота о здоровом образе жизни металлургов и членов их семей, причем не только физическом, но и нравственном, стала важнейшей частью социального стандарта компании. Не случайно многие годы подряд в Государственном Кремлевском дворце руководителям «Северстали» вручались дипломы за победу во Всероссийском конкурсе «Российская организация высокой социальной эффективности». На комбинате развернулось мощное жилищное строительство. В Зашекснинском 112-м микрорайоне вырос целый поселок, кото-

рый сегодня носит имя Юрия Викторовича Липухина. Строились детские сады с бассейнами, спортивные сооружения, реконструировались общежития, столовые, появились новые здания в доме отдыха «Торово» и детском оздоровительном лагере «Орленок», были построены прекрасный Дворец металлургов и санаторий «Шексна» на берегу Черного моря. Особое внимание Ю.В. Липухин уделял пенсионерам: для них были открыты Дом милосердия и клуб «Ветеран».

Для министерских руководителей Липухин был не очень удобной фигурой. Не всегда брал руку под козырек, имел свое мнение, которое твердо отстаивал.

Вспоминает бывший директор по кадрам В.П. Холмов: «В конце 80-х годов на демократической волне руководителей всех уровней стали не назначать, а выбирать. И директора комбината выбирали. Из министерства специально приехал начальник управления кадров, который получил установку «прокатить» Юрия Викторовича Липухина. Им нужен был легко управляемый руководитель. И вопрос стоял прямо: переизбрать Липухина. Но ничего из этого не вышло. После доклада, в котором Юрий Викторович рассказал о сделанном и планах на будущее, он вновь был избран генеральным директором».

На него крепко давили в ЦК и министерстве, чтобы он принял главную стройку страны – пятую домну – с недоделками и отрапортовать о ее пуске к XXVII съезду партии. Намекали на Золотую Звезду Героя. Но Липухин был тверд: «Без очистных сооружений – не подпишу». Слово свое сдержал, но Звезды лишился. Зато самая мощная в мире печь с первых же дней заработала прекрасно и в рекордно короткий срок вышла на проектный рубеж.

В 1991 году Липухин безоговорочно поддержал Совет трудового коллектива, который принял решение о выходе из союзного подчинения и переходе под юрисдикцию Российской Федерации. Была предпринята попытка создать первый в России угольно-металлургический концерн. Однако в 1992 году вышел указ президента России, предписывающий реорганизацию государственных предприятий в акционерные общества. За считанные месяцы требовалось провести ускоренную приватизацию – разгосударствление огромного количества предприятий, созданных трудом миллионов тружеников за семь десятилетий советской власти.

Заниматься вопросами приватизации комбината Ю.В. Липухин поручил директору по финансам и экономике Алексею Александровичу Мордашову.

Чтобы понять, почему именно Мордашову была отведена главная роль в процессе приватизации, надо знать историю его стремительной карьеры. Алексей Мордашов родился в Череповце. Отец строил металлургический комбинат, а мать работала в отделе оборудования. Окончив школу, Алексей поступил в Ленинградский инженерно-экономический институт. Был круглым отличником, ленинским стипендиатом и комсомольским вожаком. Однако, много прогуливал. Но как прогуливал: сидел в библиотеке, штудируя экономическую литературу. Он еще застал те времена, когда в начале 90-х на последнем этаже института заседал неформальный клуб «Перестройка» во главе с Анатолием Борисовичем Чубайсом, где велись дискуссии о том, как управлять российской экономикой в условиях рынка. Научная карьера его не прельщала. По его мнению, степень MBA, которую он получил потом в Англии, в Ньюкаслском университете, в современном мире ценится дороже, чем сомнительный авторитет доктора экономических наук.

В родной город Алексей вернулся с красным дипломом. Устроился в РМЦ-1 старшим экономистом. Забрал себе первый в цехе компьютер – допотопный «Роботрон» – и разработал на нем новую систему оплаты труда. Уже тогда пытался внедрить в цехе трансфертные цены. На энергичного молодого специалиста обратила внимание Раиса Ивановна Липухина, руководившая отделом по обучению инженерно-технического персонала. И когда на комбинат поступила разнарядка из Минчермета на стажировку в металлургической компании Voest Alpine, Мордашова включили в состав группы, отправляющейся в Австрию.

По возвращении со стажировки, Мордашов встретился с гендиректором комбината. Подающий надежды экономист понравился Ю.В. Липухину: «У него были отличные предложения по реструктуризации. Я видел, что человек соображает, творчески подходит к делу, – рассказывал потом Юрий Викторович редактору российской версии журнала «Forbes» (2004, № 1) Полу Хлебникову. – Строить новые экономические отношения проще было молодому поколению. Это требовало теоретической подготовки и отсутствие комплексов, которые характерны были для нас».

Главная задача, которую поставил Липухин перед Мордашовым – не отдать комбинат в руки московских воротил, скупавших тогда практически все главные мощности России, попавшие под приватизацию. А для этого требовалось скупить как можно больше акций предприятия.

Организовав защитную фирму – акционерное общество закрытого типа «Северсталь-инвест», – Мордашов легко накопил необходимые средства, покупая сталь, производимую заводом и потом с прибылью перепродавая ее. На эти деньги выкупил у собственных рабочих и на всероссийском аукционе максимальное количество акций АО «Северсталь».

23 сентября 1994 года в новом Дворце металлургов состоялось первое собрание акционеров «Северстали». Кандидат на пост генерального директора Юрий Викторович Липухин доложил, что предприятие уже год работает в совершенно иной организационно-правовой форме собственности, – является акционерным обществом.

– Несмотря на трудности, комбинат выстоял, – заявил Ю.В. Липухин. – Выстоял перед обвалом цен на сырье и энергоресурсы, выдержал шахтерские забастовки. Нам удалось избежать самой серьезной опасности – распрей в руководстве и непродуманной дележки собственности, которые погубили немало других предприятий. Нам удалось сохранить производственный потенциал, хотя и со снижением объемов. Правильно выбранная стратегия развития позволила нам приостановить падение производства. Теперь же необходимо обеспечить его рост.

Как и ожидалось, в результате прямого тайного голосования общим собранием акционеров генеральным директором АО «Северсталь» избран Юрий Викторович Липухин. Ему же было поручено возглавить и Совет директоров.

Виктор и Татьяна Липухины открывают памятник своему отцу Ю.В. Липухину

27 апреля 1996 года состоялось очередное собрание акционеров, на котором Юрий Викторович Липухин доложил: «В соответствии с новым «Законом об акционерном обществе», запрещающим совмещение должностей генерального директора и председателя совета директоров одним лицом, я принял трудное для себя решение оставить должность генерального директора, хотя мог и остаться на этой работе. Я считаю, что в период реформ управлять комбинатом, иметь исполнительную власть должен экономист и финансист. Думаю, что это правильно и пойдет на пользу нашему акционерному обществу».

На должность генерального директора с подачи Липухина был избран директор по финансам и экономике 30-летний А.А. Мордашов.

Ю.В. Липухин пожелал Алексею Александровичу Мордашову успехов, и провозгласил девиз, которому должен следовать новый генеральный директор: «Устоять и приумножить!» Сам Липухин остался на должности председателя совета директоров, его основной деятельностью стала разработка перспективных направлений развития акционерного общества.

В 2002 году Ю.В. Липухин вышел на пенсию по возрасту.

Умер Юрий Викторович Липухин в 2011 году.

Его трудовая деятельность отмечена высокими наградами Родины: орденами Ленина, Октябрьской революции, Трудового Красного Знамени, «За заслуги перед Отечеством» I и II степеней. Благотворительная деятельность Ю.В. Липухина отмечена орденами Русской Православной церкви: Святого благоверного князя Даниила Московского III степени и равноапостольного Великого князя Владимира III степени.

Став генеральным директором «Северстали», А.А. Мордашов решительно взялся за вывод комбината из кризиса и реформирование его деятельности. Еще при Липухине была создана дирекция по стратегическому планированию, которая разработала шесть объемных программ выхода из кризиса. Эти программы предусматривали коренное улучшение существовавшей сбытовой системы, ряд серьезных технических преобразований, хозрасчет на базе трансфертных цен, реструктуризацию комбината, а также мероприятия, снижающие себестоимость и повышающие рентабельность и качество.

Была поставлена задача: капитальные вложения минимизировать, техническое перевооружение вести локально, модернизируя узлы, установки, агрегаты. А старые технологические

Алексей Александрович Мордашов

линии – закрыть. Принято решение полностью отказаться от мартеновского способа получения стали, а в электросталеплавильном цехе вместо четырех маломощных печей поставить шахтную печь производительностью 1000000 тонн электростали в год. В прокатном переделе сделана ставка на производство холоднокатаного металла: автолиста, динамной стали, оцинкованного металла, металла с полимерными покрытиями.

Спустя год А.А. Мордашов доложил акционерам, что новый совет директоров не только выстоял, но и обеспечил постоянство рентабельности и поступательный рост производства. Благодаря тотальной оптимизации производства, строгому контролю издержек, сбыта и закупок достигнута финансовая стабильность.

Экспорт принес «Северстали» значительную прибыль. На деньги, вырученные от экспорта, были приобретены месторождения угля и железной руды, портовые терминалы и Ульяновский автомобильный завод. Родственные производства сгруппировали в три дивизиона: металлургический, сырьевой и автомобильный. Холдинг получил название «Северсталь-групп», которую возглавил Алексей Александрович Мордашов, он же занял должность председателя совета директоров ОАО «Северсталь».

Выступая в 2002 году на информационной конференции, А.А. Мордашов заявил:

– Мы перестали бороться за выживание и стали бороться за развитие. А чтобы обеспечить себе устойчивые будущее мы будем самым активным образом включаться в процесс глобализации.

И «Северсталь» делает свое первое зарубежное приобретение – приобретает обанкротившуюся американскую компанию «Rouge industries», а затем итальянскую «Luccini». Была неудачная попытка слияния со сталелитейной корпорацией Arcelor, базирующейся в Люксембурге. Санкции, введенные весной 2014

года США, а затем Евросоюзом в отношении России, послужили для Мордашова сигналом о необходимости избавиться от зарубежных активов.

Генеральным директором ОАО «Северсталь» А.А. Мордашов был с 1996 по 2015 год, с мая 2015 года – он является председателем Совета директоров ПАО «Северсталь», а также главой Совета директоров ОАО «Силовые машины» и председателем Совета директоров ЗАО «Свеза».

Большую часть времени Мордашов проводит в Москве, где «Северсталь» имеет шикарный офис со спутниковым каналом связи с Череповцом.

Поддерживая политику президента, он в то же время продвигает интернациональный подход к политике, постоянно и активно лоббируя принятие России во Всемирную торговую организацию. В 2003 году Алексей Мордашов стал доверенным лицом Владимира Путина на предстоящих президентских выборах. С этого времени наблюдатели не перестают строить прогнозы относительно будущего положения Мордашова в «политической

Заместитель Председателя Правительства В.И. Матвиенко вручает А.А. Мордашову диплом «Российская организация высокой социальной эффективности». 2002 г.

А.А. Мордашов на приеме у Президента Российской Федерации В.В. Путина. 2002 г.

конфигурации». Ходили слухи, что Алексей Мордашов рассматривался федеральной властью как кандидат на пост одного из вице-премьеров. Вероятно, поводом к этому послужил визит Валентины Матвиенко на «Северсталь» в 2004 году. Увиденным она осталась довольна и в одном из интервью сказала, что в Череповце есть потенциальный член правительства. Потом в прессе появились сообщения о вероятном назначении Мордашова на пост председателя российского правительства. Он опроверг эти сообщения и сказал, что постарается отказаться, если подобное предложение ему поступит. Себя он считает предпринимателем, а не политиком.

А.А. Мордашов – почетный доктор Санкт-Петербургского инженерно-экономического университета и университета Нортумбрия (Англия). Владеет немецким и английским языками.

Рейтинговым агентством «Эксперт РА» А.А. Мордашов признан самым профессиональным менеджером федерального уровня. Журнал Business Week включил Мордашова в список 25 выдающихся европейских менеджеров, предпринимателей, финансистов, политиков и новаторов года в категории «лучшие менеджеры».

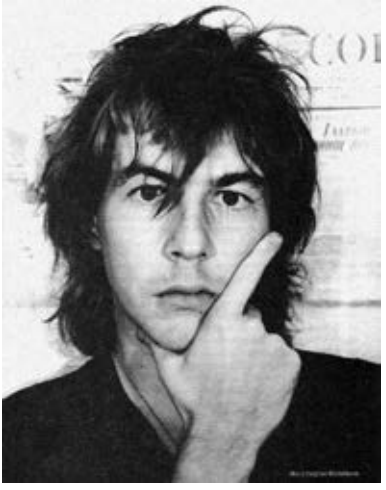
А.А. Мордашов – руководитель Комитета по интеграции, торгово-промышленной политике и ВТО Российского союза промыш-

ленников и предпринимателей, входит в состав Совета по конкурентоспособности и предпринимательстве при Правительстве Российской Федерации, является членом Наблюдательного Совета некоммерческого партнерства «Консорциума «Русская сталь», членом Совета делового сотрудничества России и Европейского Союза, сопредседателем Группы «Торговля как фактор Роста» «Деловой Двадцатки» (B20).

Известен А.А. Мордашов и как меценат, он входит в попечительские советы Государственного Академического Большого театра, Государственной Третьяковской галереи, Валаамского монастыря, Российской шахматной федерации и Государственного Русского музея.

Награжден медалями орденами «За заслуги перед Отечеством» 1 и 2 степени, орденом Русской православной церкви Святого благоверного князя Даниила Московского.

КОРОТКАЯ ЖИЗНЬ САШБАША



Александр Башлачев

17 февраля 1988 года Александр Башлачёв должен был сниматься в фильме «Город». Съемочная группа уже снимала один из планов сцены с Башлачевым, дублер СашБаша сидел спиной к камере, когда на площадку пришла Марьяна Цой и сказала: «Не ждите». Башлачев выпрыгнул из окна восьмого этажа. При жизни он не раз говорил, что хотел стать ветром… На Ковалевском кладбище, что под Ленинградом, несмотря на большое количество народа, стояла звенящая тишина. Не было рыданий и традиционных речей. На гроб положили гитару. Комья земли упали на струны, гитара запела и замолкла…

Александр Башлачев родился 27 мая 1960 года в Череповце. Его отец Николай Башлачев был начальником цеха Череповецкого металлургического завода, а мама Нелли Башлачева – преподавателем химии в школе. Как вспоминала его мама, Нелли Нико-

лаевна, читать Саша выучился сам, очень рано. Все удивлялись, что такой маленький и уже бегло читает. Вообще тяга к чтению у него была всегда. Книжки, которые читала мама, знал наизусть и часто ее поправлял.

Учился в школе № 20.

Роза Михайловна Молоткова, классный руководитель: «Саша Башлачев учился в моем классе. Он был одним из вожаков. В то время было модно выпускать альманахи, и я спросила: «Кто согласен выпускать альманах?». Башлачев сразу: «Я могу писать стихи!» И за ним сразу: «И я, и я! А Максим будет рисовать». Сразу организована целая редакция. И пошло, и поехало! Когда наш альманах вывешивали, вся школа сбегалась смотреть. И в этом немалая заслуга Саши Башлачева. Он хорошо знал силы, способности и возможности своих ребят, он расставлял все по местам, подстраховывал, руководил. Саша очень любил читать, читал очень много. Уже в 7-м классе мне заявил, что будет журналистом.

Он как-то быстро воспринимал все положительное, что в него вкладывали. Все новое в школе он использовал в полной мере, что потом и отразилось в его стихах и песнях. К концу школы у Саши уже гитара появилась, и он начал ее осваивать… Взрослел Саша на моих глазах, взрослел и развивался. В то время, когда товарищи бегали, прыгали и скакали, он читал десятки книг. Писать стал очень рано, и не просто писать, но и разобраться в собственной жизни.

Никакой он не самородок! Это был умный, образованный, всесторонне развитый человек, очень много работающий над собой в течение всей жизни. Об уровне таланта Саши Башлачева я не берусь судить – время рассудит. Нельзя его с кем-либо сравнивать, у него свой собственный дух. «Ну, что ты, смелей! Нам нужно лететь! А ну – от винта! Все от винта!»

После десятого класса за компанию с приятелем Саша поехал в Ленинград поступать на факультет журналистики. Мама пыталась его уговорить поступать в технический вуз – ни в какую не захотел! Сказал: или журналистика, или языки. И к тому, и к другому него способности были. Сашины школьные сочинения всегда были среди лучших, о чем бы он ни писал. Язык изучал немецкий, но каким-то образом переводил тексты и с английского, которого почти не знал.

В Ленинграде он отлично прошел два тура творческого конкурса, а на третий его не допустили, потому что у него не было

публикаций. Когда он вернулся из Ленинграда, стал учиться в школе юнкоров при «Коммунисте». Потом поработал на ЧМК художником. На следующий год уехал на Урал и стал студентом Свердловского университета. факультет журналистики. Однокурсник Башлачева Виктор Мещеряков рассказывал, что учился Саша не просто легко – играючи. В 1979 году в появилась рок-группа «Сентябрь». Местом репетиций для нее был Дворец культуры. Приезжая в Череповец, почти все время проводил с музыкантами. «ДК, комната № 19 – мой второй дом», – говорил он. Саша стал писать для ребят тексты. Его первые песни были незамысловаты, и в тот момент в Башлачеве было непросто разглядеть того рок-барда, которому вскоре было суждено стать символом целого направления в музыке 1980-х годов.

С подачи Башлачева «Рок-Сентябрь» попал на всесоюзный конкурс «Золотой камертон», организованный «Комсомольской правдой» и стал лауреатом этого конкурса.

Олег Хакман, вокалист рок-группы «Рок-сентябрь»: «Башлачев был у нас очень шикарным поэтом, фирменным, настоящим. Ему хиты написать ерунда была. Для него это вообще не главное было, хотя эти хиты по всей России знают. «Эй, помогите! мне очень трудно одному…» – гений написал! Сейчас я думаю, что Башлачев гений. Не в смысле: поэт-гений, а гений по сути. Он время опережал. Я теперь понимаю, почему Саша сгорел – он не человек мегаполиса. Он нормальный человек, но видел больше и знал больше. Знал уже тогда жизнь, которой мы сейчас живем. Я сейчас пою его песни, и они будто написаны только что. А уже сколько лет прошло. Для людей Башлачев – это ностальгия в первую очередь, потому что это был «Рок-сентябрь», а без СашБаша его нет. И может быть без «Рок-сентября» Башлачева не было бы, потому что он впитал в себя это все, потому что для него, это период был такой стартовый, площадка такая: Череповец, Дом культуры, комната № 19».

В 1983 году будущий журналист проходил практику в череповецкой городской газете «Коммунист».

Людмила Мамченко, журналист: «Помню, как в отдел писем, которым я заведовала в газете «Коммунист», привели невысокого, скромного юношу. «Это Саша Башлачев, практикант. Интересуется социальной тематикой». Я дала ему сложное по тем временам задание: написать о городском рынке. И Саша, тихий 22-летний мальчик, отлично справился с заданием. Его «Арифметика прилавка» привлекла всеобщее внимание.

Я стала ждать его в свой отдел на постоянную работу. Но Сашу определили «на комсомольскую жизнь». И тем был поставлен на нем крест как на журналисте. Если бы не это, он, может быть, дольше бы задержался в редакции. И, может, дольше бы прожил. Но Башлачев уехал в Ленинград. Выступал в частных квартирах, в маленьких зальчиках, ездил из города в город, пел свои рвущие душу песни, рвал в кровь свои пальцы, срывал гитарные струны. Слушали его с восхищением, из залов выходили потрясенные. Но …дальше этого не шло. Он не мог пробиться в официальную прессу и эфир. И хотя это был далеко уже не застой, а времена надежд, связанные с гласностью и перестройкой, его песни оказались как-то не ко двору: слишком обнаженно все в них было, слишком тревожно, болезненно, дискомфортно, неуютно.

О случившимся 17 февраля я узнала из ночной передачи Би-Би-Си: «Мы прерываем передачу, чтобы сообщить: вчера в Ленинграде погиб большой русский поэт…» Дремоту как рукой сняло – я наверняка знала, какое имя будет произнесено.

«Поэты идут до конца и не смейте кричать им; не надо!» Никто не прокричал этих слов 17 февраля 1988 года. Или он не захотел их услышать? И тем самым взорвал тишину. Все вдруг открыли поэта Башлачева: статьи в газетах, выступления на сцене и в эфире…»

Окончив учебу в университете, Башлачев вернулся в Череповец и устроился на работу корреспондентом в газету «Коммунист», попав в партийный отдел.

Нелли Николаевна Башлачева, мама Саши: «Мучился Саша ужасно. Не лежала у него душа к этим комсомольским ударным стройкам и молодежным бригадам. Видимо, существовало четкое разделение на темы, потому что ни шагу в сторону не давали ступить. А Саша хотел работать в отделе культуры или в отделе писем, которым заведовала тогда Людмила Мамченко. У них были отличные отношения, он там и практику проходил…» Помимо написания идейно выдержанных статей Саша начал вести свою

рубрику «Семь нот в блокнот» на молодежной странице «Горизонт». Это была по тем временам очень авангардная рубрика, в которой он написал аналитическую статью о проблемах группы «Рок-Сентябрь», рассказал об участниках второго фестиваля ленинградского рок-клуба и предлагал создать музыкальный центр, где могли бы репетировать и выступать рок-музыканты».

Людмила Гагарина, журналист: «Саша производил впечатление благополучного, тихого, улыбчивого мальчика. Порою «Коммунист» потрясали конфликты, споры, а он никогда в них «не влезал» – был как бы над «схваткой». Как член партбюро я отвечала за работу комсомольской организации. И поэтому меня волновало, что Саша, отвечавший в партотделе за освещение молодежной тематики, систематически не выполнял месячные нормы. На комсомольском собрании я попросила тележурналиста Леню Парфенова (молодежь телестудии входила в нашу организацию) взять шефство над Сашей. Леня иронически улыбнулся и отказался: «Саше не нужны шефы, он талантливый парень». Меня такой ответ, признаюсь, удивил. Статьи на молодежные темы Саша буквально «вымучивал». «Дар божий» ощущался только в статьях о рок-музыке, когда он напористо и убедительно ратовал за появление в городе рок-клуба, защищал «Рок-Сентябрь», рассказывал о ленинградских рокерах, восхищаясь «Аквариумом», «Алисой», Цоем, Науменко.

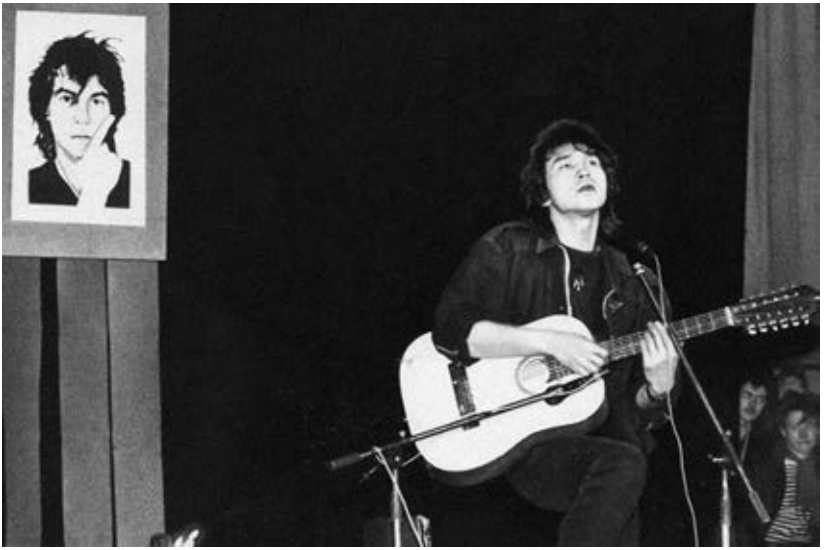
Однажды я его спросила в лоб: «Тебе, видимо, разонравилась журналистика?» Он уклончиво ответил: «Да нет, почему же… Я ночами кое-что сочиняю». «Приноси свои сочинения, опубликуем», Он отмахнулся, мол, пишу тексты к песням, так, пустячки». Думаю, что Саша понимал: тогда бы его стихи вряд ли опубликовали в «Коммунисте».

Его внезапный уход из редакции нас удивил. Видимо, надеялся в Ленинграде, Москве найти больше понимания и внимания, чем в родном городе. Видела потом Сашу в немногочисленных телепередачах, ему посвященных. Признаюсь, там трудно было узнать Сашу: ожесточенный, измученный, рвущий гитарные струны так, словно хотел докричаться до нас. Докричаться не сумел. Наверное, этим и объясняется его трагическая гибель. Слишком талантливый, искренний, честный, он не вписывался в то переломное для страны время».

В 1984 году Башлачев посетил Питерский рок-фестиваль, в этом же году на квартире своего друга Леонида Парфенова познакомился с Артемом Троицким, музыкальным критиком и журнали-

стом, и показал ему свои песни («Черные дыры», «Поезд № 193» и другие). Башлачев Троицкого поразил. Он сразу же пообещал организовать концерты в Москве и Питере. Через пару недель Башлачев приехал в Москву и закружился в череде «квартирников».

Чутье на подвело Троицкого. Песни Башлачева слушатели приняли с восторгом, он играл квартирники и в Москве, и в Ленинграде, и в Сибири, и в средней Азии, написав много песен в этих поездках. Пел в театре на Таганке и на Ленинградском рок-фестивале, слышал восторженные отзывы Александра Градского, Андрея Вознесенского, Артемия Троицкого, Бориса Гребенщикова… В марте 1985 года состоялось первое публичное выступление в северной столице, когда он вместе с Юрием Шевчуком спел несколько песен на неофициальном концерте в зале медицинского училища. В Ленинграде он вступил в местный Рок-клуб, участвовал в устном выпуске журнала «Рокси». Было в Питере культовое место – «Камчатка». Котельная, через которую прошли лучшие кадры русского рока. Здесь работал Цой, основатель «Алисы» Слава Задерий. Сюда захаживал БГ (Борис Гребенщиков), Кинчев, Сергей Курехин. Числился кочегаром здесь и Александр Башлачев. Работал Башлачев, по большей части, формально, лишь потому, что в то время ещё была в силе статья за тунеядство. Запись в трудовой уберегала от неприятностей с представителями закона.



Выступление Виктора Цоя на вечере, посвященном памяти СашБаша

Константин Кинчев, музыкант: «Я познакомился с Башлачевым прежде того, как увидел его вживую. Ко мне попали записи квартирных концертов, и не побоюсь этого слова, потрясли – так это было мощно, неожиданно и самое главное – высокохудожественно, если говорить о слове… Потом мы часто общались. Помню, были на квартире у Жени Каменецкой. Задерий был, Фирсов… Саня тогда пел и пел… И это был такой восторг! Просто лились из него – эта сила и любовь. Глаза лучились, фикса сверкала! Непередаваемые ощущения… Саня мне дал, вообще, очень много. Я тогда к слову относился так: «что бог на душу положит», а благодаря Башлачеву стал более ответственным и бережным. Посмотрев, как он работает над песнями, я понял, что любой человек, пишущий песни, должен отвечать за свои слова и не зазорно над этими словами, в принципе, и поработать. Планку он всем поставил будь здоров!»

Борис Гребенщиков, музыкант: «При первой встречи впечатление Башлачев произвел очень сильное, будто заглянул в печку горящую. Это было столкновение с человеком, в котором от природы есть дар и который умеет им пользоваться, производит впечатление. Этот самый Божий дар есть у всех, просто один из ста тысяч доводит его до ума. Башлачев его почти довел, хотя он так и не смог с ним, по-моему, технически до конца справиться. Он так и не сумел ритмически себя окантовать – так, чтобы его можно было записать на студии, на хорошую аппаратуру. Его поток очень клокочущий, очень неровный. Но без Башлачева русский рок не был бы роком. Жаль, что сегодня его нет с нами. Это большая утрата. Мне кажется, он взял больше, чем уже мог вытащить, и надорвался. Московская интеллигенция подняла его на щит и с криком понесла. Не надо было это делать. Очень сложно чувствовать себя гением, когда ты еще совсем молодой человек. И вот ему говорят, что он гений, а он еще не успел свои ноги найти, не успел материал переварить. Бог дал Башлачеву «много и сразу». Справиться с такой ношей было непросто. Если бы он больше знал, ни хрена бы он из окна не выкинулся. По-моему, его подвело то, что от него ждали очень многого. А он полгода или больше, год – сухой, ничего из него не выжать. Это страшно, я знаю по себе. Это страшно… Но мне-то, простите, за пятьдесят, я могу с этим жить, потому что знаю, что это пройдет, а он-то этого не мог знать в свои двадцать семь лет…»

Пик творчества Александра Башлачева пришелся на 1985 год, в течение которого были написаны песни «Ванюша», «Посошок», «Егоркина Былина», «На Жизнь Поэтов», «Абсолютный Вахтер» и

«Случай в Сибири». Все эти произведения в исполнении Башлачева производили на слушателей неизгладимое впечатление. Так, например, былина «Ванюша» приводила слушателей в ступор, показывая вывернутую наизнанку русскую душу со всеми ее противоречиями, рваными краями, уродством и красотой. СашБаш забывал обо всем, когда пел «Ванюшу», а слушатели, очнувшись с последним аккордом, обычно замечали, что гитара была в брызгах крови, так как Башлачев разбивал себе пальцы, добиваясь того, чтобы у слушателей стояли слезы в глазах, и было ощущение исповеди в сердце.

В 1987 году Башлачёв дал несколько квартирных концертов, а в период с марта по май снимался в документальном фильме «Рок» Алексея Учителя. Но в процессе съёмок неожиданно отказался от своей роли, и из фильма были вырезаны кадры с его участием.

В начале 1988 года СашБаш дал несколько концертов в Москве и запланировал новые выступления, но 17 февраля 1988 года Александр Башлачёв после возвращения в Петербург покончил с собой, выбросившись из окн

Ушел на восьмой круг…

Лена Башлачева, сестра поэта: «Мне кажется, что Саша сделал все, что должен был сделать в этой жизни. И ушел. Не мог не уйти. Он всегда был очень честен с собой. Сегодня почти невозможно представить его в этом мире и вообразить песни, которые бы он сейчас писал. Его время ушло, и он ушел вместе с ним».

«Короткую жизнь, семь кругов беспокойного лада

Поэты живут. И уходят от нас на восьмой…»

ПОСЛЕДНЯЯ ДОМНА СОВЕТСКОГО СОЮЗА

В середине 60-х годов Ленинградскому филиалу Гипромеза было поручено разработать проект расширения ЧМЗ с увеличением мощности по стали до 8,5-10,0 миллионов тонн в год. Для достижения новых рубежей предусматривалось строительство доменной печи № 5 полезным объемом 3000 куб. метров и конвертерного цеха в составе четырех конвертеров емкостью по 180 тонн. Что касается прокатного крыла, то проектанты предложили разделить комбинированный листовой стан «2800/1700» и превратить его в специализированный толстолистовой стан «2800»,

а оборудование стана «1700» установить на отдельной площадке. Как видим, спроектированная вторая очередь завода выглядела не так уж внушительно.

Однако, состоявшийся в феврале-марте 1971 года XXIV съезд КПСС дал установку: наращивать производство в черной металлургии за счет строительства агрегатов большой единичной мощности – доменные печи строить объемом в 5 000 кубических метров, а конвертерные цеха – с кислородными конвертерами в 350 тонн. И Ленгипромезу волей-неволей пришлось перекраивать рабочие чертежи и проектировать цехи-гиганты.

В конце 1971 года на свет божий явился проект мощной металлургической триады: ДП-5 – конвертерный цех – стан «2000». Большую стройку решили строить с конца технологической цепочки – со стана «2000». В марте 1972 года заложили фундамент, на следующий год пустили два агрегата резки, а 1 мая 1975 года в праздничной колонне провезли первый рулон со стана «2000». Уникальный комплекс конвертерного цеха пустили в канун очередной годовщины Октябрьской революции – 6 ноября 1980 года. А потом все силы были брошены на возведение «Северянки» – так стали величать доменную печь № 5.

Буквально на «пятачок» надо было втиснуть не только саму домну, но еще и 233 ее объекта, проложить 30 километров же-лезных дорог, километры трубопроводов и конвейеров, смонти-ровать тысячи тонн металлоконструкций и технологического обо-рудования, построить специальную электростанцию и много-много прочего.

Фундамент на тот момент самой крупной в мире домны заложили 9 апреля 1982 года. По традиции в ее основание замуровали капсулу с письмом к потомкам: «Мы полны решимости, – говорилось в послании, – и дальше высокими темпами строить новую доменную печь и сделать все, чтобы уникальный чугуноплавильный агрегат, оснащенный новейшим оборудованием и средствами автоматики, дал в 1984 году первые тонны чугуна… Строители будущего! Своим каждодневным напряженным трудом, железными мускулами могучей техники, молниями электросварки продолжайте писать героические строки истории нашего города…»

Газетные полосы тех лет напоминали известия с фронта: «Первый блок поднят!», «Завершены работы на галерее», «Кожух домны готов!»

На пусковом комплексе первой очереди доменной печи № 5 впервые был использован метод укрепленного монтажа. Блоки конструкций собирали на площадке, а потом кранами подавали

Череповецкая «Северянка» стала главной стройкой СССР

на высоту и там монтировали. Детали весом до 270 тонн ставили в проектное положение сразу двумя специально заказанными и изготовленными кранами. Выигрыш колоссальный: во времени, скорости монтажа, качестве!

Самой уникальной операцией был подъем в июле 1985 года конструкции металлического блока трубопровода длиной 84 метра, весом 275 тонн на одну из галерей, на высоту 32 метра, и установка её там. За эту сложную работу бригаде Николая Сиротина из управления «Стальконструкция – 3» вручили приз имени легендарного Д.Н. Мамлеева с его изображением.

«Боевые листки» и «молнии» пестрели тогда сообщениями о производственных победах. Рекорды за рекордами. Но не обошлось без серьезных сбоев и авралов. Горячие дни сменялись долгим затишьем. Даже рожденный в порыве трудового энтузиазма «череповецкий час» – почин выполнять дневную норму за семь часов, а восьмой час работать сверх плана – не давал возможности уложиться в обещанный срок, и его не раз переносили.

Снижение темпов строительства домны-исполина всерьез встревожило Центральный Комитет КПСС: появились реальные опасения, что череповецкие строители и металлурги не смогут отрапортовать об ее пуске к XXVII съезду партии. По указанию Генерального секретаря компартии Михаила Горбачева в августе 1985 года в Череповец прибывает секретарь УК КПСС Борис Ельцин. Как вспоминают участники совещания, которое провел посланник генсека, Ельцину удалось в какой-то мере поднять дух партийцев и хозяйственников. По выражению начальника Всесоюзного объединения «Череповецметаллургхимстрой» Н.Я. Лущенко «произошла психологическая перестройка у всех участников строительства».

3 сентября в Череповце состоялось выездное заседание бюро обкома партии, на котором обсуждался вопрос о неотложных мерах по исправлению создавшегося положения. Для уси-

ления партийного влияния и практической помощи трудовым коллекти-вам создается областной партийный штаб во главе с первым секретарем обкома КПСС В.А. Купцовым. Количество строителей на объектах домны достигло тринадцати тысяч! А в помощь им направили 1300 металлургов, прямо в деле обучавшихся профессиям каменщика, плотника, монтажника.

В ноябре стройку посещает еще один секретарь ЦК КПСС, кандидат в члены Политбюро В.И. Долгих Указание прежнее: форсировать стройку. Директору завода Юрию Викторовичу Липухину намекнули о звезде Героя, если он закроет глаза на огрехи строителей.

Близился пуск, а недоделок немеряно. На Липухина наседают: «Подпиши акт готовности». А директор наотрез отказывается: «Без очистных сооружений – не подпишу». И сдержал свое слово. Но остался без золотой звезды Героя.

Вспоминает Н.Я. Лущенко: «Большинство оперативных совещаний проводилось тогда не в кабинетах, а прямо на территории, под открытым небом. И в снежную кашу, и в распутицу. Помню, что Липухин ходил тогда по стройплощадке в здоровенных сапогах и был буквально вездесущ. Наверное, не было ни одного уголка на обширной территории комплекса будущей доменной печи, куда бы он лично не заглянул.

Секретарь ЦК КПСС Б.Н. Ельцин и сопровождающие его лица на строительной площадке ДП-5. Август 1985 г.

Бригадир СУ «Заводстрой» В.А. Бухалов с символическим ключом от ДП-5

И вот наконец наступил день пуска. 12 апреля 1986 года Липухин дает команду: «Приступить к задувке агрегата!» На самой высокой точке домны-исполина – 102 отметки – мастера-механики И. Новожилов и В. Васильев водружают флаг трудовой победы. В рабочем журнале появляется запись не по уставу: «Счастливой жизни тебе, «Северянка!» С днем рождения!»

13 апреля, 20 часов 15 минут. Первую плавку на новой печи посчастливилось вести комсомольско-молодежной бригаде Валентина Котова. Звучит долгожданная команда: «Пробить летку!» Удар пикой. Из летки вырывается пламя, а затем робкая струйка металла. С каждой секундой она растет, набирает мощь. И вот литейный двор озаряется яркими отблесками раскаленного металла. Есть чугун «Северянки! Долгожданный и многотрудный.

Бригада горновых В.И. Котова

14 апреля, 10 часов утра. На литейном дворе «Северянки» собрались

Есть первый чугун «Северянки!» 13 апреля 1986 г.

на митинг те, кто своим трудом создавал уникальный чугуноплавильный агрегат, и те, кому доверено им управлять. Все ждут, что будет зачитана поздравительная телеграмма от М.С. Горбачева. Но телеграммы из Кремля не поступило. Генсек решил наказать участников всесоюзной стройки за то, что не смогли они ввести домну – гигант к партийному съезду.

Тем не менее, торжество состоялось. Бригадир управления «Металлургпрокатмонтаж-1», участник возведения всех пяти череповецких домен И.Ф. Соколов и бригадир управления «Заводстрой-1» В.А. Бухалов вручили металлургам символический ключ. Под звуки духового оркестра и аплодисменты участников митинга 600-тонный миксеровоз направляется в конвертерный цех. На нем надпись: «Получай, Родина, чугун «Северянки»!

Это была последняя домна, построенная в Советском Союзе.

Награды за «Северянку» все-таки пришли в Череповец. В конце 1986 года Указом Верховного Совета СССР около 300 строителей, монтажников и металлургов были награждены орденами и медалями. Бригадир СУ «Заводстрой» В.А. Бухалов и начальник СМУ «Металлургпрокатмонтаж» В.П. Акинин стали Героями Социалистического Труда. Ну а Ю.В. Липухин за срыв срока пуска ДП-5 получил награду на ступень ниже – орден Ленина.

ЧЕРЕПОВЕЦ ПРОТИВ СССР

В последнее десятилетие XX века в стране разразился глубокий экономический кризис. Простаивают фабрики и заводы. Удручающее состояние экономики. Не регулируемый государством рост цен на все товары привели к резкому ухудшению жизни населения. На прилавках нет даже кильки в томатном соусе. Предприятия забыли, что такое «живые» деньги, их, по сути, заменили бартерные сделки: металл, метизы, удобрения меняют на мыло, сигареты, телевизоры, холодильники, куртки, конфеты и тушенку…

Люди теряют веру, они не видят возможности улучшения своего положения, они не понимают, куда идет страна. Никто не знает, какая из нескольких обнародованных программ перехода к рынку взята в итоге за основу.

Череповец не был в этом отношении исключением, здесь, как и по всей стране пахнет бунтом.

В стране зарождался новый общественный строй. Советский Союз еще существовал, но дни его уже были сочтены. Менялась

Первый мэр Череповца
Вячеслав Евгеньевич Позгалев

система органов управления. В марте 1990 года прошли первые по-настоящему демократические выборы в местные органы власти. Среди новых депутатов городского Совета оказались пламенные трибуны и блестящие ораторы – напористые, активные и уверенные в своей исключительной правоте, но зачастую не имеющие никакого хозяйственного опыта. Они умели красиво говорить, но не умели слушать окружающих, превращая каждую сессию в шумный и затяжной марафон. На несколько дней растянулась сессия городской Думы, чтобы выбрать председателя горисполкома. Подавляющим числом голосов им стал депутат Позгалев Вячеслав Евгеньевич, работавший до этого заместителем генерального директора ЧМК. У него уже был значительный опыт депутатской деятельности, руководящей работы на крупном предприятии, знание социальных проблем горожан. В отличие от депутатов-демократов, не признающих планирование, он заглядывал в будущее города лет на 10-15 вперед. «Моя мечта, – говорил Вячеслав Евгеньевич, – сделать Череповец если уж не образцовым, то хотя бы нормальным европейским городом, в котором жить было бы приятно».

Первые сотрудники мэрии и городского Совета народных депутатов.
1990 г.

На демократической волне газета «Коммунист» становится «Речью»

Ситуация в стране с каждым днем обостряется. Уже в два, а по некоторым позициям и в пять раз выросли цены на продовольственные и промышленные товары, коммунальные услуги. На сменно-встречных собраниях рабочие выдвигают ультимативные требования, грозят забастовками, пикетируют здание заводоуправления. Требуют повышения зарплаты, введения индексации. Но как требовать невозможного? Можно, разумеется, найти средства на индексацию, – прекратив капитальное строительство, сбросив соцкультбыт, перестав делать доплату пенсионерам. Но ведь это значит отрезать, оторвать от живого.

Генеральный директор ЧМК Ю.В. Липухин ходит по цехам, гасит, как может, недовольство трудящихся, просит потерпеть. Он встречается с секретарями партийных организаций, пытается опереться на былой авторитет партии. Но у КПСС уже нет прежнего авторитета, более того: начался массовый исход из партии. Бросали партбилеты на стол по поводу и без повода. Городская газета «Коммунист» вдруг стала «Речью». Этот факт получил всероссийскую известность благодаря фотокорреспонденту ИТАР-ТАСС Сергею Метелице, запечатлевшему, как с крыши череповецкой типографии рабочие сбрасывают огромные буквы – «К О М М У Н И С Т». Фоторепортаж Метелицы обошел страницы практически всех центральных изданий СССР.

…В январе 1991 года делегация металлургов во главе с председателем профкома Е.И. Лоскутовым добивается встречи с Председателем Президиума Верховного Совета РСФСР Б.Н. Ель-

Председатель Верховного Совета РСФСР Б.Н. Ельцин

циным. Разговор для главы парламента оказался нелегким, и, вместо отведенных 15 минут, встреча шла почти полтора часа. Металлурги рассказали, что в многотысячном коллективе комбината сложилась крайне напряженная ситуация, способная выйти из-под контроля и привести к социальному взрыву, последствия которого для страны невозможно предугадать. «Потребительская корзина с каждым днем дорожает, в столовой кормят какой-то бурдой. – заявили рабочие. – А ведь горновым и сталеварам после такого обеда надо еще и смену выстоять. Растут цены, значит и зарплату, и пенсии следует индексировать».

«Мы сказали Борису Николаевичу, что приехали не просить, – говорил Лоскутов, – что мы не требуем никаких компенсаций и дополнительных льгот, готовы платить все налоги, но считаем, что Центр должен соблюдать принцип разумной достаточности. Пока же комбинату оставляют всего лишь 5 копеек с рубля прибыли».

Ельцин пообещал ускорить решение поднятых вопросов, сказав, что вопрос об индексации цен будет рассмотрен на ближайшей сессии Верховного Совета. Кроме того, пообещал дать указание о выделении Череповцу дополнительных лимитов на продукты. При этом заметил, что сделать это непросто, потому что комбинат подчиняется союзному ведомству. Вот если бы предприятие перешло в республиканское подчинение, то можно снизить налог с дохода и до семи процентов с прибыли комбинат с полным правом использовал бы на социальные нужды.

Несколько приободренные ходоки вернулись в город, где их ждала телеграмма: Росминторг направлял северной столице металлургов дополнительно к фондам 200 тонн муки и 50 тонн сахара, маргарина и крупы.

Вскоре Совет трудового коллектива создает рабочую комиссию, которая формирует пакет предложений республиканскому правительству в обмен на переход под его юрисдикцию: снизить налоги, увеличить долю валютных отчислений в пользу комбина-

та и снять ограничение на прирост оплаты труда. Ельцин условие принимает. А в ответ выдвинул встречное предложение – создать в Череповце на базе ЧМК первый в России угольно-металлургический концерн.

10 апреля 1991 года конференция трудового коллектива комбината при четырех воздержавшихся проголосовала за выход предприятия из состава министерства металлургии СССР и переход предприятия в подчинение российского правительства.

– Другого пути у нас нет, – заявил делегатам генеральный директор ЧМК Ю.В. Липухин, – ибо интересы союзного министерства и трудовых коллективов решительным образом не совпадают.

Присутствовавший на конференции первый заместитель премьер-министра РСФСР Юрий Скоков предложил на базе Череповецкого металлургического комбината создать горно-металлургический концерн с центром в Череповце. Делегаты горно-обогатительных комбинатов из Оленегорска, Ковдора, Костомукши, а также Владимирского тракторного, Выксунского трубного, Волгоградского сталепроволочного и Череповецкого сталепрокатного заводов поддержали предложение о создании межотраслевого комплекса. Но вот представители шахтерской Воркуты, к сожалению, воздержались. А без них какой резон в индустриальном конгломерате? Так и «лопнул» концерн, еще даже не родившись.

…Между Верховным Советом СССР и Б.Н. Ельциным в начале 1991 года наметилась конфронтация А когда депутаты оценили действия председателя Президиума Совета РСФСР как антиконституционные, за него заступились череповецкие металлурги. «Мы, рабочие сортопрокатного цеха, категорически не согласны с обвинением Б.Н. Ельцина и поддерживаем курс, взятый им на улучшение жизни россиян». Под заявлением стояло 537 подписей. Профактивы строительных организаций дружно поддержали инициативу коллектива «Аммофос» о проведении общегородского митинга в поддержку Ельцина. Митинг прошел под лозунгом «России – да. Империи – нет». Надо ли после этого удивляться, что Череповец стал одним из немногих городов России (вместе с Москвой и Свердловском), который 17 марта на референдуме проголосовал против сохранения СССР. В угаре эйфории от демократии 50,33% процента череповчан. высказалось «за» развал Советского Союза. При этом 82 процента проголосовавших горожан отдали свои голоса за учреждение президентства РСФСР.

А в июне 1991 года череповчане с радостью проголосовали за первого Президента Российской Федерации – Бориса Николаевича Ельцина.

Идея объединения вновь собрала в Череповце производителей металла и его потребителей. 22 ноября 1991 года состоялась учредительная конференция, участники которой создали ассоциацию «Северсталь». В нее вошли партнеры из разных республик и с разным состоянием дел: «Абаканвагонмаш» и Новочеркасский электродный завод, «Электрошина» из Владикавказа и Нижегородское «Красное Сормово», Ленинградский трубный и Орловский сталепрокатный заводы и многие другие. Всего 27 предприятий. Они могли производить все – от поковок и гвоздей до сверхпрочных канатов, моторов, кораблей и глубоководных аппаратов. Да только почти все простаивали. ЧерМК для них – спасательный круг.

– Потенциал у нашего комбината большой, и, используя его, мы сможем загрузить ваши производственные мощности, обеспечивая металлопрокатом в приоритетном порядке, – заявил делегатам Юрий Викторович Липухин, единодушно избранный президентом ассоциации «Северсталь».

В адрес совета трудового коллектива пришла телеграмма за подписью председателя Верховного Совета РСФСР Б.Н. Ельцина: «Одобряю ваше ответственное решение о переходе в юрисдикцию России. Будем вместе искать выход из кризисной экономической ситуации».

В рамках ассоциации предпринимается попытка изготовления мини-элеваторов, крытых токов, сборных складов для хранения и переработки сельскохозяйственной продукции. Но опять дальше намерений дело не продвинулось. Оставалось одно – акционирование…

Неожиданную роль в судьбе страны история отвела Череповцу в 1992 году.

В начале апреля в кабинете генерального директора ЧМК раздался звонок. Звонил мэр Вячеслав Евгеньевич Позгалев: «Юрий Викторович, только что мне сообщили из Кремля: к нам едет президент. Несомненно, в его программе будет посещение комбината, так что готовьтесь». «Мы всегда готовы, Вячеслав Евгеньевич», – ответил Липухин.

Президентский самолет приземлился на военном аэродроме Кипелово вечером 29 апреля. И сразу же кортеж из тридцати

машин на огромной скорости взял курс на Череповец. Около 19 часов бронированный «мерседес» въехал на Красноармейскую площадь. По обеим сторонам улицы Победы масса народу. С флажками, воздушными шарами. Раздаются голоса: «Ельцину – ура», «Добро пожаловать, Борис Николаевич!» Неожиданно Ельцин приказал шоферу остановиться, вышел из машины (что не было предусмотрено программой визита), и тут же был окружён толпой горожан. Борис Николаевич пожал руки нескольким счастливчикам и заявил, что он первый после Петра I из руководителей России посетил Вологодчину. Минут десять Ельцин общался с череповчанами, интересовался их настроением, готовностью поддержать экономические реформы. Едва пробился к своему лимузину.

…На следующий день президент и сопровождающие его лица побывали на металлургическом заводе. Вопросы при встрече ему задавались самые разные:

– Борис Николаевич, вы знаете, что Череповец вошел в число трех городов, которые проголосовали против Союза?

Ельцин: Я даже знаю, что вы проголосовали за Президента. Причем хорошо проголосовали. Спасибо вам!

На Красноармейской площади Б.Н. Ельцин
был окружен толплой горожан

ЧЕРЕПОВЕЦ КАК СТАРТОВАЯ ПЛОЩАДКА В БИТВЕ ПРЕЗИДЕНТА СО СЪЕЗДОМ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК

На вопрос, будут ли и дальше расти цены, Ельцин ответил утвердительно:

– Будет еще один виток, но к осени цены стабилизируются. И все будет хорошо.

– Уж очень тяжело, Борис Николаевич!

Ельцин: А мне легко? Иной раз кажется – все, отступлю, брошу. Но упаси Бог! Придут, понимаете, бабурины, аксючицы. Это же крах! Поэтому давайте так: поддерживайте меня. И я буду действовать более решительно. Сделаю все, чтобы человек был свободным, чтобы собственность имел, землей владел. Ну, и жизнь чтобы была получше. Мы же все время как рабы жили. Хватит!

Металлургический комбинат произвел на президента хорошее впечатление. Особенно его порадовала пятая домна, к которой Борис Николаевич не без оснований считал себя причастным. В 1985 году он приезжал на «Северянку» как секретарь ЦК КПСС, курировавший строительство домны-гиганта. Будто завороженный смотрел Ельцин, как огненной струей льется клокочущий поток чугуна.

– Здорово! Просто здорово! – восклицает президент, обращаясь к Липухину. – А знаешь, Юрий Викторович, ведь тебя к Звезде Героя Социалистического Труда хотели представить? Конечно, при условии, что ты пустишь печь к XVII съезду КПСС.

– Слышал, – отвечал Липухин. – Но за эту Звезду я должен был закрыть глаза на недоделки строителей и монтажников. Мы чуть-чуть не вписались – перестройка начала пробуксовывать, много неразберихи появилось. А вот если бы пускать к 28 съезду, тут уж точно сегодня имели бы большую «недостройку».

– Да, пожалуй, сейчас такую гигантскую стройку не осилить, – согласился Ельцин и продолжил: – А насчет награды… Думаю, что и проектантов, и создателей «Северянки», и металлургов надо выдвинуть на Государственную премию России. Экую громадину воздвигли!

После доменного производства Борис Николаевич пообщался с рабочими стана «2000» и цеха холодной прокатки, посетил пруды-осветлители, расписался на дверях почти готового индивидуального коттеджа в Зашекснинском районе, сказав при этом, что такие дома – наше будущее, и что мы должны уходить от многоэтажных домов.

Президентский марафон по ЧМК был завершен в подсобном хозяйстве, на небольшом мясокомбинате, пущенном металлургами совсем недавно. Здесь Б.Н. Ельцин подвел итоги своего визита на металлургический комбинат:

– Да, Череповец изменился в лучшую сторону. В городе порядок, комбинат в надежных руках. Но самое сильное впечатление – настроение людей. Никто в мире не знает настроения россиян. Выдержать такой рост цен и сохранить позитивный настрой, улыбчивость, не озлобиться. Это просто удивительно! Несмотря на призывы справа, слева, от красных, от зеленых в Череповце соблюдают какой-то главный принцип – работать во что бы то ни стало. Спасибо! Не ожидал я такого радушного приема, так как реформа, все-таки идет тяжело.

Рабочий визит Президента России Б.Н. Ельцина
начался с металлургического комбината

Будто завороженный смотрел Б.Н. Ельцин
как льется клокочущий поток чугуна

За время, проведенное в Череповце, президент России продемонстрировал удивительную работоспособность: не только полностью выполнил всю намеченную программу, но еще и провел незапланированные встречи с горожанами. Открыто шел в диалог, не боялся никаких вопросов, не заигрывал ни с кем, проявил живейший интерес к технологии металлургического производства.

Но приезжал Борис Николаевич в Череповец вовсе не за тем, чтобы углубить свои познания в области металлургии. И не только желал ощутить настроение людей, но и продемонстрировать маловерам и колеблющимся поддержку народа. И потому практически на каждой встрече президент задавал один и тот же вопрос: «Поддерживаете реформы?» Ответ везде был одинаковым: «Да, поддерживаем. Не отступать!».

Ну, в поддержке жителями Череповца реформ Ельцин, откровенно говоря, не сомневался. Город-работяга истинно был проельцинским: голосуют, как надо, металлурги первыми в отрасли вывели свое предприятие из-под жесткой опеки союзного центра и перешли под юрисдикцию России. Больше волновала президента другая проблема – конфликт со Съездом народных депутатов. К этому моменту он достиг апогея. Ельцину нужна была точка на карте России, некий плацдарм, откуда можно было бы бросить вызов Съезду.

Он был уверен: если череповчане на выборах президента отдали за него подавляющее число голосов, значит и на этот раз

поддержат. И такой институт власти, как Съезд народных депутатов, будет ликвидирован. Вопрос об этом Борис Николаевич не ставил так прямо, а излагал свою позицию: мол, неделю не ходил на Съезд, так как это «пустая говорильня», он только мешает в проведении реформ. «Не знаю, что и делать», – как бы спрашивал Ельцин совета у рабочих, явно ожидая услышать предложение о разгоне Съезда. И такой возглас прозвучал при встрече в цехе холодной прокатки:

– Да разгоните Вы этих болтунов к чертовой матери!

Президент сразу же поддержал предложение пролетария:

– Правильно! Пора кончать со Съездом! Нужно просто разогнать его. Вот и все! (Аплодисменты).

Голос: А Вы сами можете разогнать Съезд?

Ельцин: Нет, для этого нам надо принять новую Конституцию, в которой уже не будет места такому институту власти. А основные принципы Конституции нужно вынести на референдум. Но нынешний съезд ни в коем случае не примет такую Конституцию, а потому надо собрать миллион подписей избирателей, чтобы можно было законным путем вынести ее на референдум. Одна Москва даст нам миллион подписей, да еще Череповец тысяч двести!

На всю страну из Череповца прозвучал призыв «разогнать Съезд народных депутатов»

Голос: – А какую Конституцию выносить на референдум?

Ельцин: – Я думаю, вы будете за ту Конституцию, проект которой вам предложит президент.

Голос: – А если собрать миллион подписей за Советский Союз?

Ельцин (раздраженно): – Вы чего это? Если вы за Союз, то отойдите в сторону. Вы не наш человек. Какой Союз? Нам что войну всем республикам объявлять? Цепями всех приковывать под красные знамена?

Череповецким металлургам импонировала простецкая манера президента. Они аплодировали, выкрикивали слова одобрения, а кое-кто предлагал даже без лишних церемоний и референдумов разогнать Съезд народных депутатов.

Вот так распорядилась История: провинциальный Череповец стал для Ельцина местом, где он заручился поддержкой населения в борьбе с Верховным Советом РСФСР и Съездом народных депутатов. На всю страну прозвучал из Череповца призыв: «Разогнать к чертовой матери!»

Как правило, визит главы государства местная администрация старается использовать для решения накопившихся проблем.

Вспоминает бывший мэр Череповца В.Е. Позгалев: «Аппарат мэрии подготовил для Ельцина десять вопросов. Я говорю: «Десять вопросов – значит не получим ясного ответа ни на один. Давайте оставим три, самые важные». И вот Борис Николаевич в мэрии. Сели за стол. Ну, какие у вас проблемы?» – спрашивает президент. Я, говорю: «У нас три вопроса. Распространить северный коэффициент 1,25 на всех жителей города; создать в городе университет; достойно отметить 150-летие нашего земляка, великого русского художника В.В. Верещагина». И все было решено. Ельцин дал указание своим помощникам, и они сделали все, как надо. А то ведь как: приедешь в министерство культуры по вопросу празднования юбилея Верещагина, а там отвечают: «Это ваш вологодский художник, вот и празднуйте, для чего всей России отмечать…»

Большой праздник на родине художника-баталиста начался открытием памятника монахам Афанасию и Феодосию, основавшим монастырь, поселение возле которого со временем превратилось в город Череповец. Это событие явилось духовным камертоном праздника «Верещагинские дни». Волнующими событиями стали торжественное открытие после реставрации мемориального комплекса семьи Верещагиных, возложение цветов к памятнику В.В. Верещагина. Была открыта выставка, на которой представлены подлинные полотна знаменитого земляка, привезенные

из Русского музея, Эрмитажа, Третьяковки и других музеев страны. Многие специалисты музейного дела, искусствоведы, философы и филологи встретились в Череповце на научной конференции «В.В. Верещагин и русская культура XIX века». Оргкомитет по проведению Верещагинских дней сделал все от него зависящее, чтобы люди прониклись чувством сопричастности сегодняшних россиян к истории Отечества, к достижениям культуры в его прошлом и настоящем.

В эти же дни Череповец заявил всему миру как город, создавший уникальный Международный конкурс игры на народных инструментах «Кубок Севера», давший известность многим музыкантам и славу городу.

Торжества прошли на славу. С пальбой из бутафорских пушек, с фейерверком, с пафосными речами…

Торжественное открытие памятника основателям города преподобным Афанасию и Феодосию Череповецким

Открытие мемориального музея семьи Верещагиных

ЛИХИЕ ДЕВЯНОСТЫЕ…

Еще на V съезде народных депутатов России (28.10.91) Б.Н. Ельцин объявил, что «поле для реформ разминировано» и призвал осуществить «крупный реформистский рывок» в экономике. Одним из таких «рывков» была приватизация. «Только при условии ухода государства из среды управления экономикой Россию может ожидать ее подъем в будущем, – заявили реформаторы. – Надо как можно быстрее провести разгосударствление и передать все предприятия в частные руки». Основная масса предприятий страны в процессе приватизации должна быть преобразована в акционерные общества открытого типа. Среди них и ведущие предприятия Вологодчины – химзавод, азотно-туковый, сталепрокатный заводы и металлургический комбинат.

22 сентября 1992 года состоялась конференция трудового коллектива «Аммофос», где решался вопрос о преобразовании частного производственного объединения в акционерное общество. Участники конференции обсудили и приняли пакет учредительных документов – Устав акционерного общества, акт оценки имущества предприятия. Месяц спустя Комитет по управлению имуществом администрации Вологодской области проинформировал, что ЧПО «Аммофос» преобразовано в акционерное общество открытого типа «Аммофос». Объявлена открытая подписка на акции.

Без особых хлопот стали хозяевами предприятия сталепрокатчики. Им также удалось аккумулировать контрольный пакет в своих руках. Был соблазн продать 20 тысяч акций за 34 миллиона рублей одному русско-австрийскому совместному предприятию. Но комиссия по приватизации, возглавляемая директором завода Б.В. Мичуриным, от предложения со стороны отказалась. Оставшуюся брешь в контрольном пакете закрыли сами руководители предприятия. Правда, в дальнейшем АО «ЧСПЗ» потеряла свою самостоятельность и вошла в холдинг «Северсталь».

А вот АО «Азот» не обошел приватизационный скандал. Завладев десятью процентами акций, группа акционеров из «Технохима», «Приват-инвеста», «Униона», которых представлял генеральный директор «Аммофоса» В.В. Бабкин, организовал «чрезвычайное собрание», которое сместило действующий директорат. Новые управленцы с помощью вооруженных сотрудников охраны заняли помещения заводоуправления, сменили замки в кабинете, выставили своих «химгвардейцев». Прокуратура возбудила против г-на Бабкина уголовное дело за незаконные действия,

а человек двести рабочих, ведомые энергичным профсоюзным лидером Г.Л. Кабатовой, не дожидаясь решения суда, штурмом взяли собственное заводоуправление, решив до последнего защищать своего директора В. Ильина. Поддержку рабочим АО «Азот» выразили шахтеры Воркуты: «Мы с вами. Если потребуется помощь, вышлем вагон шахтеров», – говорилось в их телеграмме. На свою беду крупнейший в регионе производитель азотных удобрений избрал тот вариант, при котором контрольный пакет уплывал на сторону в обмен на гарантии инвестиций. Инвестиционный конкурс выиграла московская фирма «Первый национальный траст». Она обязалась внести на реконструкцию предприятия и оздоровление его финансов 100 миллионов долларов. Однако вместо инвестиций на предприятие прикатил 30-летний столичный менеджер А.П. Тулапин и начал «выдавливать» из «Азота» прибыль…

Под обломками приватизации «по Чубайсу» погибла мощная череповецкая строительная индустрия, хотя была реальная возможность на базе Территориального строительного объединения «Череповецметаллургхимстрой» создать в Череповце мощную холдинговую компанию. Вместо этого руководство области провело приватизацию таким образом, что строительный монолит, наш флагман, построивший новый город и предприятия мирового значения, раздробился на целую эскадру мелких акционированных кооперативов, ТОО и отдельных юридических лиц…

Рабочие спичечной фабрики, именуемой с недавних пор акционерным обществом «ФЭСКО», в отчаянии просят опубликовать в «Речи» обращение к предпринимателям: «Купите нашу фабрику! Производство очень выгодное, если умело им руково-

По решению конференции трудового коллектива ЧПО «Аммофос» было преобразовано в акционерное общество

дить. Мы согласны продать свои акции толковому хозяину, который обеспечит нас работой».

Идут ко дну судостроительно-судоремонтный завод, фабрики «Красный ткач» и «Рассвет» и множество мелких предприятий…

Череповец вступал в беспощадный, безумный, дикий мир рыночных отношений…

На фоне кровавых разборок тех лет история приватизации «Северстали» выглядит исключением. Здесь не было ни криминала, ни стрельбы, ни судебных дрязг. «Мы ничего не захватывали, ни на кого не наезжали, не использовали государственные органы или коррупцию, – утверждает в интервью популярному русскоязычному журналу «Forbes» (2004, № 1) А.А. Мордашов. – Все, что приобретали, мы покупали за деньги».

Вспомним, как это было. В соответствии с Указом Президента совет трудового коллектива принимает решение: «Череповецкий ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени металлургический комбинат имени 50-летия СССР преобразовать в акционерное общество открытого типа «Северсталь». Опасаясь, что акции предприятия скупят ловкие дельцы, далекие от металлургии, генеральный директор комбината Ю.В. Липухин попросил директора по финансам и экономике А.А. Мордашова:

– Алексей, ты у нас самый экономически подкованный, тебе и поручаем заняться приватизацией.

Ю.В. Липухин и А.А. Мордашов на торжественной церемонии открытия Меткомбанка

Молодой, энергичный экономист нравился Липухину исполнительностью и деловой хваткой. Вскоре Мордашов принес на подпись генеральному директору проект создания защитной фирмы – акционерного общества закрытого типа «Северсталь-Инвест», – согласованный с профкомом, советом трудового коллектива и комитетом по управлению имуществом Вологодской области. Ознакомившись, Липухин подписал документ. По закону, в приватизации не могли участвовать предприятия, в которых государственные компании имели более 25 процентов акций. Поэтому металлургическому комбинату в «Северсталь-Инвесте» принадлежало лишь 24 процента. Липухин предложил было создать расширенный совет директоров из наиболее уважаемых людей на предприятии. Но в итоге от этой идеи отказались, так как они мало что понимали в приватизации, да и боялись с ней связываться. Руководство «Северсталь-Инвестом» было возложено на Алексея Мордашова. «Северсталь-Инвесту» предстояло аккумулировать на своих счетах средства для выкупа максимального количества акций из 29-процентного пакета, выставленного на продажу на всероссийском чековом аукционе.

Кстати, по поводу «Северсталь-Инвеста» разгорелись нешуточные страсти. Газета «Речь» попыталась провести собственное расследование механизма создания дочерней структуры «Северстали» и ее истинных целей. Началось все с телефонного звонка. В лучших традициях большевистской конспирации незнакомый мужчина позвонил журналисту Сергею Бегляк и назначил встречу в Комсомольском парке, обещая передать сенсационные материалы о приватизации металлургического комбината. В назначенный час из-за памятника Ленину вышел человек с пакетом, в спортивном костюме и кепке. Приблизившись, незнакомец сказал: «Просили передать», – и быстро удалился.

В пакете оказалась копия письма Президенту Российской Федерации с просьбой «объективно разобраться в том, каким образом генеральный директор ЧМК и его заместитель Мордашов проводят приватизацию комбината». Впрочем, долго гадать не пришлось. При посредничестве писателя Александра Рулева-Хачатряна финансовый директор Алексей Мордашов ответил на все щекотливые вопросы читателей «Речи». «Все делается для того, чтобы комбинат не растащили», – заверил Мордашов. – Жизнь покажет, что к чему».

А в администрации президента дали ход письму череповецких металлургов-ветеранов. Помощник Ельцина А. Корабельщиков отсылает его тогдашнему председателю правительства О. Сысковцу с поручением «тщательно разобраться в обстановке

ГОРОД ЧЕРЕПОВЕЦ

МЭРИЯ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

От 24.09.93 № 1150

О регистрации акционерного общества открытого типа "Северсталь"

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 01.07.92 № 721 "Об организационных мерах по преобразованию государственных предприятий, добровольных объединений государственных предприятий в акционерные общества", Законом Российской Федерации "О предприятиях и предпринимательской деятельности"

ПОСТАНОВЛЯЮ:

1. Зарегистрировать акционерное общество открытого типа "СЕВЕРСТАЛЬ" в порядке реорганизации государственного предприятия "Череповецкий металлургический комбинат".

2. Обществу в 10-дневный срок встать на учет в Государственной налоговой инспекции по г. Череповцу, отделении Пенсионного фонда Российской Федерации, отделе государственной статистики, в соответствующем отраслевом или региональном отделении Фонда социального страхования, городском Центре занятости населения.

Мэр города В.Е. Позднеев

на комбинате». В Череповец нагрянула комиссия из Госкомимущества и Комитета Российской Федерации по металлургии. После тщательной проверки она выявила лишь незначительные ошибки по бухгалтерскому учету, но сознательного скрытия средств и доходов не было обнаружено: все по закону.

«Северсталь-Инвест» аккумулировал денежные средства за счет прибыли от продажи чугуна, металлопроката, легковых автомобилей, поступающих на комбинат с автозаводов в порядке взаимозачета и выкупил практически весь пакет, выставленный на чековом аукционе.

27 сентября 1993 года в мэрии Череповца состоялось торжественное вручение документов регистрации акционерного общества «Северсталь».

– Закончилась 38-летняя история государственного предприятия «Череповецкий металлургический комбинат», начинается история новой структуры – акционерного общества «Северсталь», – сказал, принимая учредительные документы, директор по финансам и экономике Алексей Александрович Мордашов.

Экономика страны в 1990-е годы находилась в состоянии глубокой депрессии. В промышленности – кризис производства, увеличилось число простоев и полной остановки предприятий. Несовершенная налоговая и инвестиционная политика государства, а также инфляционные процессы делали неэффективными долгосрочные капитальные вложения. Металл оказался никому не нужен: стройки «заморожены», «оборонка» ничего не заказывает, трубные заводы простаивают, метизные – работают вполсилы. Подняли цены угольщики, энергетики, транспортники. Все всем должны. Наличных денег практически ни у кого нет. Вместо денег – бартерные сделки, векселя, взаимозачеты. По сравнению с 1990 годом выпуск продукции на комбинате упал наполовину. Долг потребителей металла достиг фантастической суммы – один триллион рублей (правда, не деноминированных). Плюс к тому

неоправданные налоги, съедающие всю прибыль. А тут еще налоговая служба РФ по Вологодской области приняла решение о списании с расчетного счета АО «Северсталь» 50 процентов поступающей выручки в счет погашения задолженности по платежам налога в бюджет. И как теперь рассчитываться с шахтерами Воркуты, с горняками Кольского полуострова, с железнодорожниками, с энергетиками?

Ю.В. Липухину приходилось выбирать: либо рассчитаться с поставщиками – и работать, либо выплатить зарплату – и остановиться. Скрипя сердцем, во избежание массовых увольнений он подписывает приказ о переводе с пятидневной на четырехдневную рабочую неделю работников управления, лабораторий, цеховых контор. А секретарь-машинистка уже подносит на подпись текст с еще одним приказом – о выводе на консервацию аглофабрики, домны № 2, трех мартеновских печей, одного конвертера, нескольких агрегатов прокатных цехов. Приходится урезать социалку, переводить больницу на двухразовое питание.

Председатель правительства О. Сосковец на вопрос Ю.В. Липухина: «может ли правительство оказать помощь комбинату?» ответил: «Вы стали акционерным обществом, и сами должны решать свою судьбу». Липухин шлет телеграмму президенту Б. Ельцину: «Жесткая финансовая налоговая политика приведет к непредсказуемым последствиям, социальному взрыву. Трудящиеся ЧМК умеют и хотят работать и пока воздерживаются от проведения широких акций протеста, но терпение людей истощено. В этих условиях нам нужна Ваша поддержка».

Ельцин дает указание налоговой службе отозвать свое решение.

Первый Совет директоров ОАО «Северсталь»

Вот в такой обстановке состоялась первая общая встреча акционеров «Северстали». Кандидат на пост генерального директора Юрий Викторович Липухин доложил, что предприятие уже год работает в совершенно иной организационно-правовой форме собственности, – является акционерным обществом. Он поблагодарил металлургов за их правильный выбор:

– Мы не отдали комбинат за бесценок, контрольный пакет акций остался в Череповце. «Северсталь» не распалась на десятки дочерних фирм, как это случилось с уральской Магниткой, не продалась иностранцам – участь, постигшая Челябинский меткомбинат, не балансирует на грани банкротства, как нижнетагильский гигант металлургии. Мы сумели приостановить падение производства. Теперь же необходимо обеспечить его рост. И для этого разработана программа, которая предусматривает внедрение новых технологий, модернизацию оборудования, увеличение выпуска продукции с высокой добавленной стоимостью.

Как и ожидалось, в результате прямого тайного голосования общим собранием акционеров генеральным директором АО «Северсталь» избран Юрий Викторович Липухин. На его назначение дали согласие 94,62 процента акционеров, принявших участие в голосовании. Ему же было поручено возглавить и Совет директоров. В своем заключительном слове Юрий Викторович от всей души поблагодарил акционеров за доверие:

– Заверяю, что я и остальные директора живут одной заботой – заботой обеспечения нормальной работы комбината и повышения благосостояния металлургов. Совет директоров, как вы видите, у нас достаточно молодой. Это компетентные и пер-

спективные работники. Они сделают все, чтобы нормализовать положение и повысить благосостояние членов АО «Северсталь». Совет директоров способен добавить «огонька», выложиться и нормализовать положение «Северстали». Это главное – и этой работе директорат подчинен полностью.

В апреле 1995 года остановился «Аммофос». Причина банальная – хронический дефицит аммиака, который много лет поступал по трубопроводу с соседнего «Азота». В условиях выгодной конъюнктуры мировых цен на аммиак московские менеджеры из «траста» гнали это сырье на экспорт и подсчитывали барыши. Конфликт между «столичными захватчиками» и химиками сопровождался бурными спорами. На фоне «химических войн» обстановка на «Северстали» начала стабилизироваться. Улучшилась конъюнктура цен на металл и значительно возрос интерес сторонних инвесторов к акциям предприятия.

Эффект разорвавшейся бомбы произвели сказанные в Екатеринбурге в феврале 1996 года слова Ельцина о привлечении вологодского губернатора Н.М. Подгорнова к уголовной ответственности «за злоупотребления служебными полномочиями». Затем последовал указ об отстранении его от должности. Ис-

Забастовки, митинги протеста, ультиматумы –
стали главной приметой 1990-х гг.

полнение обязанности главы Вологодской области Президент временно возложил на мэра города Череповца В.Е. Позгалева. В июне пришел другой президентский указ, превращающий Позгалева из «временно исполняющего обязанности» в полноценного губернатора.

В апреле 1996 года на собрании акционеров ОАО «Северсталь» Ю.В. Липухин неожиданно заявил, что принял решение оставить должность генерального директора и представил акционерам нового гендиректора – 30-летнего Алексея Александровича Мордашова.

Нелегким было для Мордашова начало директорства. Положение дел на комбинате не из лучших. Не хватает «живых» денег. Экспорт нерентабелен. Дефицит оборотных средств. Задержка по зарплате в полтора месяца. Долги поставщикам сырья, угольщикам, транспортировщикам, энергетикам… И все же ситуация не катастрофична. Так и заявил молодой генеральный на конференции трудового коллектива, проходившей накануне Дня металлурга:

– У нас есть почти все для значительного рывка: хорошее предприятие, прекрасные фонды, работоспособный коллектив. А для того, чтобы сохранить и усилить свое влияние на российском и международном рынке, нам недостает совсем немного: с возможными издержками производить продукцию с мировым уровнем качества и высокой добавленной стоимостью. Все дело сегодня в менеджменте и умелом маркетинге.

Мордашову удалось переломить неблагоприятную ситуацию. Он привел на предприятие консультантов из фирмы McKinasi и вплотную занялся снижением издержек. На ключевые посты он поставил талантливых молодых людей, прошедших стажировку на лучших металлургических предприятиях мира. Они-то и стали «двигателями» стратегических программ, разработанных для вывода комбината из кризиса.

Произошла смена гендиректора и в ОАО «Азот». Вместо далекого от химии московского менеджера Андрея Тулапина этот ключевой пост занял опытный производственник череповчанин Евгений Григорьевич Иванов.

Безоговорочной была победа В.Е. Позгалева в борьбе за губернаторский пост. За него проголосовало около 81 процента жителей области. Впервые губернатором области становится не «спущенный сверху», а всенародно избранный. А в Череповце

прошли торжества по поводу вступления в должность вновь избранного мэра города Михаила Сергеевича Ставровского. Символ власти, учрежденный еще при правлении городского головы И.А. Милютина, доселе хранившийся в музейном объединении, лег на грудь новоиспеченного мэра.

В декабре в городе началась забастовка учителей. Им с сентября не выдают зарплату. Сотни педагогов стали в пикет у здания мэрии, в руках у них лозунги: «Чиновник, поделись зарплатой!», «Хватит унижать учителей». На подмостках мэрии появился Ставровский, пообещал расплатиться с педагогами к Новому году. Пикетчики начали скандировать: «Не ве-рим! Не ве-рим!». Ставровский перекрикивает толпу: «У вас нет оснований мне не верить». Но педагоги стоят на своем. «Если мы сейчас уступим, никогда не добьемся улучшения в нашей сфере» – заявила профлидер учителей Н. Матвеева. Забастовка объявлена бессрочной. Второй забастовочный день и пикетирование началось с исполнения революционной «Варшавянки»: «Вихри враждебные веют над нами». Был и третий день, и четвертый…

К Новому году удалось-таки погасить долги и по зарплате, и по детским пособиям.

Полгода безвластия, когда череповецкий мэр Позгалев по указу президента исполнял обязанности губернатора, негативно отразились на жизни города. По целому ряду показателей Череповец отодвинулся назад. Здесь и социальная сфера, и дороги, и транспорт, и многое другое. Но уже в январе 1997 года после согласования с руководством ряда городских предприятий в мэрии был разработан комплекс мер по стабилизации экономического положения. Решено создать финансово-промышленные группы, увеличить производство продукции, которая востребована на рынке. Были также уменьшены налоговые поборы на местном уровне – ставки земельного налога и налога на содержание социальной сферы. Результаты работы за первый квартал подтвердили правильность решения. Прибыль предприятий выросла с 73 до 90,6 миллиардов рублей (не деноминированных).

Как ни удивительно, но и в эти сложные 90-е годы крупные предприятия Череповца умудрялись проводить инвестиционную политику, вводили в строй действующие новые мощности.

«Есть череповецкий карбамид!» – возвещала надпись на борту грузовика, с которого 28 мая 1998 года на митинге в честь пуска новой производственной линии звучали пламенные речи. А в 1999-м, накануне своего профессионального праздника, метал-

лурги запустили самый современный электросталеплавильный агрегат России – печь «Фукс». Сталевар М. Пашкевич прожег сталевыпускное отверстие, и под крики «ура!» потекла первая электросталь, полученная по новейшей технологии.

И еще одно заметное событие имело место в городе летом 1999 года… В Череповце заседал общественный Совет по реформированию предприятий страны. Около сотни человек, представляющих правительство России, отечественных производителей металлургии и химии, аудиторские и экспертные фирмы. Объекты внимания гостей = три местных завода-гиганта: ОАО «Северсталь», «Череповецкий сталепрокатный завод» и «Аммофос». Многие эксперты считают их лучшими в отраслях. Их работа отмечена международными премиями – «Золотой Меркурий», «Золотой глобус», «Факел Бирмингема» и другими. За интеграцию в мировую экономику. За высокую репутацию и профессионализм. За экономическое выживание в условиях спада производства.

Высокий статус заседанию придало присутствие министра экономики РФ А.Г. Шаповальянца, которому очень хотелось своими глазами увидеть череповецкое «обыкновенное чудо». А чуда не было. Ведущие предприятия Череповца добились небывало-

Открытие новой линии по производству карбамида на «Аммофосе». 28.05.1998 г.

го успеха, сделав ставку на хорошо обученное, реалистически мыслящее управленческое звено. В руководство предприятиями «ворвались» очень молодые, честолюбивые, деятельные люди, да и взвалили на свои плечи нелегкую задачу реформирования производства и производственных отношений.

Самая современная в России электропечь – в строю. 16.07.1999 г.

В своих выступлениях череповецкие топ-менеджеры подчеркивали, что производственные достижения – это не случайное везение, а плод умелого руководства, продуманной стратегической политики, поиск внутренних резервов – сокращение затрат, модернизация производства, совершенствование сбытовой деятельности, реструктуризация, работа с персоналом. Все это не требовало и не требует денег от правительства. Но для дальнейшего роста государство должно выполнить ряд условий: во-первых, определиться с экономической политикой внутри страны; во-вторых, оказывать поддержку на внешнем рынке. Только государство может разрешить критическую ситуацию, в которую попали российские производители металла и химических удобрений на мировом рынке из-за антидемпинга.

Министр экономики России А.Г. Шаповальянц высоко оценил опыт череповецких промышленников, подчеркнув, что «программа реформирования, озвученная на экономическом форуме, ориентирована не на выпрашивание всяческих льгот и не на дотации из госбюджета, а потому имеет право на существование».

Опыт «Северстали», «ЧСПЗ» и «Аммофоса» было решено распространить среди директорского корпуса крупнейших предприятий страны.

Заканчивался XX век. В Череповце он был озарен фейерверком огненных брызг: 8 декабря 2000 года в конвертерном цехе выплавлена 300-миллионная тонна череповецкой стали. Ослепительно сверкая, под восхищенные возгласы ветеранов-сталеплавильщиков, участвовавших в праздничной церемонии, полилась в ковш юбилейная сталь…

ЧЕРЕПОВЕЦ, XXI ВЕК

XXI век и третье тысячелетие Череповец встретил на уровне столичных городов. Действия, развернувшиеся в новогоднюю ночь, были поистине грандиозными и впечатляющими. Эффективные подсветки зданий, гирлянды из дюралайта на ёлках сделали город неузнаваемым. Тысячи череповчан, променявших традиционное сидение за праздничным столом у голубого экрана на шоу у Дворца Металлургов, площади Металлургов, за Шексной, у кинотеатра «Победа» испытали массу замечательных эмоций. Впервые одновременно на четырёх площадках города «потешные» артисты веселили народ. Их шутки перемежались с залпами пиротехники…

С 1 июля 2001 года Череповец переходит на новые тарифы по оплате жилья и коммунальных услуг. Документ жесткий, непопулярный, поскольку население по некоторым позициям вынужденно выкладывать больше, чем раньше в разы. Почти сразу же появляется инициативная группа, которая стала собирать протестные голоса, чтобы вынудить муниципалитет отменить решение. Число «подписантов» против реформы быстро растёт… Десять… двадцать… тридцать тысяч… 4 июля оппозиция вывела на площадь Металлургов, на акцию протеста почти полторы тысячи

Митинг протеста против жилищно-коммунальной реформы

человек. Коммунисты, ЛДПРовцы, пенсионеры призывали «дать отпор зажравшимся чиновникам», «дружно лечь на рельсы», «мэра – в отставку». На встрече «за круглым столом», участниками которой стали депутаты городской Думы, чиновники мэрии и представители общественных организаций, М.С. Ставровский убеждал в необходимости увеличения тарифов на услуги ЖКХ:

– Принципиальное отличие нашей программы от правительственной в том, что в Череповце предельная сумма понижается с 22 процентов совокупного дохода семьи до 10, – говорил Ставровский. – При этом предусматриваются серьезные меры социальной защиты для малообеспеченных семей. Такой дифференцированный подход справедливее, чем предложенный на уровне государства. Люди будут рассчитываться в зависимости от благосостояния.

Аргументы главы города в пользу необходимости новых тарифов должного впечатления на оппозицию не произвели. Она поставила вопрос о проведении референдума, в котором бы фигурировал вопрос о досрочном прекращении полномочий мэра Ставровского.

– Референдум и баста! – кричал лидер движения «Весна на Заречной улице» Анатолий Ясин.

– Проведение референдума обойдется городскому бюджету в два миллиона рублей. Почему мы должны тратить подобные средства? – парировали депутаты. – Если вам так необходимо, закажите соцопрос каким-нибудь структурам.

«Разрулил» конфликт губернатор В.Е. Позгалев. По настоятельной просьбе читателей он дал интервью газете «Речь» и высказал свое отношение к проблеме: «Череповец демонстрирует умное отношение к жилищно-коммунальной реформе, которая заключается не только в повышении тарифов, но и в коренном улучшении состояния сферы. Можно не поднимать квартплату? Можно. Но тогда не спрашивайте с нас за дороги, порядок в подъездах, за лекарства, ибо власти придется рассчитываться за вашу горячую воду, тепло, электричество. Давайте выбирать. Кошелек-то один – городской бюджет, и если из него пойдут деньги на жилищно-коммунальное хозяйство, то на другое, конечно же, средств не хватит, я уж не говорю о развитии».

Страсти вокруг реформы ЖКХ постепенно поутихли.

Впервые в истории Череповца горожанам была представлена возможность голосованием определить, по какому стратегическому пути город будет развиваться. Это произошло 29 сентября

2003 года в ГДК «Аммофос», где состоялась первая общегородская конференция «Стратегия развития Череповца до 2012 года». Мероприятие прошло при аншлаге, как хороший спектакль.

– Мы завершили огромную работу, в которой участвовало множество людей, только для анализа привлекалось свыше двух тысяч специалистов, – сказал в своем выступлении мэр М.С. Ставровский. – Осознание необходимости общегородской стратегии пришло к нам не вчера. В условиях нестабильных объемов городского бюджета без долгосрочного планирования жить нельзя. Если ставить задачу только выжить, – неизбежен откат. А нам нужно движение вперед.

При разработке стратегии развития на перспективу учитывалось практически все – от географического положения города до наличия в Череповце крупных промпредприятий и их финансово-экономического положения.

Сразу по окончании конференции ее участникам (а приглашены были представители практически всех сфер городской жизни) предложили опустить в урну специальные бюллетени, где нужно было пометить значком выбранный один из сценариев: «Эволюционное развитие», «Провинциальная столица» и «Город лидеров». Горожане выбрали третий – самый амбициозный – сценарий городского развития. По этому сценарию городу нужно действовать активно, целенаправленно, без команды сверху. На внешние вызовы и угрозы город должен реагировать вместе с бизнесом путем совершенствования подготовки кадров, улучшения условий проживания в городе, формирования у жителей качеств гармонично развитой личности.

Череповец и до этого во многих позициях занимал лидирующие позиции – в металлургии, бизнесе, химии… И городской транспорт здесь сегодня соответствует европейским стандартам, и качество воды, и даже система соцзащиты, которая поддерживает людей, оказавшихся в непростой жизненной ситуации, – одна из лучших в стране. И образование у нас на уровне, и культура, и даже ЖКХ… Список можно продолжать. Если бизнес, промышленность будут и через 10 лет лучшими в своей области, то и местный бюджет будет развиваться соответственно. И будут средства на поддержку всех горожан. То есть город лидеров – это где всем комфортно. А раз так, городская власть должна сделать все от нее зависящее, чтобы удержать эти лидерские позиции. И не останавливаться, а идти в том же направлении дальше. И тогда у него будет достаточный запас прочности даже при временном ухудшении экономико-социального положения

государства. Город станет занимать весомую позицию на карте общенациональной политики.

Один из уроков, который вынесло руководство «Северстали» из августовского кризиса-98 – необходимость обеспечения своей экономической безопасности. После того, как сырьевики трех горно-обогатительных комбинатов объединились в монополии на цены и чуть было не поставили комбинат на колени, Совет директоров принял решение о покупке контрольных пакетов Оленегорского и Костомукшского ГОКов. Это позволило «Северстали» самой наладить поставки сырья, а горно-обогатительные комбинаты получили оборотные средства, помощь в организации производства, во внедрении системы бюджетирования, создании сбытовой сети и переходе на прямые поставки потребителям. Потом был выкуплен у государства контрольный пакет акций ОАО «Кузбассуголь» и ОАО «Воркутауголь», приобретены предприятия, производящие из черного металла сложную продукцию с высокой добавленной стоимостью: Череповецкий сталепрокатный завод, мощный прокатный стан «5000» и «Ижорский завод». Были и другие приобретения: «Ульяновский автозавод», Заволжский моторный и Коломенский тепловозостроительный заводы.

Родственные производства «Северстали» сгруппировали в дивизионы: металлургический, сырьевой, автомобильный, транспортный, машиностроительный. Все дивизионы образовали мощную компанию «Северсталь-групп», которую возглавил А.А. Мордашов. Он же занял должность председателя Совета директоров ОАО «Северсталь». Его предшественник Ю.В. Липухин ушел на пенсию по возрасту.

К середине 2000-х годов наконец-то закончился долгий приватизационный путь «Азота». Он так же, как и ОАО «Аммофос» вошел в состав компании «ФосАгро». Новые хозяева поставили задачу увеличения объемов производства аммиака, наметив широкую программу реконструкции и модернизации оборудования основных технологических цехов.

Празднование Дня Металлурга в юбилейном 2005 году растянулось на целую неделю. Сотни северстальцев приняли из рук главы компании А.А. Мордашова и генерального директора А.Н. Кручинина награды Родины. Впервые в истории комбината десять металлургов отмечены знаком «За особые заслуги перед ОАО «Северсталь». Торжественно открыты – монумент череповецким металлургам и вагон-музей академика И.П. Бардина.

В.И. Матвиенко, В.В. Путин и А.А. Мордашов на Ижорском трубном заводе

В СКЗ «Алмаз» прошел праздничный гала-концерт, на котором блистали лучшие творческие коллективы Дворца металлургов: «Мальвина», «Магия», «Тодес», «Супер-Скок», «Русский национальный театр». Перед горожанами выступили суперзвезда эстрады Алла Пугачева и легендарный рок-певец Юрий Шевчук. На ринге, установленном в центре футбольного поля стадиона «Металлург» шли бои боксеров и кикбоксеров. В акватории Шексны состоялось грандиозное водноспортивное шоу: сражения морских пиратов, древних воинов, бойцов спецназа. Апогеем праздника, конечно, стало аэрошоу военных истребителей знаменитой группы «Русские витязи». В течение 40 минут самолеты кружили над городом. На глазах десятков тысяч изумленных зрителей четверка тяжелых истребителей СУ-27, то приближалась к земле, то снова набирая высоту, сохраняя дистанцию в три метра между крыльями самолетов, выполняла уникальные трюки.

Такого Череповец еще не видел…

14 декабря 2005 года Череповец встречал участников международной научно-практической конференции «Чистая вода – определяющий фактор качества жизни: современные российские технологии». Выбор места проведения научного форума не случаен. Череповец в этом отношении оказался «впереди Европы всей».

– Сегодня мы имеем кризис в развитии системы водоснабжения. И, слава Богу, что есть город Череповец с его эффективным менеджментом, который смотрит на несколько лет вперед, – подчеркивали в своих выступлениях участники международной конференции. – Именно Череповец, а не Москва и Санкт-Петербург, является лидером в области очистки воды.

В 90-х годах воды в Череповце стало катастрофически не хватать. Причина крылась в том, что в связи с интенсивным развитием металлургической, химической промышленности, строительной индустрии население города увеличивалось. С 1973 по 1999 годы череповчан стало больше на 100 тысяч человек. И очистные сооружения с одноступенчатой схемой очистки воды, уже не справлялись с потребностями города. Перегруженная станция не могла обеспечить требуемого качества воды, а в часы пик во многих домах ее просто не было. Очистные сооружения начинали строить еще в 1993 году, но денег в городской казне не хватило. В 1999 году новая администрация города во главе с М.С. Ставровским принимает решение: строить и вводить новый комплекс поэтапно. В октябре того же года были пущены в эксплуатацию резервуары чистой воды, затем на базе современных технологий приняты в эксплуатацию водоочистительная станция, очистные сооружения канализации, станция ультрафиолетового обеззараживания воды и сточных вод, создан прекрасно оснащенный центр контроля качества вод. Череповецкая водопроводная вода по своим показателям сравнялась с водой Стокгольма, Лондона и других европейских городов.

В декабре 2006 года директор СБК ОАО «Северсталь» Олег Александрович Кувшинников заявил о своем желании баллотироваться в мэры Череповца. Начинается предвыборный марафон. Десятки встреч с избирателями. «Сохраним лучшее, построим будущее» – главный девиз претендента на мэрский пост. Вез-

Участники международной конференции, состоявшейся в декабре 2005 года, отметили, что Череповец является лидером в области очистки воды

17 марта 2007 года в должность мэра вступил О.А. Кувшинников

де – на встречах в цехах комбината, университете, в клубе «Ветеран», с предпринимателями – его принимают «на ура». Подкупает его мощная энергия, решительность, напористость, деловая хватка. «Я – созидатель», – говорил Кувшинников избирателям. И это правда. Где бы он ни работал, коллектив становился лидером. Вывел в передовые сортопрокатный цех – неожиданно перекинули в первый листопрокатный. Все вроде бы было у этого цеха: хорошее оборудование, неплохие специалисты. Не хватало только лидера, который мог бы сплотить коллектив в единую команду и обеспечить движение вперед. Таким лидером стал Кувшинников. Затем неожиданный поворот – назначение на должность директора социально-бытового комплекса. И здесь его трехлетнее пребывание оставило яркий след.

Естественно, что победителем на выборах стал О.А. Кувшинников. 17 марта 2007 года Олег Александрович Кувшинников вступил в должность мэра. Первый мэр Череповца, губернатор Вологодской области В.Е. Позгалев надел ему на шею символ власти – специально доставленный из городского музея нагрудный знак городского головы И.А. Милютина, сказав при этом:

– У Череповца есть все, чтобы он стал лучшим городом Отечества. У вас тоже есть все лучшие качества: молодость, знания, опыт работы и способность увлечь за собой людей, зарядить их своим энтузиазмом и повести за собой. Череповец всегда был силен хорошими традициями, и, я надеюсь, что вы будете достойно их продолжать, – такими словами напутствовал нового мэра глава области.

С напутствиями мэру выступили генеральный директор ОАО «Северсталь» А.А. Мордашов, депутат Государственной Думы, лидер Вологодского регионального объединения партии «Единая Россия» Г.Е. Шевцов, председатель городской Думы А.П. Баданина. А архиепископ Вологодский и Великоустюжский Максимилиан подарил О.А. Кувшинникову икону Георгия Победоносца и выразил надежду, что она поможет новому мэру преодолеть всю неправду, которая встретится на его пути.

В 2007 году Череповец стал педагогической столицей России. Это заслуга учителя литературы школы № 37 Андрея Геннадьевича Успенского, который стал победителем Всероссийского конкурса «Учитель года – 2006». На сцене Дворца металлургов друг друга музыканты, танцоры, артисты. А потом конкурсантов ожидали психологические тренинги, КВН, катание на коньках в Ледовом дворце, экскурсии на меткомбинат и по городу, по кабинетам школы № 37, до отказа напичканным новейшим оборудованием. И сам конкурс – «визитная карточка», учебное занятие по предметам, мастер-классы. Высокий уровень организации конкурса в Череповце «Учитель года – 2007» заслужил оценку «великолепно». Когда на торжественном награждении в Москве на сцену Колонного зала Дома Союзов вышел Олег Александрович Кувшинников, зал устроил овацию. Не министру Фурсенко, не ректору МГУ Садовничему, а мэру провинциального Череповца.

2007 год – год 230-летия Череповца. Практически во всех сферах жизнедеятельности города достигнуты позитивные результаты. И даже в тех, что традиционно считались проблемными.

Победитель Всероссийского конкурса «Учитель года – 2006»
А.Г. Успенский с учениками

В частности, заметно оживилась культурная жизнь. С помощью областных инвестиций были завершены капитальные ремонты Камерного театра. и библиотеки имени В.В. Верещагина. Свои поводы для радости были и у череповецких любителей физкультуры и спорта. На карте города появился шикарный волейбольный центр, аналогов которому на Северо-Западе практически нет. Новый спортивный комплекс стал вторым домом не только для игроков женской команды «Северсталь», но и для нескольких сотен юных волейболисток из местной спортшколы; гордостью центра стали два игровых зала с самым современным покрытием, звуковой аппаратурой и электронным табло.

Три квартала 2008 года для Череповца были одними из самых успешных за весь постсоветский период. Большие и малые предприятия города демонстрировали рекордные показатели и по объемам производства, и по объемам прибыли, и по объемам налоговых отчислений. В казну широкой рекой вливались дополнительные доходы. Бюджет города достиг рекорда – 7,8 миллиардов рублей. Бюджетные рубли «работали» с прицелом на перспективу. Создан большой запас прочности по строительству магистральных сетей и инженерных коммуникаций. Повсюду реконструировались дороги, улицы, перекрестки. Объем жилищного строительства достиг почти 200 тысяч квадратных метров! И вдруг все это разом рухнуло. Пришедший осенью с Запада финансовый кризис стремительно обрушил мировые цены на металл, а вслед за ними и объемы производства. Портфель заказов крупнейшего налогоплательщика – «Северстали» – сразу похудел практически в два раза, а индекс промышленного производства в масштабах всего Череповца упал почти на 45 процентов. Как следствие, к декабрю 2008 года Череповец оказался в числе 10 российских городов, в максимальной степени пострадавших от кризиса.

Наступивший кризис наглядно продемонстрировал перекос в структуре городской экономики: хорошо развитый крупный и малый бизнес, слабо развитый средний и отсутствие сектора высоких технологий. А, кроме того, обострил социально-экономические проблемы: произошли массовые увольнения при отсутствии альтернативных рабочих мест, ухудшилось финансовое состояние градообразующего предприятия, снизились доходы населения и бюджеты всех уровней.

В создавшейся ситуации власти города и ОАО «Северсталь» приняли решение о реализации нового проекта – «Форсайт Череповца» («форсайт» в переводе с английского языка – «взгляд

в будущее»). В целях снижения зависимости экономики от отраслевых кризисов была поставлена задача: сохраняя позицию города-лидера промышленного производства Северо-Запада, в течение ближайшего времени снизить долю ведущих предприятий в валовом объеме продукции города с 70 до 50 процентов. Достижение такого показателя планировалось осуществить через развитие производств с высокой добавленной стоимостью.

Еще задолго до кризиса по инициативе А.А. Мордашова в Череповце появилось агентство городского развития. Ее основной задачей стало изменение структуры городской экономики в сторону создания большего числа малых и средних предприятий, и, как следствие, создание новых рабочих мест, появление новых видов услуг и современных форм производства. С целью привлечения и содействия в реализации проектов внешних инвесторов по созданию в городе новых предприятий была создана автономная некоммерческая организация «Инвестиционное агентство «Череповец». Свою деятельность агентство выстраивает согласно базовым направлениям инвестиционного развития Череповца – создание новых производств и высокотехнологичных предприятий с низкой экологической нагрузкой и высокой эффективностью, а также бизнесы, предоставляющие услуги населению, реализующие строительные, социальные и другие проекты, в том числе проекты, направленные на повышение туристической привлекательности города.

В дальнейшем между правительством области и крупнейшими компаниями региона – «Северсталью» и «ФосАгро» – было подписано базовое соглашение, которое стало основой создания площадки для взаимодействия с представителями малого и среднего предпринимательства. Получая заказы со стороны крупных компаний, малый бизнес получил новый толчок к развитию, он стал звеном единой цепочки производственных процессов большого бизнеса.

Ключевым событием 2011 года для Череповца и всей Вологодчины стала VIII межрегиональная конференция партии «Единая Россия» с участием премьер-министра В.В. Путина. Партийная конференция, посвященная приоритетным направлениям социально-экономического развития Северо-Запада России до 2020 года, завершила серию форумов, которые ранее состоялись во всех федеральных округах страны. Кроме премьер-министра в конференции участвовали председатель Государственной Думы Б.В. Грызлов, губернаторы 11 областей, министры

правительства РФ, журналисты центральных и региональных СМИ. В.В. Путин выступил с программной речью, в которой отметил, что страна к началу 2012 года выйдет на докризисный уровень экономики, а потому особое внимание будет уделяться развитию судостроительного комплекса, автопрома и металлургии. Особо Владимир Владимирович отметил ОАО «Северсталь» с её уникальной установкой по производству металлов с покрытием «Высочайший мировой класс! Молодцы!» – сказал премьер-министр.

Представители регионов рассказали о своих перспективных направлениях развития промышленности, строительства, социальной сферы. Вологодчина представила два проекта: «Российский лен» и «Газохимический комплекс на базе химических предприятий «ФосАгро АГ» по выделению этана из смеси газов и его дальнейшей переработке». Через Вологодскую область идет целый поток природного газа с Севера России. При этом 7 миллиардов кубометров потребляет Череповец на производство минеральных удобрений, на работу металлургического комбината, коммунального хозяйства. Суть задуманного проекта заключается в том, чтобы газ, который проходит через Череповец, очищать на газораспределительной установке и затем пускать его в переработку. Проект газохимического комплекса получил высокую оценку председателя высшего совета партии «Единая Россия»

Прямая трансляция с межрегиональной конференции партии «Единая Россия». 2011 г.

Б.В. Грызлова, представителей Минэкономразвития, губернаторов соседних регионов. В.В. Путин также поддержал идею строительства в Череповце современного химического комплекса, а кроме того, подписал распоряжение об открытии аэропорта «Череповец» для международных полетов.

Самыми громкими событиями 2011 года стали отставки губернатора Вологодской области Вячеслава Позгалева и лидера вологодских единороссов, председателя спикера областного парламента Николая Тихомирова. Причиной послужил провал партии «Единая Россия» на выборах в Государственную Думу, набравшей чуть больше 33 процентов голосов избирателей. 28 декабря депутаты Законодательного Собрания области почти единогласно одобрили внесенную президентом РФ Д.А. Медведевым. кандидатуру нового губернатора – бывшего череповецкого мэра Олега Александровича Кувшинникова. В тот же день состоялась церемония инаугурации.

На должность мэра Череповца претендовали четверо. С большим отрывом и абсолютным большинством голосов выборы выиграл Ю.А. Кузин. Это и не удивительно: Юрия Александровича горожане хорошо знают. Он – депутат городской Думы, руководил в мэрии отделом по социально-экономическому развитию Череповца, был советником мэра по экономике и развитию города, возглавлял городскую налоговую инспекцию. Принимая поздравления, Юрий Кузин сказал, что руководить городом начинает не с чистого листа:

– Очень много сделали мои предшественники. И это требует от меня еще большего: не снизить заданную планку социальных притязаний горожан.

К 2012 году главные налогоплательщики области – металлургический комбинат и «ФосАгро-Череповец» – достигли докризисного объема производства. Благодаря стабильным инвестициям в развитие производства устойчивый рост показывают и другие предприятия города: фанерно-мебельный комбинат, спичечная фабрика «ФЭСКО», Череповецкий мясокомбинат и другие. Однако, доходная база областного бюджета так и не восстановилась до уровня 2008 года. И областной бюджет, и бюджет Череповца оказались сверхдефицитными.

И все же экономическая ситуация в Череповце не такая уж удручающая. Крупнейшие инвесторы на Северо-Западе России – ОАО «Северсталь» и ОАО «ФосАгро-Череповец» – год за годом

Председатель правительства РФ Д.А. Медведев принял участие в пуске производства карбамида. 26 октября 2012 г.

последовательно вкладывают значительные средства в совершенствование технологий, в производство продукции с высокой добавленной стоимостью.

Не был исключением и 2012 год. 26 октября химики запустили новое современное производство карбамида и газотурбинную станцию. В церемонии пуска принял участие премьер-министр Дмитрий Медведев. Он дал старт промышленной эксплуатации производства, нажав кнопку «пуск» на сенсорном мониторе. Под звонкое «ура» в небо полетели белые воздушные шары, символизирующие гранулы плодородия.

– Я надеюсь, что это производство укрепит позиции нашей державы на мировых рынках удобрений, – сказал глава правительства. – В планах компании – создание интегрированного газохимического комплекса, который может занять первое место в Европе по объему производства минеральных удобрений. Такие амбициозные проекты и определяют будущее нашей экономики. Я рад, что присутствую на этом важном мероприятии и искренне поздравляю тех, кто вложил свой труд в создание комплекса.

Построенное по самым современным технологиям производство карбамида будет использовать в качестве сырья выпускаемые здесь же аммиак и углекислый газ – отходы производства, которые сегодня выбрасываются в атмосферу.

Завершающим этапом рабочего визита премьера стало посещение трубопрофильного завода в индустриальном парке «Шексна», уникального для Северо-Запада России производства, где производится новый современный продукт, который раньше был не типичен для нашей страны.

Базовые цели «Форсайта» были в основном достигнуты в 2011 году. 5 июня 2013 года Совет по стратегическому планированию Череповца принял стратегию развития города до 2022 года. Работа над новым проектом обустройства города заняла более года. В ней участвовали представители власти, эксперты, простые горожане от школьников до ветеранов. Мэр Юрий Кузин представил развернутый доклад о путях модернизации социально-экономической сферы Череповца. Главная стратегическая цель на 10 ближайших лет – окончательно и бесповоротно превратить Череповец из классического промышленного в город с развитой, стабильной экономикой, безопасной и благоустроенной территорией и максимально широкими возможностями для самореализации граждан.

«Стратегия-2022» подана под новым брендом – «Череповец – город возможностей». Она включает три приоритетных направления: развитие экономики, развитие территории и развитие человеческого потенциала. Следуя одновременно в трех направлениях, Череповец должен преобразоваться в благополучный экономически развитый город с широкими возможностями для самореализации и труда, безопасной и благоустроенной территорией, развитой стабильной экономикой.

– Даже в условиях санкций, обвала рубля и экономической нестабильности город будет развиваться, – заявил Ю.А. Кузин. – И в социальной сфере, и в здравоохранении, и в образовании. Трудности заставят нас больше думать, искать внутренние резервы. То, что запланировано, обязательно будет сделано. Ведь Череповец – это город возможностей!

Управление архитектуры и градостроительства мэрии разработала муниципальную программу «Развитие градостроительной политики города Череповца на 2014-2022 гг.», воплощение в жизнь которой позволит создать гармоничную архитектурно-пространственную среду, комплексное благоустройство, озеленение, цветовое и световое оформление города. Тем самым будет сформирован новый облик Череповца – крупного индустриального и культурного центра.

Безусловно, важнейшим событием 2014 года в жизни Череповца стало выездное заседание Госсовета «О государственной политике в сфере семьи, материнства и детства», которое состоялось 17 февраля под председательством Президента Российской Федерации В.В. Путина.

Проведению Госсовета в Череповце предшествовала огромная подготовительная работа, для чего по поручению президента

Так будет выглядеть набережная реки Шексны от усадьбы Гальских в сторону нового моста

была создана рабочая группа во главе с губернатором Вологодской области О.А. Кувшинниковым. Был собран и обобщен огромный материал по всем регионам России.

– Создание условий для повышения качества жизни каждой семьи, охрана материнства и детства – ключевая задача для России, и это не только задача государства, но и бизнеса, – отметил Владимир Владимирович Путин, – открывая заседание Госсовета. – В Вологодской области, в Череповце накоплен большой опыт поддержки семей с детьми.

В качестве положительного примера социальной ответственности президент привел действующие в компаниях «Северсталь» и «ФосАгро-Череповец» программы освобождения беременных женщин от работы с сохранением среднего заработка, поддержки многодетных семей, развитие корпоративной жилищной программы.

В ходе выступлений участники встречи отметили, что основными проблемами российских семей являются недостаточно высокие доходы и сложности с улучшением жилищных условий. Решив эти проблемы, можно рассчитывать на улучшение демографической ситуации, на упрочение семейного института, улучшения качества образования и укрепления здоровья детей.

Губернатор Вологодской области Олег Кувшинников выступил на заседании Госсовета с инициативами, направленными на поддержку семейных ценностей. По словам главы региона, государство не должно быть монополистом на социальном рынке. Часть услуг можно развивать в рамках государственно-частного партнерства, которое широко практикуется в Вологодской

области. В качестве примера он рассказал о благотворительной программе «Дорога к дому», которая реализуется по инициативе «Северстали»:

– Программа объединила ресурсы бюджетной сферы, коммерческих компаний, структур гражданского общества и быстро получила развитие в регионах присутствия металлургического холдинга. Результат этой работы – новые приемные семьи, ответственные родители и счастливые дети.

В рамках визита в Череповец глава государства в сопровождении генерального директора ОАО «Северсталь» А.А. Мордашова посетил металлургический комбинат и остался доволен. На прощание В.В. Путин сказал:

– Ваш город – очень достойный, такой хороший работяга, здесь сосредоточены крупные и важные для страны производства.

Стратегия развития города до 2022 года «Череповец – город возможностей» заняла первое место во Всероссийском конкурсе муниципальных стратегий, в котором участвовало 200 российских городов с численностью населения свыше 100 тысяч человек. Она нашла поддержку на разных уровнях и станет основой развития городов и регионов России.

– О том, что у нас делается, в других городах только размышляют, – говорит мэр Юрий Кузин. – Череповец идет на шаг впереди – это очень сильное конкурентное преимущество. Это важно для развития не только экономики, но и социальной сферы, инфраструктуры города и создания комфортной городской

Заседание Президиума Государственного Совета с участием Президента России В.В. Путина. 17 февраля 2014 г.

Мэр Ю.А. Кузин: «Диплом победителя – это признание нашей стратегии и развития»

среды. Наша стратегия – не догма, а гибкий инструмент для управления сложным комплексом городского хозяйства. Система сбалансированных показателей, методологическая и научная обоснованность дает нам возможность вписаться в любой сценарий. Важно и то, что у нас есть преемственность власти. Вне зависимости от того, кто придет к руководству городом, стратегия будет только укрепляться, практики ее реализации приумножатся.

В рамках реализации плана по диверсификации экономики города и преодолению его монозависимости воплощается в жизнь идея создания в Череповце особой экономической зоны, которая может заинтересовать инвесторов. Этот вопрос неоднократно обсуждался Губернатором Вологодской области Олегом Кувшинниковым с руководством профильных Министерств Правительства страны и крупными инвесторами, готовыми разместить свои производства на череповецкой промышленной площадке. И вот, 4 августа 2017 года, Председатель Правительства России Дмитрий Медведев подписал постановление. о создании в черте города территории опережающего социально-экономического развития «Череповец». С этого дня для предприятий-резидентов ТОСЭР начинает действовать особый налоговый режим.

«Статус территории опережающего социально-экономического развития позволит резидентам в полной мере получать целый пакет налоговых льгот регионального и федерального уровня. В их числе освобождение от налога на имущество и земельного налога в течение 10 лет, нулевая ставка по налогу на прибыль в течение 5 лет, а также значительное снижение отчислений во внебюджетные фонды. Вкупе с удобной инфраструктурой, логистикой и развитыми программами кооперации Череповец становится территорией максимально привлекательной для развития бизнеса. Присвоение Череповцу статуса ТОСЭР позволит привлечь 10 миллиардов рублей инвестиций и создать около 2,5 тысячи рабочих мест», – так прокомментировал это событие Олег Кувшинников.

9 августа мэр города Ю.А. Кузин сделал неожиданное заявление: «В мой адрес поступило предложение по участию в крупном проекте. Я все взвесил и дал согласие. Говорю о том, что не планирую подавать заявление на участие в конкурсном отборе мэра города».

14 сентября 2017 года в присутствии вновь избранных депутатов городской думы мэр Череповца Юрий Кузин сложил свои полномочия.

В этот же день депутаты избрали новых руководителей города. Еще в июле в Устав города были внесены изменения, согласно которым власть в Череповце будет организована по схеме «глава города – мэр». Глава города (он же – председатель городской думы) осуществляет руководство муниципалитетом; все хозяйственные вопросы и стратегия социально-экономического развития будет возложена на сити-менеджера (мэра города). Была создана комиссия под председательством губернатора области Олега Кувшинникова по проведению конкурса на замещение должности мэра Череповца. Документы на конкурс подали два кандидата – и.о. мэра Елена Авдеева и бывший военком Леонид Нестерчук. Оба соискателя представили комиссии и приглашенным экспертам программы развития Череповца на пять лет.

14 сентября 2017 года новым мэром назначена Е.О. Авдеева

По итогам выступлений и обсуждения программ развития члены конкурсной комиссии приняли решение направить в Гордуму рекомендацию о назначении на должность мэра Елены Осиповны Авдеевой.

На первом заседании городской думы, 14 сентября, из своего состава депутаты выбрали главу города – Маргариту Павловну Гусеву. На пост мэра по результатам конкурса назначена Елена Осиповна Авдеева.

– Моей главной задачей будет продолжение экономической политики, которую осуществляли мои предшественники. Стратегическая цель до 2022 года остается неизменной. Главное – это уйти от модели моногорода. Череповец должен стать благополучным, экономически развитым городом. И потому в основе моей работы будут направления: развитие человеческого потенциала, территорий, экономики, – отметила Елена Авдеева в своем выступлении.

ПОСЛАНИЕ В БУДУЩЕЕ

29 октября 2017 года, в день 99-летия ВЛКСМ, у памятника металлургам собралось много людей. Пришли череповчане самого разного возраста: ветераны комсомола, школьники, молодые семьи. Начался митинг, где прозвучало письмо из далекого 1967 года…

Со словами приветствия к участникам митинга обратилась глава города Маргарита Павловна Гусева

Ветеран комсомола
Евгений Матвеев –
один из участников закладки
в 1967 году капсулы
к молодым череповчанам

В руках Анатолия Ольнова
факел эстафеты трудовых дел, который побывал
на многих комсомольских стройках страны

Полвека назад, 25 июня 1967 года, в День Советской молодежи, Череповецкий горком комсомола, который возглавлял Валентин Беляев, дал старт трудовой эстафете под девизом «Наши трудовые победы – юбилею революции». Свои успехи и достижения комсомольские организации металлургического завода, стройки, судоремонтно-судостроительного и метизного заводов, ощеобразовательных школ и техникумов записывали в альбом-рапорт. Доменщики комсомольско-молодежной печи № 3 доложили о том, что они дали более 28 тысяч тонн сверхпланового чугуна вместо 8 тысяч по первоначальным обязательствам, коллективы мартеновских печей – что свои обязательства перекрыли в 4 раза. В тот юбилейный год 800 молодых металлургов внесли свыше 1200 рационализаторских предложений.

Строители доложили, что комсомольско-молодежная бригада Владимира Куликова из управления «Доменстрой» выступила с ценной инициативой – выполнять восьмичасовое задание за семь часов, а восьмой – «череповецкий» – час отрабатывать сверх плана. Этот почин нашел широкое распространение не только в городе, но и в области. Доменстроевцы на закладке пня самой мощной в мире четвертой доменной печи в рекордно короткий срок – 43 часа – уложили 4300 кубометров бетона.

Выступление депутата Законодательного собрания Вологодской области Георгия Шевцова

Отвезти альбом-рапорт в Москву, в Центральный Комитет ВЛКСМ, было поручено Владимиру Горяинову, бригадиру комсомольско-молодежной бригады электромонтажного управления «Севзапэлектромонтаж».

За успешное выполнение социалистических обязательств в честь 50-летия Октябрьской революции и достойный вклад в развитие отечественной индустрии коллектив треста ЧМС был занесен в Летопись славных трудовых дел Ленинского комсомола, а комсомольской организации металлургического завода присуждено Памятное Знамя ЦК ВЛКСМ, оно осталось в коллективе на вечное хранение как символ трудовой доблести и славы.

О своих успехах комсомолия Череповца решила рассказать тем, кто будет жить в 2017 году. И составили послание, в котором говорилось о трудовых успехах тогдашних комсомольцев. Авторы обещали и впредь еще старательнее трудиться на благо Родины. И, конечно, дали наказ потомкам:

«Мы обращаемся к вам, молодые череповчане 2017 года, юбилейного года Великого Октября. Наши дела – это лицо нашего поколения. Мы возвели город на Шексне, дали жизнь мощным мартенам, прокатным станам, крупнейшему в мире Волго-Балтийскому водному пути. Мы сегодня строим коммунизм, вам – жить при коммунизме. Вам – штурмовать высоты наук, через разделяющие нас полстолетия они станут движущей силой общества.

Наш наказ вашему поколению таков: будьте преданными идеям коммунизма, бесстрашными в борьбе за счастье людей труда. Пусть будет священна любовь к родной земле, политой кровью и потом старших поколений, которые украсили и прославили ее своим вдохновенным трудом».

Послание было заложено в канун 50-летнего юбилея Октября, 6 ноября 1967 года, на месте, где сейчас стоит памятник череповецким металлургам.

– Может быть, текст послания покажется не очень складным, слишком пафосным, но мы тогда не могли представить, какой будет страна сегодня, – говорил, выступая на митинге, Георгий Шевцов, депутат Законодательного собрания области, почетный гражданин Череповца, а когда-то – секретарь горкома ВЛКСМ. – В одной из песен о комсомоле есть такие слова: «Комсомол не просто возраст, комсомол – моя судьба». И действительно, комсомол стал судьбой очень многих, и мы гордимся этой судьбой. У нас было одно желание – сделать страну сильной, мощной, счастливой; сделать счастливым будущее наших детей и внуков. Вспомним и то безвременье, когда было модно поносить нашу историю, – но и тогда ни у кого не поднималась рука бросить камень в комсомол.

Да, комсомол был школой жизни для многих поколений советских людей. Комсомольская организация внесла огромный вклад в героическую историю нашей годины, объединила моло-

Валентин Беляев и Анастасия Караиван с письмом к молодежи 2067 года

дежь, небезразличную к судьбе страны, учила работать, верить, мечтать. И в мирное время, и в годы лихолетий комсомольцы первыми шли в бой, на целину, на стройки, в космос и вели за собой молодежь.

Начальник комсомольского штаба двух Всесоюзных ударных комсомольских строек – ЧМЗ и химзавода – Анатолий Ольнов, один из участников закладки капсулы с письмом, передал председателю городского координационного совета по делам детей и молодежи Анастасии Караиван факел, побывавший на многих ударных комсомольских стройках страны – как символ эстафеты трудовых дел. Интересно, что «факел эстафеты трудовых дел комсомола стройки» выполнен по его чертежу. (до того, как стать начальником комсомольского прожектора, Ольнов работал конструктором)

От имени нынешней молодежи Анастасия Караиван зачитала послание к молодежи 2017 года, где есть такие слова: «Мы те, кто слышал рассказы ветеранов вживую, кто помогал им и оберегал. События великой войны остаются далеко позади. Мы передаем вам историю и верим, что пройдут годы, но вы сохраните неизменной память о героических подвигах. Уважая наше прошлое, вы построите свое будущее».

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Г. Акиньхов. Вологда прифронтовая. Хроника, 1990

Н. Амосов. Голоса времен, 1999

Л. Афетов. Исторический очерк бывшего Череповского монастыря и его земельных владений, 2010

Г. Байдуков. Чкалов, 1977

А. Бланк, А. Катаников. Череповец. Историко-экономический очерк, 1967

И. Ваганов. Судьба командарма Белова, ж. «Над Шексной», 2014, Вып. 2

Г. Виноградов. История Череповецкого края, 1925

Выдающиеся вологжане (ред. Г.В. Судаков), 2005

Города под водой: путешествие по затопленным берегам Верхней Волги (автор-составитель В. Ерохин), 2013

Губернский город Череповец (1918 – 1927). Материалы научно-практической конференции, 2005

Даниэль Бон «Преступление без наказания», «Звезда», 1995, № 2, Русское зарубежье

А. Дубовицкий. Живая жизнь стройки, 1998

Записки княгини Дашковой, 1991

Имена вологжан в науке и технике, (Сост. П. Перепеченко), 1968

В. Конасов, А. Кузьминых. 1937: региональный аспект. «Российская история», 2009, № 1

В. Кошелев. Константин Батюшков. Странствия и страсти, 1985

Л. Лозинская. Во главе двух академий, 1979

М. Мальцев. Череповецкий край и его святыни, 2007

В. Минин. Усадьба «Сойвола»: поэтическая колыбель Игоря Северянина, 2002

В. Михеев, П. Костин, А. Бахарев. Череповец – блокадному Ленинграду, 2004

В. Михельсон, М. Ялыгин. Воздушный мост, 1982

Николай Верещагин. На благо России, (ред. С. Громов), 2009

Э. Риммер, М. Бородулин. Город и река, 2006

Э. Риммер, М. Бородулин. Прогулки по Воскресенскому проспекту, 2009

Рожденные Вологодчиной. Энциклопедический словарь биографий вологжан (сост. М. Суров), 2005

П. Павловцев. Полвека назад, 1968

А. Петухов. Генерал Кутепов. Гибель старой гвардии, 2014

Первое марта 1883 года: Казнь императора Александра II. Документы и воспоминания (Сост. В. Кельнер), 1991

Последний красный директор (Сост. А. Кувшинников, Б. Челноков, ред. Н. Кузьминская), 2017

Северсталь. История и современность. Сборник материалов научно-практической конференции, посвященной 100-летию С.И. Резникова (ред. Б. Челноков), 2002

Л. Славолюбова. Бег огня, 1975

Труд, равный подвигу. К 25-летию треста «Череповецметаллургстрой» (ред. В. Малков), 1974

Украшая землю родную. Антология «Строители Вологодчины. XX век». (Ред. Г. Сазонов), 2002

Д. Фурманов. Мятеж, 1980

Б. Челноков. Архивы раскрывают тайны, 1992

Б. Челноков. Так начиналась «Северсталь», 1999

Б. Челноков. Так закалялась «Северсталь», 2002

Б. Челноков. Северная сталь, 2004

Б. Челноков. Две жизни академика Бардина, 2014

Череповец: история, современность, взгляд в будущее (составитель и редактор Б. Челноков), 2012

Череповец. История и современность (ред. Б. Челноков), 2015

Череповец. Краеведческий альманах. т. I – 1996; т. II – 1999; т. III – 2002

Череповец и война. (Сост. В. Михеев, В. Адрианов), 2004

Е. Шалашов. Очерки по истории Череповецкого Воскресенского собора, 2007

Н. Шварев. Охота за генералами, ж. «Родина», № 3, 2006

М. Шойфет. Сто великих врачей, 2006

Н. Якубович. Чкалов. Взлет и падение великого пилота, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

Как село Федосьево городом стало 7
Опальная фаворитка Екатерины Великой 17
Череповецкие ратники в войне 1812 года 21
Пенаты Константина Батюшкова 24
Как «белохребтные» черепане стали «американцами» 30
Достойный книги Гиннесса 34
Цареубийца из Череповца 41
Странная медаль 51
Последний бой художника-баталиста 52
Дедушка вологодского масла 60
Череповец в окопах Первой мировой… 66
Октябрьский переворот по-череповецки 70
Жизнь за царя 77
Губернский град Череповец 87
Шекснинский мятеж 99
Доктор русской истории 107
Как мы ленинградцами были 110
Тридцатые, расстрельные… 116
Загадочное исчезновение генерала Кутепова 122
Трагическая судьба командарма Белова 128
«Сталинский сокол» Валерий Чкалов 134
Проект «Большая Волга»: триумф или трагедия? 143
Поэтическая колыбель Игоря Северянина 154
«Стальной броней опоясшем СССР!» 160
«С компривет, Кузякин…» 170
Череповец прифронтовой 181
Доктор сердечных наук 195
«За этой стройкой следит вождь и учитель…» 202
Череповецкий след академика Бардина 211
Как черепане реабилитировали академика Бардина 223
Второе рождение Череповца 236
Возрождение череповецких святынь 250
Главный строитель индустриального Череповца 255
Семь директоров «Северстали» 264
Короткая жизнь СашБаша 289
Последняя домна Советского Союза 296
Череповец против СССР 301
Лихие 90-е… 314
Череповец: XXI век 326
Послание в будущее 344

ЧЕРЕПОВЕЦ ОТ ЕКАТЕРИНЫ ДО НАШИХ ДНЕЙ:
исторические миниатюры, история в лицах.

Автор проекта и составитель Б.В. Челноков;
Череповец, 2018. – 352 с., илл

Рецензенты:

Афанасьев Дмитрий Владимирович,
ректор ЧГУ, кандидат социологических наук

Чернов Александр Валентинович,
доктор филологических наук, профессор ЧГУ

Егоров Андрей Николаевич,
доктор исторических наук, профессор ЧГУ

Корректор:

Фамилия Имя Отчество

Подписано в печать 11 января 2018 г.
Формат 140х203/32. Печать офсетная. Тираж 0 000 экз.
Отпечатано в типографии

Использованы фотографии из архивов Череповецкого музейного объединения, музея трудовой славы «Северстали», музея стройки, газет «Череповецкий металлург», «Речь», «Голос Череповца»

352